

HYPOTHEKAI

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ
АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

Hypothekai

JOURNAL ON THE HISTORY OF
ANCIENT PEDAGOGICAL CULTURE

ISSUE 3
EDUCATION
IN LATE ANTIQUITY

2019

Hypothekai

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 3
ОБРАЗОВАНИЕ
В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

2019

Hypothekai
JOURNAL ON THE HISTORY
OF ANCIENT PEDAGOGICAL CULTURE
ISSUE 3 (2019)

EDITOR IN CHIEF

Viktoria K. PICHUGINA, Dr.Sc. (Education) (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Andrej Yu. MOZHAJSKY, Cand.Sc. (History) (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Lyudmila N. AKSENOVSKAYA, Dr.Sc. (Psychology), (Saratov, Russia); Nina A. ALMAZOVA, Cand.Sc. (Art History), (Saint Petersburg, Russia); Anna S. AFONASINA, Cand.Sc. (Philosophy), (Novosibirsk, Russia); Vitaly G. BEZROGOV, Dr.Sc. (Education), (Moscow, Russia); Alexander G. BERMUS, Dr.Sc. (Education), (Rostov-on-Don, Russia); Emiliano METTINI (Moscow, Russia); Maya S. PETROVA, Dr.Sc. (History), (Moscow, Russia); Brett M. ROGERS, PhD (Tacoma, USA); Valeriy N. VDOVIN, Cand.Sc. (Politics), (Almaty, Kazakhstan); Michail A. VEDESHKIN, Cand.Sc. (History), (Moscow, Russia); Yana A. VOLKOVA, Dr.Sc. (Philology), (Moscow, Russia); Maria A. POLYAKOVA, Cand.Sc. (Education), (Moscow, Russia); Alexander A. SANZHENAKOV, Cand.Sc. (Philosophy), (Novosibirsk, Russia); Anna S. STEPANOVA, Dr.Sc. (Philosophy), (Saint Petersburg, Russia); Ravilya I. ZIANSHINA (Moscow, Russia).

Issue editor: Michail A. VEDESHKIN

Executive Secretary of the Issue: Nadezhda P. VOLKOVA

Published from 2017

The journal registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) (registration certificate No. 77–71738 of November 30, 2017)

Frequency: 1 time per year

Founder: Viktoria K. PICHUGINA

All materials are peer reviewed

Editorial address: Makarenko St. 5/16, Moscow, 105062, Russia

Tel.: + 7 9177257626

e-mail: Pichugina_V@mail.ru

website: www.hypothekai.ru

Indexed by Directory of Research Journals Indexing (from 2017 г.), **CyberLeninka** (from 2018 г.), **Crossref** (from 2018 г.), **Scilit** (from 2018 г.), **Russian Index of Scientific Quotation** (from 2018 г.), **Directory of Open Access Journals** (from 2019 г.), **AWOL — The Ancient World Online** (from 2019 г.), **Miar** (from 2019 г.).

Hypothekai
ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ
АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ВЫПУСК 3 (2019)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.п.н., проф. РАО В.К. Пичугина (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

к.и.н. А.Ю. Можайский (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.псих.наук, проф. Л.Н. АКСЕНОВСКАЯ (Саратов, Россия);
канд. искусствоведения, доц. Н.А. АЛМАЗОВА (Санкт-Петербург, Россия);
к.филос.наук А.С. АФОНАСИНА (Новосибирск, Россия); д.п.н., доц.
В.Г. БЕЗРОГОВ (Москва, Россия); д.п.н., проф. А.Г. БЕРМУС (Ростов-на-Дону,
Россия); к.политич.н. В.Н. ВДОВИН (Алматы, Казахстан); к.и.н., доц.
М.А. ВЕДЕШКИН (Москва, Россия); д.филол.н., доц. Я.А. ВОЛКОВА (Москва,
Россия); Р.И. ЗИАНИНА (Москва, Россия); Эмилиано МЕТТИНИ (Москва,
Россия); д.и.н., доц. М.С. ПЕТРОВА (Москва, Россия); к.п.н. М.А. ПОЛЯКОВА
(Москва, Россия); PhD, Associate Professor Брэтт М. РОДЖЕРС (Такома, США);
к.филос.н. А.А. САНЖЕНАКОВ (Новосибирск, Россия); д.филос.наук, доц.
А.С. СТЕПАНОВА (Санкт-Петербург, Россия)

Редактор выпуска: М.А. ВЕДЕШКИН

Ответственный секретарь выпуска: Н.П. ВОЛКОВА

Выходит с 2017 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–71738 от 30 ноября 2017 г.)

Периодичность: 1 раз в год

Публикуемые материалы
рецензируются

Учредитель: В.К. Пичугина
Адрес редакции: Россия, 125062,
Москва, ул. Макаренко 5/16

Тел. + 7 9177257626
е-mail: Pichugina_V@mail.ru
сайт: www.hypothekai.ru

Издание индексируется в *Directory of Research Journals Indexing* (с 2017 г.),
КиберЛенинке (с 2018 г.), *Crossref* (с 2018 г.), *Scilit* (с 2018 г.), *РИНЦ* (с 2018 г.),
Directory of Open Access Journals (с 2019 г.), *AWOL — The Ancient World Online*
(с 2019 г.), *Miar* (с 2019 г.).

УДК 37.01
ББК 74/03 (2)
Х 99

Гипотеза. Журнал по истории античной педагогической культуры / В.К. Пичугина (Ред.) — М.: Аквилон, 2019. Вып. 3. Образование в Поздней Античности — 352 с.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ВЫПУСКА

Т.Л. АЛЕКСАНДРОВА, В.Г. БЕЗРОГОВ, Н.Н. БОЛГОВ, А.М. БОЛГОВА
М.А. ВЕДЕШКИН, Н.П. ВОЛКОВА, Е.С. ЗАЙЦЕВА, А.В. КАРГАЛЬЦЕВ
И.А. МИРОЛЮБОВ, А.Ю. МОЖАЙСКИЙ, М.С. ПЕТРОВА
В.К. ПИЧУГИНА, Эдвард Уотс

Гипотеза. Journal on the History of Ancient Pedagogical Culture / Viktoria K. PICHUGINA (Ed.) — Moscow: Aquilo Press, 2019. Issue 3. Education in Late Antiquity — 352 p.

TEAM OF CONTRIBUTORS

Tatyana L. ALEKSANDROVA, Vitaly G. BEZROGOV, Nikolay N. BOLGOV
Anna M. BOLGOVA, Michael A. VEDESHKIN, Nadezhda P. VOLKOVA
Evgenia S. ZAITSEVA, Alexey V. KARGALTSEV, Ivan A. MIROLYUBOV
Andrej Yu. MOZHAJSKY, Maya S. PETROVA
Viktoria K. PICHUGINA, Edward WATTS

ISSN 2587–7127

А К В И Л О Н
AQUILO PRESS

© В.К. ПИЧУГИНА, ред., 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Издательство «Аквилон», 2019

© Viktoria K. PICHUGINA, ed., 2019
© Contributors, 2019
© Aquilo Press, 2019

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается*

All rights reserved

*No part of the published material may be reproduced in any form or by any means, electronic or
mechanical, including photocopying and recording, or by any information storage and retrieval
system, without permission in writing from the Publisher*

ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

(ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА)

Настоящий выпуск журнала продолжает серию ежегодных тематически подобранных материалов по истории античной педагогической культуры. Как и предыдущий, он объединяет научные статьи и переводы зарубежных научных работ по теме. Такая структура позволяет представить читателю широкий спектр мнений, принадлежащих представителям различных научных школ и направлений, а также инициировать междисциплинарное поле для научных дискуссий.

Тема выпуска — *образование в Поздней Античности*. Период Поздней Античности — время стремительной трансформации институтов классической древности, появления новых и развития старых культурно-интеллектуальных и религиозных традиций. Образование в Поздней Античности было сферой, которую в разные периоды и с разной степенью успешности контролировали язычники и христиане. Особенности их отношений определяли особенности пространства образования и знания, существенно отличавшихся в каждом городе. Языческая философия образования в Поздней Античности существовала, во многом, благодаря способности наставников / учителей приспосабливаться к окружающему религиозному климату. Христианское отношение к языческому образованию существенно менялось в моменты религиозных конфликтов и в случаях, когда некоторые языческие учителя становились слишком откровенными в своих учениях.

Несмотря на множество драматических событий, которые сотрясали римский мир в Поздней Античности, в империи продолжало высоко цениться традиционное образование — но лишь до тех пор, пока оно активно не противопоставлялось региональным христианским нормам. В эпоху заката Римской империи античное об-

разование переживает свой последний расцвет, ознаменовавшийся деятельностью таких выдающихся наставников как Либаний и Хорикий, Марий Викторин и Фемистий, Авзоний и Гимерий, функционированием столь значимых образовательных центров как Афинская, Александрийская, Газская, Бурдигальская, Беритская и другие школы. Изучению широкого спектра факторов, обеспечивших развитие интеллектуально-культурной и образовательной традиций, а также исследованию взаимодействия старых и новых элементов образовательной жизни Средиземноморского мира III–VII вв. посвящен данный выпуск «*Nyrotheka*».

По вопросам предоставления материалов и уточнения тем последующих выпусков, а также для высказывания замечаний, пожеланий и комментариев просим обращаться к главному редактору по следующему электронному адресу: Pichugina_V@mail.ru — Пичугина Виктория Константиновна. Я очень благодарна заместителю главного редактора А.Ю. Можайскому, выпускающему редактору М.А. Ведешкину и замечательному многогранному исследователю, доктору исторических наук, главному научному сотруднику Института всеобщей истории Российской академии наук М.С. Петровой за помощь в издании этого выпуска.

В.К. Пичугина

EDUCATION IN LATE ANTIQUITY

(PREFACE)

This issue of the journal continues a series of annual thematically selected materials on the history of ancient pedagogical culture. Like the previous one, this issue combines scientific articles and translations of foreign scientific works on the topic. This will provide the reader with a wide range of opinions belonging to representatives of various research schools and areas, as well as initiate an interdisciplinary field for scientific discussions.

The theme of the issue is “*Education in Late Antiquity*”. The period of Late Antiquity was a time of rapid transformation of all spheres of social life, the emergence of new and the development of old cultural

and religious traditions. Education in Late Antiquity was a sphere that was controlled both by pagans and Christians at different periods and with different degrees of success. The specifics of their relations determined the specifics of the space of education and knowledge, which differed significantly from city to city. The pagan philosophy of education in Late Antiquity existed largely due to the ability of mentors / teachers to adapt to the surrounding religious climate. The Christian attitude to pagan education changed significantly during religious conflicts and when some pagan teachers became too free-spoken in their teachings.

Despite numerous dramatic events that shook the Roman world in Late Antiquity, traditional education continued to be highly valued in the Empire — but only as long as it was not actively opposed to regional Christian norms. In the era of the decline of the Roman Empire, the traditions of ancient education experienced their final rise, marked by the activities of such outstanding mentors as Libanius and Choricus, Marius Victorinus and Themistius, Ausonius Hymerius, as well as the functioning of such important educational centers as the schools in Athens, Alexandria, Gaza, Burdigala, Beritus, and others. We dedicate the third issue of “Hypothekai” to the studies of a wide range of factors that provided for these socio-cultural and educational traditions and the study of the interaction between the old and new elements of the educational life in the 3d-7th centuries’ Mediterranean world.

To submit materials and check the themes of the next issues, as well as to make remarks, suggestions and comments, please contact the Editor-in-Chief at the following e-mail address: Pichugina_V@mail.ru — Victoria Pichugina. I express gratitude to the Deputy Editor-in-Chief A.Yu. Mozhaevsky, the Issue Editor M.A.Vedeshkin and the remarkable multifaceted researcher, Doctor of Historical Sciences, Chief Research Fellow of the Institute of General History at the Russian Academy of Science M.S. Petrova for her invaluable help in producing this issue.

V.K. Pichugina

BILDUNG IN DER SPÄTANTIKE

(VORWORT DER CHEFREDAKTEURIN)

In dieser Lieferung der Zeitschrift wird die Reihenfolge jährlicher thematischer Materialien zur Geschichte der alten pädagogischen Kultur fortgesetzt. Wie auch die vorhergehende Lieferung enthält sie originale Forschungen und Übersetzungen fremdsprachiger wissenschaftlicher Schriften. Diese Struktur ermöglicht dem Leser eine breite Palette an Meinungen von Vertretern verschiedener wissenschaftlicher Schulen und Richtungen sowie ein interdisziplinäres Feld für wissenschaftliche Diskussionen zu schaffen.

Das Thema der Lieferung heißt *Bildung in der Spätantike*. Die Spätantike ist eine Zeit rascher Transformation von Institutionen der klassischen Antike, eine Zeit der Entstehung von neuen und der Entwicklung von alten kulturellen, intellektuellen und religiösen Traditionen. Bildung war in der Spätantike ein Bereich, welcher zu verschiedenen Zeiten und mit unterschiedlichem Erfolg von Heiden und Christen kontrolliert wurde. Die Spezifik ihrer Beziehungen bedingte im Wesentlichen die Besonderheiten des Bildungs- und Wissensraums in jeder Stadt. Die heidnische Bildungsphilosophie der Spätantike existierte vor allem dank der Fähigkeit von Mentoren / Lehrern, sich an das umgebende religiöse Klima anzupassen. Die christliche Einstellung zur heidnischen Bildung änderte sich prinzipiell während religiöser Konflikte und im Fall, wenn heidnische Lehrer ihre Ansichten zu unvorsichtig äußerten.

Trotz vielen dramatischen Ereignissen, die die römische Welt in der Spätantike erschütterten, wurde die traditionelle Bildung im Reich weiterhin hoch geschätzt, allerdings nur solange sie sich nicht aktiv gegen regionale christliche Normen richtete. Zur Zeit des Niedergangs des Römischen Reiches erlebte die antike Bildung ihre letzte Blütezeit, geprägt von den Aktivitäten herausragender Mentoren wie Libanios und Chorkios, Marius Victorinus und Themistios, Ausonius und Himerios, sowie von der Tätigkeit solcher Bildungszentren wie die Schulen in Athen, Alexandria, Gasa, Burdigala, Beirut und anderen Städten. Dem Studium dieser reichen Palette von Faktoren, die die Entwicklung intellektueller, kultureller und pädagogischer Traditionen sicherstellten, sowie dem Forschen des Zusammenspiels alter und neuer Elemente des

Bildungslebens der mediterranen Welt im III–VII. Jahrhundert ist diese Lieferung der «Hypothekai» gewidmet.

Mit allen Fragen nach der Bereitstellung von Materialien, Vorbereitung weiterer Bände sowie mit Bemerkungen, Kommentaren und Vorschlägen wenden Sie sich bitte an die Chefredakteurin Victoria K. Pichugina, E-Mail-Adresse: Pichugina_V@mail.ru. Für die Hilfe bei der Gestaltung dieser Lieferung bin ich sehr dankbar dem stellvertretenden Chefredakteur A.Yu. Mozhaisky, der Schlussredakteurin M.A. Vedeshkin und der hervorragenden vielseitigen Forscherin Doktorin der Geschichtswissenschaften, Chefforscherin des Instituts für Allgemeine Geschichte der Russischen Akademie der Wissenschaften M.S. Petrowa.

V.K. Pichugina

EDUCAZIONE NELLA TARDA ANTICHITÀ

(INTODUZIONE DEL REDATTORE)

Il presente numero della rivista contiuna la serie dei materiali di storia della cultura della pedagogia antica che vengono scelti annualmente. Il presente numero, così come il precedente, riunisce articoli scientifici e traduzioni di lavori scientifici esteri relativi a questo tema. Questa struttura permette di presentare al lettore un ampio spettro di opinioni dei rappresentanti appartenenti a diverse scuole e indirizzi scientifici e, altresì, permette di aprire un campo interdisciplinare di discussioni scientifiche.

Il tema del numero è *l'educazione nlla tarda Antichità*. Il periodo della tarda Antichità è contrassegnato dalle travolgenti trasformazioni degli istituti dell'antichità classica, dalla comparsa di nuove tradizioni culturali, intellettuali e religiose e lo sviluppo di quelle già presenti. L'educazione nella tarda Antichità era una sfera che in diversi periodi e con alterne fortune hanno controllato pagani e cristiani. La particolarità dei loro atteggiamenti hanno definito le particolarità dell'ambito dell'educazione e della conoscenza che erano nettamente e concretamente differenti in ogni città. La filosofia pagana nella tarda Antichità esisteva, perlopiù, grazie alle abilità dei maestri e dei precettori di adattarsi al clima religioso circostante. L'atteggiamento cristiano nei confronti dell'educazione pagana è cambiato in maniera

cardinale al tempo dei conflitti religiosi e in quei casi quando alcuni maestri pagani professavano troppo apertamente le proprie idee.

Nonostante i molteplici eventi drammatici che hanno scosso il mondo romano nella tarda Antichità, nell'impero si continuava a tenere in gran pregio l'educazione tradizionale, ma solo fino a quando non entrava in aperto conflitto con le norme cristiane regionali. All'epoca del tramonto dell'Impero romano, l'educazione antica vive la sua ultima rinascita, segnata dall'attività di famosi educatori come Libanio e Chorikios, Mario Vittorino e Temistio, Ausonio e Imerio, dall'attività di famosissimi centri educativi come le scuole di Atene, Alessandria, Gaza, Burdigala, Beirut ed altre. Dedichiamo questo numero di "Hypothekai" allo studio di un vasto spettro di fattori che hanno garantito tale fenomeno socio-culturale e l'interazione di vecchi e nuovi elementi della vita educativa del mondo mediterraneo nel III–VII ss.

Per le questioni relative alla presentazione di materiali, precisazione dei temi dei prossimi numeri, osservazioni, suggerimenti e commenti vi preghiamo di rivolgervi al redattore capo al seguente indirizzo di posta elettronica: Pichugina_V@mail.ru — Pichugina Viktoria Konstantinovna. Sono molto grata al vice redattore capo A. Ju. Mozhajskij e al redattore esecutivo M.A. Vedeshkin e al grandissimo e poliedrico ricercatore, dottore di scienze storiche e ricercatore senior dell'istituto di storia mondiale dell'Accademia russa delle Scienze M.S. Petrova per l'aiuto nella formattazione di questo numero.

V.K. Pichugina

ПОТЕРЯННОЕ ЗВЕНО «ЗОЛОТОЙ ЦЕПИ»

ЭДЕСИЙ И ПЕРГАМСКАЯ ШКОЛА НЕОПЛАТОНИЗМА*

М.А. ВЕДЕШКИН

Настоящая статья посвящена изучению различных аспектов деятельности пергамской школы неоплатонизма и ее основных представителей. Ее автором предпринимается реконструкция биографии схоларха Эдесия; подвергается критике версия о его смерти (до 355 г.) и приводятся аргументы в пользу того, что схоларх умер не ранее 358 г. На основании анализа свидетельств Юлиана Отступника, Евнапия Сардского и последующей комментаторской традиции реконструируется философский куррикулум школы и показывается, что куррикулум и круг чтений учеников училища Эдесия почти ничем не отличался от куррикула прочих неоплатонических школ. Критикуется сложившееся в отечественной и зарубежной историографии, мнение о «мистико-религиозном» характере образования в пергамской школе; оспаривается распространенная в литературе теория об особой роли в жизни школы женщины-философа и пророчицы Сосипатры. Отмечается, что теургические практики не играли столь заметной роли в жизни школы Эдесия. Выдвигается предположение о том, что из-за опасности репрессий со стороны христианских властей, Эдесий мог отойти от традиционной для предшествующих поколений философов практики активного участия в общественно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта (№ 19-013-00004) «Эволюция пространства образования и пространства знания в Поздней Античности».

политической жизни и полностью посвятить себя преподавательской деятельности. Рассматриваются судьбы выпускников школы (Максима Эфесского, Приска Эпирского Хризанфия Сардского); показана гипотетическая возможность наследия поста Эдесия Евсевием Миндским.

Неоплатоники V–VI вв. полагали, что все истинные «блюстители любомудрия», следившие за тем, чтобы «прямой и незапятнанной оставалась преемственность платоновского учения» (*Marin. V. Procl. 10*), связаны духовной преемственностью, передававшейся от учителя к ученику. В трудах Марина и Исидора эта связь именуется золотой или гермесовой цепью «Солонова рода»¹. Страсть последователей Аммония Сакасса к «школьной» генеалогии переняли и современные историки философии. Большинство исследователей выстраивают прямую преемственность между основными неоплатоническими школами и их главными представителями: римская (Плотин, Порфирий) — сирийская (Ямвлих) — пергамская (Эдесий) — афинская (Плутарх, Прокл, Дамаский) — александрийская (Аммоний Гермий, Олимпиодор Младший).

В то время как двум первым и двум последним школам посвящены десятки монографий и сотни статей, изучение деятельности пергамской школы до сих пор остается сугубо периферийным направлением научного поиска исследователей истории античной философской и педагогической традиции². Причина подобного невнимания кроется, по-видимому, в том, что тексты, написанные выпускниками училища Эдесия за редким исключением не сохрани-

¹ *Marin. V. Procl. 26; 28; Dam. V. Isid. 68E*. Схожие мысли о преемственности всех философов высказывал также Гиерокл Александрийский, который писал о связи вообще всех философов от «Орфея и Гомера» до своих современников (*Phot. Cod. 214. 172a.1-9; 173a. 34ff.*); см. также: *Urbano* (2013). P. 296-298.

² Пергамская школа обычно рассматривается едва ли не исключительно в контексте изучения биографии ее самого знаменитого выпускника — императора Юлиана Отступника; сочинений историка Евнапия Сардского, а также исследований, посвященных теургии.

лись³, а также в несколько пренебрежительном отношении ученых к самим философам-неоплатоникам пергамской школы, за которыми прочно закрепился ярлык мистиков⁴. Целью настоящей статьи является освещение деятельности школы и ее основных представителей.

Основным источником сведений о деятельности школы является труд Евнапия Сардского «Жизнь философов и софистов»⁵. В этом, написанном в последние годы IV в. сочинении, Евнапий вывел галерею литературных портретов представителей интеллектуальной элиты уходящего столетия. К описанию выпускников пергамской школы Евнапий подходил с особым тщанием — автор был родичем и воспитанником одного из первых учеников Эдесия Хризанфия. Историку был лично знаком и Максим Эфесский. Общение со старшими товарищами дало Евнапию возможность из первых уст узнать историю школы. Несмотря на широкую осведомленность сардского историка, его повествование страдает откровенной тенденциозностью и однобокостью. Для Евнапия характерно не критичное восприятие школьного фольклора, а также непомерное прославление своих учителей, стремление изобразить их божественными сверхлюдьми, что подчас низводит его биографические очерки до уровня агиографии⁶.

Вторым по значению источником для характеристики школы Эдесия являются сочинения императора Флавия Клавдия Юлиана, более известного как Юлиан Отступник. В период своей второй ссылки в Малую Азию будущий август учился у самого Эдесия, а затем у старших воспитанников его школы, некоторые из которых впоследствии стали его ближайшими сподвижниками. Труды императора, в особенности его переписка и философские трактаты, позволяют отчасти восстановить куррикулум школы, определить от-

³ До нас дошли лишь сочинения Юлиана Отступника, которого едва ли можно считать оригинальным философом. Возможно, выписки из произведений Евсевия Миндского передал в своей антологии Иоанн Стобей.

⁴ *Praechter* (1910). P. 155.

⁵ Пагинация приводится по изданию Вестермана; цитаты, кроме случаев, оговоренных особо, даны в переводе Е.В. Дарк и М.Л. Хорькова.

⁶ О труде Евнапия в целом, см. *Penella* (1990). О «Жизни философов и софистов» как об агиографическом тексте, см. *Cox Miller* (2000). P. 209-254. О методе и источниках Евнапия, см. *Watts* (2005). P. 334-361.

ношение ее учеников к различным течениям в позднеантичной философской традиции⁷.

Отдельные сведения (прежде всего биографического и хронологического характера) можно почерпнуть из исторического труда Аммиана Марцеллина, писем и речей антиохийского ритора Либания, а также сочинений константинопольского философа Фемистия.

«Божественный» Эдесий. Страницы биографии

Основатель пергамской школы Эдесий происходил из родовой каппадокийской фамилии, по всей видимости, куриального звания. Его биограф Евнапий сообщал, что семья была небогата (*Eunap. V. Soph. 461*). Впрочем, сведения о скромном состоянии родителей Эдесия можно списать на риторический троп. Авторы IV–V вв. имели обыкновение противопоставлять благородную бедность представителей именитых аристократических семей кричащему богатству новой знати⁸.

Мы можем строить лишь смутные догадки о времени рождения Эдесия. Единственным указанием на его возраст является сообщение Евнапия о том, что к тому времени, как Эдесий начал обучать будущего императора Юлиана (т.е. к концу 340-х гг.), философ уже был человеком преклонных лет (*ibid. 474*). Косвенным указанием на время рождения Эдесия могут являться сведения о его обуче-

⁷ Нумерация писем по изданию Райта, в скобках приведена нумерация по изданию Фурмана.

⁸ См. *Ведешкин* (2018). С. 178-179; 190. Данные о том, что отец Эдесия мог позволить себе отправить сына учиться в Афины (*Eunap. V. Soph. 461*), говорят о том, что его семья имела весьма и весьма значительные средства. Так, отец Августина Гиппонского — куриал средней руки Патрикий был вынужден долго копить средства, чтобы позволить своему сыну закончить обучение в сравнительно близком Карфагене (*Aug. Conf. II.3.5*). При этом, скопленных Патрикием денег, судя по всему, не хватило — поехать в Карфаген Августину помог его богатый сосед Романиан (*Aug. С. Acad. II.2*). Сравнительная состоятельность семьи Эдесия также подтверждается обмолвкой Евнапия о том, что, покинув родной край, будущий глава школы возложил заботу об имущественных делах на своего родича Евстафия (*ibid. 465*) — в случае, если бы Эдесий едва сводил концы с концами, подобная рачительность была бы явно излишней. О социальных корнях видных философов IV–V вв., см. также *Fowden* (1982). Р. 48-50.

нии у Ямвлиха Халкидского. По данным «Жизни философов и софистов», Эдесий отправился в школу сирийского мудреца, когда ее слава уже гремела по восточным провинциям империи. Согласно расчетам Дж. Диллона, находившаяся в Апамее или, возможно, в пригороде Антиохии Дафне, школа Ямвлиха открылась ок. 300 г.⁹. Из сообщения Иоанна Малалы, писавшего в VI в., следует, что школа достигла своего расцвета в правление императора Максенция Галерия (sic!) под которым хронист, очевидно, подразумевал Галерия Аргентария (305–311 г.) или же Максимиана Дазу (305–313 гг.) (*Malal.* XII. 312.47)¹⁰. То есть, обучение Эдесия у Ямвлиха, скорее всего, началось в первое — начало второго десятилетия IV в. Из сообщения Евнапия, упоминавшего, что Эдесий отправился к Ямвлиху через некоторое время после своего возвращения из Афин, «превзойдя всех наиболее знаменитых мужей, в том числе и тех, у кого учился и своим опытом стяжав значительную мудрость» (*Eunap.* V. Soph. 461), следует, что каппадокиец стал обучаться у сирийского схоласта будучи уже взрослым человеком, по меньшей мере 25–30 лет. Таким образом, время рождения нашего философа, скорее всего, приходится на последнюю четверть III столетия.

Евнапий не уточнял, сколько лет продолжалось обучение Эдесия. Скорее всего, его ученичество продлилось многие годы. В неоплатонических школах было заведено, что имевшие склонность к преподаванию ученики школы проходили расширенный курс¹¹ с последующим переходом наиболее способных из них в ранг

⁹ Дж. Диллон и Дж. Вандерспоел не придавали веса свидетельству столь позднего автора как Иоанн Малала (*Malal.* XII. 312.47), о том, что Ямвлих учил в Дафне, предпочитая ему данные Либания, который был младшим современником сирийского философа (*Lib.* Ep. 1389F; Or. 18.187; 51.21). См. *Dillon* (1987). P. 869-871; *Vanderspoel* (1988). Тем не менее, впоследствии Вандерспоел изменил свои взгляды и признавал, что Ямвлих вполне мог преподавать в Дафне до 311 г. и лишь потом переместиться в Апамею. См. *Vanderspoel* (1999). P. 445.

¹⁰ См. *Vanderspoel* (1988). P. 84-85.

¹¹ К примеру, находившийся при наставнике на протяжении двадцати четырех лет ученик Плотина Амелий Апамейский (*Porph.* V. Plot. 3), первые восемнадцать лет своего ученичества вообще не осмеливался писать оригинальные произведения и лишь конспектировал лекции своего настав-

ассистентов схоларха¹². Судя по всему, Эдесий находился при своем наставнике вплоть до его смерти около 320–325 г.¹³

Ямвлих, по-видимому, надеялся, что его преемником станет Сопатр Апамейский¹⁴, однако тот предпочел педагогической деятельности карьеру при дворе¹⁵. В итоге, наследником сирийского неоплатоника стал Эдесий, получивший и «школу и учеников» своего наставника (*Eunap. V. Soph. 461*). Свидетельств о деятельности Эдесия в роли главы сирийской школы не сохранилось, однако мы знаем, что основанное Ямвлихом философское училище было закрыто при самых драматических обстоятельствах в последние годы правления Константина. Как уже было сказано выше, однокашник Эдесия Сопатр стал видным придворным. Император Константин жаловал его своей милостью, ввел его в число членов консистории (*Eunap. V. Soph. 462–463*) и даже прибегал к его услугам при проведении ритуала освящения новой столицы — Константинополя (*John. Lyd. De mensibus, 4.2*). Где-то между 330 и 337 г. Сопатр был казнен по обвинению в колдовстве в результате интриг префекта Аблабия¹⁶. Судя по всему, стоившее жизни Сопатру «колдовство», было ничем иным, как одной из теургических практик, считавшихся естественным элементом куррикулума школы Ямвлиха¹⁷. Поняв,

ника (*ibid. 4*). Другие примеры, см. в *Smith* (1995). Р. 34.

¹² О младших преподавателях позднеантичных школ (ἐταῖροι), см. *Watts* (2006). Р. 52-53.

¹³ О времени смерти Ямвлиха, см. *Barnes* (1978). Р. 99-106.

¹⁴ Евнапий говорил о Сопатре, как о самом одаренном из учеников Ямвлиха (*Eunap. V. Soph. 462*).

¹⁵ Сардский историк говорил, что Сопатр уехал ко двору только после смерти своего учителя, однако данные Псевдо-Юлиана позволяют утверждать, что апамейский философ был весьма активен еще и при дворе Лициния в 10-х – начале 20-х гг. IV в. См. *Barnes* (1978). Р. 105-106; *Barnes* (1981). Р. 68.

¹⁶ Событие это произошло между упоминаемым Иоанном Лидом участием Сопатра в ритуальном освящении Константинополя (*John. Lyd. De mensibus, 4.2*) в 330 г. и смертью Константина I в 337 г. Подробнее о Сопатре, см. в *Olszaniec* (2005). Р. 107-122.

¹⁷ Об отношении Ямвлиха к теургии, см. *Shaw* (1967); *Athanassiadi* (1993). Р. 115-130.

что в случае продолжения педагогических традиций школы своего учителя, он может разделить судьбу своего соученика, Эдесий попытался порвать с преподавательской карьерой. Он удалился в некое поместье, «посвятив себя выпасу овец и быков» (*Eunap. V. Soph.* 465). Как сообщал Евнапий, позднее Эдесий вернулся к преподаванию, поддавшись на уговоры просителей. Время, проведенное философом в занятиях сельским хозяйством, в источниках не обозначено, но скорее всего, добровольное изгнание Эдесия продлилось вплоть до кончины Константина в мае 337 г. или, возможно, до гибели всесильного царедворца Аблабия годом позже¹⁸.

Свою преподавательскую деятельность Эдесий перенес в провинцию Азия. Его новым домом стал Пергам, все еще остававшийся крупным религиозным и культурным центром эллинского мира. Кроме того, среди родственников философа было немало представителей местной знати, на поддержку и протекцию которых он мог рассчитывать, открывая новую школу¹⁹. В качестве указания на время открытия Эдесием своего училища можно рассматривать данные о жизни Хризанфия Садского, который был одним из первых учеников этой школы. Хризанфий умер в 397–398 г.²⁰ в возрасте 80 лет (*Eunap. V. Soph.* 505), следовательно, время его рождения приходилось на 317–318 г. Евнапий упоминал, что к моменту нача-

¹⁸ Об обстоятельствах убийства Аблабия, см. подробнее: *Burgess* (2008). Р. 5-51; *Григорюк* (2012). С. 155-166.

¹⁹ Родичем Эдесия был Максим Эфесский (*Eunap. V. Soph.* 469), который «происходил из знатного рода и владел внушительным состоянием» (*ibid.* 473), а представительница еще одной богатой и знатной местной фамилии Сосипатра была его свояченицей (*Ibid.* 466-467; 470).

²⁰ Евсевий пишет, что смерть его учителя наступила через год после того как «многочисленные великие беды, обрушивались на людей и весь мир, повергая души в ужас» (*Eunap. V. Soph.* 504). Под «великими бедами» историк подразумевал нашествие на Грецию готов Алариха в 396–397 гг. Действующие совместно с христианскими монахами, варвары разграбили и уничтожили множество языческих храмов, в том числе и знаменитое святилище Деметры в Элевсине, после чего местные мистерии уже не возобновлялись (*Eunap. V. Soph.* 476; 482). Разорение Эллады и разрушение древних храмов язычники Восточной Римской империи воспринимали как трагедию вселенского масштаба. См., напр., *Zos.* V.5.

ла обучения в Пергаме Хризанфий был еще молодым человеком. В IV в. юноша обычно приступал к изучению философии лишь после завершения курса обучения в риторической школе, которую большинство юношей оканчивали к 20 годам²¹. Двадцатилетнего возраста Хризанфий достиг в конце 30-х гг. Тогда же, по-видимому, начались и его занятия с Эдесием.

Молва о том, что наследник Ямвлиха открыл новое училище, быстро распространилась по восточным провинциям империи и вскоре к Эдесию устремились молодые люди, желавшие приобщиться к философии. «Азия встретила его с распростертыми объятиями...» и «слава его достигла звезд» (*Eunap. V. Soph.* 465). Среди воспитанников школы были как юноши из знатных асийских семей, а так и молодые люди из Лидии, Карики, Вифинии и даже далекого Эпира. В числе старших и наиболее талантливых учеников Эдесия Евнапий упоминал Максима Эфесского, Приска Эпирского, а также Хризанфия Сардского и Евсевия Минского. Самым известным из слушателей Эдесия, несомненно, был будущий император Юлиан, который учился в пергамской школе между 349 и 351 г.²² (*Eunap. V. Soph.* 474–475). В то время как Максим и Приск уехали от своего учителя уже к концу 40-х гг., Хризанфий и Евсевий остались в Пергаме и, судя по всему, взяли на себя часть обязанностей по ведению занятий²³. Вероятно, в одном из них схолярх видел своего потенциального преемника. Эдесий возглавлял школу вплоть до своей смерти.

Согласно предположению Дж. Диллона, преемником Эдесия был его родич Евстафий²⁴. Эта гипотеза основана на неправильной датировке времени смерти схолярха и не выдерживает критики. Ис-

²¹ К примеру, сам Евнапий поступил в школу афинского ритора Проклеса в пятнадцатилетнем возрасте и обучался в ней пять лет. См. *Banchich* (1987). P. 164. О возрасте, в котором юноши обычно занимались у ритора, см. *Watts* (2012). P. 469–470.

²² Об обучении Юлиана в городах Малой Азии, см. *Bowersock* (1978). P. 27–30; *Elm* (2012). P. 90–91. Предложенная П. Афанассиади хронология (351–354 гг.), (*Athanassiadi* (1992). P. 30) противоречит данным Либания и по-видимому, не верна.

²³ См. *Watts* (2006). P. 52–53.

²⁴ *Dillon* (1973). P. 14; *Dillon* (1987). P. 871.

ходя из сообщения Евнапия о том, что Эдесия уже не было в живых к моменту принятия Юлианом титула цезаря (конец 355 г.) (*Eunap.* V. Soph. 476), исследователи традиционно считают, что Эдесий умер до конца 355 г.²⁵ Однако более пристальный анализ данных сардского историка (который нередко допускал ошибки в хронологии даже современных ему событий²⁶) позволяет скорректировать эти выводы. Известно, что Евстафий побывал в Персии в составе римского посольства к шахиншаху Шапуру II (*Eunap.* V. Soph. 466; *Amm.* XVII.5.15). Благодаря сообщению Аммиана Марцеллина о том, что консулами во время римско-персидских переговоров были Датиан и Цереалий (*Amm.* XVII.5.1), мы можем установить, что поездка Евстафия в Персию состоялась в 358 г.²⁷ Известно, что после

²⁵ См. например *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* (1971). P. 15 (PLRE I: Aedesius 2); *Fowden* (1982). P. 42; *Penella* (1990). P. 64.

²⁶ Примером вопиющей неаккуратности Евнапия является его неспособность отличить военные кампании Шапура I от походов его правнука Шапура II (*Eunap.* V. Soph. 465).

²⁷ Тем же годом можно датировать письмо к Евстафию его молодого земляка Василия Кесарийского, написанное в Александрии приблизительно в том же году (*Bas. Caes.* Ep. 1). Исследователи истории Церкви обычно называют адресата послания Василия к «Евстафию Философу» епископом Евстафием Севастийским. См. *Gribomont* (1959). P. 115-124; *Rousseau* (1998). P. 73-76; подробнее, см. *Elm* (1996). P. 60-61, примеч. 3. Вместе с тем, в своем письме Василий упоминает о том, что его корреспондент поехал «к персам». У нас нет никаких сведений о том, что епископ Евстафий когда-либо посещал пределы персидской державы, в то время как участие философа Евстафия в посольстве 358 г. несомненно. Следовательно, Василий переписывался именно с родичем Эдесия. Судя по всему, Евстафий также был адресатом одного из писем Либания (*Lib.* Ep. 150B), которое традиционно датируется 360 / 361 г. (см. *Bradbury* [2003]. P. 187). Тем не менее, в самом письме антиохийского софиста не представлено никаких сведений, позволяющих хотя бы приблизительно определить время его написания. В корпусе сочинений Юлиана Отступника также сохранились два послания некому «Евстафию Философу» (43[20]; 44[21]) и один ответ «Евстафия» императору (83[22]). Судя по тону писем Юлиана, который не стеснялся говорить в них о своей приверженности древним богам, они были написаны не ранее 361 г. (вплоть до января того года император продолжал носить личину христианина [см. *Amm.* XXI.2.3] и не открывался даже в

кончины философа Евстафия, Эдесий некоторое время опекал его вдову Сосипатру, а также занимался воспитанием их сыновей (*Eunap.* V. Soph. 469). Таким образом, мы знаем, что Евстафий умер не ранее 358 г. и, следовательно, та же дата может считаться *terminus post quem* для определения времени смерти Эдесия.

Несмотря на то, что замечания Евнапия о том, что Эдесий скончался до принятия Юлианом титула цезаря, по всей видимости, ошибочны, можно с уверенностью утверждать, что глава пергамской школы не дожил до начала единоличного правления своего ученика. После утверждения на константинопольском престоле император призвал к себе многих учителей, однокашников и друзей²⁸. Однако ни в трудах самого августина, ни в сочинениях иных авторов нет ни единого свидетельства о том, что Эдесий посещал своего царственного ученика или был приглашен ко двору. Представляется совершенно невозможным, что Отступник мог обойти вниманием наставника, которому ранее выказывал восхищение и слал «дары, достойные императора» (*Eunap.* V. Soph. 474). Очевидно, к концу 361 г. философ был уже мертв. Таким образом, смерть Эдесия наступила между 358 и 361 гг.

Философский куррикулум школы

Рассказывая о занятиях своего наставника Хризанфия с Эдесием, Евнапий Сардский сообщал:

Он весьма основательно занимался учениями Платона и Аристотеля, был знаком со всяким видом философии и глубоко на-

переписке со своими ближайшими сторонниками и единомышленниками. См. *Jul.* Ep. 1[7]; 2[6]; 5[5]); исключением является лишь его в высшей степени двусмысленное послание к личному врачу, и по совместительству лучшему другу и confidentу Орибасию (*Jul.* Ep. 4[8]). Большинство исследователей полагает, что адресат Юлиана тождествен родственнику Эдесия (см., например, *Smith* [1995]. P. 47-48; *Hahn* [2011]. P. 110-111). Однако, так как философ Евстафий Каппадокийский умер раньше Эдесия, а сам Эдесий не дожил до установления единовластного правления своего ученика в конце 361 г. (см. ниже), эту гипотезу следует отвергнуть. Таким образом, либо корреспондентом Юлиана был какой-то другой Евстафий, либо упоминание о нем в заглавии письма является псевдоэпиграфом.

²⁸ См. *Hahn* (2011). P. 110-112.

читан. Он укрепил себя в науке красноречия и благодаря постоянным упражнениям смог рассуждать о вопросах риторики... Тогда он обратился к познанию божественного и той мудрости, о которой размышлял Пифагор и его последователи, Архит Древний, Аполлоний Тианский и поклонявшиеся ему... (*Eunap. V. Soph. 500*).

Это краткое сообщение Евнапия в сочетании с сохранившимися данными об учебном процессе в других позднеантичных философских училищах, позволяет нам попытаться реконструировать куррикулум пергамской школы.

В IV–VI вв. изучение философии обычно начиналась со штудирования пролегомен — вводных текстов, позволявших ученикам получить самое общее представление об учении той или иной философской школы²⁹. Далее следовало чтение собственно трудов великих философов древности (прежде всего, Платона и Аристотеля), сопровождавшееся разбором комментаторской традиции³⁰. Вероятно, обучение в пергамской школе начиналось с чтения посвященных логике и физике текстов Аристотеля, считавшихся необходимым вступлением к философии Платона³¹.

Согласно концепции Ямвлиха, платонизм был прямым продолжением учения Пифагора — «божественного» основателя эллинской философии, а все положения Аристотеля, не согласовавшиеся с трудами пифагорейцев (например, Архита Таренского), представлялись заведомо неверными и происходившими от недостатка понимания³². Судя по всему, продолжая линию Ямвлиха Халкидского, неоплатоники пергамской школы стремились гармонизировать идеи Аристотеля и Платона³³. Юлиан позднее упоминал, что «предположения Аристотеля несовершенны, когда они не приведены в согласие с положениями Платона» (*Jul. Or. V.162b*). Вероятно,

²⁹ См. подробнее *Mansfeld* (1994). Так, до непосредственного знакомства с оригинальными текстами Аристотеля ученики Эдесия, скорее всего, разбирали «Введение» Порфирия. Из письма Юлиана к Приску известно, что император был хорошо знаком с этой работой (*Jul. Ep. 2[6]*).

³⁰ *Watts* (2012). P. 470.

³¹ *Dillon* (1987). P. 872.

³² *Hadot* (2015), P. 68ff.

³³ См. *Smith* (1995). P. 38; *Hadot* (2015). P. 65–73.

читавшийся в пергамской школе курс Аристотеля был выхолощен от всех положений, противоречащих Платону в его неоплатонической рецепции.

Тем не менее, было бы неверно считать, что ученики Эдесия получали лишь поверхностное представление о перипатетической традиции. О внимании, которое уделялось в школе изучению Аристотеля и гармонизации его мыслей с концепциями Платона, мы можем судить из сохранившихся свидетельств о комментаторской деятельности учеников пергамского философа. Так исследованием наследия Стагирита занимался Приск Эпирский. Его трудами по Аристотелю восторгался Юлиан Отступник, отмечавший, что после чтения работ Приска (*Jul. Ep.* 2[6]), он стал не «тирсоносцем», но «вакхантом» Аристотелева учения (*Ibid.*), то есть, из ученика превратился в посвященного³⁴. Еще одним комментатором Аристотеля из пергамской школы был Максим Эфесский. Согласно данным Симпликия, Максим был автором комментариев на трактаты «Категории» (*Simp. In Cat.* I.13–16) и «О небе» (*Simp. In Arist. Phys.* 4. p. 592.6–10). По свидетельству Аммония и Давида Анахта, Максим также был активным участником полемики о силлогизмах. Продолжая традиции Теофраста, Боэта, Порфирия и Ямвлиха, Максим называл совершенными и не нуждающимися ни в чем постороннем все терминологически обоснованные силлогизмы. Тезисы Максима подверглись критике Фемистия, защищавшего аристотелевскую концепцию силлогизмов, согласно которой, совершенными являлись лишь силлогизмы, построенные по первому типу³⁵. В начале

³⁴ О прекрасном знании Приском текстов Аристотеля упоминал в своей переписке и Либаний. См. *Lib. Ep.* 947F.

³⁵ Памятником данной полемики является адресованное Юлиану сочинение Фемистия «Против Максима и Боэта», сохранившееся в арабском переводе. Франц. пер. данного сочинения см. в *Badawī 'Abd al-Rahmān*. (1987). P. 166-180. О споре см. подробнее *Barnes* (2014). P. 175-198. Дж. Вандерспоел, опираясь на данные такого позднего источника как Свиды (*Sud. Mu.* 174), высказывал предположение, что споривший с Фемистием Максим — это не Максим Эфесский, а Максим Византийский. См. *Vanderspoel* (1987). P. 71-74. Эта гипотеза опровергается гораздо более ранним текстом «Толкования на Аналитику» Давида Аннахта, сохранившемся в армянском переводе. В нем споривший с Фемистием Максим на-

362 г.³⁶ спор двух философов был вынесен на суд их царственного ученика Юлиана, который присудил победу Максиму (*Ammon. In. An. Pr. 31.11-12*³⁷; *Dav. Inv. In An. 11*)³⁸.

Мы можем лишь догадываться о том, какие из текстов Платона разбирались в аудиториях пергамской школы. Скорее всего, ученики Эдесия штудировали так называемый «Канон Ямвлиха» — двенадцать основных платоновских диалогов, составляющих два цикла (в первый цикл входили «Алкивиад I» (введение в философию), Горгий, Федон (основной трактат по этике); Кратил, Теэтет (логика), Софист, Политик (физика), Федр, Пир (теология), Филеб; во второй, высший цикл — Тимей (физика); Парменид (теология), а также «Государство» и «Законы»³⁹. Некоторый свет на спектр читавшихся воспитанниками Эдесия произведений великого философа, может пролить анализ текстов Юлиана Отступника. Среди упоминаемых Юлианом философов и писателей, Платон стоит на втором месте, уступая лишь Гомеру. Согласно проведенному Ф. Шварцу анализу текстов императора, Юлиану были известны почти все основные работы Платона. Всего император называл или цитировал пятнадцать сочинений афинского философа: «Алкивиад I», «Хармид», «Критий», «Послезаконие», «Горгий», «Законы», «Ме-

зван «Максимом Урхийским, учеником Ямвлиха» (*Dav. Inv. In An. 11*). В Поздней Античности и Средневековье армяне называли сирийскую Эдессу Урхой. Очевидно, переводчик Давида Анахта с греческого на армянский принял имя учителя Максима — Эдесия за название города Эдессы, после чего Максим Эфесский превратился в Максима Урхийского. В оригинальном тексте Давида, Максим, по-видимому, именовался Максимом, учеником Эдесия, ученика Ямвлиха, что подтверждает и традиционную идентификацию участников спора, и интерес пергамской школы к Аристотелю.

³⁶ Если спор не проходил заочно, то первые месяцы 362 г. года — единственное возможное время для данного диспута. Именно в это время Юлиан, Фемистий и Максим находились в Константинополе.

³⁷ *Sorabji* (2012). P. 259.

³⁸ Вероятно, именно этот спор побудил Юлиана написать сочинение «О трех типах» (*Sud. Iota. 437*) — единственная из его работ, полностью посвященная вопросам перипатетической традиции.

³⁹ См. *Layne* (2017). P. 543.

нексен», «Федон», «Федр», «Филеб», «Протагор», «Государство», «Софист», «Тимей», а также письма⁴⁰. К сожалению, данные источников не позволяют однозначно ответить на вопрос, какие из них будущий император разбирал на занятиях с Эдесием и прочими учителями пергамской школы — Юлиан мог познакомиться с этими текстами и во время обучения у константинопольского философа Фемистия⁴¹ или же прочитать их самостоятельно. Из последующей философской традиции слушатели пергамской школы вероятно читали комментарии Ямвлиха на различные трактаты Платона и Аристотеля⁴².

Завершалось обучение изучением наследия пифагорейцев, среди которых Евнапий отмечал самого Пифагора, Архита Тарентского и Аполлония Тианского (*Eunap.* V. Soph. 500). О той высокой роли, которая отводилась Пифагору и пифагорейцам в «золотой цепи», свидетельствует постоянное обращение неоплатоников III–IV в. к биографии самосского мудреца, считавшегося одним из зачинателей эллинской философской традиции и примером идеального философа⁴³. Впрочем, за аутентичные тексты Пифагора и его последователей неоплатоники принимали намеренно архаизированные сочинения неопифагорейцев.

Говоря о том, что ученики Эдесия изучали «мудрость Пифагора», Евнапий, скорее всего, подразумевал, что воспитанники пер-

⁴⁰ Schwarz (1892). P. 642-643. См. также Bouffartigue (1992). Ch. VIII.

⁴¹ Следует отметить, что факт обучения Юлиана у Фемистия признается не всеми исследователями. Несмотря на то, что в письме к Фемистию император прямо упоминал о своем ученичестве у константинопольского философа (*Jul. Ep. ad Them.* 257; 259), ряд авторов продолжает отрицать ценность данного свидетельства. См. напр. Prato, Fomaro (1984). P. 47; Bouffartigue (1992), P. 299-300. Большинство исследователей признает, что Юлиан все же брал уроки у Фемистия. См. Daly (1980). P. 2-3; Bradbury (1987). P. 236; Brauch (1993). P. 79-115; Vanderspoel (1995). P. 118; Smith (1995). P. 27; Henck (2001). 175; Heather, Moncur (2001). P. 139; Ведешкин (2017). С. 20-28. О времени знакомства Юлиана с Фемистием см.: Vanderspoel (1995). P. 118.

⁴² О ямвлиховых комментариях на Платона, см. Dillon (1987). P. 872.

⁴³ Об отношении неоплатоников к Пифагору и пифагорейству, см. O'Meara (1989).

гамской школы разбирали так называемые «Золотые стихи» — написанную гекзаметром поэму, в которой речь шла о путях очищения и спасения души от мучений. Согласно рассказу Филострата, это произведение полулегендарный чудотворец I в. Аполлоний Тианский «нашел» в Лебадейской пещере (*Philostr.* V. Apoll. VIII.19). В Поздней Античности авторство этого текста традиционно приписывалось самосскому философу. Начиная с III в. «Стихи» были одним из основных источников сведений об учении Пифагора. Комментарии на этот текст писал Ямвлих, а после него Гieroкл Александрийский и Прокл Диадох⁴⁴.

Едва ли имела какое-то отношение к жившему в V–IV вв. до н.э. математику и упоминаемая Евнапием «мудрость Архита». Имевшие хождение в неоплатонических школах трактаты, подписанные этим именем, были псевдоэпиграфами I в. до н.э. Тем не менее, большинство философов III–VI вв. считали их оригинальными произведениями Архита Тарента, который почитался непосредственным предшественником Платона и носителем «божественного» пифагорейского знания⁴⁵.

В целом, корпус текстов, которые разбирались в школе Эдесия, скорее всего, не сильно отличался от куррикулума прочих неоплатонических школ IV–VI вв.

Пергамская школа и теургия

Исследователи часто говорят об особом мистико-религиозном характере обучения в школе Эдесия, который якобы проявлялся в пристрастии его учеников к теургическим практикам⁴⁶. Под теургией неоплатоники понимали мистическую практику, с помощью которой, исполняя особые ритуальные действия, философ-теург мог возвыситься до «божественного статуса». «Открытие» теургии традиционно приписывалось некому халдейскому жрецу Юлиану, ко-

⁴⁴ См. *Thom* (1995). P. 17-26.

⁴⁵ Скорее всего, они были написаны неопифагорейцами I в. до н.э. См. *Hadot* (2015). P. 43-44.

⁴⁶ Например, К. Прехтер именовал пергамскую школу представителем религиозно-теургического направления неоплатонизма. См. *Praechter* (1910). P. 155. Из последних работ, см., напр., *Fowden* (1997). P. 543-544; *Cameron* (1997). P. 680.

торый записал якобы «божественные» откровения, полученные его сыном и тезкой во второй половине II в. н.э. Впоследствии произведение двух Юлианов стали известны под названием «Халдейские оракулы». Несмотря на то, что некоторые неоплатоники настороженно относились к этому произведению⁴⁷, Ямвлих почитал «Халдейские оракулы» источником высшей мудрости⁴⁸. Поколения философов-неоплатоников, пришедшие на смену Ямвлиху, так и не смогли выработать единого отношения к этому учению. Некоторые считали теургию самой основой философии⁴⁹, другие ее избегали⁵⁰. В целом, включение этого элемента образовательной практики в kurikulum неоплатонических школ в значительной степени зависело от религиозности (и осторожности) того или иного схолаха — христианские императоры IV–VI вв. неоднократно запрещали теургические практики (равно как и иные формы языческого богопочитания)⁵¹.

Зачастую исследователи причисляли пергамских платоников к мистико-религиозному течению в неоплатонизме, лишь на том основании, что схолах школы был учеником одного из самых последовательных апологетов теургии⁵². Однако, сам факт обучения Эдесия у Ямвлиха не может являться доказательством его склонности к этой практике — среди выпускников сирийской школы были как сторонники, так и неприятели теургии. Так, восторгов своего наставника по поводу «Халдейских оракулов», судя по всему, не разделял Феодор Асинский⁵³. Еще один безымянный выпускник си-

⁴⁷ Об отношении Порфирия к Халдейским оракулам, см. напр., *Johnson* (2013). P. 268-270; *Tanaseanu-Döbler* (2013). P. 56-94.

⁴⁸ См. *Tanaseanu-Döbler* (2013). P. 95-135.

⁴⁹ Напр., Прокл. См. *Watts* (2006). P. 102-103.

⁵⁰ Напр., Гипатия. См. *Dzielska* (1995). P. 90; *Watts* (2006). P. 200-202; *Watts* (2017). P. 54.

⁵¹ Обзор эволюции правового статуса языческих культов в IV–VI вв., см. в. *Ведешкин* (2016). С. 749-791.

⁵² См., напр., *Fowden* (1997). P. 543-544; *Cameron* (1997). P. 680.

⁵³ *Sorabji* (2012). P. 25; *Goulet* (2012). P. 42-43; *Athanassiadi* (2002). P. 271-291. Вероятно, именно неприятие Феодором этого элемента наследия Ямвлиха вызвала яростную критику императором Юлианом самого асинского философа и его школы. См. *Jul.* Ep. 2(6).

рийской школы, «философ из Сикиона», который отказался от «новой песни» «человека из Халкиды (т.е. Ямвлиха)» ради «древней песни Академии и Ликея» упоминался константинопольским философом Фемистием (Them. Or. XXIII.295)⁵⁴. Таким образом, факт обучения Эдесия у Ямвлиха сам по себе не может являться доказательством приверженности схолаха пергамской школы теургическим практикам.

Несмотря на то, что Эдесий с удовольствием пересказывал своим воспитанникам истории о чудесах, которые якобы творил Ямвлих, сам глава пергамской школы волхованиями и мантикой не увлекался и, по свидетельству Евнапия, «хранил полное молчание, о том, что касается мистериального» (*Eunap. V. Soph. 461*). Его биограф объяснял подобную сдержанность тем, что во времена Константина распространяться на подобные темы было небезопасно (*ibid.*). Видимо, Эдесий хорошо помнил о судьбе своего друга Сопатра и старался лишний раз не оскорблять религиозных чувств христианских правителей⁵⁵. Впрочем, возможно и другое объяснение — теургия, как таковая, могла быть не интересна схолаху.

Еще одним распространенным в литературе доказательством мистической направленности школы Эдесия является указание на деятельность его учеников Хризанфия⁵⁶ и особенно Максима Эфесского. Современники рассказывали о том, что Максим был теургом, «отвергавшим любые логические исследования чудесного» (*Eunap.*

⁵⁴ Об идентификации этого ученика Ямвлиха, см. *Penella* (1999). P. 122, примеч. 25. Скорее всего, им был упомянутый Евнапием Евфразий. См. *Fowden* (1982). P. 44, примеч. 92.

⁵⁵ В источниках сохранилось немало свидетельств, доказывающих факт отправление языческих ритуалов в 30–50-е гг. IV в. При этом многие языческие авторы сообщали о том, что совершать традиционные церемонии в честь отеческих богов было потенциально небезопасно. См. *Lib. Or. I.27*; *Ep. 1351F (104N)*; *Eunap. V. Soph. 491*. О положении язычников и языческих культов в правление Константина и его сыновей, см. *Ведешкин* (2016). С. 749–760.

⁵⁶ Согласно данным Евнапия Хризанфий занимался мантикой и был искусным гарусником (*Eunap. V. Soph. 474; 476–477; 478; 501; 503*), однако к теургии подобные гадания не имели непосредственного отношения.

V. Soph. 475), мистагогом⁵⁷ и чудотворцем, занимавшимся, толкованием оракулов (Ibid. 480; Theod. HE. III.28) и отведением приворотов (*Eunap.* V. Soph. 469-470). В повествовании Евнапия сохранилось красочное описание теургического действия, организованного эфесским философом:

Недавно он (Максим) созвал нас в храме Гекаты и явил там много свидетельств своего дарования. Когда мы вошли в храм и поклонились богине, Максим произнес: «Садитесь, мои возлюбленные друзья, смотрите, что будет, и вы увидите, насколько я превосхожу остальных». После того, как Максим сказал это, и мы сели, он возжег крупичу ладана и стал читать про себя какой-то гимн. Его действия оказались настолько успешными, что статуя богини сперва начала улыбаться, а затем, казалось, и засмеялась. Мы все были испуганы этим зрелищем, но Максим сказал: «Пусть никто из вас не испытывает страха от этого явления, потому что вслед за ним зажгутся светильники, которые богиня несет в своих руках». Максим еще не кончил говорить, когда светильники и в самом деле вспыхнули светом (Ibid. V. Soph. 476).

Впрочем, рассказы о занятиях некоторых воспитанников Эдесия теургией, не могут служить доказательством, что интерес к «исследованию божественного» разделяли все выпускники пергамской школы. Согласно данным Евнапия, один из учеников Эдесия — Ев-

⁵⁷ Например, Максим посвятил в мистерии Митры будущего императора Юлиана и некоего Феодора, который впоследствии занял пост одного из верховных жрецов в «языческой Церкви» Отступника. См. *Jul.* Ep. 20(44); именно занятия с Максимом сыграли решающее значение для философского и религиозного становления императора. Благодаря общению с ним Юлиан окончательно порвал с христианством и обратился к почитанию древних богов. Переписка Юлиана с Максимом свидетельствует о величайшем почтении, которое испытывал император к своему бывшему учителю. Он воспринимал философа как духовного отца (См. *Jul.* Ep. 13[8]; [12]; [59]), а после вступления на престол окружил его высочайшими (а по мнению ряда современников даже чрезмерными) почестями. О влиянии Максима на Юлиана и его положении при дворе Отступника см. *Eunap.* V. Soph. 476-478; *Amm.* XXII.7.3; XXIX.1.42; *Soc.* III.1; *Soz.* V.2; *Lib.* Or. XII.34; XIII.12; XIV.32; XVIII. 155-156.

севий Миндский — презрительно относился к теургии и, по-видимому, недолюбливал Максима. Занимаясь с юным Юлианом, Евсевий неустанно объяснял своему ученику, что «предмет его диалектических рассуждений и есть истинно сущее, тогда как волшебство и магия, обманывающие чувства, иногда являются занятиями вдохновенных чудотворцев, а иногда сводятся лишь к тренировке некоторых материальных способностей⁵⁸» (*Eunap. V. Soph.* 474). Примечательно, что в отличие от Максима, который после обучения у Эдесия уехал в Эфес, Евсевий впоследствии удостоился чести стать ассистентом схоларха.

Кроме того, у нас есть основания полагать, что к теургии был равнодушен и Приск Эпирский. Намек на это содержится в сочинении Евнапия, который отмечал, что Приск вводил некие «новшества», то есть не придерживался в полной степени учения Ямвлиха (*Eunap. V. Soph.* 482)⁵⁹. В письме к Приску Юлиан увещевал своего корреспондента поменьше общаться с последователями Феодора Асийского (*Jul. Ep.* 2[6])⁶⁰, из чего можно сделать вывод, что эпирский философ поддерживал контакты с последователями этого «еретика» от философии. К тому же, в этом послании Юлиан просил Приска прислать ему текст ямвлиховых комментариев на «Халдейские оракулы» и рекомендовал своему другу попросить копию этого сочинения у одного из родственников. Как отмечал А. Кэмерон, отсутствие у Приска важнейшего для теургов IV в. произведения наводит на мысль о том, что сам Приск не сильно интересовался этим аспектом учения Ямвлиха⁶¹.

С чем связаны столь явные расхождения выпускников пергамской школы по отношению к теургическим практикам? Проще всего объяснить этот феномен исключительно их личными пристрастиями. Возможно, Эдесий (если его хотя бы немного занимала теургия) просто не осмеливался открыть мистический элемент уче-

⁵⁸ То есть являются фокусами и шарлатанством.

⁵⁹ О различных вариантах прочтения этого письма, см. *Goulet* (2012). P. 41-42, примеч. 53.

⁶⁰ См. *Fowden* (1982). P. 44; *Penella* (1990). P. 66-67.

⁶¹ *Cameron* (1967). P. 151-152. См. также *Bouffartigue* (1992). P. 357-359.

ния Ямвлиха тем из своих воспитанников, с которыми не был связан узами кровного родства⁶². С другой стороны, обучение теургии могло и вовсе не входить в учебный план пергамской школы. Из этой гипотезы логично вытекает вопрос об источниках знания Максима и Хризанфия о «божественном». В своих комментариях на «Первую Аналитику» Аристотеля Аммоний Гермий отмечал, что Максим Эфесский учился у выпускника школы Ямвлиха Гиерия (*Ammon. In. An. Pr. 31.11–12*⁶³). Этот Гиерий также упоминался Либанием в речи «За Аристофана». Антиохийский софист описывает Гиерия, как человека, которого император был бы рад видеть при дворе: «Но Гиерия и его брата, если бы они были живы, разве бы ты не держал при себе?» (*Lib. Or. XIV.32*)⁶⁴. Либаний не мог не знать о симпатиях Юлиана к адептам теургического неоплатонизма. Тот факт, что он включал Гиерия в число философов, которые были милы сердцу императора, скорее всего, свидетельствует, что тот разделял страсть Максима и его ученика Юлиана к исследованию «божественного». Таким образом, нельзя исключать, что увлечение Максима теургией является не результатом обучения у Эдесия, а продуктом занятий с Гиерием. Что же до Хризанфия, то тот вполне мог получить соответствующие наставления уже из рук своего старшего товарища по пергамской школе.

Оканчивая разговор о теургах пергамской школы, следует осветить еще одну заметную личность — вдову Евстафия Сосипатру, о которой Эдесий заботился после смерти ее мужа. Составленная Евнапием биография Сосипатры представляет собой примечательный пример языческой агиографии. Согласно рассказу историка, родившаяся в семье богатого и знатного эфесянина Сосипатра с пятилетнего возраста воспитывалась то ли халдейскими мудрецами, то ли «благими демонами», принявшими облик престарелых батраков. Этими старцами Сосипатра была посвящена в тайны халдейской мудрости, в результате чего стала пророчицей, способной прозревать настоящее и будущее, а также необычайно талантливым философом (несмотря на то, что она не получила никакого формального

⁶² О родственных отношениях Эдесия и Максима, см. *выше*.

⁶³ *Sorabji* (2012). P. 259.

⁶⁴ Здесь и далее текст Либания цитируется в переводе С. Шестакова.

образования) (*Eunap.* V. Soph. 466–469). Поселившись после смерти мужа в одном из своих поместий возле Пергама, Сосипатра начала вести занятия по философии с учениками Эдесия и вскоре стала коллегой-«соперницей» старого схоларха (*Ibid.* 469).

Опираясь на сведения Евнапия, исследователи (в особенности специалисты по гендерной истории) зачастую представляли Сосипатру как фигуру, задававшую тон преподавания в школе. Именно этой даме приписывается роль главного специалиста по теургии, ответственного за наставление учеников Эдесия в тайнах божественной мудрости⁶⁵. Эти построения, по меньшей мере, спорны. Роль Сосипатры в формировании куррикулума школы Эдесия не могла быть существенной, уже по причинам хронологического свойства. Как мы отмечали выше, переезд Сосипатры в Пергам состоялся лишь после смерти ее мужа (то есть не ранее 358 г.), следовательно, совместная деятельность Сосипатры и Эдесия продлилась не дольше трех лет. Таким образом, участие Сосипатры в жизни школы началось слишком поздно, чтобы как-то повлиять на старших учеников или всерьез изменить сложившиеся педагогические традиции училища. К тому же, проводимые Сосипатрой философские встречи явно не были частью курса стандартного куррикулума школы. На это обстоятельство нам указывает тот факт, что проводились они не в училище Эдесия, а в поместье Сосипатры (*Eunap.* V. Soph. 469–470).

Кроме того, как это ни удивительно, у нас нет свидетельств о том, что сама Сосипатра когда-либо практиковала теургию. В своем повествовании Евнапий четырежды описывает проявление сверхъестественных способностей Сосипатры. В первый раз она рассказывала своему отцу о случившихся с ним происшествиях, свидетелем которых она сама не была (*Ibid.* 468), второй раз — предсказывает будущее своему жениху Евстафию (*Ibid.* 469), в третий раз — в точности сообщает Максиму о ритуалах, которые он провел для того, чтобы снять с нее приворот, в четвертый — информирует собравшихся у нее гостей об угрозе, которой в тот самый момент подвергся ее родич Филометор (*Eunap.* V. Soph. 471). В своем знаменитом исследовании позднеантичной теургии Э.Р. Доддс выделил две раз-

⁶⁵ *Fowden* (1982). P. 39; *Lewis* (2014). P. 277-280; *Johnson* (2016). P. 108; *Addey* (2017). P. 426-428; *Addey* (2017). P. 144-161; *Watts* (2017). P. 2.

новидности этой практики: телестику — т.е. анимирование специально подготовленных культовых объектов, прежде всего статуй (именно этот вид теургии практиковал Максим) и инвокацию, т.е. призыв духа, демона или божества в тело «медиума»⁶⁶. Одним из неизменных атрибутов теургической инвокации была специальная подготовка медиума: облачение в ритуальное платье, окуливание, прием наркотиков⁶⁷. Кроме того, при теургической инвокации личность «медиума» подавлялась «личностью» той сущности, которую он якобы принимал⁶⁸. Действия Сосипатры во время изречения откровений совершенно не похожи на *modus operandi* вовлеченного в теургическое действие «медиума». Ей явно не требовалась никакая дополнительная подготовка для того, чтобы начать вещать. Кроме того, находясь в трансе, Сосипатра пророчествовала от своего имени, а не от имени некой иной «личности». Теургия была лишь одной из множества видов ритуальных и магических практик, известных греко-римскому миру и, судя по всему, мистические моменты Сосипатры не были связаны с тем, что понимали под этим словом Ямвлих и Прокл⁶⁹.

Косвенным подтверждением того, что опыты Сосипатры не имели прямой связи с теургией, является сообщение Евнапия о дальнейшей судьбе одного из сыновей пергамской пророчицы — Антонина. После смерти матери он переехал в Египет и обосновался в Канопе. Несмотря на то, что Антонин был философом и прорицателем, «посвятившим себя служению богам» мистические практики были ему абсолютно чужды:

...он не занимался ни теургией, ни расчетом явлений чувственного мира... Из достойных беседы с ним те, которые обсуж-

⁶⁶ *Doddс* (2003). С. 251.

⁶⁷ Там же. С. 268-270.

⁶⁸ Там же. С. 271-275.

⁶⁹ С.И. Джонсон справедливо отмечала схожесть видений Сосипатры с видениями Аполлония Тианского (*Johnson* [2016]. Р. 106). Однако она упустила тот момент, что сам Аполлоний теургом не был — он жил за столетие до рождения основоположников этого типа мистической практики, а его агиограф Филострат был их современником и едва ли использовал работы Юлиана Теурга, сочиняя «Жизнь Аполлония Тианского».

дали логические проблемы, обильно и своевременно насыщались от него платоновой мудростью, а другие, которые расспрашивали его о божественном, находили его похожим на безмолвную статую. Он ничего не говорил им, но, устремив свой взор к небу, молчащий и недоступный ложился, и никто никогда не видел, чтобы он с кем-либо легко вступал в разговор на эти темы» (*Eunap. V. Soph. 472*)⁷⁰.

Фактически, собрания у Сосипатры представляли собой не более чем салон молодой⁷¹, богатой, начитанной, загадочной и, по всей видимости, весьма привлекательной⁷² женщины. Сочетания этих качеств вполне достаточно, чтобы понять причины, по которым охотно посещавшие дом Сосипатры ученики престарелого Эдесия называли Сосипатру «божественной» и сделали из нее героиню школьного фольклора, сохранившегося в изложении Евнапия⁷³.

Таким образом, у нас нет оснований полагать, что теургические практики играли сколь-либо заметную роль в жизни школы Эдесия. По-видимому, влияние этого элемента неоплатонической доктрины на образовательный процесс в пергамской школе было существенно меньшим, чем в сирийской школе Ямвлиха и даже в Афинской Академии Плутарха и Прокла.

Политическое кредо Эдесия и судьбы учеников школы

Одной из составных элементов неоплатонического учения являлась «политическая» философия. Несмотря на то, что социальным

⁷⁰ А. Кэмерон полагал, что Антонин был ответственен за обучение теургии молодой Гипатии (*Cameron, Long, Sherry* [1993]. P. 51), что прямо противоречит свидетельству Евнапия о том, что Антонин подобными практиками не занимался. Кроме того, по всей видимости, Гипатия и сама чуралась теургии. См. *Dzielska* (1995). P. 51; *Watts* (2006). P. 200-202; *Watts* (2017). P. 54.

⁷¹ Согласно сообщению Евнапия, Сосипатра вышла замуж за Евстафия войдя в возраст «расцвета» (ακμῆ) и прожила с ним пять лет (*Eunap. V. Soph. 469*). Таким образом, к тому моменту, как опеку над ней взял Эдесий (приблизительно в 358–359 г.), ей едва ли было больше 30–35 лет.

⁷² См. рассказ Евнапия о влюбленном в Сосипатру родиче Евстафия Филометоре (*Eunap. V. Soph. 469-470*).

⁷³ Р. Пэк предположил, что Сосипатра сама распространяла слухи о своем невероятном детстве. *Pack* (1952). P. 202 ff.

идеалом неоплатоников III–IV в. был образ отгородившегося от мирских страстей мудреца, проповедуемая ими духовная отстраненность вовсе не означала отказа от общественной деятельности. По мнению Плотина, «к жизни разумной, открывающей нам божественный путь», можно было прийти только «от жизни достойного гражданина (*Plot. Enn. I.2.7*). То есть, до обретения высших, «очищающих» добродетелей философ должен был стяжать добродетели «гражданские»⁷⁴.

Образцы жизни достойного гражданина были представлены в произведениях неоплатонической агиографии. Согласно вышедшему из-под пера Ямвлиха трактату «О Пифагоровой жизни» самоский мудрец вместе со своими учениками участвовал в установлении законов, справедливого общественного порядка и исправлении нравов городов Великой Греции (*Iamb. V. Pyrh. 7; 27; 30*)⁷⁵. В политических реалиях поздней империи единственной возможностью следовать этой модели общественного поведения для философов-неоплатоников являлось исправление нравов власть имущих, воспитание добродетельного правителя, посредством приобщения его к идеалам философской жизни⁷⁶.

Примечательно, что римские правители конца III – начала IV вв. охотно принимали роль учеников философствующих мудрецов. Иллирийские императоры и пришедшие им на смену тетрархи, в большинстве своем были малообразованными военными, зачастую выходцами из низших слоев римского общества. Недостаточная рафинированность верховных правителей Рима властно диктовала необходимость создания культурного фасада для все более деспотичного режима имперской власти. Близость правителя к представителям интеллектуальной элиты была призвана демонстрировать должную «просвещенность» монарха. Салон Плотина охотно посещал император Галлиен (*Porph. V. Plot. 12*), Диоклетиан назна-

⁷⁴ Подробнее, см. *O'Meara* (1994). P. 155-164.

⁷⁵ См. подробнее *O'Meara* (1993). P. 70-71.

⁷⁶ По словам Синезия Киренского именно философия способна «удерживать власть в должных границах» и защитить монархию от перерождения в тиранию (*Syn. De Reg. 6*). Cp. *Ibid.* 29.

чал философов на важные государственные посты⁷⁷ и охотно делил с ними трапезу⁷⁸, а Галерия они сопровождали даже в военных походах (*Amm.* XXIII.5.11). Общественно-политическое значение философов-неоплатоников не исчезло и после крушения тетрархической системы. Ямвлих и его ученики пользовались значительным влиянием при дворе императора Лициния⁷⁹, а сам схолярх обращался к представителям высшей имперской администрации с нравоучительными наставлениями, посвященными искусству руководства и обязанностям хорошего правителя⁸⁰.

После смещения Лициния и установления единовластия Константина ученик Ямвлиха Сопатр Апамейский попытался было продолжить эту традицию. Как свидетельствовал Евнапий, философ «поспешил к императорскому двору, чтобы своим словом управлять помыслами и делами Константина и направлять их на правильный путь» (*Eunap.* V. Soph. 462). Выше уже было упомянуто, что попытка «исправить» Константина закончилась казнью Сопатра. Фактически, в последние годы правления первого христианского августа язычники-неоплатоники утратили влияние при дворе. Описывая окружение наследника Константина — Констанция II, ритор Либаний с неодобрением замечал:

И философов, и софистов, и всех тех, кто почитает таинства Гермеса и муз, никого из них никогда не призывал он во дворец... а любил и держал при себе и делал своими советниками и учителями варваров, некоторых евнухов... поощрявших друг

⁷⁷ Один из критиков христианства и активнейших гонителей последователей новой веры неоплатоник Гиерокл занимал различные посты в административном аппарате империи при Диоклетиане и его преемниках Галерии и Максимиане. См. *Barnes* (1976). P. 239-252.

⁷⁸ Лактанций упоминает, что некий анонимный философ был частым сотрапезником Диоклетиана (*Lact. Div. Inst.* V.2). Некоторые исследователи считали, что им был знаменитый Порфирий-Малх. Библиографию работ, посвященных идентификации загадочного сотрапезника императора, см. в: *Leadbetter* (2010). P. 150, примеч. 118.

⁷⁹ О влиянии Сопатра Апамейского и пс.-Юлиана (возможно преторианского префекта Юлиа Юлиана) при дворе Лициния, см. *Barnes* (1978). P. 99-106; *Vanderspoel* (1999). P. 396-478.

⁸⁰ См. *Афонасин* (2010). С. 169-171; *Swain* (2013). P. 16-17.

друга наблюдать, чтобы ни один просвещенный человек не вкрался к нему в дружбу, а вводили бледных, врагов богам, тех, что держатся около могил, чьей гордостью служит издевательство над Гермесом и Зевсом и теми, кто правят с ним» (*Lib. Og. LXII. 9 – 10*).

Вероятно, Либаний несколько сгущал краски, говоря, что в окружении Констанция II вовсе не было представителей культурной элиты империи⁸¹. Вместе с тем не вызывает сомнений, что по своему влиянию на императора, интеллектуалы из числа последователей традиционных языческих культов заметно уступали придворным евнухам и епископам.

Пытался ли сам Эдесий принять на себя роль, которую до него исполняли представители нескольких поколений философов-неоплатоников? Судя по всему, нет. Свидетельства Евнапия позволяют с определенной уверенностью утверждать, что деятельность схоларха (по крайней мере, после казни Сопатра) прошла под лозунгом «живи незаметно». На это указывает и его попытка уйти в добровольное изгнание, и отмечавшееся выше нежелание раскрывать перед своими учениками мистический аспект учения Ямвлиха, и то, как Эдесий обошелся со своим почитателем Юлианом.

Не решившись обучать племянника Константина самостоятельно, Эдесий⁸² препоручил его заботам своих молодых помощников Евсевия и Хризанфия. Сам философ объяснял нежелание учить Юлиана своей дряхлостью (*Eunap. V. Soph. 474*). Однако неоплатоник явно преувеличивал собственную немощь — как было показано

⁸¹ Так, во второй половине правления Констанция II заметным влиянием обладал изворотливый философ-перипатетик Фемистий (см. *Vanderspoel* [1995]. P. 87-113; *Heather, Moncur* [2001]. P. 43-68), кроме того, расположением императора, по всей видимости, пользовался упомянутый выше философ Евстафий (в противном случае он не был бы включен в состав посольства к Шапуру II) и одноименный отцу сын философа Сопатра, который неоднократно принимал у себя августа Констанция и цезаря Галла, но, несмотря на их уговоры, отказался отречься от язычества (*Jul. Ep. 58[4]*); о нем, см. также: *Jones, Martindale, Morris* (1971). P. 846-847 (PLRE I: Sopater 2).

⁸² Евнапий свидетельствовал, что будущий император провел с философом «немалое время» (*Eunap. V. Soph. 474*).

выше, философ продолжал вести занятия еще и через несколько лет после того, как Юлиан покинул Пергам. Скорее всего, нежелание Эдесия сближаться с представителем правящей династии являлось проявлением разумной предусмотрительности. Старательно избегавшему излишнего внимания со стороны властей схолаху едва ли могла прийти по душе «свита» из соглядатаев и доносчиков, следовавшая за Юлианом во время его пребывания в Малой Азии (Ibid. 474). Впрочем, проблемы, которые мог доставить училищу опасный ученик, рассеялись сами собой. Узнав о теургических опытах, которые проводил в Эфесе бывший воспитанник Эдесия Максим, заинтригованный Юлиан покинул Пергам и отправился на встречу с чудотворцем. Вслед за ним к своему собрату по школе отправился и Хризанфий. (*Eunap.* V. Soph. 474).

Возможно, на разрыв Эдесия с существовавшей в школе Ямвлиха традицией активного участия философов в жизни общества также указывает переписка Юлиана с константинопольским философом Фемистием. В письме к Юлиану Фемистий настоятельно рекомендовал цезарю перейти от созерцательной к практической философии, «выйти из-под сени философии под открытое небо» (*Jul. Ep. ad Them.* 263a). Согласно предположению С. Эльм, эти слова Фемистий написал с целью побудить своего бывшего ученика порвать с политическими традициями пергамской школы⁸³.

Осторожность схолаха провела его училище через все турбулентные годы правления Констанция II. Переход власти над империей Юлиану позволил ученикам Эдесия выйти на арену большой политики. Первым из явившихся ко двору философов пергамской школы был Максим Эфесский⁸⁴. Боготворивший своего учителя, Юлиан сделал его своим ближайшим советником. Вскоре тщеславный теург стал одним из самых влиятельных царедворцев. Его окружила толпа льстецов и поклонников, за восемнадцать месяцев правления Отступника он скопил огромное состояние и нажил себе немало врагов (среди которых был будущий император Валентиниан I [*Zos.* IV.2.2]). Вторым выпускником пергамской школы, во-

⁸³ Elm (2012). P. 79.

⁸⁴ Ссылки на источники, повествующие о судьбе Максима, см. в Jones, Martindale, Morris (1971). P. 583-584 (PLRE I: Maximus 21).

шедшим в свиту Юлиана, был Приск. Он долго оттягивал свой приезд к ученику и присоединился ко двору лишь в Антиохии. В отличие от Максима, придворная жизнь не сильно изменила натуру скрытного философа. Он держался скромно и старался не выделяться. Два философа сопровождали Юлиана в злополучной Персидской кампании. В их обществе уже смертельно раненый император провел последние часы своей жизни, обсуждая «высокие свойства души» (*Amm.* XXV.3.23; *Lib. Or.* XVIII.272).

Гибель их воспитанника и покровителя поначалу не сильно изменила положение Максима и Приска. Занявший престол Иовиан продолжал оказывать им высокие почести. Ситуация полностью изменилась после его смерти в феврале 364 г. После того, как порфиру принял некогда оскорбленный Максимом полководец Валентиниан⁸⁵ с влиянием учеников Эдесия было покончено. Философы были изгнаны из дворца и предстали перед судом. Формальным поводом к обвинению стала поразившая Валентиниана, а также его брата и соправителя Валента лихорадка (*Amm.* XXVI.4.4)⁸⁶. После того, как императоры выздоровели, болезнь была объявлена следствием злокозненной ворожбы Максима и Приска. Не замеченный в каких-либо злоупотреблениях Приск был вскоре оправдан и выпущен на свободу. Философу было позволено вернуться к частной жизни и тот удалился в Элладу, где, судя по всему, проживал вплоть до своей смерти, наступившей в 396, когда Приску было уже более девяноста лет⁸⁷. Максиму повезло меньше. Он был подвергнут пытке и оштрафован на сумму, значительно превышавшую все, что он успел скопить за то сравнительно недолгое время, когда он был в почете у Юлиана. Изувеченному философу было позволено вернуться на родину, чтобы собрать недостающие средства. Отчаявшись заплатить, Максим и его супруга решили было совершить двойное самоубийство, однако после того, как женщина выпила яд, философ внезапно передумал умирать. После того как Максим стал

⁸⁵ См. *Zos.* IV.2.2.

⁸⁶ О политической подоплеке начатого в 364 г. процесса о колдовстве, см. *Ведешкин* (2018). С. 224.

⁸⁷ Ссылки на источники, освещающие биографию Приска, см. в *Jones, Martindale, Morris* (1971). P. 723 (PLRE I: Priscus 5).

вдовцом его дела снова пошли на лад. Новый покровитель проконсул Клеарх помог снять выдвинутые против философа обвинения и вернуть ему потерянную собственность. Вскоре Максим переехал в Константинополь, где снова занялся философскими штудиями и вскоре осмелел настолько, что, презрев изданные Валентом законы, начал заниматься «безвредными видами» теургии. О его экспериментах стало известно группе сановников, планировавших свергнуть Валента и посадить на престол язычника Феодора, которые посвятили чудотворца в свои планы. После того как заговор был раскрыт, теург был казнен вместе с незадачливыми конспираторами, разделив тем самым судьбу Сопатра⁸⁸.

Во время правления Юлиана Хризанфий Сардский также был приглашен вступить в свиту своего царственного ученика. Несмотря на то, что император был весьма настойчив, философ, вероятно памятуя о заветах учителя, отказался (*Eunap. V. Soph. 477*). Полностью избежать политической активности Хризанфию все же не удалось. В 362 г. Юлиан назначил сардского философа на должность верховного жреца всей Лидии. В отличие от многих своих коллег по создаваемой императором религиозной организации предусмотрительный Хризанфий вел себя в высшей степени осторожно. Согласно воспоминаниям Евнапия: «Он не возводил новых храмов, в отличие от других, одержимых страстью подобного строительства, и не преследовал с особой жестокостью христиан. Обходительность его была такова, что восстановление храмов в Лидии почти не привлекло к себе внимания» (*Eunap. V. Soph. 502*). После гибели Юлиана Хризанфий, по-видимому, оставил пост и удалился в частную жизнь. Остаток своей жизни он пользовался неизменным почетом и уважением своих сограждан и представителей властей, однако общественных забот избегал и, по-видимому, предпочитал не афишировать свои познания об оракулах и гаданиях⁸⁹. Судя по всему, Хризанфий продолжил преподавание — Евнапий упоминал о том, что его последователями стали философы Эпигон Лакедемонянин и Бероникиан Сардский, о которых более нет никаких сведений (*Ibid.*

⁸⁸ О заговоре нотария Феодора, см. подробнее *Lenski* (2002). P. 223-230.

⁸⁹ См. *Eunap. V. Soph. 503-504*.

505). Историк также сообщал, что в последние годы своей жизни Хризанфий написал множество философских трактатов. До наших дней эти трактаты не дошли, неизвестен даже их предмет⁹⁰.

О том, как сложилась жизнь Евсевия Миндского, сведений не сохранилось. Очевидно, преклонявшегося перед Хризанфием и Максимом Евнапия этот рациональный поклонник диалектики не очень-то интересовал. В последний раз историк упоминал о нем в экскурсе, посвященном обучению Юлиана у Эдесия. Возможно, Евсевий умер, не дожив до начала единоличного царствования Отступника. Впрочем, нельзя исключать, что его жизнь сложилась иначе. Евсевий был единственным из старших учеников Эдесия, оставшихся в Пергаме во второй половине 350-х гг. К тому времени Приск уже обосновался в Греции, Максим вернулся в свой родной Эфес, а Хризанфий оставил школу вскоре после того, как ее покинул Юлиан (*Eunap. V. Soph. 475*). Таким образом, единственной кандидатурой на роль преемника сcholарха пергамской школы был именно Евсевий Миндский. Выдвижение этой гипотезы ставит вопрос о причинах, по которым Евсевий (в том случае, если он действительно остался в живых и унаследовал училище Эдесия) не получил от Юлиана приглашение присоединиться к императорскому двору. Наиболее очевидным представляется, что невнимание ученика к учителю проистекало из диаметрально противоположного отношения к теургии. Как было показано выше, Евсевий относился к теургии с плохо скрываемым презрением, а Юлиан почитал ее едва ли не основным элементом неоплатонической доктрины⁹¹. Откровенно недоброжелательное отношение императора к философам, взгляды которых он не разделял, хорошо известно. Возможно, Отступник просто не желал видеть в своем окружении человека, с которым он расходился по столь принципиальным вопросам. Так или иначе, никаких сведений о существовании пергамской школы после 361 г. не сохранилось.

⁹⁰ Ссылки на источники, см. *Jones, Martindale, Morris* (1971). P. 202-203 (PLRE I: Chrsanthius of Sardis).

⁹¹ В письме к Приску, он заявлял о том, что «без ума от своего тезки» (то есть автора «Халдейских оракулов») во всем, что относится к теософии (*Jul. Ep. 2[6]*).

Согласно классической версии истории неоплатонизма пергамская школа послужила связующим звеном между сирийской школой Ямвлиха и афинской школой Плутарха и Прокла. В роли транслятора философских традиций Ямвлиха исследователи обычно рассматривали Приска, который жил в Афинах в конце IV столетия и, как считалось, был ответственен за обучение первого схоларха возрожденной Академии Плутарха⁹². В последнее время данная гипотеза подверглась обоснованной критике. В сохранившихся сочинениях афинских и александрийских неоплатоников нет никаких упоминаний о Приске. На данный момент значительная часть исследователей придерживается версии, согласно которой ямвлихианская традиция пришла в Афины не от Приска, но через посредничество внука Сопатра — Ямвлиха II⁹³. По сути, единственным выпускником пергамской школы (помимо Юлиана Отступника) о философских штудиях которого было хоть что-то известно последующим поколениям неоплатоников, был Максим Эфесский⁹⁴. Из этого, по сути, следует, что никакого глобального воздействия на последующее развитие неоплатонизма пергамская школа не имела.

Заключение

Пергамская школа неоплатонизма открылась в конце 30-х гг. IV в. и просуществовала, по крайней мере, до смерти Эдесия, которая наступила не до 355 г., а между 358–361 гг. Программа пергамской школы не имела существенных отличий от программ прочих неоплатонических школ. Широко распространенное мнение об особой приверженности Эдесия и его учеников теургическим практикам не имеет под собой сколь-либо весомых оснований. Сосипатра, традиционно считавшаяся матриархом школы, определявшим мистико-религиозный характер куррикулума, начала участвовать в

⁹² *Glucker* (1978). P. 156-157.

⁹³ *Cameron* (1967). P. 143-153; *Афонасин* (2010). С. 166-193. Следует отметить, что ряд ученых придерживается по данному вопросу более умеренных позиций и признает вероятность того, что Приск все же мог оказать некоторое влияние на Плутарха. См. *O'Meara* (1989). P. 110-118; *Brisson* (2008). P. 87-88; *DelCogliano* (2010). P. 67-72; *Goulet* (2012). P. 76-77.

⁹⁴ См. *выше*.

жизни школы слишком поздно, чтобы всерьез повлиять на сложившиеся педагогические традиции училища Эдесия. Наиболее вероятным преемником схоларха был не Евстафий (который умер раньше Эдесия), а Евсевий Миндский. Влияние пергамской школы на последующую неоплатоническую традицию было незначительным.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Amm.* — *Ammianus Marcellinus*. History. Vol. I–III / With an Engl. trans. by J.C. Rolfe. Cambridge; London: Loeb Classical Library, 1935–1940.
- Ammon.* In. An. Pr. — *Ammonii in Aristotelis Analyticorum priorum librum I commentarium*. Berolini: G. Reimeri, 1899.
- Aug.* — *Augustinus*. Opera Omnia // PL. T. 32–47. Paris, 1845.
- Bas. Caes. Ep.* — *Basilii*. Opera Omnia // PG. T. 29–32. Paris, 1857.
- Dam. V. Isid.* — *Damascius*. The Philosophical History / With an Engl. trans. by P. Athanassiadi. Athens: Apamea, 1999.
- Dav. Inv.* — Давид Анахт. Сочинения / Пер. С древнеармянского. С.С. Авештаяна М.: Мысль, 1975.
- Eunap. V. Soph.* — *Eunapius*. Lives of the Philosophers and Sophists // Philostratus and Eunapius. The Lives of the Sophists / With an Engl. trans. by W.C. Wright. London; Cambridge: Loeb Classical Library, 1921. P. 343–565.
- Iamb. V. Pyth.* — *Ямвлих*. Жизнь Пифагора / Пер. вступ. статья и примечания В.М. Черниговского. М.: Алетейя. 1997.
- John. Lyd. De mens.* — The Works of Ioannis Lydus. New critical edition and translations. Vol. II / Ed. by A. Bandy, D.J. Constantelos, C.J.N. de Paulo. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2013.
- Jul.* — *Emperor Julian*. Works. Vol. I–III / With an Engl. trans. by W.C. Wright. Cambridge; London, 1913–1923.
- Lact. Div. Inst.* — *Lactantius*. Divinarum Institutionum // PL. T. 7. Paris J.-P. Migne. 1844. Col. 111–822.
- Lib.* — *Libanius*. Opera. Vol. I–XII. Leipzig: B.G. Teubner. 1903–1927.
- Malal.* — *Ioannes Malalas*. Chronographus Byzantinus // PG. T. 97. Paris, 1863. Col. 7–790.

- Marin.* V. Procl. — *Marini Vita Procli* / Ann. I. F. Boissonade. Lipsiae: Weigel, 1814.
- Philostr.* V. Apoll. — *Philostratus*. Apollonius of Tyana. Vol. I–II / With an Engl. trans. by C.P. Jones. Cambridge (Maas): Harvard University Press. 2005–2006.
- Phot.* Cod. — *Photius Constantinopolitanis Patriarcha*. Myriobiblion sive Bibliotheca // PG. T. 103. Paris: J.-P. Migne, 1860.
- Porph.* V. Plot. — *Porthyry*. On the Life of Plotinus and the Arrangement of his Works // *Neoplatonic Saints: The Lives of Plotinus and Proclus by their Students* / Transl. by M. Edwards. Liverpool: Liverpool University Press, 2001. P. 1-54.
- Simp.* In Arist. Phys. 4. — *Simplicius*. On Aristotle Physics 4.1–5 and 10–14 / Transl. by J.O. Urmson. London: Bloomsbury, 1992. 232 p.
- Simp.* In Cat. — *Simplicius*. On Aristotle, Categories 1–4 / Transl. by M. Chase. London: Duckworth, 2003.
- Soc.* — *Socrates Scholasticus*. Historia ecclesiastica // PG. T. 67. Paris: J.-P. Migne, 1859. Col. 30–843.
- Soz.* — *Sozomenus*. Historia ecclesiastica // PG. T. 67. Paris: J.-P. Migne, 1859. Col. 843–1131.
- Sud.* — *Suda*. — <http://www.stoa.org/sol/> (апрель, 2019).
- Them. Or.* — *Themistii orationes quae supersunt*. Vol. I–III / Ed. H. Schenkl, G. Downey. Lpz., 1965–1974.
- Theod.* — *Theodoretus*. Opera Omnia // PG. T. 80–84. Paris: J.-P. Migne, 1864.
- Zos.* — *Zosimus*. New History / Transл. by R.T. Ridley. Canberra: Brill, 2017.
- Addey* (2017). — *Addey C.* Plato’ women readers // *Brill’s Companion to the Reception of Plato in Antiquity* / Harold Tarrant, François Renaud, Baltzly Dirk, Danielle Layne. Brill, 2017. P. 411-432.
- Addey* (2017). — *Addey C.* Sosipatra: prophetess, philosopher and theurgist: Reflections on divination and epistemology in late antiquity // *Prophets and Profits: Ancient Divination and Its Reception* / Richard Evans. New York: Routledge, 2017. P. 144-161.
- Athanassiadi* (1993). — *Athanassiadi P.* Dreams, Theurgy and Freelance Divination: The Testimony of Iamblichus // *The Journal of Roman Studies*. 83. 1993. P. 115-130.

- Athanassiadi* (1992). — *Athanassiadi P.* Julian: An Intellectual Biography. London; New York: Routledge, 1992.
- Athanassiadi* (2002). — *Athanassiadi P.* The Creation of Orthodoxy in Neoplatonism // *Philosophy and Power in the Graeco-Roman World: Essays in Honour of Miriam Griffin* / Ed. by G. Clark, T. Rajak. Oxford – New York: Oxford University Press, 2002. P. 271-291.
- Badawī ‘Abd al-Raḥmān* (1987). — *Badawī ‘Abd al-Raḥmān.* La transmission de la philosophie grecque au monde arabe. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1987.
- Banchich* (1987). — *Banchich T.M.* On Goulet’s Chronology of Eunapius’ Life and Works // *The Journal of Hellenic Studies*. 107. 1987. P. 164-167.
- Barnes* (2014). — *Barnes J.* Boethius and Finished Syllogisms // *Strategies of Argument: Essays in Ancient Ethics, Epistemology, and Logic* / Ed. by M. Lee. New York: Oxford University Press, 2014. P. 175-198.
- Barnes* (1978). — *Barnes T.D.* A Correspondent of Iamblichus // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 19. 1978. P. 99-106.
- Barnes* (1981). — *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. London: Harvard University Press, 1981.
- Barnes* (1976). — *Barnes T.D.* Sossianus Hierocles and the Antecedents of the «Great Persecution» // *Harvard Studies in Classical Philology*. 80. 1976. P. 239-252.
- Bouffartigue* (1992). — *Bouffartigue J.* L’Empereur Julien et la culture de son temps. Paris: Etudes augustinienes, 1992.
- Bowersock* (1978). — *Bowersock G.* Julian the Apostate. Cambridge: Harvard University Press, 1978.
- Bradbury* (2003). — *Bradbury S.* Selected Letters of Libanius: From the Age of Constantius and Julian. Glasgow: Liverpool University Press, 2003.
- Bradbury* (1987). — *Bradbury S.* The Date of Julian’s Letter to Themistius // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 28. 1987. P. 235-251.
- Brauch* (1993). — *Brauch T.* Themistius and the Emperor Julian // *Byzantion*. 63. 1993. P. 79-115.
- Brisson* (2008). — *Brisson L.* How philosophers saved myths: allegorical interpretation and classical mythology / Ed. by C. Tihanyi. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
- Burgess* (2008). — *Burgess R.W.* The summer of blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine // *Dumbarton Oaks Papers*. 62. 2008. P. 5-51.

- Cameron* (1997). — *Cameron A.* Education and literary culture // *The Cambridge Ancient History. Volume 13: The Late Empire, AD 337–425* / Averil Cameron, Peter Garnsey. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 665-707.
- Cameron* (1967). — *Cameron A.* Iamblichus at Athens // *Atheneum*. 45. 1967. P. 143-153.
- Cameron, Long, Sherry* (1993). — *Cameron A., Long J., Sherry L.* Barbarians and politics at the Court of Arcadius. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1993.
- Cox Miller* (2000). — *Cox Miller P.* Strategies of Representation in Collective Biography: Constructing the Subject as Holy // *Greek biography and panegyric in late antiquity* / Ed. by T. Hägg, P. Rousseau, C. Høgel. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2000. P. 209-254.
- Daly* (1980). — *Daly L.J.* In a Borderland: Themistius' Ambivalence toward Julian // *Byzantinische Zeitschrift*. 73. 1980. P. 1-11.
- DelCogliano* (2010). — *DelCogliano M.* Basil of Caesarea's anti-Eunomian theory of names: Christian theology and late-antique philosophy in the fourth century trinitarian controversy. *Supplements to Vigiliae Christianae: texts and studies of early Christian life and language*, v. 103. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Dillon* (1987). — *Dillon J.* Iamblichus of Chalcis // *Philosophie, Wissenschaften, Technik. Philosophie* / Ed. by W. Haase. De Gruyter, 1987. P. 862-910.
- Dillon* (1973). — *Dillon J.M.* Iamblichi Chalcidensis in Platonis Dialogos Commentarius fragmenta. *Philosophia Antiqua: A Series of Monographs on Ancient Philosophy*. Leiden: Brill, 1973.
- Dzielska* (1995). — *Dzielska M.* Hypatia of Alexandria. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.
- Elm* (2012). — *Elm S.* Sons of Hellenism, Fathers of the Church: Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, and the Vision of Rome. Berkeley: University of California Press, 2012.
- Elm* (1996). — *Elm S.* «Virgins of God»: The Making of Asceticism in Late Antiquity. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Fowden* (1997). — *Fowden G.* Polytheist religion and philosophy // *The Cambridge Ancient History. Volume 13: The Late Empire, AD 337–425* / Ed. by A. Cameron, P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 538-560.

- Fowden* (1982). — *Fowden G.* The Pagan Holy Man in Late Antique Society // The Journal of Hellenic Studies. 102. 1982. P. 33-59.
- Glucker* (1978). — *Glucker J.* Antiochus and the late Academy. Hypomnemata, Untersuchungen zur Antike und zu ihrem Nachleben, Heft 56. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1978.
- Goulet* (2012). — *Goulet R.* Mais qui était donc le gendre de la sœur de Priscus? Enquête sur les philosophes d'Athènes au IVe siècle après J.-Chr. // Studia graeco-arabica 2 (2012). 2. 2012. P. 33-77.
- Gribomont* (1959). — *Gribomont I.* Eustathe le Philosophe et les voyages du jeune Basile de Césarée // Revue d'histoire ecclésiastique. 54. 1959. P. 115-124.
- Hadot* (2015). — *Hadot I.* Athenian and Alexandrian Neoplatonism and the Harmonization of Aristotle and Plato. Brill, 2015.
- Hahn* (2011). — *Hahn J.* Julian and his Partisans — Supporters or Critics // Pagans and Christians in the Roman Empire: The Breaking of a Dialogue: (4th – 6th Century A.d.). Proceedings of the International Conference at the Monastery of Bose (October 2008) / Ed. by P. Brown, R.L. Testa. Wien: Lit Verlag, 2011. P. 109-120.
- Heather, Moncur* (2001). — *Heather P., Moncur D.* Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Themistius' Select Orations. Liverpool: Liverpool University Press, 2001.
- Henck* (2001). — *Henck N.* Constantius' paideia, intellectual milieu and promotion of the liberal arts // The Cambridge Classical Journal. 47. 2001. P. 172-187.
- Johnson* (2013). — *Johnson A.P.* Religion and Identity in Porphyry of Tyre: The Limits of Hellenism in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Johnson* (2016). — *Johnson S.I.* Sosipatra and the Theurgic Life: Eunapius Vitae Sophistorum 6.6.5–6.9.24 // Reflections on Religious Individuality, Greco-Roman and Judaeo-Christian Texts and Practices / Ed. by J. Rüpke, Wolfgang Spickermann. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. P. 99-118.
- Jones, Martindale, Morris* (1971). — *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Layne* (2017). — *Layne D.A.* The Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy // Brill's Companion to the Reception of Plato in Antiquity / Ed. by H. Tarrant, F. Renaud, D. Baltzly, D.A. Layne. Leiden; Boston: Brill, 2017. 533-554.

- Leadbetter* (2010). — *Leadbetter W.L.* Galerius and the Will of Diocletian. London; New York, NY: Routledge, 2010.
- Lenski* (2002). — *Lenski N.* Failure of empire: Valens and the Roman state in the fourth century A.D. Berkeley: University of California Press, 2002.
- Lewis* (2014). — *Lewis N.D.* Living Images of the Divine: Female Theurgists in Late Antiquity // *Daughters of Hecate* / Ed. by K.B. Stratton, D.S. Kalleres. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. P. 274-297.
- Mansfeld* (1994). — *Mansfeld J.* Prolegomena: Questions to Be Settled Before the Study of an Author, or a Text. Leiden; New York: Brill, 1994.
- Olszaniec* (2005). — *Olszaniec S.* Sopatros von Apameia — ein neuplatonischer Philosoph am Hofe von Konstantin // *Society and religions: studies in Greek and Roman history* / Ed. D. Musiał. Toruń: Wydawnictwa Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2005. P. 107-122.
- O'Meara* (1993). — *O'Meara D.J.* Aspects of Political Philosophy in Iamblichus // *The Divine Iamblichus: Philosopher and Man of Gods* / Ed. by H.J. Blumenthal, G. Clark. London: Bristol Classical Press, 1993. 65-73.
- O'Meara* (1994). — *O'Meara D.J.* Political Life and Divinization in Neoplatonic Philosophy // *Hermathena*, 1994. 155-164.
- O'Meara* (1989). — *O'Meara D.J.* Pythagoras revived: mathematics and philosophy in late antiquity. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 1989.
- Pack* (1952). — *Pack R.* A Romantic Narrative in Eunapius // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 83. 1952. 198-204.
- Penella* (1990). — *Penella R.J.* Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century AD. Studies in Eunapius of Sardis. Leeds, Great Britain: Francis Cairns, 1990.
- Penella* (1999). — *Penella R.J.* The Private Orations of Themistius. Berkeley: University of California Press, 1999.
- Praechter* (1910). — *Praechter K.* Richtungen und Schulen im Neuplatonismus // *Genethliakon für Karl Robert*. Berlin, 1910. P. 105-156.
- Prato, Fomaro* (1984). — *Prato C., Fomaro A.* Giuliano Imperatore: Epistola a Temistio. Lecce: Milella, 1984.
- Rousseau* (1998). — *Rousseau P.* Basil of Cæsarea. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Schwarz* (1892). — *Schwarz W.* Julianstudien // *Philologus*. 51. 1892. P. 623-653.

- Shaw* (1967). — *Shaw G.* Theurgy and the Soul: The Neoplatonism of Iamblichus. University Park: Penn State Press, 1967.
- Smith* (1995). — *Smith R.* Julian's gods: religion and philosophy in the thought and action of Julian the Apostate. London; New York: Routledge, 1995.
- Sorabji* (2012). — *Sorabji R.* The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD: A Sourcebook. Vol. 1: Psychology. London: Bristol Classical Press, 2012.
- Sorabji* (2012). — *Sorabji R.* The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD: A Sourcebook. Vol. 3: Logic and Metaphysics. London: Bristol Classical Press, 2012.
- Swain* (2013). — *Swain S.* Themistius, Julian and Greek Political Theory under Rome. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2013.
- Tanaseanu-Döbler* (2013). — *Tanaseanu-Döbler I.* Theurgy in Late Antiquity: The Invention of a Ritual Tradition. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013.
- Thom* (1995). — *Thom J.C.* The Pythagorean golden verses with introduction and commentary. Leiden; New York: E.J. Brill, 1995.
- Urbano* (2013). — *Urbano A.P.* The Philosophical Life: Biography and the Crafting of Intellectual Identity in Late Antiquity. Washington, D.C: The Catholic University of America Press, 2013.
- Vanderspoel* (1999). — *Vanderspoel J.* Correspondence and correspondents of Julius Julianus // *Byzantion*. 69. 1999. P. 396-478.
- Vanderspoel* (1988). — *Vanderspoel J.* Iamblichus at Daphne // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 29. 1988. P. 83-86.
- Vanderspoel* (1987). — *Vanderspoel J.* The Fourth Century Philosopher Maximus of Byzantium // *The Ancient History Bulletin*. 1. 1987. P. 71-74.
- Vanderspoel* (1995). — *Vanderspoel J.* Themistius and the imperial court: oratory, civic duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.
- Watts* (2006). — *Watts E.* City and school in late antique Athens and Alexandria. Berkeley: University of California Press, 2006.
- Watts* (2012). — *Watts E.* Education: Speaking, Thinking, and Socializing // *The Oxford Handbook of Late Antiquity*. Oxford University Press, 2012. P. 467-486.
- Watts* (2005). — *Watts E.* Orality and Communal Identity in Eunapius' «Lives of the Sophists and Philosophers» // *Byzantion*. 75. 2005. P. 334-361.

- Watts (2017). — *Watts E.J.* Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher. New York, NY: Oxford University Press, 2017.
- Афонасин (2010). — *Афонасин Е.В.* Ямвлих Халкидский. Письма: Предисловие, перевод, комментарии, приложения, указатели // *Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция*. 4. 2010. С. 166-193.
- Ведешкин (2017). — *Ведешкин М.А.* «Когда я вышел уже из детского возраста, мой путь лежал через труды Платона и Аристотеля»: Аристотель и перипатетическая традиция в куррикулуме Юлиана Отступника // *История философии*. 22. 2017. С. 20-28.
- Ведешкин (2016). — *Ведешкин М.А.* Правовой статус язычников и языческих культов в Римской империи IV–VI вв.: законодательство и практика // *Император Юлиан. Полное собрание творений*. СПб.: Квадривиум, 2016. С. 749-791.
- Ведешкин (2018). — *Ведешкин М.А.* Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв. СПб.: Алетейя, 2018.
- Григорюк (2012). — *Григорюк Т.В.* 337 год: кризис власти в Римской империи и «убийства принцев» // *Вестник древней истории*. 281. 2012. С. 155-166.
- Доддс (2003). — *Доддс Э.Р.* Теургия // *Язычник и христианин в смутное время. Некоторые аспекты религиозных практик от Марка Аврелия до Константина*. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. С. 223-288.

Mikhail A. VEDESHKIN

THE MISSING LINK OF THE «GOLDEN CHAIN»
AEDESIUS AND THE NEOPLATONIC SCHOOL OF PERGAMON

This article is devoted to the study of the Neoplatonic school of Pergamon, its teachers and students. The paper presents an attempt to reconstruct the biography of the scholar Aedesius. It is hypothesized that the fear of reprisals from the Christian authorities, made Aedesius quit any active participation in social and political life of the empire and devote himself entirely to teaching. Some chronological calculations show that he couldn't have died before 355 AD (as it is usually stated) and should have lived up to 358 AD at least. An attempt to reconstruct the school's philosophical curriculum on the ba-

sis of an analysis of the testimonies of Julian the Apostate, Eunapius of Sardis and the subsequent commentary tradition is made. It is concluded that theurgic practices were not as significant in the life of the school of Aedesius as it is usually stated. Some objections are made to the theory that a female philosopher and prophetess Sosipatra played an important role in the life of the Pergamon school. In this regard, I criticize the common opinion, that the education in the Pergamon school had a pronounced «mystical-religious» character. The conclusion is made that the curriculum of Aedesius' school was almost no different from the curriculums of other schools of late Neo-Platonism. The article ends with an overview of the fates of graduates of the school (Maximus of Ephesus, Priscus of Epirus and Chrysanthius of Sardis). It is also suggested that Eusebius of Mindus became the heir and successor of Aedesius as the scholarch of the Pergamon School.

REFERENCES

- Amm.* — *Ammianus Marcellinus*. History. Vol. I–III / With an Engl. trans. by J.C. Rolfe. Cambridge; London: Loeb Classical Library, 1935–1940.
- Ammon.* In. An. Pr. — *Ammonii in Aristotelis Analyticorum priorum librum I commentarium*. Berolini: G. Reimeri, 1899.
- Aug.* — *Augustinus*. Opera Omnia // PL. T. 32–47. Paris, 1845.
- Bas. Caes. Ep.* — *Basilii*. Opera Omnia // PG. T. 29–32. Paris, 1857
- Dam. V. Isid.* — *Damascius*. The Philosophical History / With an Engl. trans. by P. Athanassiadi. Athens: Apamea, 1999.
- Dav. Inv.* — *Давид Анахт*. Сочинения / Пер. с древнеарм. С.С. Аревшатяна. М.: «Мысль», 1975.
- Eunap. V. Soph.* — *Eunapius*. Lives of the Philosophers and Sophists // Philostratus and Eunapius. The Lives of the Sophists / With an Engl. trans. by W.C. Wright. London; Cambridge: Loeb Classical Library, 1921. P. 343–565.
- Iamb. V. Pyth.* — *Ямвлих*. Жизнь Пифагора. / Пер., вступ. ст. и прим. В. Б. Черниговского. М.: Алетея. 1997.
- John. Lyd.* De mens. — The Works of Ioannis Lydus. New critical edition and translations. Vol. II / Ed. by A. Bandy, D.J. Constantelos, C.J.N. de Paulo. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2013.

- Jul.* — *Emperor Julian*. Works. Vol. I–III / With an Engl. trans. by W.C. Wright. Cambridge; London, 1913–1923.
- Lact. Div. Inst.* — *Lactantius*. Divinarum Institutionum // PL. T. 7. Paris J.-P. Migne. 1844. Col. 111–822.
- Lib.* — *Libanius*. Opera. Vol I–XII. Leipzig: B.G. Toebner. 1903–1927.
- Malal.* — *Ioannes Malalas*. Chronographus Byzantinus // PG. T. 97. Paris, 1863. Col. 7–790.
- Marin.* V. Procl. — *Marini Vita Procli* / Ann. I.F. Boissonade. Lipsiae: Weigel, 1814.
- Philostr.* V. Apoll. — *Philostratus*. Apollonius of Tyana. Vol. I–II / With an Engl. trans. by C.P. Jones. Cambridge (Maas): Harvard University Press. 2005–2006.
- Phot. Cod.* — *Photius Constantinopolitanis Patriarcha*. Myriobiblion sive Bibliotheca // PG. T. 103. Paris: J.-P. Migne, 1860.
- Porph.* V. Plot. — *Porthyry*. On the Life of Plotinus and the Arrangement of his Works // Neoplatonic Saints: The Lives of Plotinus and Proclus by their Students / Transl. by . M. Edwards. Liverpool: Liverpool University Press, 2001. P. 1-54.
- Simp.* In Arist. Phys. 4. — *Simplicius*. On Aristotle Physics 4.1–5 and 10–14 / Transl. by J.O. Urmson. London: Bloomsbury, 1992. 232 p.
- Simp.* In Cat. — *Simplicius*. On Aristotle, Categories 1–4 / Trans. by M. Chase. London: Duckworth, 2003.
- Soc.* — *Socrates Scholasticus*. Historia ecclesiastica // PG. T. 67. Paris: J.-P. Migne, 1859. Col. 30–843.
- Soz.* — *Sozomenus*. Historia ecclesiastica // PG. T. 67. Paris: J.-P. Migne, 1859. Col. 843–1131.
- Sud.* — Suda On Line. — <http://www.stoa.org/sol/> (aprel', 2019).
- Them. Or.* — *Themistii orationes quae supersunt*. Vol. I–III / Ed. H. Schenkl, G. Downey. Lpz., 1965–1974.
- Theod. HE.* — *Theodoretus*. Opera Omnia // PG. T. 80–84. Paris: J.-P. Migne, 1864.
- Zos.* — *Zosimus*. New History / Trans. by R.T. Ridley. Canberra: Brill, 2017.
- Addey* (2017). — *Addey C.* Plato' women readers // Brill's Companion to the Reception of Plato in Antiquity / Harold Tarrant, François Renaud, Baltzly Dirk, Danielle Layne. Brill, 2017. P. 411-432.

- Addey* (2017). — *Addey C.* Sosipatra: prophetess, philosopher and theurgist: Reflections on divination and epistemology in late antiquity // *Prophets and Profits: Ancient Divination and Its Reception* / Richard Evans. New York: Routledge, 2017. P. 144-161.
- Athanassiadi* (1993). — *Athanassiadi P.* Dreams, Theurgy and Freelance Divination: The Testimony of Iamblichus // *The Journal of Roman Studies*. 83. 1993. P. 115-130.
- Athanassiadi* (1992). — *Athanassiadi P.* Julian: An Intellectual Biography. London; New York: Routledge, 1992.
- Athanassiadi* (2002). — *Athanassiadi P.* The Creation of Orthodoxy in Neoplatonism // *Philosophy and Power in the Graeco-Roman World: Essays in Honour of Miriam Griffin* / Ed. by G. Clark, T. Rajak. Oxford New York: Oxford University Press, 2002. P. 271-291.
- Badawī 'Abd al-Raḥmān* (1987). — *Badawī 'Abd al-Raḥmān.* La transmission de la philosophie grecque au monde arabe. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1987.
- Banchich* (1987). — *Banchich T.M.* On Goulet's Chronology of Eunapius' Life and Works // *The Journal of Hellenic Studies*. 107. 1987. P. 164-167.
- Barnes* (2014). — *Barnes J.* Boethus and Finished Syllogisms // *Strategies of Argument: Essays in Ancient Ethics, Epistemology, and Logic* / Ed. by M. Lee. New York: Oxford University Press, 2014. P. 175-198.
- Barnes* (1978). — *Barnes T.D.* A Correspondent of Iamblichus // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 19. 1978. P. 99-106.
- Barnes* (1981). — *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. London: Harvard University Press, 1981.
- Barnes* (1976). — *Barnes T.D.* Sossianus Hierocles and the Antecedents of the «Great Persecution» // *Harvard Studies in Classical Philology*. 80. 1976. P. 239-252.
- Bouffartigue* (1992). — *Bouffartigue J.* L'Empereur Julien et la culture de son temps. Paris: Etudes augustiniennes, 1992.
- Bowersock* (1978). — *Bowersock G.* Julian the Apostate. Cambridge: Harvard University Press, 1978.
- Bradbury* (2003). — *Bradbury S.* Selected Letters of Libanius: From the Age of Constantius and Julian. Glasgow: Liverpool University Press, 2003.
- Bradbury* (1987). — *Bradbury S.* The Date of Julian's Letter to Themistius // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 28. 1987. P. 235-251.
- Brauch* (1993). — *Brauch T.* Themistius and the Emperor Julian // *Byzantion*. 63. 1993. P. 79-115.

- Brisson* (2008). — *Brisson L.* How philosophers saved myths: allegorical interpretation and classical mythology / Ed. by C. Tihanyi. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
- Burgess* (2008). — *Burgess R.W.* The summer of blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine // *Dumbarton Oaks Papers*. 62. 2008. P. 5-51.
- Cameron* (1997). — *Cameron A.* Education and literary culture // *The Cambridge Ancient History. Volume 13: The Late Empire, AD 337–425* / Averil Cameron, Peter Garnsey. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 665-707.
- Cameron* (1967). — *Cameron A.* Iamblichus at Athens // *Atheneum*. 45. 1967. P. 143-153.
- Cameron, Long, Sherry* (1993). — *Cameron A., Long J., Sherry L.* Barbarians and politics at the Court of Arcadius. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1993.
- Cox Miller* (2000). — *Cox Miller P.* Strategies of Representation in Collective Biography: Constructing the Subject as Holy // *Greek biography and panegyric in late antiquity* / Ed. by T. Hägg, P. Rousseau, C. Høgel. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2000. P. 209-254.
- Daly* (1980). — *Daly L.J.* In a Borderland: Themistius' Ambivalence toward Julian // *Byzantinische Zeitschrift*. 73. 1980. P. 1-11.
- DelCogliano* (2010). — *DelCogliano M.* Basil of Caesarea's anti-Eunomian theory of names: Christian theology and late-antique philosophy in the fourth century trinitarian controversy. *Supplements to Vigiliae Christianae: texts and studies of early Christian life and language*, v. 103. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Dillon* (1987). — *Dillon J.* Iamblichus of Chalcis // *Philosophie, Wissenschaften, Technik. Philosophie* / Ed. by W. Haase. De Gruyter, 1987. P. 862-910.
- Dillon* (1973). — *Dillon J.M.* Iamblichi Chalcidensis in Platonis Dialogos Commentarius fragmenta. *Philosophia Antiqua: A Series of Monographs on Ancient Philosophy*. Leiden: Brill, 1973.
- Dzielska* (1995). — *Dzielska M.* Hypatia of Alexandria. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.
- Elm* (2012). — *Elm S.* Sons of Hellenism, Fathers of the Church: Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, and the Vision of Rome. Berkeley: University of California Press, 2012.

- Elm* (1996). — *Elm S.* «Virgins of God»: The Making of Asceticism in Late Antiquity. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Fowden* (1997). — *Fowden G.* Polytheist religion and philosophy // *The Cambridge Ancient History. Volume 13: The Late Empire, AD 337–425* / Ed. by A. Cameron, P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 538-560.
- Fowden* (1982). — *Fowden G.* The Pagan Holy Man in Late Antique Society // *The Journal of Hellenic Studies*. 102. 1982. P. 33-59.
- Glucker* (1978). — *Glucker J.* Antiochus and the late Academy. Hypomnemata, Untersuchungen zur Antike und zu ihrem Nachleben, Heft 56. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1978.
- Goulet* (2012). — *Goulet R.* Mais qui était donc le gendre de la sœur de Priscus? Enquête sur les philosophes d'Athènes au IVe siècle après J.-Chr. // *Studia graeco-arabica* 2 (2012). 2. 2012. P. 33-77.
- Gribomont* (1959). — *Gribomont I.* Eustathe le Philosophe et les voyages du jeune Basile de Césarée // *Revue d'histoire ecclésiastique*. 54. 1959. P. 115-124.
- Hadot* (2015). — *Hadot I.* Athenian and Alexandrian Neoplatonism and the Harmonization of Aristotle and Plato. Brill, 2015.
- Hahn* (2011). — *Hahn J.* Julian and his Partisans — Supporters or Critics // *Pagans and Christians in the Roman Empire: The Breaking of a Dialogue: (4th – 6th Century A.D.). Proceedings of the International Conference at the Monastery of Bose (October 2008)* / Ed. by P. Brown, R.L. Testa. Wien: Lit Verlag, 2011. P. 109-120.
- Heather, Moncur* (2001). — *Heather P., Moncur D.* Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Themistius' Select Orations. Liverpool: Liverpool University Press, 2001.
- Henck* (2001). — *Henck N.* Constantius' paideia, intellectual milieu and promotion of the liberal arts // *The Cambridge Classical Journal*. 47. 2001. P. 172-187.
- Johnson* (2013). — *Johnson A.P.* Religion and Identity in Porphyry of Tyre: The Limits of Hellenism in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Johnson* (2016). — *Johnson S.I.* Sosipatra and the Theurgic Life: Eunapius Vitae Sophistorum 6.6.5–6.9.24 // *Reflections on Religious Individuality, Greco-Roman and Judaeo-Christian Texts and Practices* / Ed. by J. Rüpke, Wolfgang Spickermann. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. P. 99-118.

- Jones, Martindale, Morris* (1971). — *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Layne* (2017). — *Layne D.A.* The Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy // Brill's Companion to the Reception of Plato in Antiquity / Ed. by H. Tarrant, F. Renaud, D. Baltzly, D. A. Layne. Leiden; Boston: Brill, 2017. 533–554.
- Leadbetter* (2010). — *Leadbetter W.L.* Galerius and the Will of Diocletian. London; New York, NY: Routledge, 2010.
- Lenski* (2002). — *Lenski N.* Failure of empire: Valens and the Roman state in the fourth century A.D. Berkeley: University of California Press, 2002.
- Lewis* (2014). — *Lewis N.D.* Living Images of the Divine: Female Theurgists in Late Antiquity // Daughters of Hecate / Ed. by K.B. Stratton, D.S. Kalleres. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. P. 274-297.
- Mansfeld* (1994). — *Mansfeld J.* Prolegomena: Questions to Be Settled Before the Study of an Author, or a Text. Leiden; New York: Brill, 1994.
- Olszaniec* (2005). — *Olszaniec S.* Sopatros von Apameia — ein neuplatonischer Philosoph am Hofe von Konstantin. // Society and religions: studies in Greek and Roman history / Ed. by D. Musiał. Toruń: Wydawnictwa Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2005. P. 107-122.
- O'Meara* (1993). — *O'Meara D.J.* Aspects of Political Philosophy in Iamblichus // The Divine Iamblichus: Philosopher and Man of Gods / Ed. by H.J. Blumenthal, G. Clark. London: Bristol Classical Press, 1993. 65-73.
- O'Meara* (1994). — *O'Meara D.J.* Political Life and Divinization in Neoplatonic Philosophy // Hermathena, 1994. 155-164.
- O'Meara* (1989). — *O'Meara D.J.* Pythagoras revived: mathematics and philosophy in late antiquity. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 1989.
- Pack* (1952). — *Pack R.* A Romantic Narrative in Eunapius // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 83. 1952. 198-204.
- Penella* (1990). — *Penella R.J.* Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century AD. Studies in Eunapius of Sardis. Leeds, Great Britain: Francis Cairns, 1990.
- Penella* (1999). — *Penella R.J.* The Private Orations of Themistius. Berkeley: University of California Press, 1999.

- Praechter* (1910). — *Praechter K.* Richtungen und Schulen im Neuplatonismus // Genethliakon für Karl Robert. Berlin, 1910. P. 105-156.
- Prato, Fomaro* (1984). — *Prato C., Fomaro A.* Giuliano Imperatore: Epistola a Temistio. Lecce: Milella, 1984.
- Rousseau* (1998). — *Rousseau P.* Basil of Cæsarea. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Schwarz* (1892). — *Schwarz W.* Julianstudien // Philologus. 51. 1892. P. 623-653.
- Shaw* (1967). — *Shaw G.* Theurgy and the Soul: The Neoplatonism of Iamblichus. University Park: Penn State Press, 1967.
- Smith* (1995). — *Smith R.* Julian's gods: religion and philosophy in the thought and action of Julian the Apostate. London; New York: Routledge, 1995.
- Sorabji* (2012). — *Sorabji R.* The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD: A Sourcebook. Vol. 1: Psychology. London: Bristol Classical Press, 2012.
- Sorabji* (2012). — *Sorabji R.* The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD: A Sourcebook. Vol. 3: Logic and Metaphysics. London: Bristol Classical Press, 2012.
- Swain* (2013). — *Swain S.* Themistius, Julian and Greek Political Theory under Rome. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2013.
- Tanaseanu-Döbler* (2013). — *Tanaseanu-Döbler I.* Theurgy in Late Antiquity: The Invention of a Ritual Tradition. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013.
- Thom* (1995). — *Thom J.C.* The Pythagorean golden verses with introduction and commentary. Leiden; New York: E.J. Brill, 1995.
- Urbano* (2013). — *Urbano A.P.* The Philosophical Life: Biography and the Crafting of Intellectual Identity in Late Antiquity. Washington, D.C: The Catholic University of America Press, 2013.
- Vanderspoel* (1999). — *Vanderspoel J.* Correspondence and correspondents of Julius Julianus // Byzantion. 69. 1999. P. 396-478.
- Vanderspoel* (1988). — *Vanderspoel J.* Iamblichus at Daphne // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 29. 1988. P. 83-86.
- Vanderspoel* (1987). — *Vanderspoel J.* The Fourth Century Philosopher Maximus of Byzantium // The Ancient History Bulletin. 1. 1987. P. 71-74.
- Vanderspoel* (1995). — *Vanderspoel J.* Themistius and the imperial court: oratory, civic duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.

- Watts (2006). — *Watts E.* City and school in late antique Athens and Alexandria. Berkeley: University of California Press, 2006.
- Watts (2012). — *Watts E.* Education: Speaking, Thinking, and Socializing // *The Oxford Handbook of Late Antiquity*. Oxford University Press, 2012. P. 467-486.
- Watts (2005). — *Watts E.* Orality and Communal Identity in Eunapius' «Lives of the Sophists and Philosophers» // *Byzantion*. 75. 2005. P. 334-361.
- Watts (2017). — *Watts E.J.* Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher. New York, NY: Oxford University Press, 2017.
- Afonasin (2010). — *Afonasin E.V.* Yamvlii Halkidskij. Pis'ma: Predislovie, perevod, kommentarii, prilozheniya, ukazateli // *Scholae. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya*. 4. 2010. S. 166-193.
- Vedeshkin (2017). — *Vedeshkin M.A.* «Kogda ya vyshel uzhe iz detskogo vozrasta, moj put' lezhal cherez trudy Platona i Aristotelya»: Aristotel' i peripateticheskaya tradiciya v kurrikulume YUliana Otstupnika // *Istoriya filosofii*. 22. 2017. S. 20-28.
- Vedeshkin (2016). — *Vedeshkin M.A.* Pravovoj status yazychnikov i yazycheskih kul'tov v Rimskoj imperii IV–VI vv.: zakonodatel'stvo i praktika // *Imperator Yulian. Polnoe sobranie tvorenij*. SPb.: Kvadrivium, 2016. S. 749-791.
- Vedeshkin (2018). — *Vedeshkin M.A.* Yazycheskaya oppozitsiya hristianizatsii Rimskoj imperii IV–VI vv. SPb.: Aletejya, 2018.
- Grigoryuk (2012). — *Grigoryuk T.V.* 337 god: krizis vlasti v Rimskoj imperii i «ubijstva princev» // *Vestnik drevnej istorii*. 281. 2012. S. 155-166.
- Dodds (2003). — *Dodds E.R.* Teurgiya // *Yazychnik i hristianin v smutnoe vremya. Nekotorye aspekty religioznyh praktik ot Marka Avreliya do Konstantina*. SPb.: IC «Gumanitarnaya Akademiya», 2003. S. 223-288.

ARS GRAMMATICA ДОНАТА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

СЕРГИЙ — КЛЕДОНИЙ — ПОМПЕЙ*

М.С. ПЕТРОВА

В статье на примере анализа *Ars grammatica* (Науки грамматики) Доната и текстов его ближайших комментаторов — Сергия (иногда называемым пс.-Кассиодором), Кледония и Помпея — реконструируются начатки нового образовательного процесса (V в.), укоренившегося в западноевропейской грамматической науке в эпоху раннего Средневековья. В частности, рассматривается содержание грамматических фрагментов *De littera, de syllaba, de pedibus, de accentibus, de distinctione* [«О букве, слоге, стихотворных стопах, ударениях и положении»] Сергия; сочинений *Ars* и *Ars secunda* Кледония и *Commentum artis Donati* Помпея. Обсуждается проблема авторства грамматических текстов *Explanationum in Artem Donati* [«Разъяснения науки Доната»] и *Commentarium de oratione et de octo partibus orationis* [«Комментарий о речи и о восьми частях речи»], фигурирующих под разными именами — Сергия, Сервия, Кассиодора и пс.-Кассиодора. Посредством сравнительного анализа выявляются сходства и различия рассматриваемых текстов по отношению к *Ars grammatica* Доната. Показывается, как позднеантичная грамматика в V веке постепенно становилась все менее строгой (по сравнению со своим авторитетным образцом), как она приспособливалась к нуждам нового времени. Делается вывод, что, с одной стороны, избранные Сергием (пс.-Кассиодором), Кледонием и Помпеем

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта (№ 19-013-00004) «Эволюция пространства образования и пространства знания в Поздней Античности».

ИУРОТНЕКАИ
2019. Вып. 3. С. 60-86
УДК 37.01

ИУРОТНЕКАИ
2019. Issue 3. P. 60-86
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-60-86](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-60-86)

методы для грамматического описания и объяснения частей речи резко отличались от методов изложения самого Доната, а, с другой стороны, Донатовым комментаторам в V веке так и не удалось создать какой-либо новой грамматики.

В настоящей статье мы предпринимаем попытку показать, как в период Поздней Античности «Наука грамматики» (*Ars grammatica*) Доната (с. 350)¹ была воспринята его ближайшими современниками; как, в какой степени и с какой целью Донатов текст постепенно трансформировался, объяснялся и приспособлялся к образовательным нуждам новой, Средневековой, эпохи².

В IV–V вв. разъяснительные вмешательства в *Ars grammatica* Доната не были редкостью³. Среди его первых комментаторов — Сервий (ок. 400 г.)⁴, Сергей, иногда называемый пс.-Кассиодором (fl. вероятно IV или V вв.), Кледоний (V в.) и Помпей (V в.).

Сергию принадлежат комментарии на разделы Доната «О букве, слоге, стихотворных стопах, ударениях и положении» (*De littera, de syllaba, de pedibus, de accentibus, de distinctione*)⁵. Возможно, он

¹ О Донате и его тексте, см.: Петрова (2008). С. 80-92.

² См. также: Amsler (1989). P. 66-71; Curtius (1953); De Poerck (1970). P. 197; Holtz (1981); Holtz (1971); Robins (1957); Swiggers; Wouters (2011). P. 69-91. На русском языке, см.: Тронский (=Троцкий, ²2001); Тронский (1996, перепеч. 1936).

³ См. также: Amsler (1989). P. 66-71; Wright (1982). P. 58-59.

⁴ О комментировании Сервием Донатова текста, см.: Петрова (2015). С. 110-132.

⁵ См.: Serg. De lit... // GL 4. P. 475, l. 1 – P. 485, l. 7. Это изложение, разъясняющее ту часть Донатовой *Ars grammatica*, которая относится к буквам, слогу, стихотворным размерам, ударению и слогоразделу, состоит из одноименных разделов: См. *De littera* (P. 475, l. 1 – P. 478, l. 8), *De syllaba* (P. 478, l. 9 – P. 480, l. 3), *De pedibus* (P. 480, l. 4 – P. 482, l. 4), *De accentibus* (P. 482, l. 5 – P. 484, l. 21), *De distinctione* (P. 484, l. 22 – P. 485, l. 7). Ср. также: [Serg.]. Exp. Lib. I // GL 4: *Explanatio litterae* (Ib. P. 518, l. 31 – P. 522, l. 12); *Pedum explanatio* (Ib. P. 522, l. 13 – P. 524, l. 17); *De accentibus* (Ib. P. 524, l. 18 – P. 533, l. 27); *De posituris* (Ib. P. 533, l. 28 – P. 534, l. 12). Наш перевод релевантных разделов из Донатовой *Ars grammatica* (I. 1. «О звуке», I. 3. «О слоге», I. 4. «О стихотворных стопах», I. 5. «Об ударениях»,

является автором и «Разъяснения науки Доната»⁶ (*Explanationum in Artem Donati*)⁷. Под именем Сергия мы также будем рассматривать текст, озаглавленный «Комментарий о речи и о восьми частях речи» (*Commentarium de oratione et de octo partibus orationis*), который ранее был атрибутирован Марку Аврелию Кассиодору, позднее — как собственно Сергию (только для глав *De oratione* и *De nomine*), так и пс.-Кассиодору⁸. По стилю изложения автора, мане-

1. 6. «О положениях») см. в следующем выпуске настоящего издания. Раздел «О буквах» см.: *Петрова* (пер. 2011). С. 313-314.

⁶ Авторство Сергия этой работы — условно. О ее принадлежности Сергию, см.: *Law* (1982). Р. 18-19.

⁷ См. [*Serg.*]. *Exp.* // GL 4. Р. 486, l. 1 – Р. 564, l. 25. Это «Разъяснение» достаточно объемное и состоит из двух книг, сохранившихся не полностью. Первая книга не имеет названия и начинается с небольшого введения (GL 4. Р. 486, l. 4 – Р. 487, l. 21). В числе ее разделов: (1.) *De parte orationis* (Ib. Р. 487, l. 23 – Р. 489, l. 19); (2.) *De nomine* (Ib. Р. 489, l. 20 – Р. 498, l. 34); (3.) *De pronomine* (Ib. Р. 498, l. 35 – Р. 502, l. 24); (4.) *De verbo* (Ib. Р. 502, l. 25 – Р. 509, l. 17); (5.) *De adverbio* (Ib. Р. 509, l. 18 – Р. 513, l. 7); (6.) *De participio* (Ib. Р. 513, l. 8 – Р. 515, l. 34); (7.) *De coniunctione* (Ib. Р. 515, l. 35 – Р. 516, l. 39); (8.) *De praepositione* (Ib. Р. 517, l. 1 – Р. 518, l. 23); (9.) *De interiectione* (Ib. Р. 518, l. 24-29); (10.) *Explanatio litterae* (Ib. Р. 518, l. 30 – Р. 522, l. 12); (11.) *Pedum explanatio* (Ib. Р. 522, l. 13 – Р. 524, l. 17); (12.) *De accentibus* (Ib. Р. 524, l. 18 – Р. 533, l. 27); (13.) *De posituris* (Ib. Р. 533, l. 28 – Р. 534, l. 12). Вторая книга начинается с вводного раздела *De maioribus partibus orationis* (Ib. Р. 534, l. 13 – Р. 535, l. 21). Затем следуют: разделы (1.) *De nomine* (Ib. Р. 535, l. 22 – Р. 540, l. 16), включающий в себя отдельный параграф под титулом *De declinatione nominum*, который посвящен склонению имен (Ib. Р. 540, l. 16 – Р. 545, l. 18); (2.) *Explanatio pronominis* (Ib. Р. 545, l. 19 – Р. 548, l. 14); (3.) *Explanatio verbi* (Ib. Р. 548, l. 15 – Р. 557, l. 26); (4.) *De adverbio* (Ib. Р. 557, l. 27 – Р. 560, l. 12); (5.) *De participio* (Ib. Р. 560, l. 13-17); (6.) *De coniunctione* (Ib. Р. 560, l. 18 – Р. 561, l. 2); (7.) *De praepositione* (Ib. Р. 561, l. 3 – Р. 562, l. 16); (8.) *De interiectione* (Ib. Р. 562, l. 17-25); (9.) *De soloecismo* (Ib. Р. 563, l. 1 – Р. 564, l. 25).

⁸ См. *Cass. [sp.]. Comm.* // PL 70. Cols. 1219 – 1240. См. также современное издание: *Serg. (Ps.-Cass). Comm. de orat.* (Stock). Р. 37-108. Это издание основано на рукописи, хранящейся в Парижской Национальной библиотеке (Parisinus Latinus 7530). Разделы *De oratione* и *De nomine*, включенные в указанный манускрипт, циркулировали под именем Сер-

ре его письма можно предположить, что сам он происходил из североафриканского региона⁹. Ниже мы приведем примеры из текстов Сергия, демонстрирующих метод его вмешательства в Донатов текст.

гия, но были приписаны Марку Аврелию Кассиодору его первым редактором Дж. Гаретом (J. Garet) в 1679 г. Спустя два столетия (в 1865 г.) атрибутированный М.А. Кассиодору текст был перепечатан Ж.-П. Минем в 70-м томе PL, однако в дальнейшем он не был включен Г. Кайлом в изданную им серию книг GL. В упомянутом выше критическом издании Кристиана Стока этот текст публикуется под именем Сергия с указанием на пс.-Кассиодора. См. также: *La Bua* (2005). Заметим, что мнение о принадлежности этого текста М.А. Кассиодору было поддержано одними исследователями (см.: *Cappuyns* [1949]. Col. 1374; *Fontaine* [1959]. P. 106, n. 2; *Holtz* [1975]. P. 137 sq.; *Holtz* [1981]. P. 252-253) и отвергнуто другими (см.: *Keil* [1880]. P. 140-141, note; *Manitius* [1911]. Col. 49; *Loefstedt* [1980]. S. 311-320; *Law* [1982]. P. 18). Текст, включенный Ж.-П. Минем в PL 70 (Cols. 1219 – 1240), под названием *Commentarium de oratione et de octo partibus orationis*, M. Aurelio Cassiodoro attributum, состоит из введения без названия (Ib. Cols. 1219B – 1220B), в котором обозначается принятое в эпоху Поздней Античности количество частей речи (восемь). В нем традиционно упоминается Аристотель, выделявший две основные части речи (имя и глагол) и относящий остальные части речи к второстепенным (среди последних — местоимение, наречие, причастие, союз, предлог, междометие), и стоики, рассуждающие о пяти частях речи (имени, местоимении, глаголе, наречии, причастии). Отмечается, что имя, местоимение и причастие изменяются по падежам, глагол — по времени и лицам; причастие — и по времени, и по падежам; и что четыре части речи, среди которых наречие, союз, предлог и междометие, никак не изменяются. В заключение вводного раздела говорится о порядке частей речи, принятом Донатом. Далее, в соответствующих главах рассматриваются свойства и особенности некоторых из частей речи. Первая глава (1.) «Об имени» (Ib. 1220B – 1234D) состоит из трех подразделов «О падежах» (Ib. 1228C – 1229B), «О склонениях» (Ib. 1229C – 1234A) и «О местоимении» (Ib. 1234BD). Далее следуют главы, состоящие из одного раздела: (2.) «О глаголе» (Ib. 1234D – 1236C), (3.) «О наречии» (Ib. 1236D – 1237D), (4.) «О причастии» (Ib. 1237D – 1238C), (5.) «О союзе» (Ib. 1238B – 1239A), (6.) «О предлоге» (Ib. 1239A – 1240B), (7.) «О междометии» (Ib. 1240).

⁹ См. *Wright* (1982). P. 58-59.

Что касается «Комментария о речи и о восьми частях речи»¹⁰, то его материалы по своему характеру все еще остаются преобладающе римскими и светскими¹¹. С одной стороны, автор воспроизводит техническое¹² грамматическое учение Доната, но, с другой стороны, он включает в него сведения (например, о разделении собственных имен на четыре вида¹³), имеющиеся в работе «О частях речи» (*De partibus orationis*)¹⁴ Сервия (400 г.), жившего в Риме¹⁵:

Propriorum nominum quatuor sunt species. Praenomen, quod idcirco dictum est, quia praecedit nomen, ut Publius Cornelius. Nomen, quod ex familia venit, ut Anicius. Cognomen, quod proprie nostrum est, ut Sylla, Catilina. Agnomen, quo aut ex virtute, aut ex vitio aliquo

¹⁰ О датировке написания этого текста точных сведений нет. Предположительно это период между 400–600 гг., т.е. между «Комментарием» Сервия и «Этимологиями» Исидора. См. *Stock* (2005). *Introd.*; см. также: *La Bua* (2005).

¹¹ Отметим, что в качестве примера для ‘nomen’ (PL 70. Col. 1228B) Сергий приводит собственное имя ‘Lucifer’, что не является доводом в пользу принадлежности автора и его работы к христианству. Заметим, что Присциан также обсуждает такие имена, как ‘Lucifer’ и ‘Daniel’ (GL 2. P. 142 и 214), а его *Institutiones*, без сомнения, нехристианские.

¹² То есть той части грамматики, которая относится к произношению, орфографии, парадигмам, составу слов и синтаксису. Подробнее см. *Петрова* (2015). С. 112, примеч. 8.

¹³ См. *Cass. [sp.]*. *Comm.* // PL 70. Col. 1221AB.

¹⁴ См. *Serv. (Serg.)*. *De part. orat.* // GL 4. P. 429, l. 2-3. Здесь следует обратить внимание на факт сложного атрибутирования *De partibus orationis*. В издании Г. Кейля эта работа приписывается Сервию, но с указанием на его возможное авторство (см. *Ib. Praef.* P. vii, xli, xlviii, sqq.). Она состоит из следующих разделов: 1. [Введение] (*Ib.* P. 429, l. 7-31), «Об имени» (*Ib.* P. 430, l. 1 – P. 435, l. 24); «О местоимении» (*Ib.* P. 435, l. 24 – P. 436, l. 24), «О глаголе» (*Ib.* P. 427, l. 1 – P. 438, l. 5), «О наречии» (*Ib.* P. 438, l. 6 – P. 440, l. 15), «О причастии» (*Ib.* P. 440, l. 16 – P. 441, l. 27), «О союзе» (*Ib.* P. 441, l. 28-33), «О предлоге» (*Ib.* P. 441, l. 34 – P. 443, l. 16), «О междометии» (*Ib.* P. 443, l. 17-27). Далее идут разделы «О варваризме» (*Ib.* P. 443, l. 28 – P. 445, l. 34) и «О солецизме» (*Ib.* P. 445, l. 35 – P. 448, l. 17), которые бесспорно принадлежат Сервию.

¹⁵ См. *Ibidem*. Col. 1221A; ср. *Serv. (Serg.)*. *De part. orat.* // GL 4. P. 429, l. 2-10.

utimur: ex virtute, ut Africanus, qui vicit Africam; ex vitio, ut Naso, quod grandem nasum habuit; unde dicitur Ovidius Naso; Sura, quod a sura grandi dicitur, ut Publius Lentulus Sura. Meminerimus autem non necesse esse ista quatuor propriorum generum nomina simul inveniri. Aliquando enim unum ex his invenimus, ut Romulus; aliquando duo, ut Anicius Marcus; aliquando tria, ut Lucius Cethegus Catilina; aliquando quatuor, ut Publius Cornelius Scipio Africanus.

Собственные имена бывают четырех видов. Преномен (личное имя), которое так называется потому, что стоит перед именем, например, Публий, Корнелий. Номен (родовое имя), которое происходит от фамилии [рода], например, Аникий. Когномен (семейное прозвище), которое, на самом деле, есть наше [имя], например, Силла, Катилина. Агномен (дополнительное прозвище), которое мы употребляем [в отношении человека] вследствие его доблести или физических недостатков: по доблести, например, «Африканский» — к тому, кто покорил Африку; по физическому недостатку — «Назон», ибо тот имел большой нос (поэтому говорят: Овидий «Носатый»); Сура зовется так из-за своих огромных икр, например: Публий Лентул «Икрастый». Мы же должны помнить, что не обязательно используются сразу все четыре собственных имени. Иногда мы находим только одно из них, например, Ромул; иногда — два, например, Аниций Марк, иногда — три, например, Луций Кетегий Катилина, иногда — четыре, например, Публий Корнелий Сципион Африканский¹⁶.

В целом, около двух третей «Комментария» отведено имени. При этом выделяются такие подразделы, как «О падежах»¹⁷, «О склонении»¹⁸ и «О местоимении»¹⁹. Автор начинает с краткого объяснения имени, а затем воспроизводит текст Доната:

Nomen dictum est, quod notam nobis unamquamque rem facit.
Nomen est pars orationis cum casu, corpus aut rem proprie communiterve significans²⁰.

¹⁶ Здесь и далее, кроме случаев оговоренных особо, перевод наш.

¹⁷ Cass. [sp.]. Comm. // PL 70. Cols. 1228C – 1229B.

¹⁸ Ib. Cols. 1229C – 1234A.

¹⁹ Ib. Col. 1234BD.

²⁰ Ib. Col. 1220B; ср. [Serg.]. Exp. // GL IV. P. 489, l. 26. Ср. также: Don. Ars gram. (Keil) // GL 4. P. 379, l. 2-3; Петрова (Пер. 2011). С. 314.

Имя так названо потому, что оно для нас обозначает всякую вещь. Имя есть часть речи с падежом, обозначающее тело или вещь в собственном или общем смысле²¹.

В другой работе, приписываемой Сергию и озаглавленной «Разъяснения науки Доната», встречается дополняющее пояснение²²:

...‘quid est nomen? nomen est pars orationis cum casu corpus aut rem proprie communiterve significans’. dicendo ‘cum casu’ separavit a verbo, separavit ad adverbio, separavit a coniunctione, separavit a praepositione, separavit ab iniectione; adhuc a duabus partibus non separavit, a pronomine et participio. nam accident casus pronomini et participio. quid ergo separate nomen ab illis? persona vel tempus: nam persona pronomum est, tempus participiorum. superseset ut dicamus, quid sit proprium ipsius nominis. ut sit vel proprium vel appellativum; hoc in nulla parte orationis invenies.

Что есть имя? — Имя есть часть речи с падежом, обозначающая тело или вещь в собственном или общем смысле (Донат). Посредством слов «с падежом» он отличает имя от глагола, наречия, союза, предлога и междометия; но не от двух прочих частей речи — местоимения и причастия. Ибо местоимению и причастию свойственны падежи. Чем тогда отличается от них имя? Лицом или временем: ибо местоимениям свойственно лицо, причастиям — время. Что же присуще собственно имени? Оно бывает собственным либо нарицательным: этого не встречается ни у какой другой части речи²³.

Подобный метод применяется автором и при разъяснении значений слов, способа их образования, а также словесных форм. Так,

²¹ Сергий и далее строит свое изложение подобным образом. Объясняя ту или иную часть речи, он сначала дает ее определение, а затем (иногда) воспроизводит текст Доната. См.: «О глаголе» (1234D – 1235A), «О причастии» (1237D), «О союзе» (1238D), «О предлоге» (1239A), «О междометии» (1240B), «О местоимении» (1234A), «О наречии» (1236D). В целом, определения этих частей речи не вполне ясны, но при этом они достаточно этимологические.

²² См. [Serg.]. Exp. // GL IV. P. 489, l. 30 – 490, l. 1. См. также *выше*, примеч. 7.

²³ Цит. по: *Тронский* (1996, перепеч. 1936). С. 126 (Пер. И.М. Тронского).

об отдельных именах сказано, что они происходят от глаголов. Например: “procurator” («управляющий») происходит от “procurare” («управляю»); ведь “procurator procurat” («управляющий управляет»)²⁴, “scriptor” — от “scribo” (scribere)²⁵. Говорится и о том, что некоторые имена образованы от самих себя (т.е. самопроизводно, как “sciendum” — «знание»), ибо они не имеют первоначального глагола²⁶, а некоторые (как, например, “auctor”) происходят и от самих себя, и от глаголов (зд. — auctor от augeo), потому что одно слово обозначает действие, а другое — создателя²⁷.

Комментарии Сергия способствовали росту авторитета Доната в области технической грамматики, поскольку Сергей повторял Донатовы определения частей речи и правил (обычно в виде ссылок и глосс на текст²⁸). Иногда Сергей уточняет объяснения Доната, замечая, что подчас употребление слов авторитетным грамматистом противоречит правилам технической грамматики²⁹; иногда, согласившись с Донатом (как, например, в случае его утверждения, что имена городов не употребляются с предлогами³⁰), он тотчас же приводит иные примеры, ссылаясь на других авторитетных авторов³¹; иногда, вмешиваясь в Донатов текст, Сергей отмечает, что римский грамматист ошибается в отдельных своих доводах (например, говоря об учащающихся глаголах)³². В свою очередь, это позволяет автору составить «свои» определения для “partes” (он делает это в ма-

²⁴ См. Cass. [sp.]. Comm. // PL 70. 1223B: “...omnis enim scriptor scribit, ut procurator venit ab eo quod est procuro; omnis enim procurator procurat”.

²⁵ Ibid. 1223B: “...ut scriptor venit ab eo quod est scribo”.

²⁶ Ibid. 1223A: “...sed sciendum est quod a se nascitur; non enim habet originem verbi”.

²⁷ Cass. [sp.]. Comm. // PL 70. 1223A: “...aliud est enim augere, aliud auctorem esse”.

²⁸ Например, Ibid. 1220B; 1221D; 1228A; 1228D; 1235B.

²⁹ Например, в разделе «О наречии», когда Сергей пишет о происхождении наречия “indulgenter” от причастия “indulgens”. См. Ibid., 1236B. Ср. Cled. Ars sec. // GL 5. P. 62, l. 30-31.

³⁰ Например, “Roma venio”. См.: Cass. [sp.]. Comm. // PL 70. 1237CD.

³¹ Как в случае с Салюстием и его фразой “cum Brutus a Roma abierat”. — Ibidem.

³² Например, Ibid. 1235CD.

нере Сервия) и добавить свои разъяснения в уже опосредованный Сервием текст Доната. Тем самым он репродуцирует грамматический дискурс времен Поздней Империи.

Грамматические тексты (*Ars Cledonii Romani Senatoris Constantinopolitani Grammatici* и *Ars Secunda*)³³ Кледония демонстрируют иной путь, по которому начатый Сервием комментаторский дискурс «вытеснял» авторитетное рассуждение Доната. Возможно, это связано с тем, что Кледоний, несмотря на статус римского сенатора, обучал грамматике не в Риме (как это делали Донат и Сервий), а в Константинополе. Его «Грамматика» является ранним (если не первым) текстом, в котором комментируемое изложение Доната развернуто в виде лемм (хотя не все объяснения Кледония имеют

³³ В целом, «Грамматика» Кледония (GL 5. P. 10-79, изданная Г. Кейлом на основании издания 1861 г. [Putsch]) представляет собой собрание двух работ, озаглавленных, соответственно, *Ars Cledonii Romani Senatoris Constantinopolitani Grammatici* и *Ars secunda* (последняя сохранилась не полностью). Первую работу *Ars...* предваряет посвящение (Ib. P. 9, l. 1-16), в котором отсутствует начало и в котором Донат упомянут Кледонием как авторитет (*doctissimi Donati* — Ib. P. 9, l. 2). Далее следуют разделы, условно составляющие морфологическую часть работы: *De partibus orationis* (Ib. P. 10, l. 5-13); *De nomine* (Ib. P. 10, l. 14 – P. 14, l. 7); *De pronomine* (Ib. P. 14, l. 8 – P. 15, l. 32); *De verbo* (Ib. P. 16, l. 1 – P. 20, l. 27); *De adverbio* (Ib. P. 20, l. 28 – P. 22, l. 26); *De participio* (Ib. P. 22, l. 27 – P. 24, l. 35); *De coniunctione* (Ib. P. 24, l. 1-27); *De praepositione* (Ib. P. 24, l. 28 – P. 26, l. 11); *De interiectione* (Ib. P. 26, l. 12-24). Затем — разделы, условно относящиеся к фонетической части работы: *De littera* (Ib. P. 26, l. 25 – P. 28, l. 16); *De syllaba* (Ib. P. 28, l. 18 – P. 30, l. 4); *De pedibus* (Ib. P. 30, l. 5 – P. 31, l. 27); *De accentibus* (Ib. P. 31, l. 28 – P. 34, l. 25). В работу *Ars Secunda* входят морфологические разделы, в том же порядке, что и в *Ars...*: *De partibus orationis* (Ib. P. 34, l. 10-24); *De nomine* (Ib. P. 34, l. 25 – P. 48, l. 27); *De pronomine* (Ib. P. 49, l. 1 – P. 53, l. 27); *De verbo* (Ib. P. 53, l. 28 – P. 62, l. 13); *De adverbio* (Ib. P. 62, l. 14 – P. 70, l. 10); *De participio* (Ib. P. 70, l. 17 – P. 73, l. 5); *De coniunctione* (Ib. P. 73, l. 6 – P. 75, l. 8); *De praepositione* (Ib. P. 75, l. 9 – P. 78, l. 28); *De interiectione* (Ib. P. 78, 30 – P. 79, l. 18). Заключительный раздел — *De barbarismo* (Ib. P. 79, l. 19-22), из которого сохранились лишь три строки.

прямое отношение к тексту, которому они изначально следуют³⁴).
Например³⁵:

Proprie: proprie, ut Roma Tiberis; communiter, ut urbs flumen. — *Nomini quot accidunt? qualitas* accidit, ut sciamus | quale nomen sit, masculinum an femininum, vel proprium an appellativum; *comparatio*, quia appellativa nomina comparantur, propria numquam; *genus*, ut discernamus sexus; *numerus*, qui unum et plures demonstrat: et communis est numerus, qui et dualis dicitur apud Graecos, ut species facies res: *figura*, quia simplicia nomina conponi possunt; *casus*, quibus nomina declinantur...

В собственном смысле: в собственном смысле, например, Рим, Тибр; в общем смысле, например, город, река. — *Какие бывают признаки у имени?* У него есть *качество*, чтобы мы знали, какое это имя: мужского или женского рода; собственное или нарицательное; у него есть *сравнение*, потому что нарицательные имена сравниваются, а собственные нет; у него есть род, потому что мы разделяем его на два пола; число, потому что оно бывает в единственном и множественном числе, и есть число общее, которое у греков называется двойственным, например, *species*, *facies*, *res*; у него есть *фигура*, потому что простые имена могут составляться; падежи, по которым имена склоняются...

Здесь важно заметить, что текст Кледония направлен на техническое толкование не *Ars grammatica* Доната, а *Сервиева* «Комментария», из которого постепенно вытесняются мифологические и исторические объяснения. У самого Кледония мифологические описания все еще встречаются (например, он включает в свое изложение традиционное упоминание о том, что нимфа Кармента придумала римский алфавит³⁶), но они уже редки. Заявляя о своем намерении следовать авторитету Доната в числе *partes orationes*³⁷, а

³⁴ Holtz (1981). P. 429-431.

³⁵ См.: *Cled. Ars...* // GL 5. P. 10, l. 5-8.

³⁶ См.: *Cled. Ars...* // GL 5. P. 26, l. 35 – P. 27, l. 1: “Romanas litteras primo Carmentis nympha, mater Euandri, invenit, ut alii dicunt, Mercurius”.

³⁷ Ibidem. P. 10, l. 7-8: “Nos vero convenit Donati sequi auctoritatem. Igitur octo partes orationis esse dicimus” («Мы же решили последовать авторитету Доната. Следовательно, мы скажем, что есть восемь частей речи»). См. также: Swiggers; Wouters (2011). P. 81, n. 17.

также и в ряде других случаев³⁸, Кледоний подвергает сомнению Донатов текст, уточняет или исправляет его. Так, в самом начале своей «Грамматики» Кледоний определяет восемь частей речи в точных технических терминах, говоря о некоторых из них так³⁹:

De partibus orationis. Ex his duae sunt principales, nomen et verbum: ex nomine et verbo genus ducunt ceterae partes. — Principales: sine quibus loqui non possumus. unde et primae partes orationis ponuntur, quia reliquae harum sunt partes. pronomen hoc est | paene quod nomen; adverbium quae pars sine verbo non palitur; participium habere enim parti nominis et verbi coniungitur; nominis et verbi ponitur coniunctio, nomini autem praepositur et verbo; interiectio nomini adponitur et verbo. — Articulum: male dixit Donatus. Habemus autem articulos, sed in pronomine, non in nomine, ut Graeci. τὸ ἄρθρον cum in nomine habeant Graeci, interiectionem in adverbio enumerant. Heu adverbium Graeci dicunt, Latini interiectionem. Ergo nos articulum separatum non habemus, Graeci interiectionem. — Aristoteles duas dicit, stoici quinque, multi novem, multi decem, plerique undecim.

О частях речи. Из них две части речи основные: имя и глагол; от имени и глагола происходят прочие части речи. — *Основные:* это те, без которых речь невозможна. Они считаются первыми частями речи потому, что остальные происходят от них. *Местоимение*, т.е. почти что имя; *наречие* есть такая часть, которая без глагола не употребляется, *причастие* сочетает в себе часть имени и глагола; *союз* присоединяется к имени и глаголу. — *Артикль:* плохо Донат сказал. Ведь у нас есть артикли, но они [проявляются] в местоимении, а не в имени, как у греков. Когда в имени у греков имеется τὸ ἄρθρον, то они междометие относят к наречию. ‘Heu’ греки зовут наречием, латиняне — междометием. Следовательно, у нас нет отдельного артикля, у греков — междометия. — Аристотель говорит о двух [частях речи], стоики — о пяти, многие [другие] — о девяти, десяти [или] одиннадцати.

³⁸ См. Ibidem. P. 12, l. 34 — Кледоний упоминает Доната и других авторов (“...secundum Donatum et aliis”), когда разъясняет значение имени “proconsul”; Ib. P. 20, l. 28 — Кледоний ссылается на Доната (“...ita Donatus”), когда рассуждает о желательном наклонении.

³⁹ E.g., *Cled. Ars sec.* // GL 5. P. 34, l. 26-29.

В том месте, в котором Кледоний рассуждает о наречии, он пишет, что оно присоединяется к глаголу для уточнения его значения, как, например, “bene lego” («хорошо читаю») или “male describo” («плохо переписываю»), и показывает, *каким образом* что-то совершается или не совершается (ut etiam faciam vel non faciam)⁴⁰. Разъясняя способы образования наречия, Кледоний отмечает, что оно может происходить и от самого себя (a se nascuntur), как, например, “pessimo recito” («очень плохо читаю вслух») и “optime perago” («превосходно говорю»), и от других частей речи и слов. Например, от имени (a vocabulo), как “ostium — ostiatim”, от местоимения, как “meatim, tuatim”, от глагола, как “cursim, strictim”, от причастия, как “indulgens — indulgenter”. Но здесь Кледоний указывает на ошибку Доната (hic erravit Donatus) и поясняет, что причастие никогда не производит наречие от себя самого (nam nulla participia adverbium ex se faciunt). Далее он соотносит “indulgens” с именем на основании того, что это слово принимает степени сравнения, как “indulgens — indulgentior — indulgentissimus”⁴¹.

Следуя Донату, Кледоний разъясняет особенности всех частей речи. Так, обыгрывая звучание слов: “...nomen dictum quasi notamen, quod res nobis notas efficiat”, он пишет, что имя так названо потому, что оно обозначает известные нам предметы⁴². Его разъяснения других частей речи сводятся к следующему: местоимение так названо потому, что оно ставится вместо имени, глагол, — потому, что сотрясает уста внутренним движением языка, наречие, — потому, что присоединяется к глаголу, причастие... (здесь лакуна), со-

⁴⁰ Ib. P. 62, l. 17-18.

⁴¹ Ib. P. 62, l. 30-35 – P. 63, l. 1.

⁴² См.: *Cled. Ars...* // GL 5. P. 10, l. 6-13. Ср.: *Isid. Etym.* I, 7, 1: “Nomen dictum quasi notamen, quod nobis vocabulo suo res notas efficiat. Nisi enim nomen scieris, cognitio rerum perit”. Словам “nomen — notamen” нет возможности подобрать эквиваленты на русском языке. В целом, смысл фразы сводится к следующему: «Имя (nomen) названо так словно notamen, потому что оно словом (именем) своим называет всякие вещи, делая их известными (notas). Ведь если ты не знаешь названия [вещей], то и знание о них утрачено». Ср. также: *Veneis; Maierù* (1990; tr. 1994). P. 154: “A name is so called almost like *notamen*, which makes things known (*notas*) to us with its words. In fact if you do not know the name, the knowledge of things is lost”.

юз, — потому, что соединяет две части фразы; предлог, — потому, что присоединяется ко всем частям речи и к самому себе (как “circumcirca”), а междометие, — потому, что происходит от душевного волнения⁴³.

Далее, в *Ars secunda* Кледоний определяет ‘nomen’ и ‘pronomen’, ‘verb’, ‘adverbium’ и ‘participio’, а также ‘coniunctio’, ‘praepositio’ и ‘interiectio’ в таких логических выражениях:

Nomen aut corporalem rem significat aut incorporalem. Corporalia sunt quae et tanguntur et videntur; ut homo terra mare; incorporalia sunt quae non tanguntur et videntur ut caelum sol aer; alia quae nec tanguntur nec videntur, ut pietas iustitia dignitas⁴⁴. —

Имя обозначает телесную или бестелесную вещь. Телесное — это осязаемое и видимое, например, *человек, земля, море*. Бестелесное — то, что неосязуемо и видимо, например, *небо, солнце, воздух*; и иное, неосязуемое и невидимое, например, *почтительность, справедливость, достоинство*.

Quaerendum utrum pronomen an pronomine dicatur. magis pronomen, sicut procurator. — Inter nomen et pronomen hoc interest, quia nomen plenam elocutionem habet, pronomen semiplenam... Inter nomen et pronomen hoc interest: nomina comparationes habent, pronomina personas. nam neque nomina personas possunt habere neque pronomina comparationes⁴⁵. —

Следует выяснить, как говорить: pronomen или pronomine? Чаше говорят pronomen, по аналогии с procurator («прокуратор»). Имя от местоимения отличается тем, что имя выражает полный [смысл слова], местоимение — неполный... Имя от местоимения отличается тем, что имена имеют [степени] сравнения, [а] местоимения [изменяются по] лицам. Ведь имена не могут изменяться по лицам, также как местоимения не могут сравниваться.

⁴³ *Cled. Ars...* // GL 5. P. 10, l. 6-13: “...*pronomen*, quod inpleat nominis vicem; *verbum*, quod verberet os motus linguae reductus; *adverbium*, quod verbis adiectum sit; *participium* (*текст не сохранился. — М. П.); *coniunctio*, quod coniungat duas partes; *praepositio*, quae omnibus partibus praeponatur et sibi ipsi; *interiectio*, quae ex affectu nascitur mentis...”.

⁴⁴ *Cled. Ars sec.* P. 34, l. 26-29.

⁴⁵ *Ibidem.* P. 49, l. 2-8.

Verbum dictum a *verberato* aere, quod motu fit linguae, sed et aliae partes sic fiunt⁴⁶. —

Глагол именуется так от сотрясаемого воздуха, что происходит от движения языка, но так образуются и другие части речи.

Adverbium est pars orationis, quae adiecta verbo significationem (adicitur verbo semper *adverbium*, unde et *adverbium dictum*) eius aut complet aut minuit (ut est bene lego, male describo), ut etiam faciam vel non faciam⁴⁷. —

Наречие — часть речи, которая придает глаголу значение ([потому] и говорят, что verbo всегда *adverbium*, оттого оно и называется *adverbium* [наречием]) [поскольку] наполняет или умаляет его (как “хорошо читаю”, “плохо переписываю”, а также [показывает], что совершается или не совершается).

Participium est pars orationis dicta, quod partem capiat nominis, partem verbi. recipit enim a nomine genera et casus [qualitatem et tempus], a verbo tempora et significationes, ab utroque numerum et figuram...⁴⁸. —

Причастие — часть речи, которая частично принимает [свойства] имени, частично глагола. Ведь от имени оно берет род и падеж [качество и время], от глагола — времена и значение; от обеих [частей речи] — число и фигуру [составления]...

Coniunctio est pars orationis adnectens: coniunctio ideo dicitur, quod adnectit verba; a conexione vim suam habet declaratam⁴⁹. —

Союз — связующая часть речи; потому союз так называется, что соединяет слова; от связывания он имеет свою обозначенную силу.

Praepositio est pars orationis: praepositur praepositio omnibus partibus, etiam sibi ipsi, ut *circumcirca*⁵⁰. —

Предлог — часть речи, ставящаяся впереди всех частей речи, даже перед самым собой, как “*circumcirca*”.

⁴⁶ Ib. P. 53, l. 29-30.

⁴⁷ Ib. P. 62, l. 15-18

⁴⁸ Ib. P. 70, l. 12-15.

⁴⁹ Ib. P. 73, l. 7-8.

⁵⁰ Ib. P. 75, l. 10-11.

Interiectio est pars orationis interiecta aliis partibus orationis ad exprimendos animi affectus; aut metuentis, ut ei, aut optantis, ut o; aut dolentis, ut eu: o multas particulas habet⁵¹. —

Междометие — часть речи, помещаемая между другими [частями] речи для выражения аффектов души и страха (вроде «ах!»), желания (вроде «о!»), огорчения, [вроде] «ох»; в то же время «о!» имеет много значений.

При описании составных имен (composita nomina)⁵², Кледоний демонстрирует знание того, как Сервий разъясняет простые (simplices) и составные слова (composita verba), а также способы их происхождения — ‘naturalis’ и ‘ex arte’. В целом, Кледоний, по сравнению с Сервием, еще больше «развертывает» разъяснения текста Доната, подробно комментируя (а иногда исправляя) его текст. Таким образом, Кледоний, расчлняя исходный Донатов текст на ряд лемм, принимает *другую* разъясняющую стратегию и тем самым «вытесняет» из него технический дискурс вместе с этимологическими вмешательствами в него, начатыми Сервием.

Однако другие грамматисты в своих текстах, напротив, актуализировали именно этимологическую стратегию. Среди таковых — Помпей (V в.), еще один африканский грамматист, распространивший текст Доната. В отличие от Кледония, Помпей открыто вставляет разъяснения (в виде лемм, как у Кледония) на Доната в *свой* «Комментарий» (Commentum artis Donati)⁵³, а не в Сервиев текст.

⁵¹ Ib. P. 78-79, l. 26-3.

⁵² Ib. P. 43, l. 13 – P. 44, l. 5.

⁵³ См. *Pomp. Comm.* // GL 5. P. 95-312. «Комментарий» Помпея начинается с небольшого введения (Ib. P. 95, l. 1 – P. 98, l. 8), после которого следуют разделы De litteris (Ib. P. 98, l. 9 – P. 111, l. 17); De syllaba (Ib. P. 111, l. 10 – P. 120, l. 20) с подразделом De communibus syllabis (Ib. P. 115, l. 26 – P. 120, l. 20); далее следуют разделы De pedibus (Ib. P. 120, l. 21 – P. 125, l. 33), De accentibus (Ib. P. 125, l. 34 – P. 133, l. 2), De posituris (Ib. P. 133, l. 3 – P. 134, l. 2) — все они условно могут составить первую часть работы Помпея. Разделы, озаглавленные De partibus orationis (Ib. P. 134, l. 3 – P. 282, l. 35), могут быть отнесены ко второй части, начинающейся со вступления (Ib. P. 134, l. 3 – P. 136, l. 35). В нее вошли: достаточно обширная секция De nomine (Ib. P. 137, l. 1 – P. 199, l. 19) с подразделами De qualitate (Ib. P. 139, l. 24-31), De speciebus propriorum et appellativorum (Ib.

Тем самым он «скрывает» авторитет Доната за собственной дискурсивностью. Помпей часто исправляет описания Доната и (подобно Макробию⁵⁴) рассматривает грамматику как сухое и весьма спорное рассуждение ученых, которым свойственно связывать грамматические штудии и различные объяснения с их собственным социальным статусом и интеллектуальным престижем⁵⁵. Как видно по начальной глоссе к слову ‘ars’, Помпей увязывает воедино этимологическую стратегию и авторитетное разъяснение:

Plerique qui artem scribunt a definitione ipsius artis inchoant et quaerunt “quid est ars?” et ita definiunt, “ars est unius cuiusque rei scientia”. quaeritur enim etymologia ipsius artis⁵⁶.

Многие из пишущих об ‘искусстве’, начинают с определения самого ‘искусства’ и спрашивают, что такое ‘искусство’, определяя его так: «‘Искусство’ есть знание всякой вещи». Ведь спрашивается об этимологии слова «искусство».

Так, если большинство Донатовых комментаторов, воспроизводящих его «Граматику», начинали с вопроса (что такое ‘ars’?) или с утверждения (‘ars’ есть...), то Помпей поступает иначе... При-

P. 139, l. 32 – P. 150, l. 31), De comparatione (Ib. P. 150, l. 32 – P. 159, l. 21), De generibus (Ib. P. 159, l. 22 – P. 165, l. 18), De numeris (Ib. P. 165, l. 19 – P. 170, l. 25), De casibus (Ib. P. 170, l. 26 – P. 174, l. 12), De numeris quasi petractando (Ib. P. 174, l. 13 – P. 178, l. 8), De figura (Ib. P. 178, l. 9 – P. 181, l. 29), De casibus (Ib. P. 181, l. 30 – P. 197, l. 19), De analogia (Ib. P. 197, l. 20 – P. 199, l. 19). Далее следуют разделы: De pronomine (Ib. P. 199, l. 20 – P. 212, l. 2), De verbo (Ib. P. 212, l. 3 – P. 241, l. 9), De adverbio (Ib. P. 241, l. 10 – P. 256, l. 7), De participio (Ib. P. 256, l. 8 – P. 264, l. 15), De coniunctione (Ib. P. 264, l. 16 – P. 269, l. 25), De praepositione (Ib. P. 269, l. 26 – P. 281, l. 3), De interiectione (Ib. P. 281, l. 4 – P. 282, l. 35). К третьей части можно отнести разделы De barbarismo (Ib. P. 283, l. 1 – P. 288, l. 21) и De soloecismo (Ib. P. 288, l. 22 – P. 292, l. 35). Последний раздел включает в себя следующие подразделы: De ceteris vitis (Ib. P. 293, l. 1 – P. 296, l. 2), De metaplasmo (Ib. P. 296, l. 3 – P. 299, l. 35), De schematibus (Ib. P. 300, l. 1 – P. 312, l. 16).

⁵⁴ Имеется в виду: *Macr. De verb.*

⁵⁵ В пример такого подхода можно привести этимологические рассуждения Варрона (см. *Amsler* [1989]. P. 25-31), критику Вергилия Макробием (см.: *Миллер* [1963]. С. 294-309; *Петрова* [2013]. P. xxxviii-lit).

⁵⁶ См.: *Потр. Comm.* // GL 5. P. 95, l. 3-5.

держиваясь стратегии этимологического вмешательства в Донатов текст, он заключает, что этимология слова ‘ars’ уже изучена. Далее, объясняя такие понятия как ‘figura’ и ‘compositio’, Помпей сочетает в своем «Комментарии» две системы объяснения Донатова текста — технический дискурс и этимологию⁵⁷:

Figura in nominibus aut simplex est aut composita. Simplex est a natura, id est quae de una re constat, ut doctus; composita, quae de duabus constat rebus, quae accipit ornatum, ut indoctus. Simplex est, quae unam rem habet, duplex, quae de duabus rebus constat, id est composita. habes in arte Probi, id est Institutis ipsius, hoc tractatum: ait sic, nomina omnia posse conponi vel ex non intellegendis (hoc stultum est) vel ex integris vel ex corruptis (hoc bene dixit). “ex non intellegendis” stultissimum est. puta columna: colu potest habere intellectum, “colu feminea Parcarum dirupta,” et puta si dicas “colu Parcarum, pereunte colu”; ecce habes intellectum eius. mna nihil significat. hoc si volueris sequi, omnia nomina composita erunt, quaecumque sunt in rerum natura. numquam enim licet tibi referre rem ipsam ad etymologiam, nisi ipsa etymologia consentit rei principali. colu aliud est. numquid ideo dicta columna est, quod habet originem a colu? ergo cum illud aliud significet, hoc aliud significet, quare dico compositum est nomen ex integro et corrupto, cum ipsum etymum non habeat commune cum principali? et quod non habet commune cum principali etymum, compositum non est. ergo hoc sequimur, ut illa dicamus corrupta, quae resoluta possunt fieri integra. [aliae] fiunt compositae figurae ex duobus integris, ut suburbanum; ex duobus corruptis, ut efficax; ex corrupto et integro, ut nugigerulus; ex integro et corrupto, ut insulus. et re vera illa possunt dici corrupta, quae fuerunt integra; in communi etiam sermone sic habemus. numquid possumus dicere birrum corruptum esse, nisi quia fuit integra? sic etiam non possumus dicere partes corruptas esse in oratione, nisi quae resolutae integrum faciunt. non possumus ergo dicere compositas esse, nisi resolutas revoces ad integrum.

У имен фигура [figura] может быть простой или составной. Простая [происходит] от природы, то есть, та, что состоит из одной части, например, doctus; составная — та, что состоит из двух частей, которая принимает украшение, например, indoctus. Простая [фигура] та, которая имеет одну часть, двойная та, которая

⁵⁷ Ib. P. 178, l. 10 – 179, l. 2. См. также: Joseph (2000). P. 103-104.

состоит из двух частей, то есть составная. У Проба в *Ars*, то есть в его *Institutiones*, сказано так: он говорит, что все имена могут быть составлены либо из бессмысленных [слов] (что глупо) или целых или оборванных [слов] (что сказано правильно). «Из бессмысленных» [слов] является наиглупейшим. Рассмотрим [слово] “columna” (колонна). [У его части] “colu-” [есть смысл]; [его] можно понять как “colu feminea Parcarum dirupta” (бабьей оборванной пряжей Парок); и если ты скажешь: “colu Parcarum, pereunte colu” («пряжью Парок, пряжей погибели», то ты получишь смысл слова. [А] “-mna” ничего не обозначает. Если ты будешь следовать этому [правилу], то все имена предстанут составными, каковы бы они ни были по природе вещей. В самом деле, ты не сможешь отослать вещь к этимологии, если сама этимология не согласуется с исходной вещью. “Colu” («прялка») — это другая [вещь]. Разве “columna” названа так не потому, что происходит от “colu” («прялки»)? Следовательно, если первое значит одно, а второе — другое, то почему, я спрашиваю, имя состоит из целого и оборванного, если объект этимологизирования [etymon] не имеет ничего общего с исходной вещью? А если объект этимологизирования не имеет ничего общего с исходной вещью, то он не является составным. Следовательно, заключаем мы, оборванными называются те [формы], которые могут стать целыми благодаря разъяснению. Есть другие составные фигуры — из двух целых [слов], как “suburbanus”; из двух оборванных, как “efficax”; из оборванного и целого, как “nigigerulus”; из целого и оборванного, как *insulsus*. И, воистину, искаженными можно назвать те, которые некогда были целыми; ведь мы встречаем это в повседневной речи. Ведь если мы именуем “bigum” оборванным [словом], значит, некогда оно было целым? Поэтому-то мы не можем сказать, что в речи есть [слова] оборванные, если посредством разъяснения они не станут целыми. Таким образом, мы не можем сказать, что имеются составные [имена], пока посредством разъяснения не вернем их к целостности.

В приведенном фрагменте объяснение Помпея понятия ‘*figurae nominum*’, демонстрирующее его этимологическую стратегию, предваряет традиционное Донатово техническое описание ‘*figura*’ и его же примеры четырех видов ‘*composita*’⁵⁸. Мифографическое

⁵⁸ Ср. *Don. Ars. gram.* // GL 4. P. 377, l. 3-14; Петрова (пер., 2011). С. 320-321.

уравнивание слов ‘colu [Parsarum]’ и ‘columna’ позволяет ему проанализировать словесные образования. Помпей полагает, что если исходное слово не имеет ничего общего со своим источником, то оно не может быть составным. Соответственно, он пытается расширить техническое понятие ‘derivatio’, окружая его мифографическим контекстом, и показывает, что значения слов состоят в их формах, которые изоморфичны по отношению к тому, с чем они соотносятся. Как и комментарии Сервия, текст Помпея подразумевает, что экзегетический нарратив может функционировать самостоятельно, как обоснованное грамматическое объяснение.

Таким образом, разъяснительная процедура Помпея Донатова текста воспроизводит два понятия. Первое — платоническое понятие грамматического знания о том, что элементы подвергнутого анализу языка должны соответствовать элементам подвергнутой анализу реальности, к которой язык относится. Второе — стоическое понятие «лектон» (τὸ λεκτόν)⁵⁹, которое помогает объяснить значение слов и выражений⁶⁰.

Можно заключить, что стратегия, избранная Сергием (пс.-Кассиодором), Кледонием и Помпеем для грамматического описания и объяснения частей речи Донатовой *Ars grammatica*, резко отличалась от методов изложения самого Доната. Но, как очевидно, перечисленным выше Донатовым комментаторам в V веке так и не удалось создать какой-либо новой, христианской технической грамматики. Скорее, вплоть до VI века имело место лишь «приложение» имеющейся римской грамматики Доната к специфике хри-

⁵⁹ См.: Хрисипп из Сол, фр. 181-220. С. 96-124. Оригинальный текст см. TLG.

⁶⁰ В связи с этим не удивительно, что текст Помпея был источником для *Etimologiae* Исидора Севильского, автора одного из наиболее влиятельных христианских описаний *Ars grammatica*. Кроме того, колебания в текстах Помпея между повторяющимися техническими объяснительными процедурами и развертывающимся все больше этимологическим описанием семантических и словесных форм продолжилось позднее, в работе другого африканского грамматиста — Присциана (перв. пол. VI в.), озаглавленной *Institutiones grammaticae* («Установления грамматики»), ставшей наряду с *Ars grammatica* Доната самым распространенным «учебником» по латинскому языку в Средние века.

стианской аудитории⁶¹. Тем не менее, несмотря на свою консервативную основу, позднеантичная техническая грамматика в V веке постепенно становилась все менее строгой (по сравнению со своим авторитетным образцом — Донатом), а приложенные к ней этимологические стратегии при обращении к латинскому языку все чаще признавались за нормативные⁶².

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

Оригинальные тексты, кроме случаев, оговоренных особо, см. в открытом доступе в сети Интернет:

GL — *Grammatici Latini* / Ed. G. Keil. Vols. 1 – 7 (1822–1894). — <https://archive.org/details/grammaticilatini01keil/page/> (январь, 2019). Ссылка указана на первый том.

PL — *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / Ed. J.-P. Migne. T. 1 – 217 (1844–1855). — <https://www.roger-pearse.com/weblog/patrologia-latina-pl-volumes-available-online/> (январь, 2019); <http://patristica.net/latina/> (январь, 2019).

Другие латинские тексты см. в электронной текстовой базе данных Packard Humanities Institute Latin Library texts (PHI 5, CD-ROM edition); греческие тексты цитируются по изданиям, представленным в электронной текстовой базе данных The online Thesaurus Linguae Graecae (TLG). — <http://stephanus.tlg.uci.edu> (январь, 2019).

Cass. [sp.]. *Comm.* — *Commentarium de oratione et de octo partibus orationis, M. Aurelio Cassiodoro attributum* // PL 70. Cols. 1219 – 1240.

Cled. *Ars...* — *Ars Cledonii Romani Senatoris Constantinopolitani Grammatici* // GL 5. P. 10-34.

Cled. *Ars sec.* — *Cledonii Ars secunda* // GL 5. P. 34-79.

Don. *Ars gram. (Keil)* — *Donati Ars grammatica* // GL 4. P. 355-402.

Don. *Ars gram. (Holtz)* — *Donati Ars grammatica* // *Holtz L.* *Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981.

⁶¹ См. *Law* (1982). P. 30-34.

⁶² См.: *Wright* (1982). P. 54-61; 78-82.

- Macr.* De verb. — Macrobian Theodosii de Verborum Graeci et Latini differentiis vel societatibus excerpta / Ed. Paolo de Paolis. Urbino: Quattro Venti, 1990. Pp. lxxv+198.
- Pomp.* Comm. — Pompeii Commentum Artis Donati // GL 5. P. 95-312.
- Serg.* De litt... — Sergii de littera, de syllaba, de pedibus, de accentibus, de distinctione // GL 4. P. 475-485.
- Serg.* De orat., De nom. (*Stock*) — Sergius (Ps.-Cassiodorus). Commentarium de oratione et de octo partibus orationis Artis Secundae Donati / Ed. Christian Stock. Überlieferung, Text und Kommentar. Sammlung wissenschaftlicher Commentare. München – Leipzig: K.G. Saur, 2005. 439 p.
- [*Serg.*]. Exp. — [Sergii] Explanationum in Artem Donati // GL 4. P. 486-565.
- Serg.* (Ps.-Cass.). Comm. de orat. (*Stock*) — Sergius (Ps.-Cassiodorus). Commentarium de oratione et de octo partibus orationis Artis Secundae Donati / Ed. Christian Stock. Überlieferung, Text und Kommentar. Sammlung wissenschaftlicher Commentare. München – Leipzig: K.G. Saur, 2005. P. 37-108.
- Serv.* (*Serg.*). De part. orat. — Servii (Sergii) de partibus orationis // GL 4. P. 428-443.
- Amsler* (1989) — *Amsler M.* Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Company, 1989.
- Cappuyns* (1949) — *Cappuyns M.* Cassiodore // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique. Vol. 11. 1949. Cols. 1349 – 1408.
- Curtius* (1953) — *Curtius E.R.* European Literature and the Latin Middle Ages / Trans. by Willard R. Trask. Princeton: Princeton University Press, 1953.
- De Poerck* (1970) — *De Poerck G.* Etymologia et origo à travers la tradition latine // *Anamnēsis*, Gedenkboek E.A. Leemans. Bruges, 1970. P. 191-228.
- Fontaine* (1959) — *Fontaine J.* Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. Vol. 1. Paris: Études Augustiniennes, 1959.
- Holtz* (1971) — *Holtz L.* Tradition et diffusion de l'oeuvre grammaticale de Pompée, commentateur de Donat // *Revue de Philologie* 45 (1971). P. 48-83.
- Holtz* (1975) — *Holtz L.* Le Parisinus Latinus 7530, synthèse cassinienne des arts libéraux // *Studi Medievali* 16, 1 (1975). P. 97-152.
- Holtz* (1981) — *Holtz L.* Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981.

- Joseph* (2000) — *Joseph J.E.* Limiting the Arbitrary: Linguistic Naturalism and its Opposites in Plato's Cratylus and the Modern Theories of Language. Amsterdam – Philadelphia: John Bendjamins Publishing Company, 2000.
- Keil* (1880). — *Keil G.* [Praefatio] // GL VII. Lipsiae, 1880. P. 129-142.
- La Bua* (2005) — *La Bua, Giuseppe.* Rev.: Christian Stock, Sergius (Ps.-Cassiodorus) Commentarium de oratione et de octo partibus orationis Artis Secundae Donati. Überlieferung, Text und Kommentar. Sammlung wissenschaftlicher Commentare. München – Leipzig: K.G. Saur, 2005. Pp. 439. ISBN 3-598-73023-3 // Bryn Mawr Classical Review 2005. 09. 55. — <http://bmcr.brynmawr.edu/2005/2005-09-55.html#n4> (январь, 2018).
- Law* (1982) — *Law V.* The Insular Latin Grammarians. Woodbridge: Boydell Press, 1982.
- Loefstedt* (1980) — *Loefstedt B.* Zu den Quellen des hibernolateinischen Donatkommentars im Cod. Ambrosianus L 22 sup. // Studi Medievali 21, 1 (1980). S. 301-320.
- Manitius* (1911) — *Manitius M.* Geschichte der Lateinischen Literatur des Mittelalters, 3 vols. (1911–1931). Vol. 1. München: Beck, 1911.
- Robins* (1957) — *Robins R.H.* Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe with particular reference to Modern Linguistic Doctrine. London: Bell, 1957. Pp 1-viii; 1- 104.
- Stock* (2005) — *Sergius (Ps.-Cassiodorus).* Commentarium de oratione et de octo partibus orationis Artis Secundae Donati / Ed. Christian Stock. Überlieferung, Text und Kommentar. Sammlung wissenschaftlicher Commentare. München – Leipzig: K.G. Saur, 2005.
- Swiggers; Wouters* (2011) — *Swiggers, Pierre; Wouters, Alfons.* Grammatical doxography in Antiquity: the (hi-)stories of the parts-of-speech system // History of Linguistics 2008: Selected papers from the eleventh International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XI), 28 August – 2 September 2008 / Ed. by Gerda Haßler with the assistance of Gesina Volkmann. Potsdam, 2011. P. 69-91 [Studies in the History of the Language Sciences 115].
- Veneis; Maierù* (1990; tr. 1994) — *Veneis E.; Maierù A.* Medieval Linguistics // History of Linguistics. Vol. II: Classical and Medieval Linguistics / Ed. Giulio C. Lepsch / Trans. into English by Emma Sansone. Milano, 1990 (tr. — 1994).
- Wöfflin* (1893; repr. 1982) — *Wöfflin E.* Die Etymologien der lateinischen Grammatiker // Archiv für Lateinische Lexicographie und Grammatik mit

- Einschluss des älteren Mittellateins. Leipzig, 1884–1908. Т. 8 (1893; repr. 1982).
- Wright (1982) — Wright R. Late Latin and Early Romance in Spain and Carolingian France. Liverpool: Francis Cairns, 1982. Pp. xi+232.
- Миллер (1963) — Миллер Т.А. Литературная критика поэзии Вергилия в период «языческого возрождения»: Сервий, Макробий // Очерки истории римской литературной критики / Отв. ред. Ф.А. Петровский. М.: Академия наук СССР, 1963. 311 с.
- Петрова (2008) — Петрова М.С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем 22 (2008). С. 80-92.
- Петрова (2013) — Петрова М.С. Макробий и его «Сатурналии» // Макробий Феодосий. «Сатурналии» / Изд. подг. М.С. Петровой. М.: Кругъ, 2013. lxx+810 с.
- Петрова (2015) — Петрова М.С. Учебные тексты и грамматическая наука на рубеже Античности и Средневековья // Диалог со временем 51 (2015). С. 110-132.
- Петрова (пер., 2011) — Донат. Наука грамматики / Пер. и примеч. М.С. Петровой // Диалог со временем 35 (2011). С. 312-331.
- Столяров (пер.) — Фрагменты ранних стоиков. Т. II. Ч. 1: Логические и физические фрагменты / Пер. и комм. А.А. Столярова. М.: ГЛК, 1999.
- Тронский (1996; перепеч. 1936) — Тронский И.М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля (Антология текстов) / Под ред. О.М. Фрейденберг. СПб.: Алетейя, 1996 (Перепеч. изд. 1936). С. 9-32.
- Тронский (=Троцкий, ²2001) — Тронский И.М. (=Троцкий И.М.). Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). М.: Индрик, 2001 (2-е изд., доп.).

Maya S. PETROVA

DONATUS' ARS GRAMMATICA
AND EDUCATIONAL PRACTICES OF LATE ANTIQUITY
SERGIUS — CLEDONIUS — POMPEIUS

The article is based on the analysis of Donatus' Ars grammatica and the texts of his closest commentators — Sergius (sometimes called as Ps.-Cassiodorus), Cledonius and Pompeus. The purpose of

this paper is to reconstruct the beginnings of a new educational process (5th century), rooted in Western European grammatical science in the early Middle Ages. In particular, the content of Sergius' grammatical fragments, named *De littera, de syllaba, de pedibus, de accentibus, de distinctione* ["On the letter, syllable, verse feet, accents and position"], Cledonius' *Ars* and *Ars secunda* and Pompey's *Commentum artis Donati* of Pompey is under consideration. The problem of authorship of grammatical texts *Explanationum in Artem Donati* and *Commentarium de oratione et de octo partibus orationis* ["Commentary on speech and eight parts of speech"], which were circulated under different names — Sergius, Servius, Cassiodorus and Ps.-Cassiodorus — is discussed. Through a comparative analysis, the similarities and differences between the texts which are under consideration with respect to Donatus' *Ars grammatica* are revealed. It is shown how the grammar of Late Antique in the 5th century gradually became less strict (in comparison with its authoritative model), how it was adapted to the needs of the new time. It is concluded that, on the one hand, the methods chosen by Sergius (Ps.-Cassiodorus), Cledonius and Pompey for the grammatical description and explanation of parts of the speech of Donatus' *Ars grammatica* were differed sharply from the methods of presentation by Donatus himself. But, on the other hand, Donatus' commentators could not manage to create any new grammar in the 5th century.

REFERENCES

- GL — *Grammatici Latini* / Ed. G. Keil. Vols. 1 – 7 (1822–1894). — https://archive.org/details/_grammaticilatini01keil/page/ (январь, 2019). Ссылка указана на первый том.
- PL — *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / Ed. J.-P. Migne. T. 1 – 217 (1844–1855). — <https://www.roger-pearse.com/weblog/patrologia-latina-pl-volumes-available-online/> (январь, 2019); <http://patristica.net/latina/> (январь, 2019).
- Cass.* [sp.]. *Comm.* — *Commentarium de oratione et de octo partibus orationis*, M. Aurelio Cassiodoro attributum // PL 70. Cols. 1219 – 1240.
- Cled.* *Ars...* — *Ars Cledonii Romani Senatoris Constantinopolitani Grammatici* // GL 5. P. 10-34.
- Cled.* *Ars sec.* — *Cledonii Ars secunda* // GL 5. P. 34-79.

- Don. Ars gram. (Keil)* — Donati Ars grammatica // GL 4. P. 355-402.
- Don. Ars gram. (Holtz)* — Donati Ars grammatica // Holtz L. Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981.
- Macr. De verb.* — Macrobian Theodosii de Verborum Graeci et Latini Differentiis vel Societatibus Excerpta / Ed. Paolo de Paolis. Urbino: Quattro Venti, 1990. Pp. lxxv+198.
- Pomp. Comm.* — Pompeii Commentum Artis Donati // GL 5. P. 95-312.
- Serg. De litt...* — Sergii de littera, de syllaba, de pedibus, de accentibus, de distinctione // GL 4. P. 475-485.
- Serg. De orat., De nom. (Stock)* — Sergius (Ps.-Cassiodorus). Commentarium de oratione et de octo partibus orationis Artis Secundae Donati / Ed. Christian Stock. Überlieferung, Text und Kommentar. Sammlung wissenschaftlicher Commentare. München – Leipzig: K.G. Saur, 2005. 439 p.
- [*Serg.*]. Exp. — [Sergii] Explanationum in Artem Donati // GL 4. P. 486-565.
- Serg. (Ps.-Cass.). Comm. de orat. (Stock)* — Sergius (Ps.-Cassiodorus). Commentarium de oratione et de octo partibus orationis Artis Secundae Donati / Ed. Christian Stock. Überlieferung, Text und Kommentar. Sammlung wissenschaftlicher Commentare. München – Leipzig: K.G. Saur, 2005. P. 37-108.
- Serv. (Serg.). De part. orat.* — Servii (Sergii) de partibus orationis // GL 4. P. 428-443.
- Amsler (1989)* — Amsler M. Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Company, 1989.
- Cappuyns (1949)* — Cappuyns M. Cassiodore // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique. Vol. 11. 1949. Cols. 1349 – 1408.
- Curtius (1953)* — Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages / Trans. by Willard R. Trask. Princeton: Princeton University Press, 1953.
- De Poerck (1970)* — De Poerck G. Etymologia et origo à travers la tradition latine // Anamnēsis, Gedenkboek E.A. Leemans. Bruges, 1970. P. 191-228.
- Fontaine (1959)* — Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigotique. Vol. 1. Paris: Études Augustiniennes, 1959.
- Holtz (1971)* — Holtz L. Tradition et diffusion de l'oeuvre grammaticale de Pompée, commentateur de Donat // Revue de Philologie 45 (1971). P. 48-83.

- Holtz* (1975) — *Holtz L.* Le Parisinus Latinus 7530, synthèse cassinienne des arts libéraux // *Studi Medievali* 16, 1 (1975). P. 97-152.
- Holtz* (1981) — *Holtz L.* Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981.
- Joseph* (2000) — *Joseph J.E.* Limiting the Arbitrary: Linguistic Naturalism and Its Opposites in Plato's Cratylus and the Modern Theories of Language. Amsterdam – Philadelphia: John Bendjamins Publishing Company, 2000.
- Keil* (1880). — *Keil G.* [Praefatio] // GL VII. Lipsiae, 1880. P. 129-142.
- La Bua* (2005) — *La Bua, Giuseppe.* Rev.: Christian Stock, Sergius (Ps.-Cassiodorus) Commentarium de oratione et de octo partibus orationis Artis Secundae Donati. Überlieferung, Text und Kommentar. Sammlung wissenschaftlicher Commentare. München – Leipzig: K.G. Saur, 2005. Pp. 439. ISBN 3-598-73023-3 // *Bryn Mawr Classical Review* 2005. 09. 55. — <http://bmcr.brynmawr.edu/2005/2005-09-55.html#n4> (janvar', 2018).
- Law* (1982) — *Law V.* The Insular Latin Grammarians. Woodbridge: Boydell Press, 1982.
- Loefstedt* (1980) — *Loefstedt B.* Zu den Quellen des hibernolateinischen Donatkommentars im Cod. Ambrosianus L 22 sup. // *Studi Medievali* 21, 1 (1980). S. 301-320.
- Manitius* (1911) — *Manitius M.* Geschichte der Lateinischen Literatur des Mittelalters, 3 vols. (1911–1931). Vol. 1. München: Beck, 1911.
- Miller* (1963) — *Miller T.A.* Literaturnaya kritika poehzii Vergiliya v period «yazycheskogo voz-rozhdeniya»: Servij, Makrobij // *Očerki istorii rimskoj literaturnoj kritiki* / *Otv. red. F.A. Petrovskij.* M.: Akademiya nauk SSSR, 1963. 311 s.
- Petrova* (2008) — *Petrova M.S.* Donat: zhizn', ehpoia i intellektual'noe okruženie // *Dialog so vremenem* 22 (2008). C. 80-92.
- Petrova* (2013) — *Petrova M.S.* Makrobij i ego «Saturnalii» // *Makrobij Feodosij. «Saturnalii»* / *Izd. podg. M.S. Petrovoj.* M.: Krug", 2013. lxx+810 c.
- Petrova* (2015) — *Petrova M.S.* Uchebnye teksty i grammaticheskaya nauka na rubezhe Antichnosti i Srednevekov'ya // *Dialog so vremenem* 51 (2015). S. 110-132.
- Petrova* (per., 2011) — *Donat. Nauka grammatiki* / *Per. i primech. M.S. Petrovoj* // *Dialog so vremenem* 35 (2011). C. 312-331.

- Robins* (1957) — *Robins R.H.* Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe with particular reference to Modern Linguistic Doctrine. London: Bell, 1957. Pp 1-viii; 1- 104.
- Stock* (2005) — *Sergius (Ps.-Cassiodorus).* Commentarium de oratione et de octo partibus orationis Artis Secundae Donati / Ed. Christian Stock. Überlieferung, Text und Kommentar. Sammlung wissenschaftlicher Commentare. München – Leipzig: K.G. Saur, 2005. Pp. 439.
- Stolyarov* (per.) — Fragmenty rannih stoikov. T. II. CH. 1: Logicheskie i fizicheskie fragmenty / Per. i komm. A.A. Stolyarova. M.: GLK, 1999.
- Swiggers; Wouters* (2011) — *Swiggers, Pierre; Wouters, Alfons.* Grammatical doxography in Antiquity: the (hi-)stories of the parts-of-speech system // History of Linguistics 2008: Selected papers from the eleventh International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XI), 28 August – 2 September 2008 / Ed. by Gerda Häbler with the assistance of Gesina Volkmann. Potsdam, 2011. P. 69-91 [Studies in the History of the Language Sciences115].
- Tronskij* (1996; perepech. 1936) — *Tronskij I.M.* Problemy yazyka v antichnoj nauke // Antichnye teorii yazyka i stilya (Antologiya tekstov) / Pod red. O.M. Frejdenberg. SPb.: Aletejya, 1996 (Perepech. izd. 1936). C. 9-32.
- Tronskij* (=Trotskij, 22001) — *Tronskij I.M.* (=Trotskij I.M.). Istoricheskaya grammatika latin-skogo yazyka. Obshcheindoevropskoe yazykovoe sostoyanie (voprosy rekonstruktsii). M.: Ind-rik, 2001 (2-e izd., dop.).
- Veneis; Maierù* (1990; tr. 1994) — *Veneis E.; Maierù A.* Medieval Linguistics // History of Linguistics. Vol. II: Classical and Medieval Linguistics / Ed. Giulio C. Lepsch / Trans. into English by Emma Sansone. Milano, 1990 (tr. — 1994).
- Wöfflin* (1893; repr. 1982) — *Wöfflin E.* Die Etymologien der lateinischen Grammatiker // Archiv für Lateinische Lexicographie und Grammatik mit Einschluss des älteren Mittellateins. Leipzig, 1884–1908. T. 8 (1893; repr. 1982).
- Wright* (1982) — *Wright R.* Late Latin and Early Romance in Spain and Carolingian France. Liverpool: Francis Cairns, 1982. Pp. xi+232.

НОМО INERTUS ИЛИ НОМО SAPIENS

ИОАНН СТОБЕЙ И ЕГО УНИВЕРСАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ*

В.К. ПИЧУГИНА

В статье рассмотрены структурные и содержательные особенности «Антологии» Иоанна Стобея — византийского компилятора V века, создавшего один из самых масштабных сборников цитат античных авторов. Этот сборник позволял всем желающим, начиная со школьной скамьи и на протяжении всей жизни осуществлять практику активного чтения античных текстов и приобщения к универсальному знанию, относительно свободному как от языческих, так и от христианских канонов. Отмечено, что первоначально «Антология» Стобея состояла из четырех книг, которые позже были сгруппированы в две, но от этого не перестали быть двумя автономными частями одной работы. Введение к антологии утрачено, но византийский богослов IX в. и Патриарх Константинопольский Фотий указывают, что Стобей написал учебник в помощь своему сыну Септимию, который имел проблемы с запоминанием текстов. Прямое указание Фотием на дидактическую цель работы Стобея, тем не менее, является одним из самых оспариваемых современными исследователями утверждений. Фотию доверяют в том, что касается первоначальной структуры и содержания антологии, но не в педагогическом умысле ее написания: одним авторам это кажется слишком незначительной целью (которая, если и была, то была неглавной), а другим, напротив, слишком масштабной

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта (№ 19-013-00004) «Эволюция пространства образования и пространства знания в Поздней Античности».

Гипотеза
2019. Вып. 3. С. 87-103
УДК 37.01

Гипотеза
2019. Issue 3. P. 87-103
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-87-103](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-87-103)

(которая, если и реализовалась, то далеко не полностью). Первые две книги антологии представляют собой взгляд на образование как на неразрывно связанный с философией процесс, а вторые две — как на укорененный в повседневной жизни результат. Методы работы Стобея с источниками позволяют говорить о том, что он не без педагогического умысла интегрировал цитаты в несколько громоздкий, но вполне осознаваемый им контекстуальный каркас. Последний оказался поврежденным многочисленными переписчиками, но не утраченным, что позволяет сделать вывод об особом месте этого сборника в пространстве образования и пространстве знания Поздней Античности.

If you can talk with crowds and keep your virtue,
Or walk with Kings — nor lose the common touch,
If neither foes nor loving friends can hurt you,
If all men count with you, but none too much;
If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run,
Yours is the Earth and everything that's in it,
And — which is more—you'll be a Man, my son!

Rudyard Kipling. If (1895)¹

«Антология» Иоанна Стобея — восточно-римского компилятора V в. н.э. — является одним из значимых и неоднозначных ан-

¹ *Киплинг, Редьярд. О, если... «И если можешь быть в толпе собою, / При короле с народом связь хранить, / И, уважая мнение любое, / Главы перед молвою не клонить. / И если будешь мерить расстояние / Секундами, пускаясь в дальний бег, / Тогда Земля — твоё, мой мальчик, достояние. / И более того, ты — Человек! (Пер. С.Я. Маршака). — <http://poetarium.narod.ru/kipling/if.htm> (март, 2019). Заметим, что цитируемый перевод немного отходит от смысла Р. Киплинга. Как видно, в оригинальном тексте в обращении значится не столько «мой мальчик», сколько «мой сын», «сынок». То есть имеет место та самая адресация, что и у Стобея, который составил «Антологию» для своего сына, следуя принятой традиции. Подобные обращения встречаются в сочинениях Цицерона («Об обязанностях»), Авла Геллия («Аттические ночи»), Макробия («Сатурналии» и «Комментарий на 'Сон Сципиона'»), Марциана Капеллы («О бракосочетании Филологии и Меркурия»). Об этом см.: *Петрова* (2007). С. 19-20; *Она же* (2013). С. vii, примеч. 5.*

тичных сборных сочинений, написанных автором, о котором мы ничего не знаем. Имя предполагает христианскую принадлежность и вероятное происхождение из Стоби — города, от которого остались только руины и эта антология. Хронология жизни цитируемых в ней авторов позволяет уверенно говорить только о веке, в котором жил Стобей. Столь скудные сведения об авторе, помноженные на особенности жанра антологии, дают нам текст, который можно назвать почти внеавторским и вневременным текстом. История жизни книги оказалась отделена от истории жизни ее автора, который для одних исследователей был homo sapiens, а для других homo ineptus. Автором второго определения был немецкий историк и филолог Курт Ваксмут, который в ответ на высокую оценку, данную его соотечественником и коллегой Августом Мейнеке, заметил о Стобее: «Византийский школьный учитель... который по большей части даже не понимал значение стойков»².

Краткая история книги с большой историей

Первоначально «Антология» Стобея состояла из четырех книг, которые позже были сгруппированы в две³. Первая пара известна как «Эклоги» (“*Eclogae physicae et ethicae*”) и большей частью касается вопросов метафизики и некоторых аспектов образования (способов получения знания и достижения добродетели), а вторая — как «Флорилегиум» (“*Florilegium*”) и затрагивает нравственные вопросы и социальные проблемы. В общей сложности «Антология» содержит более двухсот разделов, содержащих цитаты из текстов нескольких сотен античных писателей, среди которых исследователи особо выделяют Еврипида (как одного из наиболее цитируемых Стобеем авторов) и Плутарха (как одного из тех, чьим голосом у Стобея часто говорят другие авторы). «Антологию» можно было бы назвать сборником языческой мудрости, поскольку в ней нет ни одной цитаты христианских мыслителей, если бы не универсальность

² “...magistellus Byzantinus... qui plerumque ne sententiam quidem Stoicorum assecutus sit”. — Цит. по: *Stob. Ant. lib. (Wachsmuth)*. P. xxii.

³ В настоящей работе я намеренно опускаю все перипетии обретения и сопоставления разных кодексов, поскольку этот вопрос раскрыт в целом ряде статей. Указывая на те или иные части «Антологии», я опираюсь на издание: *Stob. Ant. lib. alt. (Wachsmuth)*.

созданного Стобеем пространства знания и органичность его включения в позднеантичное пространство образования.

Поскольку введение к «Антологии» утрачено, о цели написания этого труда нам сообщает живший в IX в. византийский богослов и Патриарх Константинопольский Фотий. Он пишет, что Стобей составил «Антологию» для обучения и воспитания своего сына Септимия, который имел трудности с запоминанием текстов (№ 167)⁴. Биографические сведения о Стобее настолько скудны, что мы не можем рассуждать о том, насколько широка была аудитория, которой в действительности было адресовано данное сочинение. Возможно, Стобей использует хорошо известный в античной литературной традиции прием, который, например, использовал Цицерон, посвятив сочинение «Об обязанностях» своему сыну Марку и совершенно четко подразумевая более широкую адресацию. Сочинение Стобея порождает столько вопросов, ответы на которые никогда не будут найдены, что можно лишь с сожалением констатировать: «Для многих ученых, прямо или косвенно использующих его антологию, он может быть не более чем призрачной фигурой»⁵. И остается лишь опираться на Фотия как эксклюзивного читателя Стобея.

Антология Стобея: тексты, контексты и возможность их рассмотрения как особого педагогического проекта

Изучение «Антологии» Стобея можно назвать сравнительно молодой исследовательской областью, где «молодость» не мешает глубине и широте научных изысканий. Выражаясь метафорично, изучение Стобея похоже на распутывание одного из многих существующих антологических клубков, где «существует так много нитей, которые можно связать вместе, что есть риск того, что они никогда не дадут чего-то адекватного в конечном анализе»⁶. В изучении «Антологии» Стобея можно выделить два основных направления: *исследование исходных текстов*, которыми он оперировал, и его методах цитирования (антология как собрание фрагментов разного времени с подтвержденным или спорным авторст-

⁴ Phot. Bibl. (Henry). T. 2. P. 86-88.

⁵ Searby (2011). P. 23.

⁶ Ibid.

вом) и исследование контекстов, которые позволяют вскрыть его логику и цели работы с текстами (антология как часть интеллектуальной культуры своего времени).

В количественном отношении первое направление существенно доминирует над вторым, однако часто между ними достаточно трудно провести границу⁷. Даже если сосредоточиться только на восстановлении какого-то автора по Стобею, то это будет восстановлением самого Стобея как уникального автора, который преследовал множество целей, среди которых были и педагогические. Стобей вполне мог хотеть создать «многофункциональную работу, которая отвечала бы потребностям образованного государственного служащего, например, как «Моралии» Плутарха»⁸. Временной разрыв между этим трудом Плутарха и «Антологией» Стобея был достаточным, чтобы интеллектуалами была востребована новая версия советов, если не на все, то многие случаи жизни.

Поскольку перед нами хоть и обширное, но собрание цитат, которые практически не сопровождаются пояснениями автора, правомерно поставить вопрос, насколько возможно говорить о том, что «эти фрагменты являются частью более крупного проекта, и вообще предлагает ли Стобей какой-то общий контекст»?⁹. В рамках нашей статьи мы конкретизируем и проблематизируем этот вопрос следующим образом: можем ли мы предполагать, что этот проект отчасти являлся педагогическим, и подтверждает ли это содержание, сохранившее некоторые контексты?

Подобренные цитаты Стобея вписаны в большой и, на первый взгляд, громоздкий конструкт текста, который мог преследовать как минимум две разные дидактические цели. Первая из них связана с ориентированным на философию образованием, а вторая — с образованием, которое мы могли бы назвать «образованием для жизни».

⁷ Так, например, Д. Констан называет методы цитирования Стобея особым видом практики, отражающей особенности эпохи, стремящейся к подражанию и сохранению, а саму «Антологию» определяет, если не как кульминацию, то как значимую часть античной интеллектуальной традиции. См.: *Konstan* (2011).

⁸ *Searby* (2011). P. 23.

⁹ *Funke* (2013). P. 29.

Прежде чем перейти к их анализу, кратко охарактеризуем композиционные особенности «Антологии» и определим основные понятия, которые будут использоваться в статье и отражают авторскую позицию.

Основные понятия

С одной стороны, Стобей являлся автором-составителем, то есть одним из тех, кто делал написанные другими работы более доступными для читателя и чьи «собственные мысли, если они были, оказывались скрыты за мудростью других»¹⁰. С другой стороны, Стобея сложно назвать рядовым компилятором, который только «вырезал» и «вставлял», оформляя для потомков коллекцию цитат. Поэтому, когда мы будем использовать слово «антология» с маленькой буквы и без кавычек речь будет идти не о названии сочинения Стобея, а о жанре, в рамках которого существовали многочисленные сборники, каждый из которых являлся отражением своей практики чтения значимых текстов разных авторов.

Как уже отмечалось, композиционно «Антология» Стобея состоит из двух книг, которые были искусственно сформированы и включали разные по объему цитаты. Цитаты сгруппированы в разделы, которые предваряются подзаголовком (леммой) от автора, и перед каждой цитатой содержится ее краткое описание. Мы будем использовать слово «раздел» для указания на данные Стобеем названия частей «Антологии» и слово «подзаголовок» для указания на тексты-подводки от составителя, не всегда совпадающее с названием источника цитаты.

Композиционные особенности антологии Стобея

Первая книга «Антологии» начинается с раздела «О том, что Бог является создателем всего и управляет вселенной с провиденциальной мудростью, и в чем сущность Бога», а четвертая книга завершается разделом «О том, что наша память о большинстве из людей быстро исчезает после их смерти». Таким образом, «Антология» представляет собой некий цикл цитат, начинающийся с уяснения человеком того, что есть Бог, и завершающийся вопросами смертности человека, исключая вопросы о загробной жизни. Это «уясне-

¹⁰ Konstan (2011). P. 36.

ние» отчасти отражает представление Стобея о сложностях и возможностях познания, а также ограничениях, которые неизбежно накладываются на этот процесс: «Понять бога трудно, передать же его невозможно даже тому, кто может его понять. Невозможно телу обозначить бесплотное, и невозможно несовершенному постичь совершенное, и трудно недолговечному идти рядом с вечным. Ведь один есть вечен, а другой проходит; один есть истина, другой — только в воображении. <...> И это расстояние, разделяющее их, мешает видеть прекрасное. <...> ...то, что невозможно выразить, это Бог!»¹¹.

Первая книга «Антологии» касается преимущественно вопросов метафизики, многие из которых рассмотрены не без нравоучительного контекста (например, разделы «О справедливости, установленной божеством для надзирания за человеческими деяниями на земле ради наказания преступников», «О судьбе и хорошем устройстве дел», «О человеческой природе», «О восстановлении дыхания и эмоциях» и др.). Вторая книга охватывает широкий спектр вопросов, часть из которых прямо или косвенно касается вопросов образования («О диалектике», «О риторике», «О поэзии», «О том, что нужно стремиться общаться с мудрыми и избегать простецов и необразованных людей», «О том, что труднодостижима добродетель, а порок легко достигаем», «О воспитании и обучении», «О том, что дружба есть наилучшее благо» и др.). Третья книга касается вопросов характера и особенностей жизненного пути человека («О добродетели», «О благоразумии», «О трусости», «О лжи», «О скромности», «Об отечестве» и др.). Стобей не только выделяет ключевые добродетели и пороки, но и предпринимает попытку выстроить некоторую их иерархию, не используя христианскую логику изложения. Четвертая книга объединяет социально значимые и связанные с политикой цитаты («О законах и нравах», «Правила царствования», «Порицание тирании», «О юношестве», «О детях», «Управление домохозяйством» и др. В четвертой книге Стобей часто группирует цитаты в противоположные («О счастье» и «О несчастье», «Хвала бедности» и «Осуждение бедности» и др.). Такое предъявление источников позволяет предполагать, что Стобей хотел явить читателю некоторое подобие авторского диалектического курса.

¹¹ Cod. Herm. Stob. Fr. 1 = *Stob. Flor. Gaisford. LXXX (LXXVIII)*.

В выборе такой структуры своей работы Стобей не был новатором, а лишь следовал существовавшей традиции, поощрявшую, скорее, «культуру поиска и просмотра информации, а не культуры постоянного чтения»¹². Некоторые названия разделов у Стобея имеют прямые параллели с названиями частей «Моралий» Плутарха, часть из которых совершенно очевидно были даны им самим. В отличие от Плутарха и ряда других авторов и их переписчиков, которые давали названия частям тех или иных работ, Стобей предлагал читателю посмотреть на названия разделов не только как на оглавление. Это подтверждает несколько сбивчивая, но все же логическая структура названия подразделов: в первой книге эти названия часто довольно длинные, в третьей — включают ключевое существительное, а в четвертой — часто выстроены как антитезы. Вероятно, для Стобея такое структурирование антологии было не столько стремлением упростить чтение, сколько направлением его, однако некоторые направления были утрачены или искажены последующими переписчиками. Благодаря Фотию мы знаем, как Стобей структурировал свой труд и какие цели обозначал в утраченном введении. Нельзя сказать, что Стобею не хватает «собственного голоса»; скорее в силу обстоятельств мы не слышим этот голос в полной мере и вряд ли когда-нибудь услышим.

«Два в одном» или особенности дидактических целей

Стобея: тонкость побуждения к получению нового знания

Признавая общую «энциклопедически-дидактическую ценность»¹³ антологии, современные исследователи подчеркивают, что труд Стобея — это два отдельных блока, которые относительно автономны. Далее мы постараемся доказать, что эти блоки преследуют разные дидактические цели — первый в большей степени ориентирован на образование как *процесс*, осуществление которого невозможно без погружения в философию, а второй — на образование как *результат*, значимый для правильного выстраивания жизненного пути человека.

¹² Searby (2011). P. 28.

¹³ Curnis (2011). P. 197.

Поскольку деление было произвольным, оно дает искаженное представление о критериях, по которым Стобей включал те или иные цитаты в разные части своего труда. Единственной нитью, позволяющей прояснить что-то относительно первоначальной структуры антологии, пока остается Фотий, который утверждает, что после вступления у Стобея находились две вводные главы — похвала философии и рассуждения о философских школах.

Первые две книги в том виде, в котором мы сейчас имеем, чаще всего обсуждаются исследователями с точки зрения отсутствия или неполной представленности тех или иных «канонических» для античной философии авторов и тем. На наш взгляд, жанр позволяет Стобею предлагать читателю «открытый» текст, который может быть самостоятельно дополнен при чтении. «Антология» Стобея включает достаточно мало фрагментов из Гомера, который, однако, часто цитируется не прямо, а косвенно, и, например, более семисот цитат из Еврипида (большой частью из недошедших до нас трагедий), которые сосредоточены преимущественно в третьей и четвертой книгах, где рассматриваются особенности жизни и характера человека (включая особенности аретэ) и поднимаются повседневные вопросы (особенности отношений мужчиной и женщиной, организации семьи, заботы о родных или приемных детях, управления рабами и т.д.).

Вероятно, у Стобея не было непосредственного доступа ко всем работам цитируемых им авторов, и во многих случаях он обращался к промежуточным, а не оригинальным источникам. Одним из таких авторов мог быть Арий Дидим — александрийский философ-стоик и наставник императора Октавиана Августа, под именем которого не сохранилось ни одной работы. По одной из гипотез, Стобей помещает «Эпитому»¹⁴ Ария Дидима в главу 2.7, а в других частях «Антологии» цитирует основные положения его этического учения, в том числе ссылаясь на материал, к которому у Стобея не могло быть непосредственного доступа¹⁵. Косвенным подтверждением тому является то, что глава 2.7. у Стобея не содержит указания

¹⁴ Это сочинение многие авторы называют своеобразным учебником по этике.

¹⁵ *Dorandi* (2018). P. 476.

на идеи и события, выходящие за пределы I в. до н.э., а само содержание главы отражает восприятие философского знания на рубеже между эллинистической и римской эпохами.

Обращение Стобея к Дидиму и другим философам очень поразному оценивается современными исследователями (вспомним, хотя бы цитату Ваксмута о непонимании Стобеем стоицизма, с которой мы начали эту работу). Т. Бреннан, например, считает, что в касающихся стоицизма фрагментах антологии Стобея достаточно «византийского мусора»¹⁶, который нужно осторожно отделять и ошибочно не приписывать Стобею. По мнению, М. Войцеховского, «Эпитома» Дидима могла быть очень привлекательна для Стобея и его читателей, поскольку была отражением «способа мышления об этике, типичного для образованных людей этого периода»¹⁷. Если мы принимаем эту гипотезу, то Стобей действительно является доксографом, как его определяет Мансфельд¹⁸, поскольку он сохранил для потомков текст Дидима. Однако нам, как и Д.М. Сирбаю, все же, ближе называть Стобея именно антологом, поскольку его отличал особый способ работы с источниками: «Учитывая, что первая книга явно основана на доксографической традиции, и что 2.7 вводит этический раздел остальной части работы, воспроизводя большую часть этической доксографии Ария Дидима, возникает вопрос: есть ли в различных доксографических сборниках какие-либо заголовки, которые *направляли* Стобея в создании заголовков во второй книге и, возможно, даже в третьей и четвертой, но я не знаю ни одного свидетельства, последовательно указывающего в этом направлении»¹⁹.

Вторые две книги представляют собой иной взгляд на образование, которое рассматривается уже не как неразрывно связанный с философией процесс, а как укорененный в повседневной жизни результат. Структура и содержание этих книг показывают, что Стобей не хотел явить сыну и читателю в целом некий недвижимый конструктор своих выводов и логики, а, скорее, открывал возможность для диалога по целому ряду актуальных вопросов, на которые можно по-

¹⁶ Brennan (2014). P. 278.

¹⁷ Wojciechowski (2006). P. 26.

¹⁸ Mansfeld; Runia (1997). Passim.

¹⁹ Searby (2011). P. 34.

смотреть с противоположных точек зрения. Показательно, что раздел о браке как прекрасном деле Стобей начинает с цитаты, отражающей особенности жизненного пути царя Эдипа (однако берет не ту версию, где царь ослеплен, пережил самоубийство своей жены Иокасты и отправлен в изгнание, а версию, где Иокаста осталась жива и обещает поддерживать его, чтобы еще в его жизни ни случилось):

Дети и жена — великое царство для мужчины... /
Потерять детей, отечество и богатство /
Это трагедия для человека, равная, как я считаю, /
Потере хорошей жены, в которой его богатство и заключено...²⁰.

Этот и другие примеры, на наш взгляд, несколько объясняют для нас (возможно, отчасти, педагогическую) логику Стобея, если только мы не попадаем в ловушку простого вывода о том, что он отбирает только те цитаты, которые полностью разделяет. Цитаты о том, что муж берет в дом жену, заведомо зная, что ее еще предстоит многому научить и воспитать (идея, которая является одной из основных в «Ойкономии» Ксенофонта), у Стобея сгруппированы таким образом, что из них можно сделать множество противоречивых выводов. Например, одним из них, очевидно, является вывод о том, что кому-то в жизни (в целом и в семейной, в частности) везет больше, а кому-то меньше; и это везение часто не зависит от того, каким образом человек проживает жизнь. Самоконтроль и умение обуздывать особенности своего характера, безусловно, важны, но они не являются гарантией жизненного успеха.

Относительно детей и их воспитания Стобей приводит достаточно обширную цитату, которая тоже не может рассматриваться как «универсальный рецепт»:

Я не уверен и не могу точно понять, действительно ли смертным лучше заводить детей или наслаждаться бездетной жизнью. Ибо я вижу, что те, у кого нет детей, несчастны, а всем тем, у кого они есть, ни в коем случае не повезло больше. Если их дети оказываются плохими, то это является самым отвратительным недугом; если же, напротив, они хорошо себя ведут — это

²⁰ Eur. Fr. 543 = Stob. 4.22.1.1. Здесь и далее, если не указано иного, перевод на русский язык осуществлен автором настоящей статьи.

большое огорчение — они заставляют своего отца беспокоиться о том, что с ними что-то может случиться²¹.

Здесь у Стобея просматривается мотив, если не покорения судьбе, то достойного ее принятия. Ведь если в жизни нет ничего счастливого, что мы могли бы назвать приходящим к человеку «по умолчанию», то не стоит расстраиваться, если счастье не пришло или пришло не в желаемом виде.

К. Функе видит в этом скрытый педагогический умысел: «Поскольку Стобей, как кажется, подразумевал, что его антология направляет его сына как человека в обществе, выбранные им цитаты будут естественным образом отражать преимущественно мужскую перспективу с акцентом на поведение, желательное для взрослого образованного человека»²². По мнению Функе, цитаты Еврипида подобраны Стобеем таким образом, чтобы сын мог разглядеть серию посланий от отца: что любовь может быть опасной, отношения внутри семьи — сложными, а жизнь в целом — это борьба с поведенческими стратегиями, с которыми не всегда стоит бороться именно так, чтобы их полностью исключить. Чтобы органично вписываться в общество, человеку следует уступать не только другим, но и самому себе, иногда разрешая себе что-то излишнее и заведомо неправильное, например, если дело касается любви. Неслучайно Стобей приводит следующую цитату из «Ипполита» Еврипида:

В наставниках отваги и дерзання /
Держу Эрота, он непобедимей всех /
И самый ловкий бог в делах столь безнадежных»²³.

Ипполиту у Еврипида, если верить Стобею, следовало бы подчиниться неизбежному, а не противиться ему, потому что, отвергая хотя и неправильную, но любовь Федры, он теряет свою мужественность, поскольку выбирает стратегию побега от чувств, что в большей мере свойственно женщинам.

²¹ *Idem.* Fr. 571 = Stob. 4.24.2.17.

²² Funke (2013). P.35.

²³ *Hipp.* Fr. 430 = Stob. 4.20.1.25. Пер. Л.Б. Поплавской. — Цит. по: Поплавская (2005). С. 45-59.

Если согласиться с тем, что все это можно назвать «андроцентрической дидактической платформой», то Стобей хочет показать не только своему сыну, но и любому заинтересованному читателю, что такое хорошо или плохо. Именно поэтому, как считает Функе, Стобей, например, включает в четвертую книгу «Антологии» такие цитаты из Еврипида, чтобы можно было увидеть немужское поведение даже у такого греческого эталона мужественности как Геракл. Мужественность и женственность рассматриваются Стобеем как добродетели, над которыми нужно работать в течение всей жизни, постоянно корректируя стратегии мышления и поведения. Когда Стобей предлагает читателю подборку цитат о роли мужчины или женщины в семье, он утверждает, что мужественность требует смелых действий (часто политических, а не только действий по праву физической силы как у Геракла), а женственность — осторожных. Сопоставление, как отдельных цитат, так и их подборок с заголовками разделов, позволяет увидеть, в том числе, и то, что Стобей-педагог (?) считает существенным и заслуживающим внимания читателя.

Значение антологии Стобея: компиляции во имя новых образцов и практик получения знания

Можно предположить, что отбор и выстраивание источников в общую схему заняли у Стобея несколько лет жизни. Не зная особенностей его жизненного и творческого путей, мы не можем рассуждать о том, насколько органичен или оппозиционен был Стобей относительно существовавшей литературно-педагогической традиций, предписывающей читателю не пренебрегать выдержками из значимых текстов и воспринимать их как элемент образования / самообразования. Антология Стобея привлекательна тем, что оно «очаровывает современного ученого и превосходит амбиции даже очень изощренной школьной программы»²⁴.

По мнению Д. Констана эта антология была данью интеллектуальной моде своего времени, а ее автор являлся одним из тех, кто «взял на себя благородную задачу сохранения чего-то из мощной

²⁴ Curnis (2009). P. 207.

традиции, которая сейчас превратилась в ручеек»²⁵. Констан сформулировал одно из самых распространенных среди современных исследователей определений роли и миссии Стобея: поскольку творил в условиях, когда языческий мир был еще не до конца разрушен, а новый христианский еще не до конца построен, то должен был понимать возложенную на него ответственность по отбору содержания и способам его предъявления читателю. Вопросы о том, насколько глубоким было это понимание и насколько оно открыло для Стобея возможность быть самобытным и оригинальным среди современников, можно отнести к категории риторических. Для потомков антология Стобея стала «дидактическим сборником универсального масштаба»²⁶. Это было сочинение, которое многократно расширялось, сокращалось и использовалось с разными целями, каждый раз способствуя переходу к новым образцам и практикам получения суммированного знания.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

Оригинальные тексты, кроме случаев оговоренных особо, см. в открытом доступе в сети Интернет:

Phot. Bibl. (Henry). — *Photius. Bibliothèque* / Ed. et trad. R. Henry. T. 2. Paris: Belles Lettres, 1960. P. 86-88.

Stob. Ant. lib. (Wachsmuth). — *Ioannis Stobaei Anthologii libri duo priores qui inscribe solent Eclogae physicae et ethicae* / Rec. C. Wachsmuth. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1884.

Stob. Ant. lib. alt. (Wachsmuth). — *Ioannis Stobaei Anthologii librum alterum* / Ed. C. Wachsmuth. Vol. 1–4. Berlin, 1884.

Brennan (2014). — *Brennan T.* Arius, Stobaeus and the scholiast // *Classical Quarterly* 64.1 (2014). P. 270-279.

Curnis (2011). — *Curnis M.* Contenuti e Contenitori. Frammenti di Storia Nell'antologia di Giovanni Stobeo // *Ex fragmentis / Per fragmenta Historiam tradere. Atti della II giornata di studio sulla storiografia greca*

²⁵ *Konstan (2011)*. P. 9.

²⁶ *Curnis (2009)*. P. 198.

- fragmentaria (Genova, 8 ottobre 2009), a c. di F. Gazzano, G. Ottone, L.S. Amantini, Edizioni Tored: Tivoli 2011.
- Dorandi* (2018). — *Dorandi T. Iohannes Stobaios* // Grundriss der Geschichte der Philosophie. Begründet von Friedrich Ueberweg. Völlig neu bearbeitete Ausgabe / Herausgegeben von Helmut Holzhey. 2018. P. 471-484.
- Funke* (2013). — *Funke M.K.A.* Euripides and Gender: the difference the fragments make / Unpubl. diss. University of Washington, 2013. 232 p.
- Konstan* (2011). — *Konstan D.* Excerpting as a reading practice // Thinking through excerpts: studies on Stobaeus / Ed. by G. Reydam-Schils. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2011. P. 9-22.
- Mansfeld; Runia* (1997). — *Mansfeld J.; Runia D.T.* Aëtiana: the method and intellectual context of a Doxographer. Vol. 1. Leiden: Brill, 1997. Pp. xxii + 371.
- Searby* (2011). — *Searby D.M.* The intertitles in Stobaeus: condensing a culture // Thinking through excerpts: studies on Stobaeus / Ed. by G. Reydam-Schils. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2011. P. 23-70.
- Wojciechowski* (2006). — *Wojciechowski M.* Philosophical vocabulary of Arius Didymus and the New Testament // Roczniki Teologiczne. 53.1 (2006). P. 25-34.
- Поплавская* (2005). — *Поплавская Л.Б.* Любовь в трагедии или трагедия любви: «Ипполит» Еврипида // Вестник СПбГУ. Серия 9. № 3 (2005). С. 45-58.

Victoria K. PICHUGINA

HOMO INEPTUS OR HOMO SAPIENS

JOANNES STOBAEUS AND HIS “UNIVERSAL KNOWLEDGE” IN THE EDUCATIONAL SPACE OF LATE ANTIQUITY

The article discusses the structural and substantive features of the *Anthology* by Joannes Stobaeus, the 5th century Byzantine compiler, who created one of the most extensive collections of extracts from ancient authors. This collection allowed everyone, throughout life, to practice active reading of classical texts as well as to be introduced to universal knowledge relatively free from either pagan or Christian faith. Initially, Stobaeus' *Anthology* consisted of four books which were later grouped into two volumes, but they did not cease to be two

autonomous parts of the same work. The introduction to the *Anthology* is lost, but the 9th century Byzantine theologian and Patriarch Photius of Constantinople points out that Stobaeus wrote a textbook to help his son Septimius, who had problems memorizing texts. Photius's direct indication of Stobaeus' didactic purpose, however, is one of the assertions most challenged by contemporary researchers. Photius is trusted in terms of the original structure and content of the *Anthology*, but not in its pedagogical intention: to some authors, this seems to be too insignificant a purpose (which was secondary, if any), but to others, on the contrary, too ambitious (whose implementation was far from complete). The first two books of the *Anthology* represent a view of education as a process inextricably bound to philosophy and the second two — as a result rooted in everyday life. Stobaeus' methods of working with sources suggest that he, not without pedagogical intent, integrated quotations into a somewhat cumbersome but well thought out contextual framework. The latter was damaged by numerous copyists, but not lost, which allows us to speak about a special place this collection occupied in the educational and knowledge space of Late Antiquity.

REFERENCES

- Phot. Bibl. (Henry).* — *Photius. Bibliothèque* / Ed. et trad. R. Henry. T. 2. Paris: Belles Lettres, 1960. P. 86-88.
- Stob. Ant. lib. (Wachsmuth).* — Ioannis Stobaei Anthologii libri duo priores qui inscribe solent Eclogae physicae et ethicae / Rec. C. Wachsmuth. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1884.
- Stob. Ant. lib. alt. (Wachsmuth).* — Ioannis Stobaei Anthologii librum alterum / Ed. C. Wachsmuth. Vol. 1-4. Berlin, 1884.
- Brennan (2014).* — *Brennan T.* Arius, Stobaeus and the scholiast // *Classical Quarterly* 64.1 (2014). P. 270-279.
- Curnis (2011).* — *Curnis M.* Contenuti e Contenitori. Frammenti di Storia Nell'antologia di Giovanni Stobeo // *Ex fragmentis / Per fragmenta Historiam tradere. Atti della II giornata di studio sulla storiografia greca frammentaria* (Genova, 8 ottobre 2009), a c. di F. Gazzano, G. Ottone, L.S. Amantini, Edizioni Tored: Tivoli 2011.
- Dorandi (2018).* — *Dorandi T.* Iohannes Stobaios // *Grundriss der Geschichte der Philosophie. Begründet von Friedrich Ueberweg. Völlig neu*

- bearbeitete Ausgabe / Herausgegeben von Helmut Holzhey. 2018. P. 471-484.
- Funke* (2013). — *Funke M.K.A.* Euripides and Gender: the difference the fragments make / Unpubl. diss. University of Washington, 2013. 232 p.
- Konstan* (2011). — *Konstan D.* Excerpting as a reading practice // *Thinking through excerpts: studies on Stobaeus* / Ed. by G. Reydam-Schils. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2011. P. 9-22.
- Mansfeld; Runia* (1997). — *Mansfeld J.; Runia D.T.* Aëtiana: the method and intellectual context of a Doxographer. Vol. 1. Leiden: Brill, 1997. xxii + 371 p.
- Searby* (2011). — *Searby D.M.* The intertitles in Stobaeus: condensing a culture // *Thinking through excerpts: studies on Stobaeus* / Ed. by G. Reydam-Schils. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2011. P. 23-70.
- Wojciechowski* (2006). — *Wojciechowski M.* Philosophical vocabulary of Arius Didymus and the New Testament // *Roczniki Teologiczne*. 53.1 (2006). P. 25-34.
- Poplavskaia* (2005) — *Poplavskaia L.B.* Lyubov' v tragedii ili tragediya lyubvi: «Ippolit» Evripida // *Vestnik SPbGU. Seriya 9. № 3* (2005). S. 45-58.

ПРИСЦИАН ГРАММАТИК И ЕГО НАСЛЕДИЕ

Н.Н. БОЛГОВ, А.М. БОЛГОВА

В статье показано, что на протяжении VI века в Константинополе шла серьезная работа по систематизации и завершению оформления многих культурных феноменов в том же направлении, что и деятельность так называемых «последних римлян» на Западе, пытавшихся «сохранить» культурное наследие накануне Средневековья. Отличие между Востоком и Западом состояло лишь в важной направляющей роли восточно-римского государства в этом процессе, а также роли латинского языка в Константинополе как государственного наряду с греческим — разговорным и культурным. В связи с этим весьма показательны предпринятые попытки систематизации латинского грамматического знания, предпринятые Присцианом Цезарейским при императоре Анастасии. Выявлена роль Присциана как завершителя развития науки о латинском языке в Константинополе в то время, когда на Западе латинский язык стремительно утрачивал свое значение в качестве живого (разговорного) языка. Анализируются грамматические тексты Присциана, свидетельствующие о потребности для учащихся и ведущих чиновников администрации (чьим родным языком был греческий) не только овладеть латынью, но и использовать ее, по крайней мере, на уровне исполнения своих официальных обязанностей. Показано, что основное сочинение Присциана, озаглавленное “*Institutiones Grammaticae*” («Установления грамматики») и представляющее собой систематическое исследование латинской грамматики, основано на работах всей предшествующей грамматической традиции, исходящей не только от греческих авторов (Геродиана и Аполлония Дискола), но и от латинских (Доната, Проба, Сервия, а также Харисия). Отмечается влияние Присциана на

НУРОТНЕКАИ
2019. Вып. 3. С. 104-145
УДК 37.01

НУРОТНЕКАИ
2019. Issue 3. P. 104-145
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-104-120](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-104-120) (статья)
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-121-145](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-121-145) (перевод)

Западе и как учителя, и как теоретического исследователя, активно ощущаемое в течение последующих столетий.

В отечественной науке никто не занимался наследием Присциана (VI в.) специально. Из зарубежных работ отметим комментарии первых издателей и исследователей его текста — А. Криля, М. Херца, Х. Кайля (XIX в.), а также ряд исследований, опубликованных по итогам международной конференции, состоявшейся в Лионе в 2006 году¹. Монографий по грамматическому наследию Присциана в контексте позднеантичной ранневизантийской культуры практически нет.

Присциан происходил из латиноязычной Северной Африки, города Кесария (Цезарея) (б. Иол, совр. Шершель в Алжире)², столицы бывшей римской провинции Мавритания Цезарейская. Еще при власти вандалов, незадолго до отвоевания Юстинианом этого региона³, грамматик перебрался в Константинополь. Его латинский язык сохранился и в Новом Риме, так как тогда еще в полной мере он оставался языком государства, права, армии, «переехав» вместе с империей на Восток.

Когда Присциан находился в Константинополе, около 500 г., это был уже один из крупнейших городов империи — продолжение Рима, «Новый Рим» как назвал его сам основатель — Константин. Его правители привнесли в город много традиционных римских элементов, однако, многие из их актуальных функций уже изменились.

Как представляется, Присциан поставил своей задачей оживление сферы, действие которой неуклонно сокращалось в городе, где он поселился. Проблема степени жизнеспособности латинского языка в Константинополе VI в. достаточно дискуссионна. Так, мнение Жильбера Дагрона, согласно которому греческий был доминирующим языком культуры, тогда как знание латинского языка, ограниченное по его мнению чиновниками императорской администрации, обычно не использовалось императорским окружением, бы-

¹ См.: Baratin; Colombat; Holtz (edd., 2009); Luhtala (2005).

² Courtois (1953). Coll. 203-206.

³ Третьякова (2013). С. 96-100.

ло поставлено под сомнение М. Саламоном⁴. Этот исследователь показал, что латинский язык не только не был ограничен администрацией, что интерес к латинской культуре был весьма сильным, что круг аристократов и чиновников, заинтересованных в равной мере греческими и латинскими штудиями, а также в связях с интеллектуалами на Западе, концентрировался вокруг Присциана, но также и то, что потребность в латыни как языке культуры в значительной мере сохранялась на Востоке на протяжении VI века. Однако, по нашему мнению, такой взгляд представляется преувеличенным. Во всяком случае, Стивен Рансимен⁵ установил, что латынь как язык устного общения и повседневных дел администрации прекратила свое существование в VII столетии, и после этого существовала лишь как язык специального обучения и письменный.

Грамматические сочинения Присциана ясно указывают на потребность для учащихся и ведущих чиновников администрации, чьим родным языком был греческий, овладеть латынью и использовать ее, по крайней мере, на уровне исполнения своих официальных обязанностей. Однако, основная масса населения рождающейся Византии уже говорила по-гречески. Поэтому Присциан писал свои труды, прежде всего, для грекоязычных учеников. Это следует из его постоянных двуязычных сравнений, его регулярных демонстраций греческих примеров, посредством которых он пытается облегчить понимание незнакомых латинских слов.

Однако историческая важность Присциана вряд ли может быть преувеличена. Он причислен к «поздним латинским грамматикам» и является одним из наиболее плодovitых авторов. Несмотря на то, что его основное сочинение “*Institutiones grammaticae*” («Установление грамматики») не было сразу же оценено в западной, латинской Европе, во времена Каролингского Ренессанса (IX в.) оно было признано наиболее важным учебным трудом, ставшим письменным основанием. На нем было построено внушительное здание схоластической теоретической грамматики, так называемой *Modistae*. (Его трактаты часто озаглавливались “*De modis significandi*” [«О типах смыслов»], т.е. по названию, которое присваивалось грамма-

⁴ *Salamon* (1979). S. 96.

⁵ *Runciman* (1933). P. 232.

тическим категориям и грамматическим особенностям латинского текста Присциана). Влияние Присциана на Западе и как учителя, и как теоретического исследователя, активно ощущалось в течение последующих столетий (вплоть до Нового времени).

Мало что известно о жизни Присциана. Он родился в Мавретании, но поселился в Константинополе во времена, когда его основные грамматические сочинения еще не были написаны. Он не только писал теоретические труды, но и сам практически преподавал грамматику⁶, будучи одним из сравнительно немногих латинских учителей грамматики и писателей в Константинополе ранневизантийской эпохи⁷.

Присциан был учеником грека Евтиха, который впоследствии стал автором латинского грамматического сочинения⁸. В области грамматических идей Присциан испытал значительное влияние Аполлония Дискола (II в.), автора сочинения “*Techne grammatike*”⁹.

Основное и наиболее известное сочинение Присциана — “*Institutiones Grammaticae*”, которое представляет собой систематическое исследование латинской грамматики. В печатном издании Генриха Кайля эта работа насчитывает около тысячи страниц¹⁰. Сочинение включает Предисловие и 18 книг, содержание которых изложено в конце Предисловия.

Труд Присциана основан на текстах всей предшествующей грамматической традиции, исходящей от греческих авторов — Геродиана и Аполлония Дискола, но многое позаимствовано и у латинских — Доната, Проба, Сервия, а также в некоторой степени — Харисия.

В труде Присциана отсутствует четкое определение грамматики, но вполне ясно, что понимается под грамматикой по структуре и контексту. В этом грамматик следует первой части “*Techne*” Апол-

⁶ Glück (1967).

⁷ Kaster (1997).

⁸ См.: *Eut. Ars* // GL 5 (1868). P. 447-489.

⁹ См.: *Apol. Dysc. De construct.* (Uhlig) // GG 2.2. См. также: *Householder* (tr., 1981).

¹⁰ См.: *Prisc. Inst.* I–XII // GL 2; *Ibidem* XIII–XVIII // GL 3; *Idem. Op. min.* // GL 3. Перечень работ см. ниже.

лония. В 16-ти первых книгах разбираются фонетика, словообразование, флективная система языка; последние две книги, 17 и 18, посвящены анализу синтаксиса.

После краткого сообщения о произнесении речей и о латинском алфавите, Присциан разворачивает изложение словообразовательной и флективной морфологии, обсуждая имена (включающие в себя имена существительные и имена прилагательные, если следовать современной терминологии) — книги 1-7, с большим акцентом на падежные формы различных склонений; глаголы — книги 8-10; причастия — книга 11; местоимения — книги 12-13. Далее следует обсуждение неизменяемых частей речи, среди которых предлоги — книга 14; наречия и междометия — книга 15; союзы — книга 16. Заключительные две книги — 17 и 18 — посвящены синтаксису и использованию частей речи, уже описанных морфологически. В этих последних двух книгах Присциан выстраивает свое описание точно по образцу Аполлония, которого он почитает как величайший авторитет в грамматике. Некоторые пассажи в тексте Присциана весьма объемны; они даже включают в себя дословные переводы соответствующих частей из книг Аполлония по синтаксису (почти эксерпты¹¹). Эта зависимость от греческих образцов объясняется типологическим сходством между греческим и латинским языками, и общим ощущением уважения к вопросам образования и искусств в общем цивилизационном наследовании римлянами классического знания Греции. Это впечатление еще больше усиливается, благодаря цитате из греческого грамматика Дидима (I в. до н.э.), который утверждал, что латиняне имели в своей грамматике всё, что имели и сами греки.

Вместе с тем уже Варрон обращал внимание на то, что латинская шестичленная система контрастирует с пятичленной греческой, с последующим перераспределением синтаксиса и семантических функций между ними. Латинские грамматики указывали на отсутствие определенного артикля в таком виде, в котором он существовал в греческом, функции относительного местоимения, «постпозитивный артикль» в “*Techne*” к имени существительному или разрядам местоимения. При этом сохраняется восемь частей речи (из-за

¹¹ *Robins* (1993). P. 100-102.

отдельного обозначения междометия), подкласс наречий в греческой грамматике как отдельная часть речи.

Для античной грамматики в целом типично, что Присциановы книги по морфологии выглядят более систематизированными, нежели две последние книги — о синтаксисе. “*Techne*” же в этом отношении представляется более кратким и авторитетным текстом, но это касается лишь орфографической фонологии и морфологии.

Присциан, конечно, хорошо знал греческий язык и имел корпус Аполлония в своем распоряжении. Но синтаксис Аполлония, хотя и сформировал последующую «парадигму» на этом поле, как в греческом языке, так и в латинском, был гораздо менее развит в области классификации современных слов и морфологии. Можно сказать, что Аполлоний дал лишь предварительный и «обзорный» очерк синтаксиса, скорее, он сделал систематическое описание, не говоря уже о «толковом». Присциан пошел дальше в этом направлении, несмотря на то что его обзор синтаксиса обычно характеризуется как не вполне ясный теоретически. Здесь, как правило, он лишь стоит у порога открытий важного синтаксического концепта. Как представляется, Присцианов подход в значительной степени восходит к компиляторству в пределах его александрийских источников.

Труды Присциана в целом считаются апогеем развития латинской грамматики. Тем не менее, он сам утверждает, что следовал почти повсеместно авторитету Аполлония Дискола (Inst. 13.24.7). Поэтому для правильной оценки места Присциана в истории лингвистической мысли необходимо провести тщательный сравнительный анализ текстов самого Присциана и Аполлония.

Недавно А. Шмидхаузер, сосредоточив внимание на книгах 12 и 13, впервые представил список всех мест Аполлония, переведенных или перефразированных Присцианом¹², рассмотрев также один из аспектов более подробно (Inst. 13.15.9-28). Затем он проанализировал порядок изложения Присциана, сравнил его со структурой его греческого образца. С выводами исследователя не во всем можно согласиться: несмотря на то, что ныне Присциана принято считать основополагающим мыслителем, почти полностью автономным от греческой традиции, это не вполне соответствует действительности. Не

¹² *Schmidhhauser* (2009). P. 168-182.

умалая заслуг латинского грамматика, согласно авторитетному мнению Р. Робинса, текст Присциана может быть адекватно понят только на фоне грамматики Аполлония. По этой причине Присциана было бы справедливо классифицировать не столько как блестящего первооткрывателя в области лингвистического образования, сколько как весьма осторожного и очень кропотливого толкователя уже существующего знания на своем историческом этапе, наиболее полно и тщательно изложившим состояние грамматики.

Мы можем указать на практику ряда средневековых грамматиков в отношении Присциановых «Установлений» как главного сочинения — называть их в целом — «Большой Присциан», а две последние книги — о синтаксисе — «Малый Присциан». Другие разделения синтаксиса и морфологии, такие как «новая грамматика» и «старая грамматика», в конечном счете, восходят к «*Techne*». Эта позиция была продолжена на Западе в период деятельности спекулятивных грамматиков, *Modistae*, сделавших синтаксис центральной частью своих теоретических грамматических исследований, базирующихся на собственной основе и выполняющих (в собственных терминах) задачу краткого изложения и установления теоретических основ структуры предложения.

Описание звукового строя латинского языка в грамматике Присциана сходно с аналогичным описанием Доната и в целом основано на греческой грамматической традиции¹³. Некоторые различия отчасти связаны с разной степенью детализации описания.

Оба автора начинают с классификации звучаний голоса (звука). Донат различает членораздельный голос (*vox articulata*), который может быть записан буквами (иначе членораздельные звуки), и нечленораздельный, неясный (*vox confusa*), который невозможно записать. Присциан предлагает более сложное деление голоса по четырем признакам (повторяя классификацию Дионисия Фракийца): *vox articulata, inarticulata, literata, illiterata*. Голос членораздельный и одновременно допускающий запись — это осмысленная членораздельная речь; неартикулируемый голос, допускающий запись — это не имеющие смысла звуковые последовательности; неартикулируемый голос, не допускающий буквенной записи — это неречевые звуки, например, мычание.

¹³ Luscher (1911). P. 211.

Буква определяется обоими авторами как минимальная часть артикулируемого голоса (ср. характеристику элемента, § 11), при этом Присциан добавляет, что буква имеет название (*nomen*), форму (*figura*) и силу (*potestas*), т.е. звуковое соответствие, повторяя, таким образом, формулировку греческих авторов и Мария Викторина.

Определения гласного звука у Доната и Присциана тоже совпадают и вполне традиционны: это звуки, которые могут быть произнесены сами по себе: *a e i o u*; оба автора указывают, что буквы *i*, *u* могут быть гласными и согласными; Донат также подчеркивает, что в латыни все гласные могут быть долгими и краткими, а Присциан этого не делает¹⁴, что может расцениваться как отражение процесса выравнивания долготы звучания гласных.

Согласные, по античной традиции, делятся на полугласные и немые. Первые, по Донату, могут произноситься самостоятельно, но не образуют слога, а по Присциану — не имеют полного звука, это согласные *f l m n r s x*; Присциан указывает, что их названия (кроме *x*) начинаются на *e*, а оканчиваются звучанием самого согласного; *x* при этом представляет собой двойной согласный. Вторые (немые), по Донату, не могут ни образовывать слог, ни произноситься сами по себе. Присциан же указывает, что они названы немыми не потому, что вовсе не имеют звука, а потому, что звучат плохо, слабо, подобно тому, как говорят «бесформенный» не о том, что вовсе не имеет формы, а о том, что имеет плохую форму. Это буквы *b c d g h k p q t* (перечислены в алфавитном порядке, как и полугласные). Оба автора отмечают одинаковое звуковое значение букв *c k q* и их употребление в зависимости от следующего гласного. Что же касается *h*, то это иногда согласный, а иногда придыхание.

Присциан сравнивает отношения гласных и согласных с отношениями души и тела: «Ибо душа подвижна сама по себе и движет тело, тело же не может двигаться само и сообщать движение душе, а только движимо душой. Так гласные сами создают слог и влекут за собой согласные...». Однако ни у Доната, ни у Присциана нет последовательных указаний на артикуляцию звуков (подобных тем, какие дал Марий Викторин)¹⁵.

¹⁴ Whitbread (1977). P. 811-812.

¹⁵ Robins (1951). P. 126.

Присциан останавливается на чтении и употреблении отдельных букв и, в частности, объясняет, почему согласные *g d b* названы «средними» — *mediae*: они занимают место между непридыхательными *c t p* и придыхательными *ch th ph*, потому что «они не вовсе лишены придыхания, но и не имеют его в полной мере» — толкование, очевидно, специально придуманное для оправдания термина; истинная фонетическая природа отличия *b d g* от *p t k* еще долго оставалась непонятой. Деление смычных на *mediae* и *tenues* обсуждалось еще в фонетической литературе XIX в.

Присциан уделяет довольно много места «переходам» согласных и гласных друг в друга при словоизменении, то есть, в современных терминах, чередованиям. Определение чередований звуков как их взаимных переходов сохранялось в русских грамматиках вплоть до XX в.

Не вполне одинакова у Доната и Присциана трактовка слога: по Донату, слог может состоять из сочетания звуков или одного гласного; Присциан подчеркивает, что слог — сочетание букв, произносимых с одним акцентом (ударением) и одним выдохом, хотя в несобственном смысле (*abusive*) слогом называют и один гласный.

Таким образом, Присциан, как и древнегреческие авторы, и Марий Викторин, исходит из этимологии термина: слог должен быть составлен, по крайней мере, из двух элементов.

Присциан и Донат рассматривают правила образования кратких слогов и долгих, соотносимых с двумя краткими; Донат перечисляет все виды стоп классической поэзии, определяемых сочетаниями долгих и кратких слогов; термины, обозначающие некоторые из них, применяются теперь по отношению к стопам современных силлабо-тонических стихов. Присциан рассматривает и звуковой состав слогов, возможные сочетания согласных в начале и в конце слога — в этих замечаниях можно увидеть зародыш исследований по комбинаторике звуков. Донат описывает правила употребления трех видов слогового акцента в зависимости от числа слогов в слове и долготы или краткости гласных.

Наконец, в грамматике Присциана есть небольшой раздел, посвященный членению речи, которая связывается со смысловой завершенностью отрезка текста. Разделение (*distinctio*) происходит, если мысль закончена (*plena sententia*); подразделение (*subdistinctio*) —

в случае, если к уже сказанному необходимо добавить лишь немного, а среднее разделение (*media distinctio*) бывает, если необходимо добавить столько же, сколько уже было сказано. Позднее по этой модели формулируются правила членения речи и в средневековых латинских грамматиках, построенных на базе грамматики Присциана.

Ориентация на греческую грамматическую систему иногда вводила Присциана в заблуждение, например, когда он усматривал наличие в латыни опатива, неотличимого от конъюнктива. Там, где греческая схема не подходит, его описание становится бессистемным.

Итак, большая Грамматика Присциана, как уже отмечалось, несмотря на все недостатки, стала основным источником знаний о латинском языке для Европы и европейцев на протяжении многих последующих столетий¹⁶. Этот труд стал нормативным учебником, практически используемым вплоть до XIX в.

Но Присциан также подготовил и «Малые сочинения» об отдельных частях грамматики:

- *De figuris numerorum* (О падежах числительных),
- *De metris (fabularum) Terentii* (О стихотворных размерах сочинений Теренция),
- *Praeexercitamenta rhetoricis* (Грамматические предварительные упражнения) в III книгах дают краткое наставление в риторике на основе Гермогена, о различных риторических стилях;
- *Institutio De nomine et pronomine et verbo* (Руководство о существительном, местоимении и глаголе). Краткая версия «Граматики» Присциана — справочник словообразовательных и флективных форм, использовался как учебник¹⁷;
- *Partitiones XII versuum Aeneidos principalium* (О 12 начальных строках Энеиды) содержит грамматические вопросы о начальных 12-ти стихах отдельных книг Энеиды; были в более непосредственном употреблении как школьные учебные тексты. *Partitiones* использовали хорошо известные хрестоматийные литературные тексты, чтобы дать формальные уп-

¹⁶ См.: Gillett (2003).

¹⁷ Schmidhhauser (2009). P. 168-182.

ражнения для обучения грамматике. Широко использовались также такие примеры из греко-язычного мира, как схе-дография; Присциан составлял из них главы для своей работы, где приводил примеры и споры;

— *De accentibus* (Об ударениях) — более поздний трактат несколько иного строения и стиля, приписанный Присциану («Псевдо-Присциан»).

Все эти сочинения опубликованы у Г. Кайля в серии «Латинские грамматики»¹⁸.

Присциан также является автором двух поэм. Географическое латинское стихотворение под заглавием «Periegesis» («Путевые заметки») является переводом и отчасти вольной переделкой одноименного греческого стихотворения Дионисия. «Панегирик императору Анастасию» — более важный исторический источник¹⁹, продолжающий традицию латинского стихотворного императорского панегирика (ранее Клавдиан, Сидоний, позднее — Корипп).

В целом все сочинения Присциана находятся в основном культурном контексте Поздней античности²⁰, и поэтому представляют немалый интерес для современного исследователя этой эпохи в духе британской школы Питера Брауна, рассматривающей IV–VII вв. как единый сложный исторический период (Late Antiquity) с суммой взаимодействий разнонаправленных исторических факторов и постепенным «переформатированием» общества.

Существуют различные мнения у историков по поводу того, когда, в каком столетии Средние века сменяют классическую Античность, но как можно заключить из лингвистических источников, Присциановы «Установления» (начало VI в.) могут рассматриваться в равной мере и как рубеж, и как связь между ними двумя. Его грамматика представляет исчерпывающую и достаточно творческую компиляцию из всего, что было достигнуто на тот момент совокупной традицией греко-римской лингвистической школы.

¹⁸ См.: Prisc. Op. min. // GL 3. P. 407-515.

¹⁹ Coyne (1988); Cameron (1974); Болгов (2014). С. 270-293; Болгов (пер., 2014). С. 279-286.

²⁰ Robins (1993). P. 87-110 (о Присциане).

Среди фигур Семи свободных искусств на западном фронте Кафедрального собора в Шартре мы видим Грамматику, изображенную в резьбе по дереву вместе со своим величайшим комментатором — Присцианом.

Главными достоинствами сочинений Присциана являются полнота изложения и изобилие примеров. Благодаря Присциану, сохранились многие фрагменты из произведений ранних римских классиков — Энния, Пакувия, Акция, Луцилия, Катона, Варрона. Присциан также цитирует многих из сохранившихся авторов²¹.

«Установления» стали первым полным изложением и завершающей систематизацией грамматики классического европейского языка, которое мы имеем сегодня. Особенно важно, что это произошло в самый момент превращения латыни из живого языка в средневековый «мертвый» (а лучше сказать, «засушенный» подобно листу в гербарии).

Остается удивиться тому обстоятельству, что Присциан Грамматик до недавнего времени совершенно не привлекал внимания отечественных специалистов²², особенно историков. Хочется надеяться, что его гигантское наследие будет со временем востребовано и в России, тем более что интерес в мировой науке к трудам великого систематизатора латинского языка не ослабевает²³. Язык — важнейший индикатор исторических процессов в переходные исторические эпохи, и в этом отношении наследие Присциана весьма важно для исследования проблем континуитета и дисконтинуитета между Античностью и Средневековьем.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

Оригинальные тексты, кроме случаев, оговоренных особо, см. в открытом доступе в сети Интернет:

GL — *Grammatici Latini* / Ed. G. Keil. 7 vols. Lipsiae, 1822–1894.

²¹ *Salamon* (1979). S. 91–96.

²² *Болгов* (2012Б). С. 132–133; *Болгов* (2012А). С. 82–83.

²³ См.: *Baratin; Colombat; Holtz* (edd., 2009). XIX, 770 p.

- GG — Grammatici Graeci / Ed. R. Schneider, G. Uhlig. 4 t. (11 parties). Lipsiae, 1867–1902.
- Apol. Dysc.* De construct. (*Uhlig*) — Apollonii Dyscoli De constructione libri quattuor / Ed. G. Uhlig // GG 2.2
- Prisc.* Inst. I–XII. — Prisciani Institutionum grammaticarum libri I–XII // GL 2 (1855).
- Prisc.* Inst. XIII–XVIII. — Prisciani Institutionum grammaticarum libri XIII–XVIII // GL 3 (1859).
- Prisc.* Op. min. — Prisciani opera minora // GL 3 (1859).
- Eut. Ars.* — *Eutychis.* Ars de verbo // GL 5 (1868).
- Baratin; Colombat; Holtz* (eds., 2009). — Priscien: Transmission et réfondation de la grammaire de l'antiquité aux moderns (état des recherches à la suite du colloque international de Lyon, ENS Lettres et Sciences Humaines, 10-14 octobre 2006) / M. Baratin, B. Colombat, L. Holtz, eds. Turnhout: Brepols, 2009. XIX, 770 p.
- Cameron* (1974). — *Cameron A.* The Date of Priscian's De Laude Anastasii // Greek, Roman and Byzantine Studies. 15. 1974.
- Courtois* (1953). — *Courtois, Charles.* Césarée de Maurétanie // Dictionnaire d'Histoire et de Géographie ecclésiastiques. Vol. XII. Paris, 1953. Coll. 203-206.
- Coyne* (1988). — *Coyne P.* Priscian's De laude Anastasii imperatoris / Unpubl. thes. McMaster University, 1988.
- Householder* (tr., 1981). — The Syntax of Apollonius Dyscolus / Trans. with comm. by Fred W. Householder. Amsterdam, 1981.
- Gillett* (2003). — *Gillett A.* Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533. Cambridge: UP, 2003.
- Glück* (1967). — *Glück M.* Priscians Partitiones und ihre Stellung in der spätantiken Schule. Hildesheim, 1967.
- Kaster* (1997). — *Kaster R.A.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley: Univ. of California Press, 1997.
- Luhtala* (2005). — *Luhtala, Anneli.* Grammar and philosophy in late Antiquity: a study of Priscian's sources. L., 2005.
- Luscher* (1911). — *Luscher A.* De Prisciani studiis Graecis. Breslau, 1911.
- Robins* (1951). — *Robins R.H.* Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe. London, 1951.

- Robins* (1993). — *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. Their Place in History. Berlin – New York, 1993.
- Runciman* (1933). — *Runciman S.* Byzantine civilization. London, 1933.
- Salamon* (1979). — *Salamon M.* Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel // *Philologus*. 123. 1979.
- Schmidhhauser* (2009). — *Schmidhhauser A.U.* Le *De pronomine* de Priscien et son modèle grec // *Priscien: Transmission et refondation de la grammaire de l'antiquité aux modernes* / M. Baratin, B. Colombat, L. Holtz, edd. Turnhout: Brepols, 2009.
- Whitbread* (1977). — *Whitbread L.G.* A note on Priscian the Grammarian // *Latomus*. 36. 1977.
- Болгов* (2012А). — *Болгов К.Н.* Итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в. // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2012.
- Болгов* (2012Б). — *Болгов К.Н.* Присциан и итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в. // *Каразінські читання (історичні науки)*. Харків, 2012.
- Болгов* (2014). — *Болгов Н.Н.* «Панегирик императору Анастасию» Присциана // *Софія Київська: Візантія. Русь. Україна*. Вип. IV: збірка наукових праць, присвячена 170-літтю з дня народження Н.П. Кондакова (1844–1925). Київ, 2014.
- Болгов* (пер., 2014). — *Присциан*. Панегирик Анастасию / Прозаич. пер. Н.Н. Болгова // *Классическая и византийская традиция*. 2014. Белгород, 2014.
- Третьякова* (2013). — *Третьякова Н.Е.* К истории первых лет византийской власти в Африке // *Вестник СНО БелГУ*. Вып. XVII. Белгород: БелГУ, 2013.

Nikolay N. BOLGOV, Anna M. BOLGOVA

PRISCIAN GRAMMARIAN AND HIS HERITAGE

The article discusses the activities of Constantinople intellectuals of the 6th century, who worked on systematization and preservation of the Antique cultural heritage. It is demonstrated that their activities were in many aspects similar to those of the so-called “last Romans” in the West, who were trying to “save” the cultural heritage on the eve of the Middle Ages. The difference between the East and the

West was in the role of the Eastern Roman empire in this cultural process, as well as the role of the Latin language, which still was used in Constantinople as a language of administration and legislation. In this regard, the attempts to systematize Latin grammatical knowledge undertaken by Priscian of Caesarea under the emperor Anastasius I are quite indicative. The role of Priscian as the scholar, responsible for the final phase of development of Latin grammatical studies in the East, was revealed in a period when Latin was rapidly losing its position as a living (spoken) language. The analyzes of Priscian's grammatical treatises shows that his works were composed not exclusively for students but also to officials (whose native language was Greek). They helped them to master Latin and to the level, which allowed the use of this language when performing their official duties. It is shown that the main treatise of Priscian — a systematic study of Latin grammar entitled "Institutiones Grammaticae", was based on the preceding grammatical tradition, traced back to Greek (Herodianus and Apollonius Discolus) and Latin authors (Donatus, Probus, Servius, Charisius). The influence of Priscian as a teacher and theoretical researcher was felt in the West in the following centuries.

REFERENCES

- GL — Grammatici Latini / Ed. G. Keil. 7 vols. Lipsiae, 1822–1894.
 GG — Grammatici Graeci / Ed. R. Schneider, G. Uhlig. 4 t. (11 parties). Lipsiae, 1867–1902.
- Apol. Dysc.* De construct. (*Uhlig*) — Apollonii Dyscoli De constructione libri quattuor / Ed. G. Uhlig // GG 2.2
- Prisc.* Inst. I–XII. — Prisciani Institutionum grammaticarum libri I–XII // GL 2 (1855).
- Prisc.* Inst. XIII–XVIII. — Prisciani Institutionum grammaticarum libri XIII–XVIII // GL 3 (1859).
- Prisc.* Op. min. — Prisciani opera minora // GL 3 (1859).
- Eut. Ars.* — *Eutychis.* Ars de verbo // GL 5 (1868).
- Baratin; Colombat; Holtz* (eds., 2009). — Priscien: Transmission et réfondation de la grammaire de l'antiquité aux modernes (état des recherches à la suite du colloque international de Lyon, ENS Lettres et Sciences Humanines,

- 10-14 octobre 2006) / M. Baratin, B. Colombat, L. Holtz, eds. Turnhout: Brepols, 2009. XIX, 770 p.
- Cameron* (1974). — *Cameron A.* The Date of Priscian's *De Laude Anastasii* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 15. 1974.
- Courtois* (1953). — *Courtois, Charles.* Césarée de Maurétanie // *Dictionnaire d'Histoire et de Géographie ecclésiastiques*. Vol. XII. Paris, 1953. Coll. 203-206.
- Coyne* (1988). — *Coyne P.* Priscian's *De laude Anastasii imperatoris* / Unpubl. thes. McMaster University, 1988.
- Householder* (tr., 1981). — *The Syntax of Apollonius Dyscolus* / Trans. with comm. by Fred W. Householder. Amsterdam, 1981.
- Gillett* (2003). — *Gillett A.* Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533. Cambridge: UP, 2003.
- Glück* (1967). — *Glück M.* Priscians *Partitiones* und ihre Stellung in der spätantiken Schule. Hildesheim, 1967.
- Kaster* (1997). — *Kaster R.A.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley: Univ. of California Press, 1997.
- Luhtala* (2005). — *Luhtala, Anneli.* Grammar and philosophy in late Antiquity: a study of Priscian's sources. L., 2005.
- Luscher* (1911). — *Luscher A.* *De Prisciani studiis Graecis*. Breslau, 1911.
- Robins* (1951). — *Robins R.H.* Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe. London, 1951.
- Robins* (1993). — *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. Their Place in History. Berlin – New York, 1993.
- Runciman* (1933). — *Runciman S.* Byzantine civilization. London, 1933.
- Salamon* (1979). — *Salamon M.* Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel // *Philologus*. 123. 1979.
- Schmidhauser* (2009). — *Schmidhauser A.U.* *Le De pronomine de Priscien et son modèle grec* // *Priscien: Transmission et réfondation de la grammaire de l'antiquité aux modernes* / M. Baratin, B. Colombat, L. Holtz, edd. Turnhout: Brepols, 2009.
- Whitbread* (1977). — *Whitbread L.G.* A note on Priscian the Grammarian // *Latomus*. 36. 1977.
- Bolgov* (2012A). — *Bolgov K.N.* Itogovaja sistematizacija latinskoj grammatiki v Konstantinopole VI v. // *Problemy istorii i arheo-logii Ukrainy*. Har'kov, 2012.

- Bolgov* (2012B). — *Bolgov K.N.* Priscian i itogovaja sistematizacija la-tinskoj grammatiki v Konstantinopole VI v. // *Karazins'ki chitan-nja (istorichni nauki)*. Harkiv, 2012.
- Bolgov* (2014). — *Bolgov N.N.* «Panegirik imperatoru Anastasiju» Prisciana // *Sofija Kiïvs'ka: Vizantija. Rus'. Ukraïna. Vip. IV: zbirka naukovih prac', prisvjachena 170-littju z dnja narodzhennja N.P. Kondakova (1844–1925)*. Kiev, 2014.
- Bolgov* (per., 2014). — *Priscian.* Panegirik Anastasiju / Prozaich. per. N.N. Bolgova // *Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija*. 2014. Belgorod, 2014.
- Tret'jakova* (2013). — *Tret'jakova N.E.* K istorii pervyh let vizantijskoj vlasti v Afrike // *Vestnik SNO BelGU. Vyp. XVII*. Belgorod: BelGU, 2013.

ПРИСЦИАН

ФРАГМЕНТЫ

1. ОТРЫВОК ИЗ ПОСВЯЩЕНИЯ КОНСУЛУ ЮЛИАНУ

[*Keil* 1855. 2.24 – 3.2] (Priscianus Caesariensis Grammaticus
Iuliano Consuli ac Patricio, 4)¹

Huius tamen operis te hortatorem sortius iudicem quoque facio, Iuliane consul ac patricie, cui summos dignitatis gradus summa adquisivit in omni studio ingenii claritudo, non tantum accipiens ab excelsis gradibus honorum pretii, quantum illis decoris addends tui, cuius mentem tam Homeri credo quam Virgilii anima constare, quorum uterque arcem possederat musicae, te tertium ex utroque compositum esse confirmans, quipped non minus Graecorum quam Latinorum in omni doctrinae genere praefulgentem, tibi ergo hoc opus devoveo, omnis eloquentiae praesul, ut quantamcumque mihi deus annuerit suscepti laboris gloriam, te comite quasi sole quodam dilucidius crescat.

Имея счастье твоей поддержки в этой работе, я сделал тебя также ее судьей, о, Юлиан, консул и патриций, который объединил самые высокие ранги государственной службы и интеллектуальные достижения в каждой отрасли исследований. Ты также получил признание за твои прежние правительственные назначения и добавил себе их почести. Твой ум, я считаю, весьма соответствует душе как Гомера, так и Вергилия, каждый из которых достиг вершин поэзии. Я уверен, что ты третий из живших, кто сочетал преимущества каждого из двух вышеупомянутых, так как ты просиял в каждом из родов обучения, не менее греков, нежели латинян. Поэтому я посвящаю это сочинение тебе, наш вождь всего красноречия, в надежде на то, что, независимо от славы, которую Бог дарует мне за труд,

¹ Здесь и далее в аналогичных местах первая цифра означает номер страницы в издании Кайля, вторая — номер строки. В круглых скобках дана традиционная нумерация по книгам и главам.

который я предпринял, он может засиять еще ярче с тобой, мой соратник и почти Солнце.

Эта часть сочинения Присциана, его самое начало, представляет собой достаточно грубое и сервильное посвящение Юлиану, консулу в Константинополе. Такой стиль был обычным для позднеантичной эпохи, особенно в отношении придворных кругов. Посвящение написано несколько гиперболизированной и пышной цicerоновой латынью, заметно отличаясь от более трудного стиля самой Грамматики. Далее следует оглавление, с кратким изложением предмета каждой из 18 книг.

Вполне ясно, что город Константинополь еще сохранил большую часть римской государственной системы как «Второй Рим», а правители и правящий слой того времени еще были латиноязычными, или, если они не владели латинским языком, то учили его, как и латинскую литературу, в качестве необходимой и важной предпосылки для социального продвижения наверх².

2. О СЛОВЕ И ПРЕДЛОЖЕНИИ

[*Keil* 1855: 53.8-12] (Inst. II, 14)

Dictio est pars minima orationis constructae, id est in ordine compositae: pars autem, quantum ad totum intellegendum, id est ad totius sensus intellectum; hoc autem ideo dictum est, ne quis conetur «vires» in duas partes divider, hoc est in «vi» et «res», vel quaedam huiusmodi, non enim ad totum intellegendum haec fit divisio.

Слово является минимальной частью конструкции предложения, то есть, единица, составленная (вместе с прочими) в надлежащем порядке. Это часть, поскольку она способствует пониманию целого (предложения), то есть, [даёт]³ полное ощущение понимания. Мы говорим об этом, чтобы никто не пытался разделить «vires»

² В комментариях использованы материалы Р. Робинса. См.: *Robins* (1993).

³ В квадратных скобках даны слова, необходимые для прояснения смысла.

(«сильные») на две части — то есть, на «vi» и «ges», или на что-то подобное. Такое разделение не способствует полному пониманию предложения.

3. О ПРЕДЛОЖЕНИИ

[Keil 1855: 53.28 – 54.2] (Inst. II, 15)

Oratio est ordinatio dictionum congrua, sententiam perfectam demonstrans, est autem haec definitio orationis eius, quae est generalis, id est quae in species sive partes dividitur, nam oratio dicitur etiam liber rhetoricus nec non unaquaeque dictio hoc saepe nomine nuncupatur, cum plenam ostendit sententiam, ut verba imperativa et responsiva, quae saepe una diction complentur, ut si dicam «quid est summum bonum in vita?» et respondeat quis «honestas», dico «bona oratione respondit».

Предложение образует правильную последовательность слов, устанавливающих законченную мысль. Но это определение предложения — общее, среди предложений можно выделить различные формы и детали. Говоря об *oratio* (предложении), мы должны обратиться к целой книге риторики, ведь одно слово часто образует целое предложение, когда оно обнаруживает полную мысль, как императивы и ответные формы, которые часто заполнены одним словом: если я скажу «quid est summum bonum in vita?» («что есть высшее благо в жизни?»), и кто-либо ответит: «honestas» («честность»), то я скажу: «bona oratione respondit» («он отвечает отличным предложением»).

Эти два пассажа можно сравнить с соответствующим разделом *Techne* Аполлония — разделом 11, к которому они, очевидно, восходят. Некоторые положения касаются основных единиц грамматики, изложенных здесь, хотя в большей степени — длины предложения. Присциан играет с двойным смыслом латинского слова *oratio*, имея в виду его смысл и как «речи», и как «предложения», в его обзоре в полном риторическом труде и в разделе об односложном предложении.

4. ОБ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

[*Keil* 1855: 55.4 – 56.27] (Inst. II, 17-21)

Igitur non aliter possunt discerni a se partes orationis, nisi uniuscuiusque proprietates significationum attendamus.

Proprium est nominis substantiam et qualitatem significare. Hoc habet etiam appellatio et vocabulum: ergo tria una pars est orationis.

Proprium est verbi actionem sive passionem sive utrumque cum modis et formis et temporibus sine casu significare. Hoc habent etiam infinita, quare non sunt separanda a verbo. Participium autem iure separatur a verbo, quod et casus habet, quibus caret verbum, et genera ad similitudinem nominum, nec modos habet, quos continent verbum.

Proprium est pro aliquo nomine proprio poni et certas significare personas. Ergo «quis» et «qui» et «qualis» et «talís» et «quantus» et «tantus» et similia, quæ sunt «infinita» sive «interrogativa» vel «elativa» vel «redditiva», magis nomina sunt appellanda quam pronomina: neque enim loco propriorum nominum ponuntur neque certas significant personas, sed etiam substantiam, quamvis infinitam, et qualitatem, quamvis generalem, quod est suum nominis, habent: nomina sunt igitur dicenda, quamvis declinationem pronominum habeant quædam ex eis. Non enim declination, sed vis et significatio uniuscuiusque partis est contemplanda: indifferenter enim multa et nomina modo pronominum et pronominal modo nominum invenimus declinata. Quid enim stultius quam omnia, quæ numeros significant, nomina dicere, unum autem, «unus unius», propter declinationem pronomen appellare? Quod si declinatio facit indicium, quails sit diction, debent omnia possessiva pronomina, quia nominum declinationem sequuntur, et participial in his computari, quod omnino caret ratione. Ergo non declinatio, sed proprietas est excutienda significationis.

Et quoniam de proprietate nominis et verbi et participii et pronominis breviter dictum est, non incongruum esse arbitror, summatum de ceterarum quoque proprietate partium orationis percurrere.

Proprium est adverbii cum verbo poni nec sine eo perfectam significationem posse habere, ut «bene facio», «docte lego». Hoc ergo inter adverbium et praepositionem est, quod adverbium et sine casualibus

potest praeponi et postpone verbis et cum casualibus, ut «pone currit» et «currit pone», «venit tempore longo post» et «post longo tempore venit». Terentius in *Adelphis*:

post faceret tamen.

Si igitur invenias cum nomine adverbium sine verbo, scias hoc per ellipsin fieri, ut si dicam «non bonus homo» pro «malus», subaudio «est».

Praepositionis autem proprium est separatim quidem per appositionem casualibus praeponi, ut «de rege», «apud amicum», coniunctim vero per compositionem tam cum habentibus casus quam cum non habentibus, ut «indoctus», «interritus», «proconsul», «induco», «inspiciens».

Proprium est coniunctionis diversa nomina vel quascumque dictiones casuales vel diversa coniungere, ut «et Terentius et Cicero», «vel Terentius vel Cicero»; «et formosus et sapiens», «vel formosus vel sapiens»; «et legens et scribens», «vel legens vel scribens»; «et ego et tu», «vel ego vel tu»; «et facio et dico», «vel facio vel dico»; «et bene et celeriter», «vel bene vel celeriter»; quod praepositio non facit. Interest autem etiam hoc, quod praepositiones componi possunt cum verbis, coniunctio vero numquam, ut «subtraho», «addico», «praepono», «produco», «dehortor», coniunctio autem, licet sit praepositiva, in compositione tamen non invenitur cum verbis, ut «ab», «ast», «sed», et quod praepositio casualibus separate praeponitur semper, coniunctio vero omnibus potest dictionibus modo praeposita modo postposita coniungi.

Есть и другой способ разграничения частей речи (классов слов), который обращает внимание на семантические свойства каждого из них.

Отличительное свойство имени [существительного] состоит в обозначении [сущности и] качества. В общем одушевленные и неодушевленные имена [существительные] обладают этим свойством, и поэтому все три являются одной частью речи.

Отличительным свойством глагола является обозначение деятельности или оказания воздействия, или их обоих. Глаголы имеют наклонения, [морфологически различные формы], и времена, но без [возможности] обозначения падежа. Эти свойства также применимы и к инфинитивам, поэтому они не должны быть отделяемы от глаголов. Причастие, однако, справедливо отделяется от глагола, поскольку

ку оно имеет падеж, которого глагол не имеет, а также род, подобно именам [существительным]; и не имеет наклонений, присущих глаголам.

Свойство местоимения — возможность замены на имя собственное и обращение к конкретным лицам. По этой причине *quis* («кто») и *qui* («кто»), *quails* («какого типа?» «какого типа») и *talīs* («в этом роде»), *quantus* («как много? как много») и *tantus* («так много»), и т.п., которые являются неопределенными или вопросительными, или относительными, или демонстративными, следует называть именами [существительными] в большей степени, нежели местоимениями, так как они не используются вместо имен собственных, и не означают конкретных лиц; но они обозначают сущность, однако неопределенную, и качество, однако общее, что является свойством имен [существительных]. Поэтому они должны быть названы именами [существительными], хотя некоторые из них имеют местоименные флексии. Ибо мы должны рассматривать не склонения, но, скорее, силу и значение каждой части речи. Мы находим много примеров имен [существительных], склоняющихся как местоимения, и местоимений, склоняющихся как имена [существительные]. Что может быть нелепее, нежели назвать все слова, обозначающие числа имен [существительных], лишь за одним исключением, *unus, unus* («один»), местоимениями, на основании [лишь] их склонений? Если склонение соответствует критерию класса, к которому принадлежит слово, все притяжательные местоимения, которые следуют склонению имени [существительного], наряду с учитываемыми здесь причастиями, должны быть причислены к именам [существительным], несмотря на отсутствие [иных] причин. Поэтому не склонение, но семантические свойства должны обозначаться [в первую очередь].

Поскольку мы кратко коснулись свойств имени [существительного], глагола, причастия и местоимения, я думаю, что не было бы неуместно [кратко] пробежать по свойствам других частей речи.

Отличительное свойство наречия состоит в конструкции с глаголом, и не может иметь полного смысла без этого: например, *bene facio* («Я делаю хорошо»), *docte lego* («Я читаю со знанием»). Что отличает наречия и предлоги, так это то, что наречия могут предшествовать или следовать глаголам по делу или без дела склоняемыми

словами, как в выражениях *pone currit* («позади бежит он») и *currit pono* («он бежит позади»), и *venit tempore longo post* («он пришел много времени спустя») и *post longo tempore venit* («долгое время спустя он пришел»).

Теренций в «Братьях» (1.2.30) пишет *post faceret tamen* («после того, еще»). Так что, если вы найдете наречие с именем [существительным], но без глагола, вы будете знать, что это происходит из-за эллипсиса: если я говорю *non bonus homo* («нехороший человек») в смысле *malus (homo)* («плохой человек»), вы поймете, что там есть *est* («есть») (*non est bonus homo*).

Отличительное свойство предлога — предшествовать словам с изменяющимися падежными окончаниями, например «о царе», «с другом», но иногда они сливаются как со словами с изменяемыми падежными окончаниями, так и со словами с неизменяемыми падежными окончаниями, например *indoctus* («неученый»), *interritus* («неустрашимый»), *intercurro* («бегущий между»), *proconsul* («на месте консула»), *induco* («привожу») и *inspiciens* («глядя в»).

Отличительное свойство союзов заключается в том, чтобы присоединиться к различным именам [существительным] или любым другим тематически склоняемым словам или разным глаголам и наречиям, например, *et Terentius et Cicero* («и Теренций, и Цицерон»), *vel Terentius vel Cicero* («или Теренций, или Цицерон»), *et formosus et sapiens* («и красивый, и мудрый»), *vel formosus et sapiens* («или красивый, или мудрый»), *et legens et scribens* («и читающий, и пишущий»), *vel legens vel scribens* («либо читающий, либо пишущий»), *et ego et tu* («и я, и ты»), *vel ego vel tu* («или я, или ты»), *et facio et dico* («я как делаю, так и говорю»), *vel facio vel dico* («либо я делаю, либо я говорю»), *et bene et celeriter* («и хорошо, и быстро»), *vel bene vel celeriter* («либо хорошо, либо быстро»). Предлог не может сделать [такого]. Но здесь также важно, что предлоги могут сливаться с глаголами, с которыми не может быть союзов, как в *subtraho* («убирать»), *addico* («наградить»), *praepono* («предложить»), *produco* («производить»), *dehortor* («отговаривать»). Союз, хотя и может предшествовать глаголу, с глаголами не сочетается; например: *at, ast, sed* («но»). И [кроме того], предлог, стоящий с отдель-

ными⁴ падежами, всегда им предшествует, союз же может сочетаться со всеми классами слов, как предшествуя им, так и следуя после.

Перечень свойств отдельных частей речи показывает больше факторов и акцентов в классификации слов, нежели в *Techne*. Мы видим в этом отрывке подробное распределение слов между именем существительным и местоимениями. Это согласуется с учением учителя Присциана — Аполлония (О местоимении 85а): «Слова распределяются на классы слов не по их флексивным формам, но по их значениям». Когда каждая часть речи характеризуется с точки зрения определений длины, то понятия приведены в гораздо более формальных терминах, и зачастую перед нами — почти перевод соответствующих определений в *Techne*⁵.

Непреходящая важность склонений и падежей как *fundamentum divisionis* (основного разделения) между частями речи обязательна для Присциана, как это было обязательно и для автора *Techne*, как и признание причастия отдельной частью речи (отдел 15).

Существуют некоторые разногласия среди авторитетных грамматиков о разнице между *appellatio* и *vocabulum*, хотя все признают и то, и другое нарицательными, отличными от имен собственных. Некоторые делают различие между абстрактным (*appellatio*) и конкретным (*vocabulum*), тогда как прочие считают основным отличие между *appellatio* как одушевленным и *vocabulum* как неодушевленным⁶.

В ходе рассмотрения вопроса о членстве класса имен существительных, как и в других своих работах, Присциан относит относительные и вопросительные местоимения (в современной терминологии) к классу имен существительных, хотя он признает, что некоторые латинские грамматикимели другую точку зрения, помещая их среди местоимений⁷, например, грамматик IV в. Проб⁸. Он рассматривает данный вопрос довольно подробно. Проб столкнулся с четкой морфологической разницей между греческим относительным местоимением, которое склоняется как определенный ар-

⁴ Косвенными.

⁵ См. *Keil* 1855: 369.2-3: «Verbum est pars orationis cum temporibus et modis, sine casu, agendi vel patiendi significativum» («Глагол является частью речи с временами и наклонениями, но без падежей, обозначающей действие или оказываемое воздействие»).

⁶ Ср.: *Keil* 1859: 320.14-24; 533.22-27; 1864: 373.5.

⁷ Ср.: *Keil* 1855: 61.9-20.

⁸ *Keil* 1864: 133.14 – 136.18.

тикль и рассматривается как «постпозитивный артикль» (*Techne*, отдел 16) и латинским относительным местоимением, склоняющимся как вопросительные местоимения; и, конечно, как он неоднократно указывает, в латинском языке не было определенных артиклей (например: *Keil* 1859: 11.25: *articulum Romani non habent* [«артиклею римляне не имеют»]). Аполлоний изложил достаточно полный свод относительных конструкций со ссылкой на «постпозитивный артикль», *hos, he, ho*, etc.⁹; Присциан пишет меньше на эту тему, его основные утверждения находятся в синтаксических главах¹⁰.

Подклассы имен существительных следуют в общем их латинском использовании: *quis* и *qui* неопределенны в таких конструкциях как *si quis* ... («если кто-то ...»), далее следует глагол; *qui*, как в *qui color* («какой цвет?»), используется как вопросительное прилагательное (в современных терминах; греческие и латинские грамматики включали прилагательное в класс имен существительных).

Присциан использует термин *relativum* («относительное») довольно широко. В некоторых пассажах это ясно видно в переводе¹¹ *Virgilius, cui Gloria contigit* («Вергилий, чья слава прошла»; (129.6) *quis scripsit bucolica? Qui etiam georgica* («кто написал Эклоги? Он также написал Георгики»). Но в некоторых других пассажах *relativum* используется почти наравне с *redditivum*.¹² *autos* («он сам») (греч.), *quod est pronomen relativum* («что является относительным местоимением»);¹³ *relative quidem sunt «ipse» vel «is» vel «sui»* («также относительно *ipse* («сам»), *is* («он, один»), или *sui* («самого»»))¹⁴. В ходе специального рассмотрения вопроса о склонении местоимения до него, он подчеркивал особую роль латыни (например, *ille* («он, один»), gen. *illius*, dat. *illi*, по сравнению с *servus* («раб»), gen. *servi*, dat. *servo*).

Относительно наречий Присциан следовал установлениям *Techne*, что они используются только в синтаксической конструкции с глаголами, хотя латинские конструкции с другими словами классифицируются так же регулярно, как и в греческом языке. Синтаксические примеры эллипсиса довольно темны, хотя их смысл достаточно ясен: предположительно, *non bonus homo* («нехороший человек») следует понимать как *non est bonus homo* («не есть хороший человек»).

⁹ См.: *Uhlig* 1910. P. 116-128; *Householder* (тр., 1981). P. 79-87.

¹⁰ *Keil* 1859: 127.12 – 128.15.

¹¹ *Keil* 1859: 128.1.

¹² *Keil* 1859: 125.1.

¹³ *Keil* 1859: 142.28-29.

¹⁴ Ср.: *Keil* 1855: 578.12, 23.

О предложениях также Присциан в основном следует *Techne*, даже касательно отрицательной приставки *in-* как усиление предлога¹⁵, несмотря на существование в латинском языке однозвучных *invisus* («невидимый») и *invisus* («смотреть искоса, ненавидеть»). Без сомнения, довольно длинный перечень различий между предложениями и союзами связан с выделением стойками одного из них в отдельный класс.

5. О МЕЖДОМЕТИИ De interiectione

[Keil 1859: 90.6-15] (Inst. XV, 40)

Interiectionem Graeci inter adverbia ponunt, quoniam haec quoque vel audiuntur verbis vel verba ei subaudiuntur, ut si dicam «*papae*, quid video?», vel per se «*papae*», etiamsi non addatur «*miror*», habet in se ipsius verbi significationem. Quae res maxime fecit, Romanarum atrium scriptores separatim hanc partem ab adverbii accipere, qua videtur affectum habere in se verbi et plenam motus animi significationem, etiamsi non addatur verbum, demonstrare. Interiectio tamen non solum quem dicunt Graeci *σχετλιασμόν* significant, sed etiam voces, quae cuiuscumque passionis animi pulsu per exclamationem intericiuntur. Habent igitur diversas significationes: gaudii, ut «*euax*»; doloris, ut «*ei*».

Греки класс междометий располагали между наречиями, так как они также либо сочетаются с глаголами, или глаголы понимаются в сочетании с ними. Если мы говорим *papae*, *quid video?* («О, Боже! Что я вижу?») или *papae* («Боже!») сами по себе, то здесь такой глагол как *miror* («думаю») и не добавляется, он подразумевается. Некоторые авторы латинских грамматик брали такие слова как отдельные от наречий, потому что они видели, что они имели в себе силу глаголов, и для обозначения полной душевной привязанности использовались даже без добавления глагола.

Но междометия — это не только то, что греки называли *schetliasmon* («возмущаться жалобой»), но также включали выраже-

¹⁵ Ср.: Keil 1859: 164. 10-11.

ния, которые могли быть восклицательными междометиями как импульсом любого душевного опыта. Междометия, следовательно, имеют различные значения: или радость, как *euah* («ура!») или горе, как *ei* («уввы»).

Пока, как мы знаем, первым латинским грамматиком, который рассматривал междометия как отдельный класс слов, был Коминиан, а затем Реммий Палемон¹⁶. Таким образом, греческое количество классов слов 8 сохранилось в латыни в отсутствие определенного артикля и перераспределения роли относительного местоимения. Наблюдение Присциана о том, что греки считали только пейоративные формы, вводит в заблуждение. Формы, которые классифицируются как междометия в латинской грамматике, распределены среди многих подклассов наречий в разделе 19 *Techne*.

6. ПОРЯДОК БУКВ, СЛОГОВ, СЛОВ

[Keil 1859: 108.5 – 109.7] (Inst. XVII, 2-5)

In supra dictis igitur de singulis vocibus dictionum, ut poscebat earum ratio, tractavimus; nunc autem dicemus de ordinatione earum, quae solet neri ad constructionis perfectae, quam admodum necessariam expositionem omnium diligentissime debemus inquirere, quod, quemadmodum literae apte coeunt faciant syllabas et syllabae dictiones, sic et dictiones orationem. Hoc enim etiam de tradita ratio demonstravit, quae bene dicuntur ab Apollonio prima materies vocis esse humanae individual. Ea enim non quocumque modo ostendit fieri literarum, sed per aptissimam ordinationem, unde et «literas» verisimiliter dicunt appellari, quasi «legiteras», quod legendi iter praebeant ordine congruo positae. Nec non etiam auctores literis syllabae idem recipiunt, cum ex eis coeunt iuncturae pro debito dictionem perficiunt. Igitur perficiunt. Igitur manifestum, quod consequens est, ut etiam dictiones, cum partes sint per constructionem perfectae orationis, id est του κατα σύνταξιν αὐτοτελοῦς

¹⁶ Keil 1859: 238.19-25: “Nihil docibile habent, значительное tamen adfectum Animi” («Они не имеют определенного смысла, но они указывают на состояние ума»).

λόγον, aptam structuram [id est ordinationem] recipiant: quod enim ex singulis dictionibus paratur sensibile [id est intellegibile], quodammodo elementum est orationis perfectae, et quomodo elementa cuncturis syllabas efficient suis, sic etiam ordinatio intellegibilium imaginem quondam syllabae perficit adiunctione dictionum. Est enim oratio comprehensio dictionum aptissime ordinarum, quomodo syllaba comprehensio literarum aptissime coniunctarum; et quomodo ex syllabarum coniunctione dictionum, sic etiam ex dictionum coniunctione perfecta oratio constat.

Possumus autem ex accidentium quoque similitudine hoc contemplari.

Bis idem elementum accipitur, ut «relliquias, redo», sed etiam syllaba, «Leleges, tutudi, peper», similiter et diction, ut:

Me, me — adsum qui feci.

На предыдущих страницах мы имели дело с отдельными формами слов, как это было необходимо. Теперь мы будем говорить об их упорядочении в строки, что делается для того, чтобы построить законченное предложение. Это мы должны изучить очень тщательно, поскольку это жизненно необходимо для объяснения литературных текстов авторов. Так же, как буквы, правильно соединяясь, образуют слоги, а слоги составляют слова, так и слова составляют предложения.

Это было показано в случаях с буквами в сочинениях, которые дошли до нас. Аполлонием впервые было хорошо сказано, что буквы — это первичный материал индивидуальной человеческой речи. Это показывает нам, что мы не можем писать письма, объединив буквы в любом порядке, но только через последовательности, сформированные особым образом. Вот почему *litteras* («буквы») справедливо так именуются, как если бы они были *legiteras* («читаемые тропы»), потому что они показывают нам пути, вслед которым нам следует читать, так как они размещены в упорядоченных последовательностях.

Более того, слоги большего размера, чем буквы, обрабатываются таким образом, что их комбинации правильно наполняют слова. Поэтому очевидно, что в результате слова, которые, в свою очередь, являются компонентами полных предложений, должны быть составлены в хорошо сформированные структуры (или упорядоче-

ния). Очевидно, что нечто понятное в отдельных словах, есть в некотором порядке составленные буквы, которые производят слоги и их комбинации, и это тоже дает упорядочение смысла, производящее впечатление какого-то (осмысленного) слога через строки слов. Предложение является унификацией правильно составленных слов, так как слог является унификацией соединенных букв, и так как слово состоит из соединенных слогов, это тоже делает полное предложение состоящим из соединенных слов.

Мы можем также посмотреть на это в свете рассмотрения таких форм. Составные слова могут иметь один и тот же повторяющийся слог, как у *reliquias* («остатки»), *reddo* («возврат»), но также могут включать повторяющийся в одном слове слог, *Leleges* («лелеги — пеласгическое племя»), *tutudi* («я ударил»), и *peperi* («я родился»); также может повторяться и все слово: *Me, me — adsum qui feci* («Меня, меня, кто сделал»).

Аналогом порядка букв и слогов с синтаксическим порядком слов в предложении стал греческий язык. В нем это было оформлено в начале первой книги о синтаксисе Аполлония. Если сравнить эти два отрывка, то будет очевидно, что Присциан переводит почти слово в слово греческий текст Аполлония с заменой примеров на латинские.

Litera «буква» используется одновременно как минимальная единица или элемент и разговорного, и письменного латинского, каковой была *gramma* по-гречески (см. *Techne* раздел 6). Объяснение «этимологии» является типичным путем, которым этимология понималась в древности, в результате чего смысл более сложного слова должен был словно «разворачиваться» в его предполагаемых установлениях, лежащих в основе слов (ср. Комментарий в разделе 1 *Techne*). И Аполлоний, и Присциан устанавливают отношения между буквами, слогами, словами и предложениями в качестве единиц размера, а не как отдельных уровней фонологии, с одной стороны, и в морфологии и синтаксисе, с другой.

Пример повторяющихся слов взят из Вергилия (*Aeneid.* 9.47): *Me, me, adsum qui feci, in me convertite ferrum, O Rutuli ...* «На меня, на меня, кто сделал дело, обратите свои мечи, рутулы».

7. О СИНТАКСИСЕ

[*Keil* 1859: 116.5-19] (Inst. XVII, 12-13)

Sicut igitur apta ordinatione perfecta redditur oratio, sic ordinatione apta traditae sunt a doctissimis atrium scriptoribus partes orationis, cum primo loco nomen, secundo verbum posuerunt, quippe cum nulla oratio sine iis completur, quod licet ostendere a constractione, quae continet paene omnes partes orationis. A sua si tollas nomen aut verbum, imperfecta fit oratio; sin autem cetera subtrahas Omnia, non necesse est orationem deficere, ut si dicas: «idem homo lapsus heu hodie concidit», en omnes insunt partes orationis absque coniunctione, quae si addatur, aliam orationem exigit, ergo si tollas nomen aut verbum, deficient oratio, desiderans vel nomen vel verbum, ut si dicam «idem lapsus heu hodie concidit» vel «idem homo lapsus heu hodie»; sin subtrahas adverbium, non omnio deficient oratio, ut «idem homo lapsus heu concidit», nec non etiam participium si adimas, neque sic deficient, ut: «idem homo heu hodie concidit», nec si praepositionem et interiectionem: «idem homo cecidit», nec si etiam pronomen: «homo cecidit».

Как и полностью составленные предложения как результат правильного расположения слов, мы вынесли сюда грамматики наших учений писателей относительно частей речи в правильном порядке. Они поместили имя [существительное] первым, а глагол — вторым, так как без этих двух полное предложение не может быть составлено.

Это может быть показано на примере конструкции, содержащей в предложении почти все различные части речи. Если убрать имя [существительное] или глагол, то предложение будет составлено не очень хорошо, но если вы уберете все остальные части предложения, то оно не обязательно будет неисправным.

Если вы скажете: «Тот человек, который поскользнулся, увы, сегодня упал», то увидите, что здесь имеются все части речи, исключая союз, который понадобился бы в других предложениях, если бы они были добавлены. Итак, если вы исключите имя [существительное] или глагол, предложение будет дефектным из-за их отсутствия, как если бы я сказал: «Тот человек, который поскользнулся, увы сегодня». Но если вы удалите наречие, предложение ни в

кчем случае не будет дефектным, как «Тот человек, который поскользнулся, увы, упал»; также не будет дефектным, если вы удалите причастие, как в предложении «Тот же самый человек, увы, упал»; и то же самое относится к предлогу и междометию: «Некий человек упал»; предложение не будет неисправным, если вы удалите и местоимение: «Человек упал».

Этот отрывок, тоже тщательно следует за соответствующим отрывком Аполлония¹⁷, и в соответствии с его утверждением, что все другие части речи синтаксически относятся к имени существительному или глаголу¹⁸, и это следует оригинальному платоновскому разделению *logos* «предложения» на субстантивные фразы (NP) (*onoma* «имя» или «субъект») и глагольные фразы (VP) (*rhema* «что сказано об этом» или «предикат»).

Ordinatio «упорядочение или договоренность» здесь относится не просто к линейному порядку слов, что по-латыни может существенно отличаться для стилистических соображений, не затрагивая синтаксической структуры предложения, но и к их иерархической упорядоченности в терминах возможного построения. Эта более полно выражено со ссылкой на греческого автора Григория Коринфского¹⁹.

Idem («то же самое») считается местоимением²⁰, и приставка *con-* в слове *concidit* принимается в качестве совместной формы свободного предлога, как *cum* «с». Чуть дальше²¹ следуют предложения, содержащие один глагол, являются довольно распространенным в таком языке, как латынь, объясняя «понимание» из номинативного субъекта, в случае безличных глаголов, как *fulminat* «сверкает» и *tonat* «гремит», подразумевая, что в роли подлежащего выступает Юпитер.

¹⁷ Uhlig 1910. 14.4 – 18.4; *Householder* (tr., 1981). P. 23-24.

¹⁸ *Householder* (tr., 1981). P. 30. Cp. P. 59-60.

¹⁹ См. о нем: *Robins* (1993). P. 169-170.

²⁰ Cp.: *Keil* 1855: 589.14.

²¹ *Keil* 1859: 116.27 – 117.4.

8. О ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛАХ

[Keil 1859: 212.27 – 213.12] (Inst. XVIII. 9-10)

Verba quoque transitiva similiter variis solent casibus coniungi, ut «miles eget imperatoris; Aeneas praemia donat Euryalo; Plato erudit Aristotelen; Cicero potitur laude». Quomodo autem nominativus obliquis apte possit construi, quantum ratione potui comprehendere docebo, quos tamen etiam flexus sibi defendit, ut «Aeneas rex Trojanorum; Aeneae regis Trojanorum; Aeneae regi Trojanorum»; sic per reliquos casus quoque.

Nominativus igitur [casus nominum] genetivo adiungitur, quando possessio aliqua et possessor significatur. Et nominativo quidem possessionem, genetivo autem possessorem proferimus, ut «Hector filius Priami; Davus servus Simonis; Aeneas rex Trojanorum; Patroclus amicus Achillis; patronus Verris Hortensius». Quae sic interpretamur, ut, adiuncto verbo possessionem significante, possessio quidem mutet nominativum in accusativum, possessor vero genetivum in nominativum, verbi huius natura hoc exigente, ut intransitive quidem nominativum, transitive vero accusativum exigit; «quid est enim Hector filius Priami?» interpretantes dicimus: «hoc est «Hectorem filium Priamus possidet» vel «habet».

Переходные глаголы могут подобным образом быть поставлены в различных падежах, например «Солдату нужен полководец» (родительный), «Эней вручает награду Эвриалу» (дательный), «Платон учит Аристотеля» (винительный), «Цицерон заслуживает похвалы» (творительный).

Я изложил правила построения правильных именных форм падежей с косвенными падежами, которые формально поддерживаются их склонениями, насколько я был в состоянии понять их систематически. Примеры: «Эней, царь троянцев», «Энея, царя троянцев», «Энею, царю троянцев», и так далее для остальных косвенных падежей.

Именительный сочетается с родительным падежом, когда обозначается владение и обладатель. И мы обозначаем обладание именительным падежом, а владельца — родительным, как в предложениях «Гектор, сын Приама»; «Дав, раб Симона», «Эней, царь троянцев»; «Патрокл, друг Ахилла»; «Гортензий, покровитель Верреса».

Эти фразы интерпретируются в том смысле, что с помощью глагола, означающего владение, обладание превращает именитель-

ный падеж в винительный, а владелец превращает родительный падеж в именительный, поскольку присущие глаголу особенности требуют, чтобы он принимал именительный падеж непереходно, а винительный переходно. «Что такое “Гектор, сын Приама?” Интерпретируя эту фразу, мы говорим: “Это «Приам обладает сыном, Гектором (т.е. имеет его)»».

Этот отрывок иллюстрирует использование Присцианом переходных и непереходных глаголов в синтаксисе. Переходность относится к отдельным компонентам в предложении, и есть непереходное отношение между субъектом и переходным глаголом, как и между субъектом и непереходным глаголом (Присциан, конечно, никогда не сталкивался с проблемами, связанными с эргативными конструкциями, которым так много внимания уделяется сегодня, в которых субъекты непереходных и переходных глаголов в разных случаях по-разному строятся).

Это восходит к использованию Аполлонием *metabasis* и *diabasis* [движение вдоль], анализирующего значение переходных глаголов, как с участием некоторых действий «в обход» субъекта в качестве агента, к объекту в качестве получателя, что грубо иллюстрируется такими глаголами, как «вырезать» и «бить», а затем распространяется на все глаголы, принимающие объект в косвенный падеж²². У непереходных глаголов такой переход не происходит, активность все время ограничивается именительным падежом имени существительного. Отсюда следует, что переходные глаголы могут быть пассивными.

Говоря *subject* и *object* в отношении переходных глаголов в сочинениях Аполлония, Присциана и всех грамматических трудов византийского времени, строго говоря, мы впадаем в анахронизм.

Как мы видели у Аполлония, переходные и непереходные глаголы, которые непосредственно связаны с косвенными падежами и с именительным падежом, не называются самостоятельными синтаксическими элементами, как субъекты и объекты, как например, специальные синтаксические термины *suppositum* и *appositum*, в отличие от логического *subjectum* и *praedicatum*, где проявилось творчество позднейших западных грамматиков.

В своем подробном изложении отношений между владеющими и владельческими фразами и соответствующими им полными предложения-

²² Ср.: Uhlig 1910. 46.17-19; *Householder* (tr., 1981). P. 36; 243.3-4; 208: “...hē enérgeia hōs prōs hypokeímenón ti diabibázetai” («...деятельность, как и было, осуществляется через какой-то предмет»).

ми, Присциан прибегает к метаязыку, напоминающему ранее трансформированное использование, хотя в этом случае предложение будет рассматриваться как основное, и номинальная фраза изменится.

Это не просто вопрос о синтаксической классификации глаголов. Во фразе «Приам имел сына, Гектора» отношения между Приамом и «имел» — непереходны, а между «имел» и «сына, Гектора» — переходны²³. Формально различие между глаголами строятся только с одним непереходным и принимающих или требующих двух непереходных NP (субстантивных фраз). В латинском языке имя существительное непереходное, как правило, стоит в винительном падеже, но, как показывают примеры, при некоторых глаголах использовались имена в родительном и творительном падежах.

Мы видим у Присциана зародыш понятий в области управления, которые, наряду с переходными и непереходными различиями, были очень влиятельны среди латинских грамматиков более поздних эпох западного Средневековья.

9. ИЗ *PARTITIO*

[*Keil* 1860: 469.14 — 470.3] (*Partitio* II. 44-47)

«Conticvere omnes intentique ora tenebant».

Scande versum. Conticu ere om nes in tenti que ora te nebant. Dic caesuras. Semiquinaria, conticuere omnes. Quot habet figuras? Decem. Quare? Quia habet duos dactylos et tres spondeos. Tracta pedes. Conticuere omnes et cetera. Quot partes orationis habet? Sex. Quot nomina? Duo. Quae? Omnes ora. Quot verba? Duo, conticuere tenebant. Quid aliud habet? Participium, intenti, et coniunctionem, que. Tracta singulas partes.

Conticuere quae pars orationis est? Verbum. Quale? Perfectum. Quo modo dictum? Indicativo, coniugationis secundae. Cur secundae? Quia in praesenti tempore secunda persona in es productam desinit, conticeo contices, quamvis a prima quoque persona hoc manifestum est in hac coniugation. Omnia enim verba in eo desinentia secundae sunt coniugationis exceptis paucis primae coniugationis, quae fere sunt haec,

²³ Ср.: *Keil* 1859: 213.10.

beo beas, creo creas, screo screas, meo meas, nauseo nauseas, calceo calceas, quod alii calico, enucleo enucleas; et quartae, eo is, queo quis, et quae ex his componuntur. Cuius est significationis? Activae. Dic passivum. Conticeor. Cuius est numeri? Pluralis. Cuius figurae? Compositae. Ex quibus? Ex integro et corrupto, nam con praepositio est integra, quamvis separata in appositione non potest inveniri, sed semper in compositione; ticuere autem corruptum est, quia a, quod habuit integrum, mutavit in i, ticuere pro tacuere. Cuius est personae? Tertiae pluralis, quae tam in re quam in runt in hoc tempore finitur. Cuius est temporis? Praeteriti perfecti. Dic primas eius personas in omni tempore per singulos modos. Indicativo conticeo conticebam conticui conticebo.

«Они все замолчали и, стремясь сохранить рты, закрыли их».

Посмотрите строку: *Conticu ero om nes in tentique or ate nebant*. Дайте цезуры. Одна цезура — после двух с половиной стоп: *conticuere omnes*. Сколько различных форм может иметь такая строка? Десять. Почему? Потому что она имеет два дактиля и три спондея. Покажите стопы. *Conticu ere om nes* и так далее. Сколько частей слов здесь имеется? Шесть. Сколько имен? Два. Каковы же имена? *Omnes* («все») и *ora* («уста»). Сколько глаголов? Два, *conticuere* («они замолчали») и *tenebant* («закрывали»). Что еще содержит строка? Причастие *intenti* («стремясь») и союз *-que* («и»). Объясните каждое отдельное слово.

Что за часть речи *conticuere*? Глагол. Какого времени? Настоящего. Какое наклонение? Изъявительное, второе спряжение. Почему второе спряжение? Потому что в настоящем времени второе лицо (единственного числа) оканчивается на *-es* [с долгим гласным]: *conticeo, contices*. Но в этом спряжении также есть форма из первого лица (единственного числа); все глаголы, заканчивающиеся на *-eo*, относятся ко второму спряжению, исключая те немногие, что принадлежат к первому: для практических целей они таковы: *beo, beas* («благословлять»), *creo, creas* («созидать»), *screo, screas* («кашлять, запинаться»), *teo, meas* («идти»), *nauseo, nauseas* («болеть»), *laqueo, laqueas* («запутывать»), *calceo, calceas* (для некоторых случаев *calico*) («обуваться»), *enucleo, enucleas* («обнажать»), и к четвертому спряжению: *eo, is* («идти»), *queo, quis* («мочь»), а также глаголы, связанные с ними.

Каков его структурный залог? Активный. Сделайте его пассивным. *Conticeor* — «молчание хранится свыше меня». Каково его число? Множественное. Какова его структура? Составная. Составленная из чего? Из целого слова и неполного слова. С приставкой *con-* («вместе, с») слово полно, но этот префикс не может появиться сам по себе в словообразовании, но всегда употребляется в сложном слове. Однако *-ticuere* неполно, потому что *a*, которое как свободная форма изменяется на *i*, превращаясь в *-ticuere* из *tacuere*. Каково его лицо? Третье лицо, множественное число, которое в этом времени оканчивается на *-re*, а также на *-runt*. Что это за время? Прошедшее законченное.

Образуйте первое лицо единственного числа в каждом наклонении. В индикативе: *conticeo* («я замолкаю»), *conticebam* («я сохранял тишину»), *contiqui* («я замолчал»), *conticueram* («я умолк»), *conticebo* («я замолчу»).

Далее *Partitio* продолжает в том же духе, чтобы закончить разбор форм, связанных с *conticuere*, а затем разбирает предложения в подобной манере с каждым последующим словом. Еще два коротких отрывка могут быть рассмотрены здесь в данном контексте:

10. О СЛОВЕ «OMNES»

[Keil 1859: 472.11-18] (*Partitio* II. 58-59)

Omnes quae pars orationis est? Nomen. Quale? Appellativum. Cuius est speciei? Numeralis. Omnia autem numerorum significative appellativa sunt, quamvis sint quaedam cognomina propria, quae vocem quidem habent numeralium, non tamen etiam significationem, ut Quintus Catulus, Dicimus Brutus. Potest habere comparisonem hoc nomen? Non. Quare? Quia nullum nomen numerum significans comparisonem potest habere, cum unus quisque numerus in se constat nec augeri aut minui in sua qualitate potest, except prior, quod de duobus ordinem significant.

Что за часть речи *omnes*? Имя. Какое? Нарисательное. Какого класса? Число. Все имена, обозначающие число, распространены, хотя некоторые из них есть также имена собственные или названия, имеющие формы, но не смысл, выраженный цифрами, как *Quintus Catulus* (*quintus* «пять») или *Decimus Brutus* (*decimus* «десять»). Могут ли эти имена иметь сравнительную форму? Нет. Почему? Потому что имя, означающее количество, не может иметь сравнение; каждое отдельное число является постоянным в своем значении и в своей собственной природе, и не может быть ни увеличено, ни уменьшено. Исключение — *prior*, что означает первый по порядку из двух [объектов].

10a. О СЛОВЕ «ORA»

[Keil 1860: 474.3-9] (*Partitio* II. 66)

Ora quae pars orationis est? Nomen appellativum neutrum plural simplex, casus in hoc loco accusative, idem tamen semper in neutris nominibus et nominativus et accusativus et vocativus. Dic singular. Os oris, nam si correpte os dicas, aliud significat, et ossis dicis genetivum. Fac diminutivum. Oscillum, osculum et ex hoc osculor oscularis, ostium quoque inde derivatur, ex quo ostiarius et ostiatum, oro quoque verbum ab ore est et oraculum.

Что за часть речи *ora*? Имя [существительное]. Нарисательное, среднего рода, множественного числа и несоставное; его место в этом контексте — винительный падеж. Именительный, винительный, звательный падежи всегда находятся в той же форме среднего рода. Образует единственное число. *Os* «устье», *oris* (родительный падеж). Если вы сократите *o*, то слово будет иметь различное значение, *os* «кость», и вы образуете от него генитив *ossis*. Образует уменьшительные формы от *os*. *Oscillum* («небольшая полость»), *osculum* («поцелуй») и от этого *osculor*, *oscularis* «целовать (глагол)». *Ostium* («дверь») также производное от него, из которого мы получаем *ostiarius* («привратник») и *ostiatim* («от двери к двери»). От *os* происходит слово *oro* («молить») и имя [существительное] *oraculum* («оракул»).

Эти отрывки взяты из второго из двенадцати *Partitiones* Присциана. Каждый из них включает в себя анализ первых строк каждой из двенадцати книг Энеиды Вергилия. *Partitiones*, по-гречески *merismoi* или *epimerismoi*, сыграли важную роль в языковом образовании и литературе. Они пользовались особым вниманием в византийские времена²⁴.

В сущности, это были обширные перечни линий библейских текстов из строк, выбранных тогда же и позже из литературных произведений, библейских текстов, иногда, как здесь, частично в виде вопросов и ответов, и ясно предназначенных для механического обучения и зубрежки. В то время они не имели указателей, предусмотренных в современных школьных текстах античных авторов, но они шли значительно дальше, берясь, как это видно из отрывков, приведенных здесь, за возможность повторения общей грамматической информации, изложенной в сыром виде. Великая роль для современников таких учебных ресурсов заключается в редкости тогдашней книги для школы и для других целей.

Хотя, в конечном счете, *Institutiones* Присциана избегли забвения и сохранились в нескольких сотнях рукописей (а это показатель их авторитета и репутации), мы должны помнить, что каждая копия каждой книги допечатной эпохи была исключительным продуктом индивидуального переписчика. Количество студентов, собиравшихся послушать чтение вслух учителя, должно было быть невероятно огромным, чтобы окупить стоимость книги (английское слово *lesson* есть, конечно, дериват от латинского *lectio* «чтение»). В те времена разрабатывались специальные приемы для запоминания текста, «обучения сердцем», такие, как стихосложения (как у Александра Вилла-Деи в *Doctrinale*), и разделение знания на краткие выразительные отрывки, естественно, немного помогало запоминающим.

Хотя в нескольких общественных и частных библиотеках содержалось много тысяч книг, мы должны предположить, что большинство лучших тогдашних библиотек можно сравнить с эталонной коллекцией в хорошей университетской библиотеке сегодня; и количество книг, которыми обладало индивидуально большинство студентов, должно было быть минимальным по современным стандартам.

В метрическом отделе *figurae* («формы») (греч. *schemata*) давались возможные варианты перестановок, которые могли иметь строки. Со спондеем или его трохеическим эквивалентом была обязательна как финальная стопа в латинском гекзаметре возможность либо спондея, либо дактиля, существовавшая и в других пяти стопах, хотя спондеи в пятой стопе реши-

²⁴ Более полно см.: Glück (1967).

тельно «отмечены» и редки. В этой системе комбинации из трех спондеев и двух дактилей или двух спондеев и трех дактилей могут быть метрически расположены десятью различными способами (*figurae*).

В стихе с одним дактилем и четырьмя спондеями в первых пяти стопах может быть пять различных механизмов (как в метрической композиции строк в *Partitio* VIII²⁵, где все пять футов дактилей возможны только в одной последовательности (как в *Partitio* X))²⁶

Conticeo есть форма настоящего времени по сравнению с более общим *conticesco*, в смысле «замолчать», и обе они имеют перфектную форму *conticui*. Возможность пассива в форме *conticeor* поддерживается переходным использованием *conticuit* «хранить молчание о», как в *tantumque nefas mens conscia vatum conticuit* «его разум, зная о прорицателях, молчал о столь великой несправедливости» (Valerius Flaccus *Argonautica* 3.302).

Уже отмечалось, что Присциан, как и Аполлоний²⁷, эффективно выделял три класса слов — активный, пассивный и нейтральный (непереходный).

Только глаголы, способные образовывать пассивную парадигму и участвующие в регулярных пассивных синтаксических конструкциях (т.е. переходные глаголы) считаются активными. Другие глаголы — на *-o*, хотя имеют ту же самую морфологию как активные переходные глаголы, классифицируются как нейтральные²⁸.

В своих основных дидактических функциях *Partitio* выходит за рамки простого анализа составляющих слов самих по себе, как мы видим в комментариях к *conticuere*. То же самое расширение сводной информации видно также в коротких отрывках из разделов, посвященных *omnes* («все») и *ora* («уста»).

* * *

Краткое грамматическое сочинение Присциана *Institutio de nomine, pronomine et verbo*²⁹, хотя и представляет менее самостоятельный интерес, нежели *Institutiones*, стоит упомянуть в связи с его дидактическим значением и его широким использованием на Западе в течение ряда лет, прежде чем *Institutiones* не стали так широко известны. Оно сводится к краткой морфологической презентации флективных классов слов, с формами причастий, прилагаемыми к словесным разделам.

²⁵ Keil 1859: 496.1-6.

²⁶ Keil 1859: 504.1-6.

²⁷ Uhlig 1910. 395.12 – 396.2; *Householder* (tr., 1981). P. 208.

²⁸ Keil 1855: 373.26-28; 375.9-12.

²⁹ Keil 1859: 443-456.

Имена и глаголы изложены в пяти склонениях четырех спряжениях, находимых и в «Установлениях», так же как те, которые используются с тех пор во всех традиционных грамматиках латинского языка и в современные дни.

Спряжения как подклассы глаголов восходят к греческой грамматике *Techne*; но среди грамматик греческого языка мы не находим номинальные склонения тех видов, который использует Присциан, и которые, по сути, были предвещены Варроном (*De lingua Latina* 10.62)³⁰, и бытовали до финальных веков Византийской империи, когда контакты между Востоком и Западом стали усиливаться³¹.

* * *

Далее мы приводим один отрывок из «Установлений», озаглавленный *De nomine, pronomine et verbo*, его первый пункт, которого будет достаточно, чтобы проиллюстрировать стиль этого краткого учебника.

11. О ПЯТИ СКЛОНЕНИЯХ ИМЕН

[Keil 1859: 443.3-9] (Inst. De nomine, pronomine et verbo 1)

Omnia nomina, quibus Latina utitur eloquentia, quinque declinationibus flectuntur, quae ordinem acceperunt ab ordine vocalium formantium genetivos. Prima igitur declinatio est, cuius genetivus in ae diphthongon desinit, ut hic poeta huius poetae; secunda, cuius in i productam supra dictus finitur casus, ut hic doctus huius doctus. Tertia in is brevem, ut hic pater huius patris; quarta in us productam, ut hic senatus huius senatus; quinta in ei divisas syllabas, ut hic merides huius meridiei.

Все имена, используемые в латинском языке, склоняются по одному из пяти склонений, которые образованы в порядке гласных, образующих их родительный падеж (единственного числа).

Первое склонение — это такое, в котором форма генитива имеет дифтонг *-ae*, как в *hic poeta* («этот поэт»), *huius poetae* («этого поэта»).

³⁰ Taylor (1990). P. 15-27.

³¹ Robins (1993). P. 242-244.

Второе образуется в этом падеже (долгим) *–i*, как в *hic doctus* («этот ученый»), *huius docti* («этого ученого»).

Третье склоняется с кратким *–is*, как в *hic pater* («этот отец»), *huius patris* («этого отца»).

Четвертое склоняется с (долгим) *–us*, как в *hic senatus* («этот сенат»), и *huius senatus* («этого сената»).

Пятое склоняется с двусложным *–ei*, как в *hic meridies* («этот полдень»), и *huius meridiei* («этого полдня»).

Перевод с латинского языка и примечания
Н.Н. БОЛГОВА и А.М. БОЛГОВОЙ

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ (REFERENCES)

- Keil* 1855 — Prisciani Institutionum grammaticarum libri I–XII // GL 2 (1855).
Keil 1859 — Prisciani Institutionum grammaticarum libri XIII–XVIII. Prisciani Opera minora // GL 3 (1859).
Keil 1864 — Probi, Donati, Servii qui feruntur de arte grammatica libri ex recensione Henrici Keilii (= GL 4) (1864).
Uhlig 1910 — Apollonii Dyscoli De constructione libri quattuor / Ed. G. Uhlig // GG 2.2 (1910).
Glück (1967). — *Gluck M.* Priscians Partitiones und ihrer Stellung in der Spätantike Schule. Hildesheim: Olms, 1967.
Householder (tr., 1981). — The Syntax of Apollonius Dyscolus / Trans. with comm. by Fred W. Householder. Amsterdam, 1981.
Robins (1993). — *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. Their Place in History. Berlin – New York, 1993.
Taylor D.J. (1990). — Dionysius Thrax and Marcus Varro // North American contributions to the history of linguistic. Amsterdam, 1990.

ОБ ОБРАЗОВАНИИ СЫНОВЕЙ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО

И.А. МИРОЛЮБОВ

Настоящая статья посвящена проблеме воспитания и обучения сыновей римского императора Константина Великого (306–337 гг.), носившего императорский титул в течение тридцатилетнего периода, добившегося единовластия и выстроившего систему императорской власти по принципу кровнородственного династизма. Обсуждается политика Константина, ориентированная на поочередное возведение его сыновей (Криспа, Константина-мл., Констанция, Константа) в достоинство цезарей в сравнении с тетрархией императора Диоклетиана (284–305 гг.), согласно принципам работы которой к власти привлекались опытные полководцы и администраторы. Отмечаются особенности образовательной политики Константина; учитываются его династические конструкции, направленные на подготовку наследников к принятию власти; указывается на особое значение для Константина процесса воспитания и обучения его сыновей. Рассматриваются релевантные фрагменты из текстов церковного историка Евсевия Кесарийского, императора Юлиана, ритора Либания, в которых имеются сведения о процессе обучения сыновей Константина. Задаётся и обсуждается вопрос о наставниках императорских сыновей с целью идентификации их личностей. На основании анализа текстов не только выявляется стремление императора Константина дать сыновьям комплексное образование, включающее в себя общие и специальные знания, необходимые им для управления государством, но и показывается его личное и деятельное участие в образовании сыновей, позволившее Константину в свою очередь сформулировать особую политико-философскую концепцию императорской власти.

Император Константин Великий справедливо заработал в науке репутацию жесткого сторонника кровнородственного династизма¹. Придя к власти как сын своего отца (императора Констанция Хлора), он обзавелся мощной родословной², чем выгодно выделился на фоне безродных императоров-тетрархов. Однако подобные генеалогические претензии подразумевали и организацию императорской власти на принципах кровнородственного династизма, т.е. имела место надобность в появлении у Константина сыновей-наследников. В 313 году анонимный оратор, указывая на желаемую многочисленность «божественного потомства» императора, призывает его: «сделай же так, <...> чтобы в течение всех веков Константин жил на земле» (Pan. Lat. 9.26.4–5). Смысл пожеланий оратора становится понятен, если учесть ситуацию в семье Константина: император живет с женой Фаустой уже шесть лет, а единственным его сыном является Крисп, рожденный женщиной неясного статуса³ еще до прихода Константина к власти. Однако в будущем супруга все же подарит Константину трех сыновей, которых он назовет характерными, сходными со своим, именами, — Константин-мл., Констанций и Констант. Равно как и их старший брат Крисп, они рассматривались в качестве потенциальных наследников власти Константина Великого. Показательно, что, прославляя едва ли достигшего пяти лет Константина-мл. в 321 году, оратор Назарий уже видит в нем продолжателя свершений отца (Pan. Lat. 10.3.5).

¹ Буркхард (2003). С. 267; Моммзен (2002). С. 510; Рубцов (2005). С. 76; Уильямс (2014). С. 286.

² Константин заявил также претензию на родство с императором Клавдием Готским. Относительно последнего пс.-Аврелий Виктор, со ссылкой на неизвестные нам источники, сообщает, что он был сыном Гордиана II от продажной женщины, нанятой для молодого человека перед его вступлением в брак (Epit. de Caes. 34.1). Вполне вероятно, что здесь мы имеем дело с довольно неуклюжей (или заведомо насмешливой) попыткой досузить изыскателей «удревнить» генеалогию дома Константина.

³ В науке нет единого мнения, была ли Минервина женой или наложницей Константина: Jones, Martindale, Morris (1971). P. 602-603. Судьба ее неизвестна; гипотеза Т.Д. Барнса о том, что она была племянницей Диоклетиана, является очевидной натяжкой: Barnes (2014). P. 48-49.

Важно понимать, что установленный Константином Великим кровнородственный династизм пришел на смену тетрархии императора Диоклетиана. Последняя, в свою очередь, была основана на принципах меритократии, так как в императорское достоинство возводились «наилучшие». Так, в 293 году в качестве младших соправителей для августов Диоклетиана и Максимиана Геркулия были избраны Констанций Хлор (отец Константина) и Галерий. Аврелий Виктор отмечал достаточность их «врожденной доблести» и военного опыта для управления государством (*De caes.* 39.28). Деграция тетрархии Диоклетиана, отошедшего от политики в 305 году, обусловила появление у кормила власти случайных людей: друзей правящих императоров и их протеже (Флавий Север, Максимин Даза, Лициний). Следует отметить, что Константин не только был современником падения системы Диоклетиана, но и ее непосредственным свидетелем, так как в период 293–305 гг. проживал при императорском дворе в Никомедии. Таким образом, предшествующий политический опыт вкупе с недостатком собственного образования⁴ и юным возрастом цезарей очевидным образом должны были побудить Константина заняться их воспитанием и обучением в рамках подготовки к принятию власти. Примечательно, что в пылу борьбы за единовластие Константин заботится об обучении старшего сына Криспа, выбрав ему в качестве наставника Лактанция⁵. О нем известно, что его преподавательские способности были отмечены еще Диоклетианом, пригласившим его в Никомедию, ставшую одной из императорских столиц (где он, возможно, принимал участие в обучении молодого Константина⁶). Заметим также, что Лактанций исповедовал христианство и был религиозным полемистом, что характеризует выбор самого императора и дает представление об атмосфере, в которой обучался Крисп.

⁴ Образование Константина мы рассматривали в специальной статье: Миролюбов (2016). С. 90-95.

⁵ Биография Лактанция принадлежит перу Иеронима (*De vir. ill.* 80). Также о нем: Jones, Martindale, Morris (1971). P. 338; Альбрехт (2005). С. 1732-1749; Тюленев (2000).

⁶ Альбрехт (2005). С. 1732; Миролюбов (2016). С. 91.

В 326 году по велению Константина Крисп был казнен⁷. Судьба его наставника неясна: отсутствие данных о нем позволяет исследователям предполагать смерть Лактанция в середине 320-х гг.⁸. Во всяком случае, нет никаких сведений об участии Лактанция в обучении младших сыновей Константина. Кто же их обучал? Процесс их обучения освещен Евсевием (V. Const. IV.51–52), Юлианом (Or. 1.10c–16c) и Либанием (Or. 59.32–38). Все авторы — современники сыновей Константина, при этом Юлиан их родственник, а Евсевий — придворный христианский биограф их отца. Впрочем, стилистика панегирика, в которой в данном случае работают все три автора, в значительной степени снижает информативную составляющую их сообщений в пользу пышной риторики. Относительно учителей наши авторы не сообщают ничего внятного. Евсевий указывает, что приставленные к сыновьям воспитатели знакомили их с «военными и гражданскими науками», а также делали их «опытными в законах» (V. Const. IV.51). Евнапий в «Жизнеописаниях софистов» сообщает, что Константин Великий «поручил своего сына Констанция Аблабию» (V. Soph., p. 464). Указанный Флавий Аблабий⁹ был видным сановником эпохи Константина и в 329–337 гг. занимал должность префекта претория Востока. Между тем, восточные области по итогам проведенного Константином в 335 году распределения попали в сферу влияния именно Констанция. Таким образом, возможно предположить, что Евсевий говорит как раз о крупных сановниках, которых Константин приставил к сыновьям, когда распределял между ними сферы влияния. Однако о том, насколько прочие префекты претория¹⁰ принимали участие в настав-

⁷ Причина казни Криспа до сих пор является предметом дискуссий: Guthrie (1966). P. 325-331; Austin (1980). P. 133-138. Данные источников не дают удовлетворительного ответа на вопрос о причинах его падения.

⁸ Тюленев (2000). С. 11.

⁹ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 3-4. Издатели PLRE предполагают, что его можно идентифицировать с историком Аблабием, сочинением которого пользовались Кассиодор и Иордан. Известна также его эпитафия на Константина, что может указывать на интерес к поэзии.

¹⁰ О префектах претория этого периода см. специальную заметку Т.Д. Барнса: Barnes (2014). P. 157-163. Относительно галльского префекта пре-

лениях, ничего неизвестно. В любом случае, сообщение Евсевия освещает более поздний этап в процессе образования сыновей Константина, на котором они получали специализированные знания, сопряженные с руководством конкретными регионами. Кто же занимался начальным образованием? Отметим, что с 324 года при дворе находился Флавий Оптат, который, по сообщению Либания, был «учителем грамоты» у сына императора Лициния, а после его падения был возвышен Константином до патрикия и ординарного консула 334 года благодаря красавице-жене¹¹. Возможно, в начале своего возвышения при дворе Константина он мог принимать участие в обучении его сыновей. В 324 году Константину-мл. было восемь лет, Констанцию — семь, а Константу — либо год, либо четыре года¹²; таким образом, двое из трех сыновей не так давно должны были приступить к обучению, а младшему оно еще только предстояло. Впрочем, предположение о выборе Оптата в качестве наставника не может быть подкреплено данными источников.

Отчеты Юлиана и Либания несколько дополняют сообщаемую Евсевием информацию, отмечая в качестве обязательных составляющих обучения физическую подготовку (*Jul. Or.* 1.10c–11c; *Lib. Or.* 1.35–36)¹³ и изучение красноречия (*Jul. Or.* 1.11c; *Lib. Or.* 59.33–

тория в 336–337 гг. Гая Анния Тибериана известно, что он был образованным человеком; возможно, его следует идентифицировать с поэтом Тиберианом, чьи стихи сохранились в Латинской антологии: *Jones, Martindale, Morris* (1971). P. 911–912.

¹¹ Освещение Либанием карьеры Флавия Оптата мы рассмотрели в статье: *Миролюбов* (2018). С. 869–877.

¹² Трудности с вычислением года рождения Константа (320 или 323 гг.) связаны с разноречивыми показаниями источников относительно его возраста на момент смерти: *Kienast* (2004). S. 312.

¹³ По свидетельству Евсевия, сам Константин в свои шестьдесят лет отличался прекрасной физической формой (*V. Const.* IV.63). Сообщения Аврелия Виктора (*De caes.* 42.23) и Аммиана Марцеллина (*Amm. XXI.16.5–7*) позволяют говорить о том, что таковую имел и сын Константина, Констанций. Особое место ловкости в воинских упражнениях уделяет в своих панегириках Констанцию Юлиан (*Or.* 1.10c–11c; 2.52d–53d). Соответственно, можно сделать вывод, что Констанцию прославление его физических способностей могло быть особенно приятно.

34). Либаний при этом подчеркивает, что для изучения красноречия юноши получили «наилучших наставников» (Or. 59.34). Любопытно, впрочем, что профессиональный ритор Либаний ни одного из этих самых наставников не называет по имени¹⁴. Однако имя одного учителя сохранил поэт Авсоний, писавший через два десятилетия после конца династии Константина¹⁵. Он сообщает, что его дядя Эмилий Магн Арборий свел знакомство с пребывавшими в Толозе «в мнимой ссылке» братьями Константина, а затем оказался при дворе Константинополя в качестве наставника одного из цезарей¹⁶ (*Aus. De prof.* 17.10–16). Впрочем, в другом стихотворении, посвященном дяде, Авсоний отмечает, что с началом его преподавательской деятельности «Константинополь расцвел» (*Aus. Parent.* 3.16). Таким образом, мы можем предполагать, что Арборий имел более широкий круг учеников, а не одного цезаря. Примечательно, что Авсоний обращает внимание на факт знакомства Арбория с братьями Константина — Флавием Далмацием и Флавием Юлием Констанцием. Будучи сыновьями императора Констанция Хлора от супруги Феодоры, они явно должны были вызывать раздражение у матери Константина, Елены. Характерно, впрочем, что факт их проживания в Галлии Авсоний обозначает как «мнимую ссылку»: очевидно, Константин удалил братьев из уважения к матери, однако личной неприязни к ним не испытывал. На рубеже 320–330-х гг., после смерти Елены¹⁷, они оказываются при дворе августейшего брата и занимают там видное положение¹⁸. Не будет необоснован-

¹⁴ Впрочем, подобным образом он не называет имен своих коллег и в других речах: *Грабарь-Пассек* (1960). С. 291–292.

¹⁵ В датировке творчества Авсония мы следуем хронологическим таблицам, составленным М.Л. Гаспаровым для издания: *Авсоний*. Стихотворения. М.: Наука, 1993. С. 277.

¹⁶ Составители PLRE предполагают, что Арборий наставлял либо Констанция, либо Константа: *Jones, Martindale, Morris* (1971). P. 98: *Aemilius Magnus Arborius* 4.

¹⁷ Смерть Елены датируется промежутком 327–329 гг.: *Белякова, Королев* (2008). С. 294; *Kienast* (2004). S. 324.

¹⁸ Их биографии: *Jones, Martindale, Morris* (1971). P. 226; 240–241. Карьеру Юлия Констанция мы специально рассматривали в статье: *Миролубов* (2017). С. 45–54.

ным предположить, что Константин Великий руководствовался мнением братьев при выборе наставников для сыновей, тем более что они уже имели в этом вопросе некоторый опыт. Так, Флавий Далмаций привлёк для наставления своих сыновей ритора Эксуперия из Толозы (*Aus. De prof.* 17.9–13).

Насколько глубоко изучили сыновья Константина риторику? Аммиан Марцеллин отмечает, что Констанций не проявлял способностей к красноречию и, как следствие, обратился к стихотворству (*Amm.* XXI.16.4). Впрочем, Аврелий Виктор называет его манеру держать речь «мягкой и приятной» (*De caes.* 42.23). Отметим также, что в 350 году Констанцию удалось усмирить мятеж Ветраниона силой своего слова (*Aur. Vict. De caes.* 42.1; *Oros.* VII.29.10; *Zos.* II.44.3–4). Относительно Константа известно, что он высоко оценил мастерство видного софиста Прозерсия (*Eunap.* V. *Soph.* 492). Это обстоятельство подразумевает, что сыновья Константина разбирались и в греческой риторике.

Таким образом, процесс обучения подразумевал получение сыновьями императора комплексного образования, которое включало как стандартные элементы вроде красноречия и физической подготовки, так и специальные дисциплины, необходимые им в будущем для управления государством.

Молчание наших информаторов о персонах учителей становится до некоторой степени понятно, когда они переходят к вопросу участия отца в воспитании и образовании юношей. Евсевий (V. *Const.* IV.52) и Либаний (Or. 59.34) в сходных выражениях соглашались, что сыновьям не нужны были никакие другие учителя, кроме собственного отца. Впрочем, авторы не выразили оригинальной мысли: ещё Назарий в 321 году отметил, что в его лице сыновья Константина «одновременно имеют и наставника в обучении» (*Pan. Lat.* 10.4.2). Тот факт, что дети Константина — его потенциальные наследники — должны были обеспечить его идейно-политическое бессмертие (как того требовал оратор в 313 году), обуславливает значительное участие императора в воспитании и обучении сыновей. Итак, чему учил детей Константин? Самый ранний из авторов, акцентирующий внимание на обучающей роли Константина, — оратор Назарий — ничего внятного по этому поводу не сообщает,

отмечая лишь «прекрасные деяния, совершаемые им (Константином. — *И. М.*) на глазах у детей» (Pan. Lat. 10.4.4). Отчет Евсевия (V. Const. IV.51–52) может создать впечатление, что, поручив образование сыновей сведущим и благочестивым наставникам, Константин сам занимался исключительно их религиозным воспитанием, насаждением «семян благочестия». Автор отмечает «личные наставления» императора, а также тот факт, что в случае невозможности личного контакта Константин рассматривал «[вопросы], связанные с царствованием», в письмах (V. Const. IV.52). Последнее замечание для нас особенно ценно, так как оно прямо подразумевает, что Константин еще и занимался политическим наставлением сыновей. Письма его к сыновьям нам неизвестны, однако тот же Евсевий отмечает, что Константин интересовался вопросами богословия и по ночам работал над речами и сочинениями (V. Const. IV.29). Евтропий (Brev. X.7.2) и пс.-Аврелий Виктор (Epit. de caes. 41.14) подтверждают ученые занятия Константина, не говоря об их религиозном уклоне, что дает возможность признать возможным наравне с известными науке письмами императора по церковным вопросам существование писем-трактатов, посвященных вопросам государственного управления и обращенных к сыновьям.

Тему, связанную с политическими наставлениями Константина более подробно развивает Либаний. Этот автор сообщает, что император находил время для подобных наставлений каждый день (Ог. 59.36). Это до некоторой степени соотносится со свидетельством Евсевия о том, что Константин, постоянно перемещавшийся по территории империи¹⁹, не желал прерывать наставлений и прибегал к письмам. По сообщению Либания, Константин сосредотачивал внимание сыновей на отличиях деспотии от императорской власти, а также внушал им мысль, что «приобретший одно (т.е. деспотию. — *И. М.*) погубит другое (т.е. императорскую власть. — *И. М.*)» (Ог. 59.37). Последнее суждение особенно интересно в контексте научного подхода к периоду правления Константина, которое считается временем окончательного установления домината — абсолютизированной военно-демократической системы с сильной

¹⁹ География перемещений Константина: *Bruun* (1966). Р. 77-78.

центральной властью в лице императора, именуемого *dominus*²⁰. Между тем, восприятие Константином самого себя как популярного лидера и врага всякой деспотии находит подтверждение в пропаганде его периода. К примеру, его поход против Максенция в 312 году воспринимался как освобождение Италии и Рима «от тирана и всей его клики», что нашло отражение в официальной надписи на арке Константина (ILS 694). Авторы почетных надписей часто обращаются к Константину как к «освободителю» (CIL IX.6076), либо как к «восстановителю свободы» (CIL VI.1145; ILS 687; 691; AE 1984, 367). Впрочем, эти почетные титулы, а равно и заявление Либания можно было бы рассматривать в качестве элементов прославления Константина, если бы не один конкретный пример подобного рода осуждения деспотии со стороны Константина. В одной из поздних своих речей тот же Либаний, уже свободный от необходимости прославлять Константина²¹, передает любопытный анекдот. Однажды, когда народ осыпал Константина бранью, он решил обсудить эту ситуацию с братьями и получил от одного брата рекомендацию использовать силу, а от другого — оставить ситуацию без внимания. Константин сделал выбор в пользу второго совета, заметив, что «властителям подобает спокойно относиться к подобным выпадам» (*Lib. Or.* 19.19). Сообщения Либания до некоторой степени соотносятся с замечанием Евтропия, который подчеркивал стремление Константина к «настоящей любви, которую и снискал благородством (*liberalitas*) и восприимчивостью (*docilitas*)» (*Brev. X.7.2*). Вряд ли будет обосновано рассматривать эти аспекты правления Константина с моральной точки зрения; гораздо важнее увидеть в стремлении к «настоящей любви» добродетель государственного деятеля, которую император прививал детям.

Насколько сыновья усвоили это наставление? Аммиан Марцеллин отмечает, что во время визита в Рим в 357 году обычно над-

²⁰ Определения сущности домината: Сергеев (1941). С. 647-648; Машикин (2006). С. 587-588; Ковалев (2002). С. 771-772; Loewenstein (1973). P. 403-405.

²¹ Либаний был язычником, что объясняет его положительное отношение к Юлиану и, соответственно, негативное отношение к Константину и его сыновьям: Грабарь-Пассек (1960). С. 297-298.

менный Констанций демонстрировал уважение к «присущей [римскому народу] свободе» (*Amm.* XVI.10.13).

Подводя итоги, можно сказать, что Константин уделял большое внимание воспитанию и образованию своих сыновей. Хотя программа их обучения восстанавливается по смутным²² и отрывочным данным, мы можем быть уверены в том, что образование носило комплексный характер. Наряду с прохождением общеобразовательного курса, Константин позаботился также и о том, чтобы преподать сыновьям некоторые правила, связанные с государственным управлением. Если изучение частных вопросов, связанных с руководством конкретными областями, могло быть передоверено сановникам, окружавшим сыновей (как это было в случае с Аблабием), то саму суть императорской власти Константин постарался разъяснить сыновьям самостоятельно. Сформулированный им политико-философский подход к невозможности сочетания императорской власти и деспотии любопытным образом характеризует воззрения самого Константина. Вместе с тем было бы ошибкой думать, что подобные наставления сводились исключительно к моральным размышлениям. Более того, политическая карьера Константина Великого давала многочисленные примеры весьма суровых решений, которые осуществлялись на глазах сыновей. Поэтому, очевидно, до некоторой степени оправдано замечание языческого автора Евнапия, который, критикуя Констанция за коварство и алчность, иронично отмечает, что тот «показал, какого отца он сын» (*FHG*, vol. IV, p. 15, f. 7a).

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

Amm. — *Ammianus Marcellinus*. History. Vol. I – III / With an Eng. trans. by J. C. Rolfe. Cambridge; London: Loeb Classical Library, 1935–1940.

Aur. Vict. De Caes. — *Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus: praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae*,

²² Кажущаяся обстоятельность отчетов Евсевия, Юлиана и Либания в значительной степени нивелируется, как уже было отмечено, панегирическим характером их работ.

- subsequitur Epitome de Caesaribus / Ed. Franz Pichlmayr. Leipzig: B.G. Teubner, 1970.
- Aus.* — *Авсоний*. Стихотворения / Под ред. М. Гаспарова. М.: Наука, 1993.
- Eunap.* V. Soph. — Eunapii Vita sophistarum // Philostratorum et Callistrati Opera; Eunapii Vitae sophistarum; Himerii Sophistae Declamationes / Ed. A. Firmin-Didot. Parisiis: Ambrosio Firmin-Didot, 1878. P. 453-505.
- Euseb.* V. Const. — *Eusebius Werke*. I. Band. / Herausgegeben von I.A. Heikel. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1902.
- Jul.* — The Works of the Emperor Julian. In 3 volumes / with an English translation by W.C. Wright. London–New York: William Heinemann; The Macmillan Co., 1913–1923.
- Lib.* — Libanii Opera. Vol. I–X. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1903–1921.
- Oros.* — *Paulus Orosius*. Opera Omnia // PL. T. 31. Paris: J.P. Migne, 1846.
- Pan. Lat.* — Латинские панегирики / Пер. и комм. И.Ю. Шабаги. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Zos.* — *Zosimus*. New History / Trans. by R. T. Ridley. Canberra: Brill, 2017.
- Jerom.* — *Hieronymus Stridonensis*. Opera Omnia // PL. T. 22 — 30. Paris: J.-P. Migne, 1845–1846.
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVI. Leipzig; Berlin, 1862–1943.
- FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. I–IV. / Ed. C. Muller. Paris: Ambrosio Firmin-Didot. 1841–1870.
- ILS — Dessau H. Inscriptiones Latinae selectae. Bd. 1–3. Berlin: Berolini Apud Weidmannos, 1892–1916.
- Альбрехт* (2005) — *Альбрехт М. фон*. История римской литературы. Т. 3. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005.
- Белякова, Королев* (2008) — *Белякова Е.В. Королев А.А., Э.П.А.* Елена // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 293-297.
- Буркхард* (2003) — *Буркхард Я.* Век Константина Великого. М.: Центрполиграф, 2003.
- Грабарь-Пассек* (1960). — *Грабарь-Пассек М.Е.* Ораторская проза IV–V вв. н.э. // История греческой литературы. Т. III. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 290-309.
- Ковалев* (2002). — *Ковалев С.И.* История Рима. СПб.: ООО Издательство «Полигон», 2002.

- Машкин* (2006). — *Машкин Н.А.* История Древнего Рима. М.: Высшая школа, 2006.
- Мирюлов* (2016). — *Мирюлов И.А.* Об образовании императора Константина Великого // *Аристей*. 2016. Т. 13. С. 90-95.
- Мирюлов* (2017). — *Мирюлов И.А.* Брат господина нашего Константина Августа: о карьере Юлия Констанция // *Аристей*. 2017. Т. 16. С. 45-54.
- Мирюлов* (2018). — *Мирюлов И.А.* Либаний о личной жизни Константина Великого // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2018. Т. 22. С. 869-77.
- Моммзен* (2002). — *Моммзен Т.* История римских императоров. СПб.: Ювента, 2002.
- Рубцов* (2005). — *Рубцов П. В.* К вопросу о династизме императорской власти в политической идеологии IV в. // *Власть, политика и идеология в истории Европы*. Барнаул, 2005.
- Сергеев* (1941). — *Сергеев В.С.* Очерки истории Римской империи. Ч. II. М.: ОГИЗ — Государственное социально-экономическое издательство, 1941.
- Тюленев* (2000). — *Тюленев В.М.* Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб.: Издательство «Алетейя», 2000.
- Уильямс* (2014). — *Уильямс С.* Диоклетиан: реставратор Римской империи. СПб.; М.: Евразия — Клио, 2014.
- Austin* (1980). — *Austin N. J. E.* Constantine and Crispus, 326 A.D. // *Acta Classica*. 1980. № 23. P. 133-138.
- Barnes* (2014). — *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Malden–Oxford–Chichester: Blackwell Publishing Ltd., 2014.
- Bruun* (1966). — *Bruun P.M.* Chronological Table of Principle Events // *The Roman Imperial Coinage*. Vol. VII. London: Spink and Son Ltd., 1966. P. 76-78.
- Guthrie* (1966). — *Guthrie P.* The Execution of Crispus // *Phoenix*. 1966. Vol. 20, № 1. P. 325-331.
- Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* (1971). — *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE). Vol. I A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Kienast* (2004). — *Kienast D.* Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004.

Loewenstein (1973). — *Loewenstein K.* The Governance of Rome. The Hague: Martinus Nijhoff, 1973.

Ivan A. MIROLYUBOV

ON THE EDUCATION OF THE SONS OF CONSTANTINE THE GREAT

The present article is devoted to the problem of education of Constantine's the Great (306–337 AD) sons. Constantine gained the imperial title in 306 AD and kept it for thirty years — longer than any of Roman emperors after Augustus. Constantine united the Roman Empire under his sole rule and built an imperial dynasty. Constantine's sons (Crispus, Constantine the Younger, Constantius and Constans) considered as his natural heirs. Emperor raised all of them in the dignity of the Caesars. The reign of Constantine was preceded by the Tetrarchy of emperor Diocletian (284–305 AD); according to its constitution experienced commanders and administrators were brought to power. Quite the opposite, according to Constantine's dynastic plans his heirs should be prepared for the adoption of power. Consequently, it is important to concentrate on the question of their education. Author of the present article analyses three accounts of Constantine's the Great sons education, left by Eusebius, Julian and Libanius. The author comes to the conclusion that the emperor gave his sons a comprehensive education that includes both general disciplines and special knowledge that they need to govern the state in future. Special attention is paid to the reports, that Constantine took an active part in education of his sons. According to Libanius, he had formulated a special political and philosophical concept of imperial power based on the ruler's desire for "genuine love" from his people. In the course of his research, the author touches upon the question of the tutors of young Caesars.

REFERENCES

- Amm.* — *Ammianus Marcellinus.* History. Vol. I–III / With an Eng. trans. by J. C. Rolfe. Cambridge; London: Loeb Classical Library, 1935–1940.
- Aur. Vict.* De Caes. — *Sexti Aurelii Victoris* Liber de Caesaribus: praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae,

- subsequitur Epitome de Caesaribus / Ed. Franz Pichlmayr. Leipzig: B.G. Teubner, 1970.
- Aus.* — *Avsonij. Stihotvoreniya* / Pod red. M. Gasparova. M.: Nauka, 1993.
- Eunap.* V. Soph. — *Eunapii Vita sophistarum* // Philostratorum et Callistrati Opera; Eunapii Vitae sophistarum; Himerii Sophistae Declamationes / Ed. A. Firmin-Didot. Parisiis: Ambrosio Firmin-Didot, 1878. P. 453-505.
- Euseb.* V. Const. — *Eusebius Werke*. I. Band. / Herausgegeben von I.A. Heikel. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1902.
- Jul.* — The Works of the Emperor Julian. Vol. I–III / with an English translation by W.C. Wright. London – New York: William Heinemann; The Macmillan Co., 1913–1923
- Lib.* — *Libanii Opera*. Vol. I–X. Lipsiae: B.G. Teubneri, 1903–1921.
- Oros.* — *Paulus Orosius. Opera Omnia* // PL. T. 31. Paris: J.P. Migne, 1846
- Pan. Lat.* — Латинские панегирики / Пер. и комм. И.У. Шабಾಗಿ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Zos.* — *Zosimus. New History* / Trans. by R. T. Ridley. Canberra: Brill, 2017.
- Jerom.* — *Hieronymus Stridonensis. Opera Omnia* // PL. T. 22–30. Paris: J.-P. Migne, 1845–1846;
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I — XVI. Leipzig; Berlin, 1862–1943
- FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. I–IV. / Ed. C. Muller. Paris: Ambrosio Firmin-Didot. 1841–1870.
- ILS — Dessau H. Inscriptiones Latinae selectae. Bd. 1–3. Berlin: Berolini Apud Weidmannos, 1892–1916.
- Albrecht* (2005). — *Albrecht M. von. Istoriya rimskoy literatury*. Vol. 3. M.: Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina, 2005.
- Belyakova, Korolev* (2008). — *Belyakova E.V., Korolev A.A., E.P.A. Helena* // Pravoslavnaya enciklopediya. Vol. XVIII. M., 2008. P. 293-297.
- Burckhardt* (2003). — *Burckhardt J. Vek Konstantina Velikogo*. M.: Centrpoligraph, 2003.
- Grabar-Passek* (1960). — *Grabar-Passek M.E. Oratorskaya proza IV–V vv. n.e.* // Istoriya grecheskoy literatury. Vol. III. M.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1960. P. 290–309.
- Kovalev* (2002). — *Kovalev S.I. Istoriya Rima*. SPb.: Poligon, 2002.
- Mashkin* (2006). — *Mashkin N.A. Istoriya Drevnego Rima*. M.: Vysshaya shkola, 2006.

- Mirolyubov* (2016). — *Mirolyubov I.A.* Ob obrazovanii imperatora Konstantina Velikogo // *Aristeas*. 2016. Vol. 13. P. 90-95.
- Mirolyubov* (2017). — *Mirolyubov I.A.* Brat gospodina nashego Konstantina Avgusta: o karyere Yuliya Kostanciya // *Aristeas*. 2017. Vol. 16. P. 45-54.
- Mirolyubov* (2018). — *Mirolyubov I.A.* Libaniy o lichnoy zhizni Konstantina Velikogo // *Indoevropeyskoye Yazykoznanie I klassicheskaya Filologiya*. 2018. Vol. 22. C. 869-877.
- Mommsen* (2002). — *Mommsen T.* Istoriya rimskikh imperatorov. SPb.: Yuventa, 2002.
- Rubzov* (2005). — *Rubzov P.V.* K voprosu o dinastizme imperatorskoy vlasti v politicheskoy ideologii IV v. // *Vlast', politika I ideologiya v istorii Evropy*. Barnaul, 2005.
- Sergeev* (1941). — *Sergeev V.S.* Ocherki istorii Rimskoy imperii. P. II. M.: OGIZ – Gosudarstvennoye socialno-ekonomicheskoye izdanie, 1941.
- Tyulenev* (200). — *Tyulenev V.M.* Laktanziy: khristianskiy istorik na perekreske epoch. SPb.: «Aleteya», 2000.
- Williams* (2014). — *Williams S.* Diokletian: restavrator Rimskoy imperii. SPb. – M.: Evraziya – Klio, 2014.
- Austin* (1980). — *Austin N. J. E.* Constantine and Crispus, 326 A.D. // *Acta Classica*. 1980. № 23. P. 133-138.
- Barnes* (2014). — *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Malden–Oxford–Chichester: Blackwell Publishing Ltd., 2014.
- Bruun* (1966). — *Bruun P.M.* Chronological Table of Principle Events // *The Roman Imperial Coinage*. Vol. VII. London: Spink and Son Ltd., 1966. P. 76-78.
- Guthrie* (1966). — *Guthrie P.* The Execution of Crispus // *Phoenix*. 1966. Vol. 20, № 1. P. 325-331.
- Jones, Martindale, Morris* (1971). — *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I A.D. 260-395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Kienast* (2004). — *Kienast D.* Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004.
- Loewenstein* (1973). — *Loewenstein K.* The Governance of Rome. The Hague: Martinus Nijhoff, 1973.

АФРИКАНСКАЯ АГИОГРАФИЯ СЕРЕДИНЫ III ВЕКА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

А.В. КАРГАЛЬЦЕВ

В статье обсуждается устойчивый консенсус, имеющий место в научной литературе в отношении особого почитания мучеников в римской Северной Африке (области бывших владений Карфагенской державы), связанного с иным (не эллинистическим) культурным влиянием. Указывается на причину появления в Северной Африке большого количества агиографических памятников, особенно в период гонений Деция и Валериана. Анализируются агиографические тексты того времени, в числе которых «Житие Киприана» Понтия, с целью выявления в них педагогической составляющей; обсуждаются их общие черты и мотивы составления. Рассматривается сюжет, связанный с мученичеством епископа Киприана Карфагенского, ставшего идеалом мученика для единоверцев. Делается вывод, что пример мученичества Киприана стал не только образцом для подражания и хрестоматийным примером для созданных в тот период других агиографических памятников, но и педагогическим наставлением для будущих мучеников.

Раннехристианская агиография представляет собой интереснейший корпус сочинений, в основе которого — рассказ об исповедании веры христианским героем и его смерти. Принято выделять несколько специфических особенностей такого жанра литературы. «Мученичества», несомненно, наследуют богатую традицию античных сюжетов благородной смерти во имя убеждений или гражданских идеалов¹, но основной мотив наставления в

¹ О благородной смерти в античной литературе см.: *Droge* (1992); *van Henten, Avetmarie* (2002); *Пантлеев* (2016). С. 116-125.

них — подражание верующего Христу². Как справедливо отмечает А.Д. Пантелеев, подобно тому, как смерть Христа была реализацией божественного замысла, страдания христианских героев также не были случайными и являлись частью того же плана³. Само мученичество при этом можно рассматривать как событие, обладающее очевидным педагогическим значением: пример мученика, подобно примеру Христа, предлагал определенную (спасительную) модель поведения. Разумеется, и проблематику агиографических текстов можно обозначить как педагогическую: в том смысле, что эти произведения призваны были убедить верующих пойти по пути страданий Христа, воспроизводить момент смерти «педагога» и давали ряд практических рекомендаций.

Проблема использования агиографических памятников как своего рода наставлений для верующих достаточно хорошо изучена в научной литературе⁴. Как правило, принято говорить о нескольких аспектах мученических сюжетов. Во-первых, подобные памятники, равно как и само поведение христианских героев, идущих на казнь ради своей веры, были наглядным примером подлинности христианского учения в представлении языческой аудитории. Противоположным образом сами верующие вдохновлялись страхом римлян перед их духовной борьбой. Заявление Тертуллиана, что «кровь христиан есть семя» призвано подчеркнуть бесполезность борьбы с Церковью, которая лишь умножается от гонений (*Tert. Apol.* 50.13). Слова апологета оказались исторически точны, хотя нельзя не согласиться с мнением исследователей, что позорная казнь, которую наблюдали язычники, не вдохновляла их принимать новую веру⁵. Тем не менее, римский наместник, осудивший в конце III в. вексилярия Фабия, с горечью воскликнет, что, похоже, дал христианам нового мученика (*Pass. Fab.* 9). Можно наблюдать и постепенный отказ от публичного наказания христиан. Уверенность гладиатора, мечу которого Перпетуя подставляет шею перед гибелью (*Pass. Perp.* 21.9), уступает место

² Kelley (2006). P. 743-746; Пантелеев (2017). С. 127.

³ Пантелеев (2017). С. 127

⁴ Среди большого количества работ по данной теме отметим: *de Ste Croix* (1963). P. 6-38; *Potter* (1993). P. 53-88; *Kelley* (2006). P. 723-747; *Крюкова* (2013). С. 457-468; Пантелеев (2017). С. 125-140.

⁵ *Potter* (1993). P. 55; *Boyarín* (1999). P. 95; Пантелеев (2015). С. 36.

трясущимся рукам палача, которому предстоит казнить епископа Киприана Карфагенского (Vit. Сурр. 18.4). Публичное зрелище на арене амфитеатра Карфагена в начале III в. (Pass. Перр. 18–21), сменяется спустя полвека угрюмой сценой расправы на берегу реки, дабы поток, унося тела мучеников, поскорее скрыл следы казни (Pass. Marian. 12.1–3). Во-вторых, агиографические сюжеты выступали инструкциями для самих христиан: как приготовить себя к мученичеству, как вести себя во время ареста, чем подобает заниматься в тюрьме, что следует говорить во время суда, и как поступать в момент казни.

Указанные сюжеты являются основными в раннехристианской агиографии. Однако интерес представляет анализ отдельных текстов с точки зрения педагогической проблематики. Из всего корпуса раннехристианской агиографии мы остановимся в основном на памятниках римской Северной Африки середины III в.: «Житии и мученичестве Киприана Карфагенского», «Мученичестве Мариана и Иакова» и «Мученичестве Монтана и Луция»⁶. Все эти памятники сообщают о преследованиях христиан при Валериане. Валерианово гонение (257–258), безусловно, выделяется на фоне предшествующих антихристианских कंपаний, и многие детали его до сих пор не ясны исследователям⁷. Это было первое преследование, которое уверенно можно назвать антихристианским. Киприан Карфагенский сообщает, что «епископов, пресвитеров и диаконов [следовало] немедленно забирать под стражу; у сенаторов, почетных мужей (*egregii viri*) и всадников, сверх лишения достоинств отбирать еще имущества и, если они и после сего остаются непоколебимы в христианстве, отсекал им головы; благородных женщин по лишении имущества отправлять в ссылку; у придворных же, которые или прежде исповедали, или теперь исповедуют Христа, описывать имущество и по исключению ссылать их в оковах в императорские владения» (Сурр. Ер. 80). Точность, с которой карфагенский епископ описывает категории гонимых, дает основание полагать, что в основе данного сообщения мог ле-

⁶ Схожесть отдельных сюжетов повествования породила дискуссию в историографии о возможном едином авторе или редакторе всех трех сочинений, которая, на наш взгляд, не имеет достаточных оснований: Каргальцев (2013) С. 223; Каргальцев (2014). С. 276–278.

⁷ Подробнее см.: Каргальцев (2012). С. 124–130.

жать подлинный текст эдикта 258 г. Если в предыдущие годы верующие становились скорее жертвами тех или иных религиозных мероприятий, напрямую не связанных с христианами, то здесь мы впервые видим указание на намерение властей нанести Церкви серьезный урон. Удар в данном случае наносился не по массе верующих, а по клирикам, и можно предположить, что именно указанные Киприаном категории клира и были ориентиром для римских судей.

Исторические обстоятельства создания этих сочинений определяют их тон. Если более поздние тексты постконстантиновской эпохи, наполненные богатым символизмом, фантастическими картинками страшных истязаний и чудес, предлагают читателю скорее недостижимый иконографический идеал, то памятники эпохи гонений, напротив, являются скорее практическими наставлениями для верующих. Несмотря на популярность героев веры у рядовых христиан, решиться на страдание и смерть для многих было очень непростым делом. Авторы мученичеств, безусловно, видят своей задачей исправление взглядов своих собратьев по вере. Многочисленные примеры обращений христианских авторов к теме поведения во время гонений указывают, что ситуация была далека от идеальной. В трактате «О бегстве во время гонений» Тертуллиан не только наставляет верующих следовать по «пути славы», но и увещевает их тем, что гонения исходят от Бога, успокаивая сомневающихся (*Tert. De fug.* 1). Сам трактат начинается с ответа на вопрос некоего Фабия, действительно ли христианам необходимо принимать мученичество. Киприан Карфагенский сетует, что многие до сих пор испытывают страх перед мученичеством, причиной чему является недостаток их веры (*Cypr. De laud. mart.* 11–12).

Следует отметить еще одну особенность характерную для Северной Африки, где мученики пользовались особым почитанием. Тертуллиан с присущим ему ригоризмом призывает верующих воздерживаться от зрелищ, военной службы, посещения бань и работы в государственных органах. Однако, как представляется, дело здесь не только в ригоризме карфагенского пресвитера. В основе его теологии, которая оказала несомненное влияние на все латинское богословие лежит представление о материальности человеческой души, связанной с телом (*Tert. De bapt.* 9). В такой концепции любые неосторожные поступки христианина оставляют отпечаток на его душе, затрудняя спасение. Верующий после кре-

щения вынужден был вести крайне ограниченную жизнь, чтобы сохранить надежду на спасение, в то время как мученичество разрешало эти сомнения и открывало верующему прямую дорогу в рай. «Крещение кровью» как подлинное и непреходящее крещение, которое полностью смывает все грехи, было не просто простым и коротким способом попасть в рай, но и отражало теологические взгляды христиан на Западе (*Tert. Trad. ap. 19.2; Cyr. Ep. 57.3–4; Pass. Marian. 11.10*). Более того, поскольку именно тело человека было средоточием греха, поскольку только «душа по природе христианка» (*Tert. Apol. 17.6*), то именно страдание тела, то есть пытка, выступало своего рода формой очищения перед вечным блаженством.

Кроме того, корпус африканских агиографических памятников имеет достаточно необычную структуру. «Акты мучеников Скилии» являются ранним свидетельством о христианах в Африке, затем «Мученичество Перпетуи и Фелицитаты» сообщает о гибели на арене амфитеатра группы верующих во главе с Вибией Перпетуей во время локального гонения Септимия Севера, и далее лишь после преследования Валериана появляются новые сочинения. Гонение Деция оказывается, таким образом, обойденным в силу того, что оно, вероятно, явилось, по мнению многих верующих, не моментом торжества Церкви, а темной страницей ее истории⁸. Причиной тому стали примеры многочисленных отступничеств, которых было, по всей видимости, так много, что решением этой проблемы была занята вся Церковь на Западе и на Востоке в первые годы после окончания гонения⁹. Таким образом, уклонение от мученичества, по сути, являлось первым шагом к отступничеству, которое означало гибель для христианина. Таким образом, Тертуллиан выступает не столько ригористом, сколько последовательным наставником, предлагающим определенный алгоритм спасения, уклонение от которого даже на ранних этапах чревато долгосрочными последствиями. Однако популярность мучеников и особенно исповедников была одновременно проблемой для Церкви. Исповедники в силу своего авторитета могли успешно конкурировать с епископами, выступая подчас их оппонентами. В частности, Киприан Карфагенский, запятнавший себя бегством во время гонения

⁸ Каргальцев (2016). С. 161.

⁹ Каргальцев (2015). С. 436.

Деция, вынужден был отбиваться от нападков со стороны ригористов в течение всего своего епископского служения.

Таким образом, перед автором «Мученичества» стояла непростая задача. С одной стороны, требовалось не отпугнуть верующего и укрепить его душевные силы перед страданием, с другой, нужно было указать и ограничения, которые делали мученичество доступным не для всех, а только избранных для этого Богом. Как представляется, разрешению данного противоречия и посвящены наши источники. В «Мученичестве Мариана и Иакова» епископы Агапий и Секундин по пути из своего изгнания к месту казни останавливаются в христианских общинах и увещевают верующих принять мученичество. Автор текста особо подчеркивает, что это не были случайные разговоры о преследованиях, но епископы «хотели воспитать (*fecissent*) других мучеников вдохновением веры своей» (Pass. Marian. 3.5). Очевидно, не всем верующим хватало решимости принять венец славы после этих увещеваний, поэтому Агапий и Секундин «подкрепляли веру братьев примерами мужества» и «вливали росу спасительного наставления» (Pass. Marian. 3.6). Проповедь епископов продолжалась несколько дней, пока, наконец, «спасительное наставление» не «воспламенило души» слушателей (Pass. Marian. 3.7). Известно также, что у Агапия были духовные дочери Антония и Тертулла, которых епископ также убедил принять мученичество (Pass. Marian. 11.1). Очевидно, девушки испытывали сомнения и страх, тогда Агапий сообщил им о виденном им во сне откровении, что их молитва о мученичестве услышана (Pass. Marian. 11.2). В данном случае мы имеем, действительно, редкий пример подобного наставления, когда Агапий и Секундин обращаются к единоверцам не на суде или перед казнью, а задолго до вынесения приговора. Можно с уверенностью полагать, что не только в маленьком городке Мугуас, где герои «Мученичества Мариана и Иакова» и встречаются епископов, а на всем пути следования последних, они занимались такой проповедью. Этот сюжет поясняет, как представляется, обе задачи, которые решаются в «Мученичестве». С одной стороны, верующие, действительно, вдохновляются личным примером и проповедью выдающихся епископов, с другой, говорится и о божественной санкции, которую христиане получают во сне. В целом сны занимают значительное место в композиции памятников, и каждый герой накануне страдания получает свое откровение от Бога. Об-

ратный пример — всадник Эмилиан, который содержится в тюрьме вместе с Марианом, Иаковом и другими верующими. Автор «Мученичества» подчеркивает, что он является достойным христианином и наравне со всеми жаждет получить венец славы (Pass. Marian. 7.3). Однако в течение долгого времени, несмотря на строгий пост и неустанные молитвы, Эмилиан не получает нужного видения, которое позволило бы ему принять венец славы. Из текста не ясно, как именно всадник заканчивает свои дни, но его пример, как представляется, не менее важен, чем примеры более удачливых единоверцев. Эмилиан проявляет смирение перед Богом и не решается принять мученичество без божественной санкции, каковой является сон. Товарищ по заключению Монтана и других карфагенских клириков, Флавиан оказывается обойденным в пророческом сне и, действительно, на суде не получает желанного приговора и возвращается в тюрьму (Pass. Mont. et Luc. 12). В «Житии Киприана» говорится, однако, о возможности повлиять на божественный сон, а через него на свою судьбу. В своем видении епископ просит об отсрочке хотя бы в один день, дабы устроить свои дела и получает ее (Vit. Cypri. 12.6). Киприан будет казнен ровно через год после своего видения (Vit. Cypri. 13.3). Таким образом, видно, что агиографический текст предлагал не только формальный путь приобщения к числу христиан, но и обучал основному принципу христианской веры — взаимодействию с Богом и признанию его роли.

Пророческие сны не только санкционировали мученичество, но и сообщали о славной судьбе, которая ждала героев. Здесь можно согласиться с мнением А.Н. Крюковой, что основная идея сюжета в том, что речь идет не о земном, а небесном суде, итогом которого становится скорая встреча верующего с Богом¹⁰. Тертуллиан, анализируя видение Перпетуи накануне ее гибели, отмечает, что девушка не встречает в раю никого из спасшихся, кроме мучеников (*Tert. De anim.* 55.4). Они получают посмертное воздаяние без суда, точнее в данном случае земной суд соответствует суду божьему. Агиографические памятники передают эту идею через соответствующие образы. Киприан Карфагенский в своем видении был приведен в преторию к трибуналу проконсула (Vit. Cypri. 12.3). Мученик Мариан видит во сне белоснежный трибунал на вершине

¹⁰ Крюкова (2013). С. 460-461.

уходящей к небу лестницы, на котором восседает презид (Pass. Marian. 6.6). По лестнице в рай поднимается Перпетуя, побеждая по пути египтянина (Pass. Perp. 10). Героев видений встречает «юноша необычайного роста» (*iuuenis ultra modum hominis enormis*) (Vit. Cypr. 12, 3), «прекрасный юноша весьма значительного роста» в белоснежной одежде (*iuenem inenarrabili et satis ampla magnitudine*) (Pass. Marian. 7.3), «юноша удивительного роста» (*iuenis mirae magnitudinis*) (Pass. Mont. et Luc. 8.4). Трудно точно интерпретировать этот образ, в нем, возможно, угадывается сам Христос, а следовательно в снах и происходит уже высший суд.

Отдельную проблему представляли попытки обрести мученичество вне божественной санкции¹¹. На это указывает биограф Киприана дьякон Понтий — епископ потому сохранил жизнь во время гонения Деция, что не получил в то время божественной санкции. В другом тексте магистраты Цирты проводят группу верующих через массу народа на суд к президу, некий христианин из толпы обращает на себя внимание язычников громкими криками и исповеданием веры (Pass. Marian. 9). Он был немедленно схвачен, подвергнут короткому допросу и включен в группу ведомых на суд. Проявил ли этот герой веры недозволенное стремление к мученичеству? Автор не осуждает его; напротив, он превозносит смелость этого человека. Следует полагать, что само стремление к мученичеству не является предосудительным. Господь сам распоряжается, где, как и кому пострадать, но страсть к страданиям за Христа похвальна. Однако принятие мученичества в обход божественной воли лишает человека небесного наследия.

Подводя итог, можно заключить, что представленные агиографические тексты содержат очевидную педагогическую составляющую. Они научают христианина основам веры и поведения, а также отношениям с Богом. Не секрет, что высокая теология не была предметом искреннего интереса большинства верующих. Более важной является именно практическая сторона учения, как сохранить себя в качестве верующего в глазах Бога. В период гонений эта проблема усугублялась еще и необходимостью сделать моральный выбор между жизнью земной и жизнью вечной. Здесь

¹¹ О проблематике добровольного мученичества см.: Moss (2012). P. 531-551.

на помощь и приходили «Мученичества», которые укрепляли пошатнувшуюся веру и давали точные инструкции как именно следует поступать перед смертью. Тексты, несомненно, несут следы авторских переживаний, сомнений, страхов и других глубоких эмоций. Верующие, оказываясь в экстремальной ситуации, ведут себя совершенно естественно, однако общим для них является идея покорности божественной воле, которая и является основной педагогической идеей агиографии этого времени.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Boyarin* (1995). — *Boyarin D.* Dying for God. Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism. — Stanford, 1999. P. 95.
- de Ste Croix* (1963). — *de Ste Croix G.E.M.* Why Were the Early Christians Persecuted? // *Past and Present*. 1963. Vol. 26. P. 638.
- Droge, Tabor* (1992). — *Droge A.J., Tabor J.D.* A Noble Death: Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity. San Francisco, 1992.
- Kelley* (2006). — *Kelley N.* Philosophy as Training for Death. Reading the Ancient Christian Martyr Acts as Spiritual Exercises // *Church History*. 2006. Vol. 75. P. 723-747.
- van Henten, Avemarie* (2002). — *Martyrdom and Noble Death: Selected Texts from Graeco Roman, Jewish, and Christian Antiquity* / Ed. by J. W. van Henten, F. Avemarie. London; New York, 2002.
- Moss* (2012). — *Moss C.R.* The Discourse of Voluntary Martyrdom: Ancient and Modern // *Church History*. 2012. Vol. 81. N 3. P. 531-551.
- Potter* (1993). — *Potter D.* Martyrdom as Spectacle // *Theater and Society in the Classical World* / Ed. by R. Scodel. Ann Arbor, 1993. P. 53-88.
- Каргальцев* (2015). — *Каргальцев А.В.* Африканские соборы III в.: Епископы и исповедники // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. 2015. Вып. 15. С. 436.
- Каргальцев* (2012). — *Каргальцев А. В.* Гонения Валериана и мученичество Киприана Карфагенского // *Вестник Санкт Петербургского Университета. Серия 2: История*. 2012. № 4. С. 124-130.
- Каргальцев* (2016) — *Каргальцев А.В.* Гонения Деция и Церковь середины III в.: мученики и власти // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2016. № 1. С. 161.

- Каргальцев* (2013). — *Каргальцев А.В.* Мученичество Мариана и Иакова: Вступительная статья, перевод и комментарий // *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии.* 2013. Вып. 2. С. 223.
- Каргальцев* (2014). — *Каргальцев А.В.* Мученичество Монтана и Луция: Вступительная статья, перевод и комментарий // *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии.* 2014. Вып. 3. С. 276-278.
- Крюкова* (2013). — *Крюкова А.Н.* Поэтика сновидений в Мученичестве Мариана и Иакова // *Индоевропейское языкознание и классическая филология XVII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 24–26 июня 2013 г. / Под ред. Н.Н. Казанского.* СПб., 2013. С. 457-468.
- Пантелеев* (2017). — *Пантелеев А.Д.* «Для упражнения и подготовки тех, кто намеревается»: ранние агиографические тексты как наставления для христиан // *Диалог со временем.* 2017. № 58. С. 125-140.
- Пантелеев* (2015). — *Пантелеев А.Д.* Мученичество и распространение христианства в римской империи // *Вестник Санкт Петербургского университета. Серия 2: История.* 2015. № 3. С. 36.
- Пантелеев* (2016). — *Пантелеев А. Д.* «Искусство умирать» в античной и христианской традиции // *Универсум Платоновской мысли: Платон и современность.* СПб. 2016. С. 116-125.

Alexey V. KARGALTSEV

AFRICAN HAGIOGRAPHY OF THE 3RD CENTURY AS PEDAGOGICAL TEXT

Scholars absolutely agree that special veneration of martyrs in Roman North Africa, in the area of the former possessions of the Carthaginian Empire, was caused by a relatively different — regarding Hellenistic — cultural influence, centered on literal adherence to religious practice. This led to appearance in Africa of a large number of hagiographic monuments, especially during the period of major persecutions of Decius and Valerian. A distinctive feature of Valerian persecution is the restriction of persecution to Christian clergy, which prevented many believers from realizing the desire to become a martyr. In addition, the authority of confessors came into conflict with the authority of the bishops. In the hagiographic texts of this time one can observe limitations regarding the possibility of suffering for Christ and clear instructions about it.

These texts could be called pedagogical. In particular, the future martyr was to see a prophetic dream which was a divine sanction. The absence of such a dream made martyrdom essentially unlawful. In addition, Bishop Cyprian of Carthage, who became the first bishop martyrs in Africa, became the ideal martyr for fellow believers. During the period of the episcopacy, he was forced to leave the department during the period of the persecution of Decius, and this laid a heavy stain on his biography. The deacon Pontius, author of "The Life of Cyprian", especially emphasizes that Cyprian's martyrdom happened precisely at that day and hour that God had set for him. The author of the article believes that this example has become a role model for other hagiographic monuments created during this period and has become a pedagogical instruction for future martyrs. Moreover, the image of God manifested to Cyprian is also traced in martyrs of the near time.

REFERENCES

- Boyarin* (1995). — *Boyarin D.* Dying for God. Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism. — Stanford, 1999. P. 95.
- de Ste Croix* (1963). — *de Ste Croix G.E.M.* Why Were the Early Christians Persecuted? // Past and Present. 1963. Vol. 26. P. 638.
- Droge, Tabor* (1992). — *Droge A. J., Tabor J.D.* A Noble Death: Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity. San Francisco, 1992.
- Kelley* (2006). — *Kelley N.* Philosophy as Training for Death. Reading the Ancient Christian Martyr Acts as Spiritual Exercises // Church History. 2006. Vol. 75. P. 723-747.
- van Henten, Avemarie* (2002). — Martyrdom and Noble Death: Selected Texts from Graeco Roman, Jewish, and Christian Antiquity / Ed. by J. W. van Henten, F. Avemarie. London; New York, 2002.
- Moss* (2012). — *Moss C.R.* The Discourse of Voluntary Martyrdom: Ancient and Modern // Church History. 2012. Vol. 81. N 3. P. 531-551.
- Potter* (1993). — *Potter D.* Martyrdom as Spectacle // Theater and Society in the Classical World / Ed. by R. Scodel. Ann Arbor, 1993. P. 53-88.
- Kargal'cev* (2015). — *Kargal'cev A.V.* Afrikanskije sobory III v.: Episkopy i ispovedniki // Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira / Pod red. prof. E.H.D. Frolova. 2015. Vyp. 15. S. 436.

- Kargal'cev* (2012). — *Kargal'cev A.V.* Goneniya Valeriana i muchenichestvo Kipriana Karfagenskogo // *Vestnik Sankt Peterburgskogo Universiteta. Seriya 2: Istoriya*. 2012. № 4. S. 124-130.
- Kargal'cev* (2016). — *Kargal'cev A.V.* Goneniya Deciia i Cerkov' serediny III v.: mucheniki i vlasti // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2016. № 1. S. 161.
- Kargal'cev* (2013). — *Kargal'cev A.V.* Muchenichestvo Mariana i Iakova: Vstupitel'naya stat'ya, perevod i kommentarij // *Religiya. Cerkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikacii po teologii i religii*. 2013. Vyp. 2. S. 223.
- Kargal'cev* (2014). — *Kargal'cev A.V.* Muchenichestvo Montana i Luciia: Vstupitel'naya stat'ya, perevod i kommentarij // *Religiya. Cerkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikacii po teologii i religii*. 2014. Vyp. 3. S. 276-278.
- Kryukova* (2013). — *Kryukova A.N.* Poehtika snovidenij v Muchenichestve Mariana i Iakova // *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya XVII (chteniya pamyati I. M. Tronskogo). Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, prohodivshej 24–26 iyunya 2013 g. / Pod red. N.N. Kazanskogo*. SPb. 2013. S. 457-468.
- Panteleev* (2017). — *Panteleev A.D.* «Dlya uprazhneniya i podgotovki tekhn, kto namerevaetsya»: rannie agiograficheskie teksty kak nastavleniya dlya hristian // *Dialog so vremenem*. 2017. № 58. S. 125-140.
- Panteleev* (2015). — *Panteleev A.D.* Muchenichestvo i rasprostranenie hristianstva v rimskoj imperii // *Vestnik Sankt Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*. 2015. № 3. S. 36.
- Panteleev* (2016). — *Panteleev A. D.* «Iskusstvo umirat'» v antichnoj i hristianskoj tradicii // *Universum Platonovskoj mysli: Platon i sovremennost'*. SPb., 2016. S. 116-125.

ВОСПИТАНИЕ В ПОЗДНЕРИМСКОЙ СЕНАТОРСКОЙ СЕМЬЕ

КЛАССИЧЕСКИЙ КАНОН И ХРИСТИАНСКИЙ ИДЕАЛ

Е.С. ЗАЙЦЕВА

В статье на примере сенаторской семьи Цейониев Руфиев рассматриваются нормы воспитания, принятые у язычников и христиан. Автор приходит к выводу, что воспитательные практики не противоречили друг другу, сосуществуя даже в пределах одной семьи. Позднеримская языческая воспитательная парадигма (благородное происхождение, религиозность, нравственные добродетели, умеренность в бытовых привычках, образованность и прохождение *cursus honorum*) сохраняла свое значение. Христианские интеллектуалы лишь дополнили ее новыми требованиями, такими как необходимость аскетизма в повседневной жизни и постоянного приобщения как умственной, так и физической деятельности. Отдельно наставники, в частности Иероним, оговаривали, что христианским девам не стоит принимать участия в общественной жизни. Изменился и корпус текстов, на основании которых христиане получали образование. Классических языческих авторов заменили произведения христианских апологетов и каноническая литература. Сенаторские семьи не всегда следовали этому воспитательному идеалу в повседневной жизни. Иногда аристократы не оставляли светской карьеры или обращались к переводу и комментированию языческих авторов начала империи. Такая ситуация была возможна, поскольку многие проповедники сами были воспитаны в рамках языческой традиции. Эта же причина позволяла христианским и языческим идеалам воспитания некоторое время сосуществовать в пределах одной семьи, не противореча друг другу. Однако постепенно языческие идеалы воспитания растворялись в набирающей силу христианской традиции.

Последние столетия (IV–V вв.) истории западной Римской империи оказались трудным временем. С одной стороны, постоянный натиск варваров на границы империи зачастую, если не ставил под угрозу существование государства, то нарушал привычное течение жизни. С другой стороны, внутреннее положение тоже было напряженным: Рим не был резиденцией императора, но никто не отменял его столичный статус. В прежней столице происходила острая борьба между представителями различных течений христианства и угасавшего язычества. Сенат утратил свое положение главного государственного органа, однако многие сенаторы по-прежнему занимали высокие должности¹, и сенаторское самолюбие тешилось идеей восстановления былого могущества сената. К тому же, переломный характер времени неизбежно ощущался, в особенности интеллектуалами, что влекло за собой попытки ученых людей собрать воедино остатки языческого наследия².

Подобное положение дел в государстве вынуждало интеллектуалов анализировать причины происходивших бедствий. Дабы исправить положение и предложить из него выход, авторы этого времени обратились к осмыслению классического наследия, пытаясь представить образец римского аристократа и противопоставить его идеалу сенатора-христианина, созданному Отцами Церкви. Идеал языческого аристократа представлен в сочинениях Аммиана Марцеллина, Симмаха, Макробия Феодосия, Рутилия Намациана, а также в некоторых из посвященных надписей, в частности, эпитафии Паулины, посвященной умершему супругу Веттию Агорию Претекстату (*CIL* VI.1779). Идеалы же воспитания сенаторов-христиан представлены в письмах Иеронима Стридонского, Амвросия Медиоланского, Августина Блаженного³. Каждый сенатор следовал тому или иному канону, в зависимости от религиозных убеждений, однако в рамках одной семьи иногда уживались приверженцы раз-

¹ Шкаренков (2004). С. 144.

² Уколова (1989). С. 33-35; Она же (1992). С. 41.

³ Особенно много рекомендаций по воспитанию содержится в письмах Иеронима (*Jer.* Ep. 22; 31; 32; 38; 39; 43; 44; 127; 128). Штрихи к портрету идеального христианина добавляет Амвросий (*Amb.* Ep. 18) и Августин (*Aug.* Ep. 29; 246).

ных религий и разных моделей воспитания⁴. Обращение к воспитательным традициям языческо-христианской семьи Цейониев Руфиев⁵ позволяет увидеть, как изменялись нормы и принципы воспитания римского аристократа периода Поздней Античности; насколько новые христианские нормы изменили языческие идеалы.

Одной из самых важных черт римского аристократа считалось благородное происхождение. Позднеантичные авторы — Аммиан Марцеллин, Симмах, Макробий Феодосий, Рутилий Намациан, Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, — характеризуя того или иного представителя сенаторского сословия, в первую очередь, обращают внимание именно на его принадлежность к старым сенаторским *gentes*, мифическим основателям римского государства или иным известным историческим персонажам. Языческий автор Рутилий Намациан подчеркивал важность «правильного» достойного происхождения: «Руфий, в котором жива слава Альбина-отца. | Имя его родовое — от древнего рода Волуса, | Что из рутульских царей, как сообщает Марон» (*Rut. Nam. De red. suo* I.168–170). Не всегда родословная приводилась, иногда сенаторы обходились лишь упоминанием о ее знатности, как неперенном атрибуте римской аристократии. Паулина говорит о своем муже Претекстате: «Рожденный от благородного семени, / ты даешь свет отечеству, сенату и супруге...», чуть выше не забыв упомянуть и о «блистательности своих предков»⁶ (*CIL* VI. 1779).

Важность благородного происхождения можно объяснить кризисом сенаторской идентичности — почти все «старая» сенаторская

⁴ Подробнее о взаимодействии христианской и языческой традиций в позднеантичную эпоху см. Литовченко (2012). С. 84–87; Haren (1985). P. 37–82; По поводу воспитания в позднеримской семье в соответствии с языческими ценностями см. Tanaseanu-Döbler (2012). P. 97–146; Greschat (2018). P. 165–185. Подробнее об аскетизме в повседневной жизни Clark (1993). P. 94–118; Vuolanto (2015). P. 1–44, 69–80.

⁵ Подробнее о языческо-христианской семье Цейониев Руфиев см. Sbriglione (2010). P. 182–193; Whiting (2011–2012). P. 73–83.

⁶ [Sple]ndor parentum ni(hi)l mihi maius dedit / [quam] quod marito digna iam tum visa sum / [se]d lumen omne vel decus nomen viri / Agori superbo qui creatus germine / patriam senatum coniugemq(ue) inluminas (Перевод М.С. Петровой).

аристократия не пережила III в.⁷. По этой причине, представители сенаторской знати IV–VI вв. были вынуждены конструировать себе «знаменитое» происхождение по материнской или отцовской линии, создавать родственные связи с великими сенаторскими домами предшествующих эпох⁸. Эти *homo novus* не привносили свои порядки, новые ценности, а, по словам Г.С. Кнабе, «стремились войти в римскую традицию, усвоить себе ее черты, стать — а для начала прослыть и выглядеть — настоящим римлянином старой складки»⁹. Отсюда стремление приобщиться к старой аристократии с помощью вымышленных родословных. Впрочем, фиктивность подобных генеалогий была хорошо понятна еще современникам. По сообщению Аммиана: «Некоторые, блистая знатными, как они думают, именами, страшно гордятся тем, что зовутся Ребуррами, Флабуниями, Пагониями, Герсонами, Далиями, Таррациями, Перразиями и другими столь приятно звучащими славными именами» (*Amm.* XXVIII.4.7)¹⁰. Процесс складывания новой сенаторской аристократии завершился лишь к концу IV в., и сенаторские семьи со столетней задокументированной историей считались достаточно древними. В целом знание родословной на протяжении нескольких поколений и возможность отнести ее к основателям римского государства выдавало в человеке приверженца старины, знакомого с римской историей, что отражало значимость образования в этой среде.

Самой известной из оценок уровня образования позднеримской знати является ремарка Аммиана Марцеллина. Языческий историк сообщал, что сенаторы пренебрегали обращением к обширному литературному наследию, оставленному предками, посещением библиотек, чтением древних авторов: «Некоторые боятся науки, как яда, читают с большим вниманием только Ювенала и Мариа Максима и в своей глубокой праздности не берут в руки никакой другой

⁷ *Okoń* (2017). Р. 146-151; *Mennen* (2011). Р. 49-134.

⁸ Публичная демонстрация патрилинейных связей с великими в прошлом *gentes* очень важна для позднеримской аристократии, даже если таковых в действительности не было. См.: *Hillner* (2003). Р. 130-131; *Nathan* (1997). Р. 131.

⁹ *Кнабе* (1988). С. 167.

¹⁰ Здесь и далее Аммиан Марцеллин цитируется в переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни под ред. Л.Ю. Лукомского.

книги» (*Amm.* XXVIII.4.14). Но, что еще хуже, чем чтение низкопробной плебейской литературы, они «людей образованных и серьезных избегают как скучных и бесполезных»¹¹ (*Amm.* XIV.6.15). С укором на современников Аммиан вспоминал Сократа, который, согласно преданию, перед смертью попросил музыканта, распевавшего под стенами темницы стихи Стесихора, обучить его этому произведению, чтобы «уйти из жизни, зная еще чуть-чуть больше» (*Amm.* XXVIII.4.15). Впрочем, по всей видимости, свою едкую критику историк направлял не по отношению ко всей столичной знати, а лишь к отдельным недостойным ее представителям.

Значение образованности для порядочного римского аристократа подчеркивал в письме своему другу Герению Сидоний Аполлинарий. Во время визита в Рим в составе овернской делегации он остановился в доме бывшего префекта города Флавия Синезия Геннадия Павла (*Flavius Synesius Gennadius Paulus*). Галльский оратор так описал достоинства своего римского друга: «Под кровлей бывшего префекта Павла, знаменитого столько же своей ученостью, сколько и добродетелью, я пользуюсь всеми выгодами ласкового и внимательного гостеприимства. Поистине ни в одном роде наук никто не может стать выше этого человека... какой он мастер на шарады, какое у него блестящее красноречие, какая легкость стиха, и какие удивительные вещи он умеет делать своими руками!» (*Sid. Apol.* I.9.1)¹². Таким образом, с точки зрения представителей позднеримской сенаторской знати образованность, ученость и, в целом, принадлежность к пайде́е являлись не менее важными качествами, чем благородное происхождения.

Важно отметить, что среди аристократов-язычников образованность воспринималась не как конечный результат, заверченный

¹¹ Исследователи предполагают, что подобная критика могла относиться не ко всем сенаторам, а лишь к отдельным представителям сословия, по-видимому, имевшим непростые отношения с автором *Res Gestae*. Таким образом, Аммиан выражал свою личную неприязнь против какого-то определенного аристократа, возможно, отказавшего ему в доступе к своей библиотеке или к содержащимся в ней документам. См.: *Ruggini* (2003), Р. 372.

¹² Здесь и далее Сидоний Аполлинарий цитируется в переводе М.М. Стасюлевича.

процесс, а как постоянное саморазвитие и самосовершенствование на этой стезе, непрерывные литературные занятия. К примеру, Претекстат прославлялся Паулиной как обладающий многими добродетелями, в частности, пристрастием к литературному творчеству: «Ибо все, что создано на двух языках [латинском и греческом] / усердием мудрецов, которым открыты врата небес, / будь то мастера в создании поэзии, / или того, что изложено не ритмизированной речью, / ты передал в лучшей форме, чем, читая, воспринял»¹³ (*CIL* VI. 1779). По сути, в сенаторской среде допускалась и поощрялась увлечение науками и литературным трудом даже из праздного любопытства.

Для достижения идеала в аристократической среде, много времени уделялось образованию детей. Позднеримские сенаторы, имевшие достаточное количество времени, не занятого государственной службой, и финансовые возможности, старались самостоятельно заниматься воспитанием наследников и не перекладывали эти обязанности на нанятых учителей. Именно с целью приобщения своего сына Евстахия к высокой культуре задумывал свои «Сатурналии» один из знаменитых антикваров V в. Макробий Феодосий. Макробий привел в своем произведении ссылки на многочисленных авторов, входивших в круг чтения позднеримского аристократа-язычника, и формировавших его мировоззрение: трактаты Цицерона, Афиней, Плутарха, Авла Геллия, учения Платона, Плотина, Ямвлиха, Порфирия. Особое место в произведении отводилось комментированию «Энеиды» Вергилия¹⁴. Свое произведение Макробий посвятил сыну: «При этом она пожелала [Природа. — *Е. З.*], чтобы наша главная забота состояла в воспитании и образовании потомства... А потому и мне ничто не кажется более важным, чем твое обучение. Заботясь о его завершении, я предпочел короткий путь долгим кружениям, и, не допуская задержки, не желая ждать,

¹³ "...tu namque quidquid lingua utraq(ue) est proditum / cura soforum porta quis caeli patet / vel quae periti condidere carmina / vel quae solutis vocibus sunt edita / meliora reddis quam legendo sumpseras" (Перевод М.С. Петровой).

¹⁴ Уколова (1992). С. 59-64; Петрова (2013). С. viii; Там же. С. 687-696.

пока ты сам продвинешься в том, об изучении чего ты ревностно заботишься, я, помимо прочего, замыслил собрать для тебя то, что было добыто мной в различных свитках либо на греческом, либо на латинском языке... Пусть все это будет тебе запасом знания, собранным из, так сказать, закромов учености»¹⁵ (*Macr. Sat. I. Praef. 1-2*). Важно отметить, что Макробий увещевал сына не просто зазубривать приведенные факты, а стараться проникать в их глубинный смысл, раздумывать над ними, дабы «не допустить остаться нетронутым [всему тому], что вбираем [в себя], чтобы оно не было [нам] чужим. Но пусть оно перерабатывается в некий порядок, иначе может войти [лишь] в память, [а] не в ум» (*Macr. Sat. I. Praef. 7*). Для усвоения Евстахией посвященного ему сочинения требовалась основательная подготовка, которой он обладал, о чем с гордостью упомянул его отец. Евстахий, очевидно, уже успел пройти обучение, как минимум, грамматике и риторике, и, возможно, Макробий, обратившись к жанру «симпосиев», хотел помочь своему сыну приобщиться к искусству ведения дискуссии, которую развивала логика, чтобы завершить, таким образом, систему тривия.

Именно образование позволяло привить еще одно необходимое римскому сенатору качество — добродетель. Соответствие определенному нравственному кодексу поведения было обязательным для классической языческой воспитательной парадигмы, хотя и уже заметно изменившейся со времен ранней империи под влиянием стоицизма и распространения восточных культов. Еще во II в. была сформулирована модель культурного и умеренного во всем аристократа, называвшаяся *verecundus*¹⁶. Она выражалась в скромности, отсутствии бытовых излишеств, отстраненности от плебейских удовольствий, в общем, определенной умеренности духовной жизни, что способствовало возвышению благородных нобилей над массой плебса, предававшегося недостойным развлечениям вроде посещения гладиаторских боев, представлений на ипподроме и в цирке. К модели, поддерживавшейся сенаторами-язычниками со временем приобщились и христиане. Сенатор, не соответствующий этим

¹⁵ Здесь и далее Макробий Феодосий цитируется в переводе В.Т. Звиревича под ред. М.С. Петровой.

¹⁶ *Brown* (1988). P. 339-427.

стандартам подвергался риску, как обозначает П. Браун, быть зараженным «моральной ипохондрией»¹⁷. Аристократ Евангел, выступающий в качестве участника застольных бесед в «Сатурналиях», представлен у Макробия как «нескромный молодой человек, бестактный и шокирующий присутствующих, не выбирающий выражений», очевидно, от недостатка воспитания (*Macr. Sat. I.11.2*).

В сенаторской среде четко оформилось и представление об образцовой женщине. Идеальный моральный облик обычно фиксировался в погребальных надписях, где умерший представлялся в обрамлении своих лучших качеств. Так Паулина и Претекстат представлены как «благие и благочестивые», обладающие «душевной порядочностью», верные друг другу супруги¹⁸. Глубокая религиозность и почитание богов также относились к добродетелям.

Впрочем, в представлении позднеримского общества одной лишь добродетельности было недостаточно, для того чтобы соответствовать образу идеального представителя римской знати. Обладание богатством и занятие высших государственных должностей имели не меньшее значение, чем знатное происхождение и образованность: «сенат представляет много имен, известных огромными богатствами, знатного рода, почтенных по летам, опытных в деле совета, высокопоставленных по званию и равных по общественному положению...» (*Sid. Apol. I.9.2*). Сидоний Аполлинарий упоминал двух сенаторов, особо влиятельных в середине V в. в Риме, «первых лиц в государстве после императора», — Геннадия Авиена и Цецину Василия. Один из них, Цецина Деций Максим Василий¹⁹, при-

¹⁷ Браун (2017). С. 274.

¹⁸ «Рожденный от благородного семени, / ты даешь свет отечеству, сенату и супруге, / душевной порядочностью... / Как супругу подругу привлек для священных таинств, / разделившую [с тобой] знание о богах и людях, верную тебе. / Здесь нет мне нужды упоминать о [твоих] чинах и должностях, / радостях, к которым стремятся в своих чаяниях люди, / и которые ты всегда считал бренными и ничтожными. / Ты жрец богов, слывешь возвышенным в своей святости. / Ты, о супруг, научив меня благу, / жребию чистоты и целомудрия, освободил меня от смерти... / Благодаря тебе все меня почитают как благу и благочестивую, / хвалят, ибо ты сам прославил меня как благу... (*CIL VI.1779*).

¹⁹ Caecina Decius Maximus Basilius. См.: Chastagnol (1966). P. 79.

надлежал к роду Цейониев Руфиев и имел солидный *cursus honorum*: префект претория Италии 458 г., ординарный консул 463 г., префект претория во второй раз и патриций в 463–465 гг. Сидоний Аполлинарий называет его «*principes in senatu*», что подчеркивает его высокий статус. Сидонию Аполлинарию, который искал патрона, рекомендовали выбрать между Авиеном и Василием. Герений, с которым этот вопрос обсуждал Сидоний Аполлинарий, рекомендовал остановить свой выбор на Василии, достигшем консульства благодаря своим заслугам, а не «счастьем», как Авиен. По мнению Герения, в качестве патрона «Авиен все свое внимание употреблял на возвышение сыновей, зятьев и братьев; беспокоимый постоянно домашними кандидатами, но не так легко мог заботиться об удовлетворении требований посторонних искателей» (*Sid. Apol.* I.9.3). Хотя Авиен и был достойным аристократом, но в меньшей степени заботился о своей клиентелле, помогая в первую очередь членам своей семьи. Василий, напротив, ценил, по-видимому, не столько родство, сколько способности человека: «с Василием удавалось сойтись немногим и не вдруг, но зато с пользой» (*Sid. Apol.* I.9.4). Благодаря стараниям Василия Сидоний Аполлинарий смог прочесть панегирик перед императором и удостоился звания патриция и должности префекта Рима в 467 г. Впрочем, даже старые нобили карьеру рассматривали уже не как цель, а как средство, с помощью которого родные и сограждане могли улучшить свое положение²⁰.

Из перечисленных особенностей воспитания можно вывести языческий воспитательный канон аристократа в поздней Римской империи. Он включал определенный набор характеристик: благородное происхождение, религиозность, нравственные добродетели, образованность и прохождение *cursus honorum*²¹. Л. Руджинни включает в *topos* еще «добродетельную бедность древних рим-

²⁰ В числе заслуг упомянутого Претекстата та, что, не ставя получение очередной должности в качестве приоритета, он занимал их, чтобы помогать согражданам, их самих же «всегда считал бранными и ничтожными».

²¹ Иногда эти характеристики сводились лишь к формальностям, исполняемым напоказ, например, реальное исполнение должностей детьми сенаторов сводилось к синекурам, а воинские подвиги становились в один ряд с успехами циркового возницы. См.: Кнабе (1988). С. 159-161.

лян»²², основанную на республиканских *exempla* от Валерия Публикола до Аттилия Регула и Сципиона. На наш взгляд, в позднеантичную эпоху аскетизм, характерный для идеала *mos maiorum*, сменила умеренность и осуждение нарочитой демонстрации богатства в повседневной жизни. В целом, представлении о бедности как о достоинстве было, скорее, характерно для созданного в трудах Отцов Церкви образа сенатора-христианина, который, в идеале, должен был пожертвовать свое имущество на богоугодные дела (например, отдать его Церкви).

В отличие от не делавшего акцентов на религиозной принадлежности Аммиана Марцеллина, Иероним Стридонский, специально противопоставлявшего благочестивых христиан (Павлу, Марцеллу и их семьи²³) и неверных язычников (Претекстата и Паулину). Образ идеально воспитанного христианина, описанный им, прямо противопоставляется неверному, с его точки зрения, языческому канону, выраженному в этой языческой супружеской паре. «...Тот, кто за несколько дней до этого достиг высшей из своих должностей, кто поднимался на Капитолийский холм, словно справляя триумф над поверженными врагами, кого плеском рук и топотом ног встречал поверженный народ, кончиной коего был потрясен вселенский Город, теперь, покинутый и лишенный всего, пребывает не в небесном дворце Млечного [пути], как измышляет его несчастная жена, но среди тьмы и смрада»²⁴ (*Jer.* Ер. XXIII. 2-3). Иероним, очевидно,

²² *Ruggini* (2003). P. 371.

²³ Их семьи были религиозно смешанными, однако не навлекают на себя такой ненависти Иеронима, как семья Претекстата. Ср.: «Ты родилась от брака неравного; от тебя и от моего Токсоция родилась Павла. Кто поверил бы, что у Понтифекса Альбина, вследствие материнского обета, родится внучка, которая, в присутствии обрадованного деда, еще лепечущим языком малютки будет петь Христово аллилуйя?... Я думаю даже, будь он еще юношей и имей такое родство, он мог бы уверовать во Христа. Пусть он оплоует и осмеет мое письмо, пусть прокричит, что я и глуп, и сумасброден; так делал и зять его пока не уверовал [Токсоций — *E.3.*]...» (*Jer.* Ер. 107) и «Пусть лучше будет служанкой дьявола, чем моей, та, что измышляет, будто ее неверный муж был перенесен на небеса» (*Jer.* Ер. 39, 3).

²⁴ Здесь Иероним Стридонский цитируется в переводе М.С. Петровой.

осуждал карьерные устремления, получение почестей и славы, и эвергетизм, направленный в адрес толпы, а не на богоугодные дела. Впрочем, несмотря на резкие выпады в адрес язычников, Иероним предъявлял к аристократам–христианам во многом те же требования, что и сенаторы–язычники по отношению к своим единоверцам.

Обратимся к идеалам воспитания в рамках смешанной в религиозном отношении сенаторской семьи Цейониев Руфиев²⁵, членом которой адресован ряд писем Иеронима. Сохранившийся эпистолярный комплекс позволяет нам увидеть ситуацию *in domo*. Вероятно, Иероним Стридонский активно общался с некоторыми из членов рода лично, не только переписывался. Представители этого рода разошлись к двум противоположным полюсам: часть их, в основном, мужчины, оставались верными языческим позднеантичным традициям²⁶; а почти вся прекрасная половина приобщилась к хри-

²⁵ Часть исследователей возводят происхождение этой семьи к сенаторским *gentes* времени ранней империи, другие считают их *homo novus*. О. Зеек ведет происхождение рода Цейониев-Руфиев от Цейониев эпохи принципата — известной фамилии, которая стала занимать значимое место в имперской политике с Луция Цейония Коммода, ординарного консула 78 г. См.: *Seeck* (1899). S. 1829-1830. М. Арнейм также причисляет предков Гая Цейония Руфия Волузиана к аристократическому роду Цейониев и считает, что фамилия имела достаточно длинную благородную родословную и через род Нуммиев могла быть связана с патрициями поздней республики. См.: *Arnheim* (1972). P. 130-131. Т. Барнс отмечает, что все представления о благородном происхождении Волузиана основываются на сомнительных источниках, таких как «*Scriptores Historiae Augustae*», следовательно, нет оснований считать его наследником древних аристократов. См.: *Barnes* (1975). P. 43-44. А. Джонс также ведет родословную Цейониев-Руфиев, начиная с Цейония Руфия Волузиана, и не указывает на его предков благородного происхождения. См.: *Jones* (1971). P. 977-978.

²⁶ Руфий Антоний Агриппий Волузиан (*Rufius Antonius Agrypnius Volusianus* б) с рождения был язычником, однако отторжения у него христианское учение, по-видимому, не вызывало. Он состоял в переписке с Августином, обсуждая религиозные вопросы (*Aug. Ep.* 16), однако сам не торопился принимать новую религию. В 436 г. Волузиан в связи с женитьбой императора Валентиниана III отправился в составе посольства в Константинополь. Во время путешествия он заболел и под влиянием племянницы Мелании, христианки, сменил веру. Руфий Антоний Агриппий

стианству уже с середины IV в. Следует отметить, что сенаторы воспринимали религиозное смешение в рамках семьи как норму, о чем свидетельствует тот же Иероним в письме к Лэте: «Ты родилась от брака неравного; от тебя и от моего Токсоция родилась Павла. Кто поверил бы, что у Понтифекса Альбина, вследствие материнского обета, родится внучка, которая, в присутствии обрадованного деда, еще лепечущим языком малютки будет петь Христово аллилуйя?... Я думаю даже, будь он еще юношей и имей такое родство, он мог бы уверовать во Христа. Пусть он оплюет и осмеет мое письмо, пусть прокричит, что я и глуп, и сумасброден; так делал и зять его пока не уверовал [Токсоций. — *Е. 3.*]...» (*Jer. Ep. 107*)²⁷. Очевидно, Публилий Цейоний Цецина Альбин не особо стремился понять заповеди чужой религии, но и не запрещал другим членам семьи исповедовать христианство. Хотя Токсоций позже и обратился в христианство, Альбин остался верен заветам предков; более того, он занимал должность понтифика²⁸.

Еще один пример, Паммахий, муж Паулины и внук Цейония Руфия Альбина, видимо, сам был расположен к христианству, и христиане в Риме относились к нему с уважением. Судя по одному из писем Иеронима, он даже интересовался христианской литературой: «Некоторые, пришедши из Рима, читали мне выдержки из моего сочинения и говорили, что познакомились с ним в Риме... Я слышу, что все в Риме очень хорошо относятся к тебе. Слышу,

Волузиан умер в начале 437 г. под именем Епифаний (*V. Mel. Lat. II. 19–24*). Трудно сказать, насколько он сам желал перейти в новую религию, однако в этом случае можно допустить искренность принятого им решения. Следующие поколения мужчин в роду были уже христианами.

²⁷ Здесь и далее письма Иеронима Стридонского цитируются по изданию: *Иероним Стридонский. Творения*. В 17 ч. Киев, 1789–1903.

²⁸ В целом, к внутрисемейным различиям в религиозных предпочтениях римские аристократы того времени относились весьма толерантно и часто не обращали внимания на то, каким богам поклоняются домашние и слуги. В смешанных браках между язычниками и христианками муж-язычник, как правило, принимал религиозные убеждения своей жены-христианки. См.: *Петрова* (2013). С. 667. По поводу влияния жен и матери на аристократов и обращения их в христианство см.: *Brown* (1961). P. 6; *Salzman* (1989). P. 214.

что расположение первосвященника и народа одинаково склонны к тебе... Если ты прочтешь книги шестнадцати пророков, переведенные мною с еврейского на латинский язык, и я узнаю, что ты доволен этим трудом, то этим ты побудишь меня выпустить из моего арсенала остальное, что в нем находится. Недавно я перевел на наш язык Иова, экземпляр этой книги можешь получить в обмен (т.е. на книги пророков) от сподвижницы твоей, св. Марцеллы... Церковный перевод, если и имеет красоту слога, должен не дорожить ею и избегать ее, чтобы быть понятным не для праздных школ философов и не для многих учеников, но для всего рода человеческого» (*Jer. Ep. 47*).

Также, как и их собратья по сословию, члены фамилии Цейониев-Руфиев постулировали свою исключительную знатность. Они удрежняли свою родословную, иногда доводя ее до самого Энея: «Она [Павла, внучка Публилия Цейония Цецины Альбина, христианка. — *Е. 3.*] была благородна по происхождению... Ветвь Гракхов, отрасль Сципионов, наследница Павла, от которого получила и самое имя, действительный и прямой потомок Марции Папирии, матери Африканского... Итак, принадлежа по рождению к такой фамилии, она вступила в супружество с Токсоцием, в жилах которого текла знаменитейшая кровь Энея и Юлиев...» (*Jer. Ep. 108*).

Ценность образования также не утратила своего значения для сенаторов-христиан. Знакомство с традиционной культурой, знание древних авторов продолжало высоко цениться в принявших новую веру сенаторских фамилиях. Члены рода Цейониев-Руфиев, отойдя от государственных дел, занимались литературным трудом, переводя, комментируя или подражая классическим римским авторам. К примеру, Юлий Науцеллий (*Iulius Naucellius*), зять Гая Цейония Руфия Волузиана Лампадия, проживая под конец жизни в своем имении в Сполетии, переводил с греческого языка работу о «*prisca respublica*»²⁹. Веттий Агорий Василий Маворций совместно с оратором Секуром Мемором Феликсом (*Securus Memor Felix*) подготовил издание трудов Горация. Авторы посвящали аристократам свои работы в знак особого расположения. Так Цецине Децию Альбину младшему грамматик Сервий посвятил «*Ars Donati*». В целом, сенаторы-христиане продолжали считать себя наследниками классиче-

²⁹ *Cameron* (1964). P. 17.

ской римской культуры, и не спешили отказываться от традиционной системы воспитания и в IV, и в V, и даже в VI вв.³⁰. Такие люди, как Флавий Кассиодор или Боэций, продолжали приобщаться к сочинениям античных философов (Платон, Аристотель, Порфирий, Прокл, Плотин, Цицерон, Сенека), историков (Геродот, Тит Ливий, Полибий, Аммиан Марцеллин, Аврелий Виктор), поэтов (Гомер, Софокл, Еврипид, Плавт, Теренций, Катулл, Вергилий, Овидий, Гораций, Проперций, Стаций, Лукан, Ювенал)³¹. Несмотря на то, что эти «последние римляне» были христианами в пятом-шестом поколении, многое в образовательных и воспитательных практиках они унаследовали от своих языческих предков. Между античными и раннесредневековыми культурными традициями наблюдался несомненный континуитет³². Однако вовсе отказывать христианству во влиянии на образовательные традиции в среде римских аристократов все же не стоит³³. Несмотря на преемственность в традициях образования, христиане из Цейониев Руфиев все же изменили свой образ жизни, и, соответственно, подход к воспитанию. Богословы, которые поддерживали переписку с представителями рода, регулярно наставляли их, выражали свое отношение к языческой культуре, к принятым нормам жизни. Своими советами и проповедями они оказывали влияние на образ жизни представителей рода Цейониев Руфиев.

К примеру, новые верования существенно корректировали набор «учебной» литературы. По мнению Иеронима, он должен был в основном включать в себя произведения христианских апологетов и канонической литературе: «Пусть прежде всего изучает Псалтирь; в притчах Соломоновых пусть изучает науку жизни... Екклесиаст... книга Иова... Евангелия... Деяния и послания апостольские... Пророки, Пятикнижие, книги Царств, Паралипоменон, также — Ездры и Есфири. Всяких апокрифов она должна остерегаться. Сочинения-

³⁰ Литовченко (2012). С. 69; Она же (2007). С. 33; Шкаренков (2005). С. 5. Этому способствовал и тот факт, что уже к середине 380-х гг. на Западе появился ряд христианских теологов, получивших классическое образование, благодаря чему с успехом сочетавших христианское вероучение и античную метафизику. См. Фокин (2010). С. 69-106.

³¹ Шкаренков (2005). С. 6.

³² Уколова (1992). С. 105; Она же (1983). С. 5-6.

³³ Уколова (1983). С. 5-6.

ца Киприана она должна иметь всегда под руками. Письма Афана-сия и Илария — беспрепятственно» (*Jer.* Ер. 107). Женщине из сенаторской семьи тоже было важно получить образование, более того, все советы по воспитанию от Иеронима касаются в основном девушек³⁴. Он так же, как и Макробий, не являлся сторонником пассивного чтения текстов, поощряя адресатов задавать вопросы, вступать в полемику: «Так как я тогда несколько славился знанием священного Писания, то никогда не случалось, чтобы она не спросила чего-нибудь по части священного Писания; и не удовлетворялась тотчас ответами, но поднимала возражения... всего, что мною собрано продолжительным трудом и от долговременного размышления обратилось в природу, всего этого она отведала, все изучила, все усвоила, так что после моего отъезда, если заходил спор о каком-нибудь свидетельстве из Писаний, то обращались к ее суду... Подгородное поместье стало для вас монастырем и селение, выбранное вами, — пустыней...» (*Jer.* Ер. 103).

Обосновывая необходимость строгого воспитания, Иероним резко отрицательно отзывался о господствующих в Риме нравах: «В развратном обществе и городе, в который иногда стекался народ со всего света, за которым была пальма пороков... Вдовы (языческие) обыкновенно раскрашивают лица румянами и белилами, блестят в шелковых платьях, сияют драгоценными камнями, носят золото на шеях, и, проткнувши уши, привешивают к ним дорогие перлы из Красного моря, щеголяют в черепаховых уборах, о мужьях так сокрушаются, что радуются об окончании их господства над ними и ищут других, не таких, которым бы служить, по заповеди Божией, а таких, над которыми бы властвовать. Поэтому они выбирают (в мужья) бедных, чтобы они только по имени казались мужьями, терпеливо допускали совместников, и могли быть тот час же прогнаны, как скоро заропщут» (*Jer.* Ер. 127). В противовес Иероним восхвалял достойных христианок с их подобающим рабам Божьим внешним видом и праведным образом жизни: «Наша вдовица [Марцелла. — *Е. 3.*] употребляла такую одежду, какой только требовал

³⁴ Одно из немногих исключений — письмо Иеронима к Паммахию, внуку Цейония Руфия Альбина, где проповедник советует читать книги Пророков и предлагает в распоряжение Паммахия свои труды (*Jer.* Ер. 47).

холод и которая только не обнажала членов; золота не допускала даже на перстне для печати, скрывая оное более в утробах бедных, чем в кошельках. Никуда не ходила без матери; из клириков или монахов (к коим иногда необходимость заставляла прибегать в широком хозяйстве) никого не видала без свидетелей. Всегда сопровождали ее девственницы и вдовы, столь же серьезные женщины... Редко показывалась в публике и особенно избегала домов благородных матрон, чтобы не быть принужденною видеть то, что презирала... Ожерелья и всю домашнюю рухлядь, все это гибнущее, она уступила богатым, и предпочла потерять деньги, чем опечалить душу матери...» (*Jer. Ep. 127*).

Иероним старался помочь в воспитании детей христиан в городе, где, по его мнению, было много искушений и дурных примеров, и в семье, многие члены которой являлись язычниками: «Уступая просьбам святой Маркеллы и твоим, я предполагал обратить свою речь к матери, то есть к тебе, и поучить, каким образом ты должна воспитывать нашу Павлу [Павла — дочь Токсоция и Лэты, внучка Публилия Цейония Цецины Альбина. — *Е. 3.*]... Пусть учится она слушать и говорить только то, что относится к страху Божию. Общество резвых мальчиков должно быть удалено от нее; самые девушки и горничные должны воздерживаться от мирских разговоров с ней... Для нее должны быть сделаны азбучные буквы из букового дерева и названы каждая своим именем. Пусть она забавляется ими, чтобы самая забава была для нее учением... Больше всего должно остерегаться, чтобы она не возненавидела ученья... Учителем должно выбрать человека зрелых лет, доброй жизни и с хорошими сведениями; я не думаю, чтобы ученый муж постыдился принять на себя по отношению к родственнице или благородной девице такие же точно обязанности, какие принял на себя Аристотель по отношению к сыну Филиппа... первые начатки учения иначе преподаются ученым и иначе невеждой. Пишут, что красноречию Гракхов принесла великую пользу речь матери, которую слушали они с детства. Речь Гортензия привилась к нему еще в отцовских объятиях» (*Jer. Ep. 107*).

Иероним затрагивал все аспекты воспитания христианской аристократки, обращал внимание на внешний вид, род занятий, общение со сверстниками. Внешний вид, по его мнению, обязан соответствовать исповедуемой религии, христианка не должна уподоб-

ляться знатным римлянкам, оставшимся язычницами: «Сам наружный вид и одежда ее должны готовить ее к тому, к чему она предназначена. Не прокалывай, предостерегаю тебя, ее ушей; белилами и румянами не разрисовывай лица, посвященного Христу; не души ей шей золотом и жемчугом; не отягощай головы драгоценными камнями; не подцвечивай волос в красный цвет...» (*Jer.* Ep. 127). Истинным христианкам лучше не появляться в обществе без необходимости, дабы избежать искушений: «Она не должна обедать в обществе, т.е. на пирах у родителей, чтобы не видела кушаний, которых могла бы пожелать... Если переезжаешь в загородный дом, не оставляй дочь дома; пусть она и не умеет, и не будет в состоянии жить без тебя... Пищей ей должны служить овощи и тому подобное, и изредка рыба... она должна так есть, чтобы всегда чувствовать легкий голод...» (*Jer.* Ep. 127). Следует избегать развлечений, любая деятельность должна приносить пользу. Иероним советовал не предаваться лени, развлечениям, приучать детей к труду несмотря на то, что финансовые возможности семьи позволяли им пренебрегать: «К музыке пусть она будет глуха. Она не должна знать, для чего существует флейта, лира, арфа. Пусть учит греческие стихи. Но с этим вместе пусть изучает она и латинскую речь... Пусть она учится готовить лен, держать мычку, носить на поясе корзину, крутить веретено, вести пальцами нитку. Пусть готовит одежды такие, которые защищают от холода, а не такие, которые обнажают одетое тело» (*Jer.* Ep. 127). Понимая, что все эти требования трудно соблюдать, проживая в Риме, Иероним выражал готовность взять воспитание Павлы на себя, в качестве духовного наставника семьи: «[Если не сможешь всего этого обеспечить. — *Е. 3.*] — отдай малютку Евстохии... Если прилетишь Павлу, даю торжественное обещание, что сам буду лично и учителем ее, и воспитателем» (*Jer.* Ep. 127).

Итак, в рамках семьи Цейониев Руфиев сочетались христианские и языческие идеалы, порождавшие дуализм в воспитательных практиках. Тем не менее, в этой семье конфликта в традициях воспитания не наблюдалось³⁵, так что, внука понтифика Публия Цей-

³⁵ Помимо Цейониев Руфиев, многие другие сенаторские семьи IV–V вв. в религиозном отношении оставались смешанными, и их представители мирно уживались между собой.

ония Цецины Альбина «в присутствии обрадованного деда, еще лепечущим языком малютки» пела «аллилуйя» (*Jer. Ep. 107*).

Иероним Стридонский наполнил позднеримский языческий канон воспитания новым содержанием в соответствии с христианскими традициями. Сохранив требования следовать нравственным добродетелям, соблюдать религиозность и приобщаться к литературным занятиям, он, тем не менее, требовал от своих адресатов соблюдать ряд ограничений.

Иероним полностью исключал развлечения из форм христианского отдыха. Единственными разрешенными видами досуга были молитва и чтение. Наставником запрещалась музыка, хотя прежде сенатор-язычник, даже следовавший модели *verecundus*, во время пиров традиционно наслаждался игрой музыкантов.

Аристократам следовало прививать даже не умеренность, а аскетизм. Особое внимание уделялось внешнему виду знатных христиан, которые должны были отказаться от украшений, нарядной одежды, макияжа. Иероним поощрял труд, а не пассивное времяпрепровождение, даже если это позволяло семейное благосостояние.

Изменился и перечень книг, рекомендованных христианину для прочтения. Сам Иероним, получивший образование, в том числе и классическое, рекомендовал своим ученикам читать исключительно душеспасительную литературу. Кроме того, христианам, по мнению Иеронима, не следует увлекаться риторикой, по крайней мере, богослов советует своим адресатам дискутировать в письмах, а не словесно.

Иероним полагал, что нужно ограничить участие женщин, особенно христианских дев, в общественной жизни города. Следовательно, воспитание в рамках христианской модели, по мнению наставника, не должно предполагать для женщин большей свободы, по сравнению с языческой практикой³⁶. Слушательницы Иеронима

³⁶ Заветы наставника зачастую не соблюдались. Аристократки, принявшие христианство, часто получали больше возможностей для благотворительности и другой общественной деятельности, нежели женщины, придерживавшиеся язычества. Подробнее см.: *Ведешкин* (2018). С. 109-111. К тому же, написание Иеронимом все новых и новых писем с настойчивы-

могли лишь более регулярно приобщаться к литературным изысканиям, нежели это было до принятия христианства³⁷.

С другой стороны, у Иеронима и других христианских менторов, несмотря на требования соблюдать умеренность и даже аскетизм в быту, отсутствуют прямые выпады против богатства. Владение собственностью и финансовыми средствами Иероним не осуждал, особенно в том случае, если оно могло перейти в распоряжение Церкви. Христианские общины испытывали нужду в богатых покровителях, которых Церковь различными способами пыталась привлечь на свою сторону. Так, Дж. Харрис приводит случай, произошедший с Паулином Ноланским. Этот аристократ, владевший значительными финансовыми средствами, был без его согласия возведен в сан епископа в Барселоне в 394 г. Затем ему пришлось бежать в Нолу³⁸. Не выдвигал Иероним сенаторам-христианам и прямых требований оставить карьеру. Его осуждение карьерных устремлений относится лишь к представителям семей явно языческих. Стремление Токсоция, мужа христианки Павлы, пройти *cursus honorum* не повлекло за собой слишком осуждающих отзывов со стороны богослова.

Иероним благосклонно относился к роду Цейониев Руфиев, и поэтому желал сгладить семейные неурядицы, возникавшие из-за

ми советами по воспитанию невольно наводит на мысль, что они выполняли не только воспитательную функцию. Регулярным обменом подобными посланиями Иероним стремился «завоевать аудиторию» для своей «христианской программы», опередив Пелагия, который также в свою очередь сочинил ряд обращений аристократам, в частности, наиболее известное из них — «*Ad Demetrium*». Пелагий не надеялся на исполнение воспитательных заветов, а лишь пытался привлечь внимание к своей доктрине. Подробнее об «*Epistula ad Demetrium*» Пелагия, письме (*Epistula* 130) Иеронима к той же Деметрии и в целом о подобных письмах как выражении борьбы между христианскими идеологами за «аудиторию» см.: Kurdock (2007). P. 190-224.

³⁷ Противоположную точку зрения см.: Ruggini (1989). P. 263. Л. Руджини утверждает, что женщины стремились к свободе, которую им давало христианство, мужчины же требовали обратиться к нравам предков и возобновить обычай *lanificium* («прядение шерсти»).

³⁸ Harries (2003). P. 126.

столкновения языческих и христианских воспитательных моделей. Однако идеал сенатора, принятый в полностью языческой семье Веттия Агория Претекстата, по основным положениям не вступает в конфликт с требованиями Иеронима³⁹. Лояльные римские аристократы-язычники смогли бы совместить ценности, присущие адептам язычества и христианства. Однако последователи христианства, видя неприязнь к язычникам со стороны наставников, к тому же поддерживаемую государством, с течением времени могли отходить от мирного сожительства в рамках одной семьи, дабы не размывать религиозную идентичность и не искушать детей следовать за членами *gentes*, не принявшими христианскую веру.

В senatorской семье Цейониев Руфиев сохранилась старая воспитательная парадигма, лишь отчасти дополненная новыми требованиями христианского аскетизма и постоянного приобщения как умственной, так и физической деятельности. Очевидно, такая сохранность была вызвана во многом тем, что сами проповедники, создававшие христианский идеал аристократа, были воспитаны в языческой традиции. С их точки зрения, различные воспитательные установки могли быть безболезненно совмещены в рамках одной семьи.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Amm.* — Аммиан Марцеллин. Римская история. / Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни под ред. Л. Ю. Лукомского. СПб.: Алетейя, 2000.
- Aug.* — *Augustine*. Epistulae // CSEL 34.1. Pragae; Vindobonae; Lipsiae, 1895. P. 37–39.
- CIL VI* — *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol. VI Inscriptiones urbis Romae Latinae. / Collegerunt G. Henzen, I. B. De Rossi, E. Bormann, Chr. Huelsen, M. Bang. Berolini, 1876–2000.
- Jer.* — Иероним Стридонский. Письма. // Творения Блаженного Иеронима Стридонского. Часть 2. 2-е изд-е. Киев: Типография И.И. Чоколова,

³⁹ Веттий Агорий Претекстат восхваляется в эпитафии за свои добродетели, религиозность, литературные занятия, надлежащее исполнение *cursus honorum* (не в качестве самоцели, а для помощи близким).

1894. — 432 с.; Часть 3. Киев: Типография аренд. Е.Т. Керер, 1880. — 412 с.
- Macr. Sat.* — *Макробий Феодосий*. Сатурналии. / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича. / Общ. ред., составление, вступит. статья М.С. Петровой. / Примечания и указатели М.С. Петровой, В.Т. Звиревича. / Приложения М.С. Петровой. — М.: Кругъ, 2013.
- Rut. Nat.* — *Рутилий Намациан*. Возвращение на родину // Поздняя латинская поэзия / Пер. с лат., сост. и вступ. Статья М.Л. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1982.
- Sid. Apol.* — *Сидоний Аполлинарий*. Письма // История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.) / Сост. М.М. Стасюлевич. 3-е изд-е. СПб: Полигон; М.: АСТ, 2001.
- V. Mel. Lat.* — *Vita Sanctae Melaniae Junioris* // *Analecta Bollandiana*, 8. 1889. P. 16–63.
- Браун* (2017). — *Браун П.* Поздняя античность // История частной жизни / Под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия / Под ред. П. Вейна. М., 2017. С. 269–354.
- Ведешкин* (2018). — *Ведешкин М.А.* Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.). СПб., 2018. — 358 с.
- Кнабе* (1988). — *Кнабе Г.С.* Категория престижности в жизни Древнего Рима // Быт и история в античности. М., 1988. С. 143–169.
- Литовченко* (2007). — *Литовченко Е.В.* К образу Аполлинария Сидония. Человек поздней античности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 3. (2007). С. 30–38.
- Литовченко* (2012). — *Литовченко Е.В.* Письма Сидония и жизнь позднеантичного общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 7. (2012). С. 69–73.
- Петрова* (2013). — *Петрова М.С.* Макробий Феодосий и его «Сатурналии» // Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича / Общ. ред., составл., вступит. ст. М.С. Петровой / Примеч. и указ. В.Т. Звиревича и М.С. Петровой / Приложения М.С. Петровой. М., 2013. — 810 с.
- Уколова* (1989). — *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V — начало VII века). М., 1989. — 320 с.
- Уколова* (1983). — *Уколова В.И.* Культура Остготской Италии // Средние века. Вып. 46. (1983). С. 5–26.

- Уколова (1992). — Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. — 157 с.
- Уколова (1992). — Уколова В.И. «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. № 1. (1992). С. 104-118.
- Фокин (2010). — Фокин А.Р. Античная метафизика и христианская теология в трактатах Мариа Викторина // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (исследования и переводы) / Под ред. М.С. Петровой. М., 2010. С. 69-106.
- Шкаренков (2004). — Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. — 270 с.
- Шкаренков (2005). — Шкаренков П.П. Translatio imperii: Флавий Кассиодор и римская традиция в Остготской Италии // Новый исторический вестник. 2005. № 1. С. 5-22.
- Arnheim (1972). — Arnheim M.T.W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. — 246 p.
- Barnes (1975). — Barnes T.D. Two senators under Constantine // The Journal of Roman Studies. Vol. 65. (1975). P. 40-49.
- Brown (1961). — Brown P. Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // The Journal of the Roman Studies. Vol. 51. (1961). P. 1-11.
- Brown (1988). — Brown P. The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. New York, 1988. — 504 p.
- Cameron (1964). — Cameron A. The Roman friends of Ammianus // The Journal of Roman Studies. Vol. 54. Pt. 1, 2. (1964). P. 15-28.
- Clark (1993). — Clark G. Women in Late Antiquity. Pagan and Christian Life-Styles. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 94-118.
- Chastagnol (1966). — Chastagnol A. Le Sénat Romain Sous le Règne d'Odoacre: Recherches sur l'Épigraphie du Colisée au Ve Siècle. Bonn, 1966. — 108 p.
- Greschat (2018). — Greschat K. «Early Impressions are Hard to Eradicate from the Mind». The Lasting Influence of Domestic Education in Western Late Antiquity // Teachers in Late Antique Christianity / Ed. by P. Gemeinhardt, O. Lorgeoux, M. Munkholt Christensen. P. 165-185.
- Harries (2003). — Harries J. Favor Populi: Pagans, Christians and Public Entertainment in Late Antique Italy // Bread and Circuses: Euergetism and Municipal Patronage in Roman Italy. / Ed. by K. Lomas, T. Cornell. London; New York, 2003. P. 125-141.

- Hillner* (2003). — *Hillner J.* Domus, Family, and Inheritance: the Senatorial Family House in Late Antique Rome // *The Journal of Roman Studies*. Vol. 93. (2003). P. 129-145.
- Jones* (1971). — *Jones A., Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395. Cambridge, 1971. — 1152 p.
- Kurdock* (2007). — *Kurdock A.* Demetrias ancilla dei: Anicia Demetrias and the Problem of the Missing Patron // *Religion, Dynasty, and Patronage in Early Christian Rome, 300–900* / Ed. by K. Cooper, J. Hillner. Cambridge, 2007. P. 190-224.
- Mennen* (2011). — *Mennen I.* Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284. Leiden; Boston, 2011. — 306 p.
- Nathan* (1997). — *Nathan G.S.* The Family in Late Antiquity. The Rise of Christianity and the Endurance of Tradition. Routledge; London; New York, 1997. — 271 p.
- Okoń* (2017). — *Okoń D.* Album senatorum. Vol. II. Senatorowie epoki Sewerów (193–235 AD). Studium prozopograficzne. Szczecin, 2017. — 398 p.
- Ruggini* (1989). — *Ruggini L.C.* La Donna e il Sacro, Tra Paganesimo e Cristianesimo // *Atti del II Convegno Nazionale di Studi su la Donna nel Mondo Antico*. Torino 18–20 aprile 1988. Torino. (1989). P. 243-275.
- Ruggini* (2003). — *Ruggini L.C.* Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography // *Classical Philology*. 2003. Vol. 98, № 4. (2003). P. 366-382.
- Salzman* (1989). — *Salzman M.* Aristocratic Women: Conductors of Christianity in the Fourth Century // *Helios*. Vol. 16. (1989). P. 207-220.
- Sbriglione* (2010). — *Sbriglione L.* La «Gens» Caeionia: Étude Prosopographique et Réflexions sur la Conversion d'Une Famille Aristocratique // *Ancient Society*. 2010. Vol. 40. P. 153-196.
- Seeck* (1899). — *Seeck O.G.* Ceionius Rufius Volusianus // *Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*. Bd III, Hbd 6. Stuttgart, 1899. S. 1829-1830.
- Tanaseanu-Döbler* (2012). — *Tanaseanu-Döbler I.* Education in Late Antique Paganism // *Religious Education in the Pre-Modern Europe* / Ed. by I. Tanaseanu-Döbler, M. Döbler. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 97-146.
- Vuolanto* (2015). — *Vuolanto V.* Children and Asceticism in Late Antiquity Continuity, Family Dynamics and the Rise of Christianity. Farnham/Burlington: Ashgate, 2015.

Whiting (2011–2012). — *Whiting M.* Asceticism and Hospitality as Patronage in the Late Antique Holy Land: the Examples of Paula and Melania the Elder // *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte*. 2011–2012. № 60/61, P. 73–83.

Evgeniya S. ZAITSEVA

EDUCATION IN THE LATE ROMAN SENATORIAL FAMILY

THE CLASSICAL CANON AND THE CHRISTIAN IDEAL

This article examines the models of education adopted by pagans and Christians on the example of the senatorial family of Ceionii Rufii. The author comes to the conclusions that educational practices did not contradict each other coexisting within the same family. Late roman pagan educational paradigm (noble origin, religiosity, moral virtues, education and going up of *cursus honorum*) retained their significance. Christian intellectuals only supplemented it with new demands, such as the need for asceticism in everyday life and constant involvement in both mental and physical activities. In addition the corpus of educational literature for Christians has changed. Classical pagan authors have replaced the works of Christian apologists and canonical literature. Senators did not always follow this educational ideal. Sometimes they continued to pursue a secular career, translate and comment on the pagan authors of the beginning of the empire. This situation was possible, since many preachers themselves were brought up in the pagan tradition. For the same reason, Christian and pagan ideals of education coexisted for some time within the same family. Gradually, however, the pagan ideals of education were dissolved in the growing Christian tradition.

REFERENCES

- Amm.* — *Ammian Martsellin*. Rimskaya istoriya. / Per. Yu. A. Kulakovskogo i A.I. Sonni pod red. L. Yu. Lukomskogo. SPb.: Aletyya, 2000.
- Aug.* — *Augustine*. Epistulae // CSEL 34.1. Pragae; Vindobonae; Lipsiae, 1895. P. 37–39.
- CIL VI* — *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol. VI Inscriptiones urbis Romae Latinae. / Collegerunt G. Henzen, I. B. De Rossi, E. Bormann, Chr. Huelsen, M. Bang. Berolini, 1876–2000.

- Jer.* — *Ieronim Stridonskiy*. Pis'ma. // Tvoreniya Blazhennogo Ieronima Stridonskogo. Chast' 2. 2-e izd-e. Kiev: Tipografiya I.I. Chokolova, 1894. — 432 s.; Chast' 3. Kiev: Tipografiya arend. E.T. Kerer, 1880. — 412 s.
- Macr. Sat.* — *Makrobiy Feodosiy*. Saturnalii. / Per. s lat. i drevnegrech. V.T. Zvirevicha. / Obshch. red., sostavlenie, vstupit. stat'ya M.S. Petrovoy. / Primechaniya i ukazateli M.S. Petrovoy, V.T. Zvirevicha. / Prilozheniya M.S. Petrovoy. — M.: Krug", 2013.
- Rut. Nam.* — *Rutiliy Namatsian*. Vozvrashchenie na rodinu // Pozdnyaya latinskaya poeziya / Per. s lat., sost. i vstup. Stat'ya M.L. Gasparova. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1982.
- Sid. Apol.* — *Sidoniy Apollinariy*. Pis'ma // Istoriya Srednikh vekov: ot padeniya Zapadnoy Rimskoy imperii do Karla Velikogo (476–768 gg.) / Sost. M.M. Stasyulevich. 3-e izd-e. SPb: Poligon; M.: AST, 2001.
- V. Mel. Lat.* — *Vita Sanctae Melaniae Junioris* // Analecta Bollandiana, 8. 1889. P. 16–63.
- Braun* (2017). — *Braun P.* Pozdnyaya antichnost' // Istoriya chastnoy zhizni / Pod red. F. Ar'yesa, Zh. Dyubi. T. 1: Ot Rimskoy imperii do nachala vtorogo tysyacheletiya / Pod red. P. Veyna. M., 2017. S. 269–354.
- Vedeshkin* (2018). — *Vedeshkin M.A.* Yazycheskaya oppozitsiya hristianizatsii Rimskoy imperii (IV–VI vv.). SPb., 2018. — 358 s.
- Knabe* (1988). — *Knabe G.S.* Kategoriya prestizhnosti v zhizni Drevnego Rima // Byt i istoriya v antichnosti. M., 1988. S. 143–169.
- Litovchenko* (2007). — *Litovchenko E.V.* K obrazu Apollinariya Sidoniya. Chelovek pozdney antichnosti // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. № 3. (2007). S. 30–38.
- Litovchenko* (2012). — *Litovchenko E.V.* Pis'ma Sidoniya i zhizn' pozdneantichnogo obshchestva // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. № 7. (2012). S. 69–73.
- Petrova* (2013). — *Petrova M.S.* Makrobiy Feodosiy i ego «Saturnalii» // Makrobiy Feodosiy. Saturnalii / Per. s lat. i drevnegrech. V.T. Zvirevicha / Obshch. red., sostavl., vstupit. st. M.S. Petrovoy / Primech. i ukaz. V.T. Zvirevicha i M.S. Petrovoy / Prilozheniya M.S. Petrovoy. M., 2013. — 810 s.
- Ukolova* (1989). — *Ukolova V.I.* Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ya (konets V — nachalo VII veka). M., 1989. — 320 s.
- Ukolova* (1983). — *Ukolova V.I.* Kul'tura Ostgotskoy Italii // Srednie veka. Vyp. 46. (1983). S. 5–26.

- Ukolova* (1992). — *Ukolova V.I.* Pozdnyy Rim: pyat' portretov. M., 1992. — 157 s.
- Ukolova* (1992). — *Ukolova V.I.* «Poslednie rimlyane» i paradigmy srednevekovoy kul'tury // VDI. № 1. (1992). S. 104-118.
- Fokin* (2010). — *Fokin A.R.* Antichnaya metafizika i khristianskaya teologiya v traktatakh Mariya Viktorina // Intellektual'nye traditsii antichnosti i srednikh vekov (issledovaniya i perevody) / Pod red. M.S. Petrovoy. M., 2010. S. 69-106.
- Shkarenkov* (2004). — *Shkarenkov P.P.* Rimskaya traditsiya v varvarskom mire. Flaviy Kassiodor i ego epokha. M., 2004. — 270 s.
- Shkarenkov* (2005). — *Shkarenkov P.P.* Translatio imperii: Flaviy Kassiodor i rimskaya traditsiya v Ostgotskoy Italii // Novyy istoricheskiy vestnik. 2005. № 1. S. 5–22.
- Arnheim* (1972). — *Arnheim M.T.W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. — 246 p.
- Barnes* (1975). — *Barnes T.D.* Two senators under Constantine // The Journal of Roman Studies. Vol. 65. (1975). P. 40-49.
- Brown* (1961). — *Brown P.* Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // The Journal of the Roman Studies. Vol. 51. (1961). P. 1-11.
- Brown* (1988). — *Brown P.* The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. New York, 1988. — 504 p.
- Cameron* (1964). — *Cameron A.* The Roman friends of Ammianus // The Journal of Roman Studies. Vol. 54. Pt. 1, 2. (1964). P. 15-28.
- Clark* (1993). — *Clark G.* Women in Late Antiquity. Pagan and Christian Life-Styles. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 94-118.
- Chastagnol* (1966). — *Chastagnol A.* Le Sénat Romain Sous le Règne d'Odoacre: Recherches sur l'Épigraphie du Colisée au Ve Siècle. Bonn, 1966. — 108 p.
- Greschat* (2018). — *Greschat K.* «Early Impressions are Hard to Eradicate from the Mind». The Lasting Influence of Domestic Education in Western Late Antiquity // Teachers in Late Antique Christianity / Ed. by P. Gemeinhardt, O. Lorgeoux, M. Munkholt Christensen. P. 165-185.
- Harries* (2003). — *Harries J.* Favor Populi: Pagans, Christians and Public Entertainment in Late Antique Italy // Bread and Circuses: Euergetism and Municipal Patronage in Roman Italy. / Ed. by K. Lomas, T. Cornell. London; New York, 2003. P. 125–141.
- Hillner* (2003). — *Hillner J.* Domus, Family, and Inheritance: the Senatorial Family House in Late Antique Rome // The Journal of Roman Studies. Vol. 93. (2003). P. 129-145.

- Jones* (1971). — *Jones A., Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395. Cambridge, 1971. — 1152 p.
- Kurdock* (2007). — *Kurdock A.* Demetrias ancilla dei: Anicia Demetrias and the Problem of the Missing Patron // Religion, Dynasty, and Patronage in Early Christian Rome, 300–900 / Ed. by K. Cooper, J. Hillner. Cambridge, 2007. P. 190–224.
- Mennen* (2011). — *Mennen I.* Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284. Leiden; Boston, 2011. — 306 p.
- Nathan* (1997). — *Nathan G.S.* The Family in Late Antiquity. The Rise of Christianity and the Endurance of Tradition. Routledge; London; New York, 1997. — 271 p.
- Okoń* (2017). — *Okoń D.* Album senatorum. Vol. II. Senatorowie epoki Sewerów (193–235 AD). Studium prozopograficzne. Szczecin, 2017. — 398 p.
- Ruggini* (1989). — *Ruggini L.C.* La Donna e il Sacro, Tra Paganesimo e Christianesimo // Atti del II Convegno Nazionale di Studi su la Donna nel Mondo Antico. Torino 18–20 aprile 1988. Torino. (1989). P. 243–275.
- Ruggini* (2003). — *Ruggini L.C.* Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography // Classical Philology. 2003. Vol. 98, № 4. (2003). P. 366–382.
- Salzman* (1989). — *Salzman M.* Aristocratic Women: Conductors of Christianity in the Fourth Century // Helios. Vol. 16. (1989). P. 207–220.
- Sbriglione* (2010). — *Sbriglione L.* La «Gens» Caeionia: Étude Prosopographique et Réflexions sur la Convesion d'Une Famille Aristocratique // Ancient Society. 2010. Vol. 40. P. 153–196.
- Seeck* (1899). — *Seeck O.G.* Ceionius Rufius Volusianus // Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Bd III, Hbd 6. Stuttgart, 1899. S. 1829–1830.
- Tanaseanu-Döbler* (2012). — *Tanaseanu-Döbler I.* Education in Late Antique Paganism // Religious Education in the Pre-Modern Europe / Ed. by I. Tanaseanu-Döbler, M. Döbler. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 97–146.
- Vuolanto* (2015). — *Vuolanto V.* Children and Asceticism in Late Antiquity Continuity, Family Dynamics and the Rise of Christianity. Farnham/Burlington: Ashgate, 2015.
- Whiting* (2011–2012). — *Whiting M.* Asceticism and Hospitality as Patronage in the Late Antique Holy Land: the Examples of Paula and Melania the Elder // Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte. 2011–2012. № 60/61, P. 73–83.

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СОГЛАСНО ПЛАТОНУ И ПЛОТИНУ*

Н.П. ВОЛКОВА

Цель статьи показать, какими были основные, восходящие к Платону, принципы философского образования и как они были реализованы Платином спустя шесть столетий. Показано, что основные вопросы образования в платонизме и ответы на них предложил еще сам Платон. Создав Академию, он пытался претворить в жизнь свои представления о том, каким должно быть философское образование. Достоверных сведений о том, как было устроено обучение в Академии, не сохранилось. Но на основании диалогов Платона «Пир», «Государство», «Теэтет» и других возможно показать, каким был образовательный идеал философа, как он соотносился со стремлением «уподобления богу». Отмечено, что платоническое философское образование имело в своей основе неразрешимую апорию, сводящуюся к тому, что, с одной стороны, философии научить нельзя, а с другой, нельзя философствовать не обучая. Таким образом, согласно Платону, философия оказывалась неразрывно связанной с педагогикой. Эта апория стимулировала то необходимое напряжение мысли, которое сделало философское образование столь продуктивным. Кроме того, платоническое философское образование являло собой единство философских (истинное знание), педагогических (воспитание души) и религиозных (спасение) целей, что придавало этой системе уникальную устойчивость. Плотин, о котором Августин сказал, что в нем Платон ожил вновь, возродил и платоническую философию (интерпретировав ее по-новому), и платоническое философское образование (собрав вокруг себя слушателей и учеников). Целью такого образования все еще оставалось

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта (№ 19-013-00004) «Эволюция пространства образования и пространства знания в Поздней Античности».

Гипотеза
2019. Вып. 3. С. 200-222
УДК 37.01

Гипотеза
2019. Issue 3. P. 200-222
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-200-222](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-200-222)

«уподобление богу», или, говоря словами Плотина, единство с Единым. Особое внимание в статье уделено сравнению пути восхождения от чувственного к умопостигаемому миру у Платона и Плотина в контексте вопроса о философском образовании. На основании сравнительного анализа текстов Платона и Плотина демонстрируется, что Плотин воспроизводит почти все структурные компоненты, которые, согласно Платону, должны были иметь философское образование.

В платонизме проблема философского образования как индивидуального, так и представленного в виде образовательного института, возникла незамедлительно. Основные вопросы образования и ответы на них предложил сам Платон. Его вклад в развитие и преобразование греческой пайдеи был огромен. Этот факт отмечали многие исследователи, например, филолог-классик Вернер Йегер и французский историк Анри-Ирене Марру. Фундаментальный труд Вернера Йегера «Пайдейя. Воспитание античного грека¹» («Paideia; die Formung des griechischen Menschen») в трех томах (1933–1947) всесторонне рассматривает образовательную доктрину Платона в контексте его эпохи. Основная установка автора в трактовке деятельности Платона состоит в том, что главным для Платона было не построение умозрительной системы, «теории идей», как полагали ранее, а «создание более совершенного человека»². Таким образом, во главу угла Йегер ставит проблему воспитания и совершенствования человека. Он видит основное новаторство Платона в том, что тот делает философское образование высшей ступенью образовательного процесса: «Место учения Платона в греческой пайдейе определяется тем, что высшей ступенью образования Платон считал философию»³. Марру в работе 1948 года «История воспитания в Античности»⁴ («Histoire de l'éducation dans l'Antiquité») указывает на то, что историческое значение платоновской педагогики выходит

¹ Заглавие труда Йегера приводится в русском переводе М.Н. Ботвинника.

² Йегер (1997). С. 107. Здесь и далее текст Йегера цитируется в русском переводе М.Н. Ботвинника.

³ Йегер (1997). С. 107.

⁴ Заглавие дано в переводе А.И. Любжина.

далеко за рамки политических целей, поскольку «в противовес прагматизму софистов, озабоченных исключительно мгновенным успехом, Платон строит свою систему образования на основополагающем понятии истины, на достижении истины путем рационального познания»⁵. Исследование педагогической системы Платона и ее связь с развитием педагогических теорий от Античности до наших дней продолжилось в 70-е годы в англоязычной литературе⁶. В том числе ставился вопрос о применимости образовательной системы Платона в настоящее время (Barrow). В России о Платоне как создателе педагогической системы писали Ю.А. Шичалин⁷, Б.М. Бим-Бад⁸, Г.В. Корнетов⁹, В.К. Пичугина¹⁰.

Если о связи философии Платона с его образовательной доктриной написано достаточно, причем речь идет о фундаментальных исследованиях, то, рассуждая о Плотине, исследователи редко поднимали проблему образования. Это связано с тем, что, во-первых, кружок Плотина, который он возглавлял, не имел четкого институционального устройства; во-вторых, не был создан канон обучения (основные принципы неоплатонического образования были разработаны позже учеником Порфирия Ямвлихом); в-третьих, Плотин преподавал в Риме, а не в таких интеллектуальных центрах империи, как Александрия или Афины, и, в-четвертых, кружок распался еще при жизни Плотина в 269 году. Тем не менее, Плотин возродил не только платоническую философию, придав ей новую интерпретацию, но и платоническое философское образование, собрав вокруг себя слушателей и учеников. Согласно Ю.А. Шичалину, Плотин вновь открыл «бытийную основу» платонического образования. Далее особое внимание будет уделено сравнению пути восхождения от чувственного к умопостигаемому, как его видели Платон и Плотин в контексте вопроса о философском образовании.

⁵ Марру (1998). С. 100. Здесь и далее текст Марру цитируется в переводе А.И. Любжина.

⁶ Barrow (1975), Chambliss (1971), Cooney, Cross, Trunk (1993).

⁷ Шичалин (2000).

⁸ Бим-Бад (2019).

⁹ Корнетов (2015).

¹⁰ Пичугина (2014).

Апория философского образования

Философское образование, как его понимал Платон, имело в своем основании неразрешимую апорию. С одной стороны, философии научить нельзя, в «Апологии» об этом прямо заявляет Сократ. На суде, где в числе присутствующих сидят Платон и другие его ученики, Сократ утверждает, что он не только не взимал платы за обучение, но и вообще никогда никого не учил:

Да я не был никогда ничьим учителем, а если кто, молодой или старый, желал меня слушать и видеть, как я делаю свое дело, то я никому никогда не препятствовал. И не то, чтобы я, получая деньги, вел беседы, а не получая, не вел, но одинаково как богатому, так и бедному позволяю я меня спрашивать, а если кто хочет, то и отвечать мне и слушать то, что я говорю. И за то, хороши ли эти люди или дурны я, по справедливости, не могу отвечать, потому что никого из них никогда никакой науке я не учил и не обещал научить. Если же кто-нибудь утверждает, что он частным образом научился от меня чему-нибудь или слышал от меня что-нибудь, чего бы не слышали и все прочие, тот, будьте уверены, говорит неправду¹¹.

Сократ как философ утверждает, что никакой науке он никого не учил, не сообщал слушателям никаких знаний. Но тогда ради чего он вел свои бесконечные разговоры с афинянами, которые в итоге стоили ему жизни?

Сократ исповедует аристократический идеал образования, который унаследовал и Платон. Человек образовывается не ради получения какой-либо профессии, а ради развития собственной личности. Наивысшей ценностью обладает знание, но знание — это и не информация, которую один сообщает, а другой может принимать или не принимать к сведению, и не какой-то практический навык. Согласно Сократу-Платону, знание представляет собой состояние души, обращенной к истине, которая заключена внутри самого человека. Таким образом, знание в платонизме — это всегда самопознание, и оно неразрывно связано с добродетелью. Такое знание, разумеется, нельзя сообщить внешним образом. С другой стороны, достичь состояния знания невозможно в одиночку. Даже философу,

¹¹ Платон. Апология 33bc (Пер. М.С. Соловьева).

чтобы философствовать, нужен собеседник-ученик. Философ-платоник, идеалом которого является Сократ, в «Теэтете» определяет свою роль как помощника при родовспоможении, только рождается не младенец, а знание, и не у женщины, а у мужчины.

В моем повивальном искусстве почти все так же, как и у них, — отличие, пожалуй, лишь в том, что я принимаю у мужей, а не у жен и принимаю роды души, а не плоти. Самое же великое в нашем искусстве — то, что мы можем разными способами допытываться, рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод. К тому же и со мной получается то же, что с повитухами: сам я в мудрости уже неплоден, и за что меня многие порицали, — что-де я все выпрашиваю у других, а сам никаких ответов никогда не даю, потому что сам никакой мудрости не ведаю, — это правда. А причина вот в чем: бог понуждает меня принимать, роды же мне воспрещает¹².

Таким образом, оказывается, что не обладающий знанием-мудростью философ помогает ученику обнаружить в себе уже имеющееся знание. Поэтому, начиная с Платона, основателя первой философской школы как специального образовательного института, философия неразрывно связана с педагогикой. Именно эта апория создала то необходимое развитие педагогической мысли, которое сделало философское образование в платонизме столь продуктивным.

Цель философского поиска

Платон определил основную цель философии, а значит и философского образования, как стремление к мудрости и ее постижение¹³. В диалоге «Пир» философский поиск олицетворяет Эрот. Эроту, как полагает Платон, подобны все философы. Эрот является посредником между богами и людьми, но сам он не бог, а демон (δαίμόνιον). Задача демонов состоит в том, чтобы «быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам

¹² Платон. Теэтет 150 cd (Пер. Т.В. Васильевой).

¹³ Следующие рассуждения во многом представляет собой точку зрения Карла Альберта, изложенную им в книге «О понятии философии у Платона».

молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы» (202e)¹⁴. Эрот — переводчик (ἐρμηνεύς) и перевозчик (πορθμεύς). Он попеременно достигает то мира богов, обладающих истинным знанием, то мира людей, прозябающих в неведении. Философ-Эрот хотел бы навеки остаться в божественном, но человеческая мысль неспособна вместить всю полноту знания, поэтому он с неизбежностью возвращается обратно. Поэтому Эрот не может все время оставаться у цели, а «достигнутое всегда ускользает от него...» (203e). Он находится посередине, между мудростью и незнанием. Хотя Эрот достигает знания богов, он не может удержаться в нем, поэтому философское стремление к мудрости всякий раз должно начинаться заново.

Какова же цель философского стремления, как она сформулирована в «Пире»? Целью философского стремления является обладание благом. Что люди должны делать для того, чтобы достигнуть блага? Ответ на этот вопрос в «Пире» дает не Сократ, а Диотима, его наставница. Она говорит, что люди, идущие по пути философии, «должны родить в прекрасном» (206d). Согласно Платону, каждая душа по своей природе уже беременна истиной и не подвержена смерти. В «Государстве» истинную природу души Платон сравнивает с древним морским богом Главком. Он облеплен илом и ракушками, поэтому трудно распознать его божественную сущность. Диотима различает два рода беременности — телесную и духовную. Телесная беременность ведет к рождению потомства, а духовная — добродетели. Почему же нужно именно родить? «Да потому, что рождение — это та доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу» (207a). Обретя бессмертие, мы уподобляемся богам. Диотима называет три пути обретения бессмертия. Два из них известны широко: 1) производство потомства (это путь абсолютного большинства людей); 2) продолжение жизни в посмертной славе (это путь героев, правителей и законодателей). Однако существует и третий путь достижения бессмертия. Пусть временно и ненадолго, но бессмертие достигается в философском познании! Таким образом, философские штудии, согласно Платону, не только воспитывают человека в добродетели, но и дают ему бессмертие, то

¹⁴ Платон. Пир (здесь и далее пер. С.К. Апта).

есть спасение, которое состоит в пробуждении к своей собственной природе. Бессмертие делает человека равным богам, богоподобным.

Далее Платон указывает ступени, по которым восходит душа, переходя от телесного мира к духовному¹⁵. Этот переход совершается по ступеням прекрасного, начиная от прекрасного тела и заканчивая прекрасным самим-по-себе, то есть идеей прекрасного. О восхождении души подробно рассказывает Диотима:

1) Сначала нужно совершить переход от любви к какому-то одному телу к любви ко всем прекрасным телам.

Кто хочет избрать верный путь ко всему этому, должен начать с устремления к прекрасным телам в молодости. Если ему укажут верную дорогу, он полюбит сначала одно какое-то тело и родит в нем прекрасные мысли, а потом поймет, что красота одного тела родственна красоте любого другого и что если стремиться к идее прекрасного, то нелепо думать, будто красота у всех тел не одна и та же. Поняв это, он станет любить все прекрасные тела, а к тому одному охладает, ибо сочтет такую чрезмерную любовь ничтожной и мелкой¹⁶.

Философ должен воспитывать многих юношей, а не одного. Кроме того, воспитывая юношу, важно удержаться от физической близости. Хотя такого рода отношения были широко распространены в афинском обществе того времени, Платон строго порицает физическую связь между учеником и учителем, о чем подробно рассуждает в «Федре» (256 cd).

2) Затем следует переход от любви к телесной красоте к любви к красоте душ и законов.

После этого он начнет ценить красоту души выше, чем красоту тела, и, если ему попадется человек хорошей души, но не такой уж цветущий, он будет вполне доволен, полюбит его и станет заботиться о нем, стараясь родить такие суждения, которые делают юношей лучше, благодаря чему невольно постигнет красоту нравов и обычаев и, увидев, что все это прекрасное родственно между собою, будет считать красоту тела чем-то ничтожным (210cd).

¹⁵ Подробный анализ восхождение души по ступеням прекрасного см.: *Corrigan, Glazov-Corrigan* (2004), *Cooksey* (2010), *Berg* (2010).

¹⁶ *Платон*. Пир. 210bc.

Полюбив в другом человеке не тело, а душу, то есть определенный склад характера, *ἥθος*, можно с легкостью перейти к любви к нравам и устоям общества в целом.

3) От любви к законам и нравам нужно перейти к любви к различным наукам.

От нравов он должен перейти к наукам, чтобы увидеть красоту наук и, стремясь к красоте уже во всем ее многообразии, не быть больше ничтожным и жалким рабом чьей-либо привлекательности, плененным красотой одного какого-то мальчишки, человека или характера, а повернуть к открытому морю красоты и, созерцая его в неуклонном стремлении к мудрости, обильно рождать великолепные речи и мысли... (210de).

4) Затем от многообразия знаний нужно перейти к единому знанию:

...пока наконец, набравшись тут сил и усовершенствовавшись, он не узрит того единственного знания, которое касается прекрасного... (210e).

Об этом едином знании, которое является последней ступенью перед встречей с самими идеями, Платон подробно расскажет в «Государстве», назвав его диалектическим.

5) И наконец, последняя наивысшая ступень восхождения представляет собой самораскрытие прекрасного самого-по-себе.

Кто, наставляемый на пути любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе, то самое, Сократ, ради чего и были предприняты все предшествующие труды, — нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное... И тот, кто благодаря правильной любви к юношам поднялся над отдельными разновидностями прекрасного и начал постигать самое прекрасное, тот, пожалуй, почти у цели» (211 ab).

Итак, восхождение, описываемое в «Пире», завершается не наукой о прекрасном, а встречей с самим прекрасным, с идеей прекрасного. Пятичастная структура восхождения к прекрасному отражает, с одной стороны, то, каким образом Платон понимал путь философского образования, а с другой, то, каким образом душа отвращается от телесного мира и обращается к духовному. По мысли Платона, этот путь должен был быть оформлен как специальная образовательная структура.

Структура образовательного процесса

Как пишет А.-И. Марру, «Платон критически переосмысляет все то, что в его время определяло воспитание граждан»¹⁷. Структура образования в целом описана Платоном в «Государстве» и «Законах»¹⁸. Философские занятия представляют собой цель и венеч всего обучения, но они предназначены не для всех людей, а только для обладающих определенной душевной организацией. Кого воспитывают в «Государстве» Платона? Только стражей. Кажущиеся экстравагантными новшества Платона в отношении жизни и быта стражей во многом объясняются необходимостью отбирать достойных и определенным образом готовить их к дальнейшему обучению. Сначала стражи должны были получить обширную предварительную подготовку — *προπαιδεία*. «Подготовительное обучение, *προπαιδεία*, не претендует на то, чтобы давать подлинное знание. Оно лишь создает возможность для человека когда-нибудь достичь такого знания благодаря гармоническому развитию души и тела; одновременно оно заранее направляет к этому достижению, создает предрасположение к нему, прививая полезные привычки»¹⁹. Программа предварительного обучения не носит у Платона новаторского характера, поскольку, как говорит Сократ, «трудно придумать что-нибудь лучше того (начального образования. — Н. В.), которое было принято у наших предков: гимнастика для тела и «музыка» для души...»²⁰. Однако отсутствие новаторства в этой сфере представляется существенно важным: именно принятие традиционных

¹⁷ Йегер (1997). С. 107.

¹⁸ Йегер рассматривает эти тексты как вершину платоновской мысли.

¹⁹ Марру (1998). С. 105.

²⁰ Платон. Государство II, 376с (Пер. А.Н. Егунова).

установок обеспечило преемственность развития греческой пайдеи. «То, что Платон положил в основание своей педагогической системы традиционное греческое образование, имело огромное значение для развития классической традиции, способствуя ее непрерывности и однородности... философская школа, таким образом, не только не порывала с прежней системой воспитания, но представляла его продолжением и обогащением»²¹.

Как уже было отмечено выше, новаторским является представление Платона об образовании (пайдеи) в собственном смысле. Суть образования состоит не в том, чтобы вложить в душу какие-то знания, а обратить ее в правильную сторону, поскольку всё знание, согласно Платону, уже содержится в душе. Наилучшим инструментом для такого обращения Платон считал математику. Об этом он подробно рассказывает в VII книге «Государства» (524b и далее). Важно отметить, что математика присутствовала на всех этапах обучения, начиная с простейшего счета, который, как шутит Платон, необходим даже таким полководцам, как Агамемнон. Переходя затем к так называемой логистике (λογιστική), различным вычислениям, в том числе заимствованным из повседневной жизни, математическое образование завершалось решением теоретических задач. Математика используется Платоном как наиболее совершенное орудие для обращения души к себе. Математика представлена в «Государстве» как пифагорейский квадравиум: арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Математические науки обращают душу от материальных объектов к идеальным, готовя ее тем самым к переходу к первой и единственной науке, которая в «Государстве» названа диалектической. Отличие математики от диалектики состоит в том, что математика, как и любое теоретическое знание, идет от посылок к следствиям и пользуется образами (геометры, например, рисуют чертежи). Когда же душа откажется от всяких телесных образов и обратится от следствий к изучению причин, вот тогда она переходит к единому знанию — диалектическому. Диалектическое знание дает возможность душе изучать беспредпосылочное, то есть не гипотетическое, начало, иными словами, дает инструмент познания самих идей. Диалектический метод будет подробно рассмотрен

²¹ *Марру* (1998). С. 106.

Платоном во второй части «Парменида». Но нужно помнить, что даже диалектическая наука отличается от созерцания идеи самой-по-себе, она только готовит душу к этому созерцанию.

Конечно, у Платона в структуре образования есть место и для грамматики, то есть для обучения чтению и письму. Однако осталось неясным, какие именно тексты должны были в идеале изучать стражи, потому что тексты Гомера и Гесиода, на которых воспитывались все греки, Платон осуждает за ложное представление о богах. Возможно, на их месте должны были оказаться его диалоги и диалоги, написанные его учениками.

Итак, в школе Платона мы видим изначальное единство задач образования (обучения, воспитания и совершенствования человека), философии (диалектики, рождение истинного знания) и религии (спасение индивидуальной души). Создав Академию, Платон хотел претворить в жизнь свои представления о том, каким должно быть философское образование. Неизвестно, как было устроено преподавание в Академии, поскольку у нас не осталось свидетельств того времени. Все, что мы имеем, это несколько поздних свидетельств: отрывок из комедиографа Эпикрата о диэретическом анализе тыквы, предпринятом учениками Платона, пересказанный Афинеем (170–223 гг.) в «Пире мудрецов»; рассказ Элиана (170–222 гг.) о взаимоотношениях Платона с Аристотелем; краткое описание устройства Академии, принадлежащее Диогену Лартскому (II–III в.) и несколько свидетельств о «лекции о благе», прочитанной Платоном для широкой публики²². Однако из диалогов Платона можно с уверенностью реконструировать образовательный идеал философа. Если привести все его педагогические задачи к общему знаменателю, то единая формула философского образования будет звучать так: «Нужно уподобиться богу, насколько это возможно». Более прочного фундамента образования нельзя себе представить. Те же принципы философского образования мы можем наблюдать в кружке Плотина, что опять-таки подтверждает удивительную устойчивость платонического образования.

²² См. подробнее: *Cherniss* (1980).

***Открытие «бытийной основы школьной учености»²³
в неоплатонизме***

Среди философов Поздней Античности Плотина отличает исключительная глубина, тонкость, оригинальность и сила мысли. Ценность его мысли была признана ведущим ритором того времени Дионисием Кассием Лонгином. Спустя столетие Августин называл Плотина возродившимся Платоном, а Евнапий свидетельствовал о почитании Плотина среди платоников. Прокл посвятил отдельный комментарий работам Плотина, тем самым показав свое отношение к Плотину как высочайшему авторитету в философии. И в то же время Плотин как бы стоит в стороне. Доменик О'Мара даже называет его аутсайдером и вот по каким причинам. Плотин преподавал в Риме, а не в Афинах или Александрии, где проводились основные философские исследования того времени. Его кружок распался еще до его смерти, а школьные традиции преподавания платонизма, сложившиеся позднее в Афинах и Александрии, имели другие корни. Несмотря на то, что работа Плотина велась вне крупных образовательных институтов Поздней Античности, она обеспечила платоническую философию фундаментальными идеями, без которых позднеантичный платонизм не был бы возможен²⁴. Ю.А. Шичалин пишет о значении трудов Плотина следующее: «Опыт Плотина оказался тем более необходим для расцвета позднеантичного платонизма, что для Плотина и через него обнаружилась и была опознана как таковая бытийная основа школьной учености, всерьез усомниться в которой все более заставляло набравшее силу христианство...»²⁵.

Трансформация учения Платона

Современные исследователи называют Плотина основателем нового этапа развития платонизма, а именно неоплатонизма. Плотин значительно трансформирует учение Платона. Вместо двухчастного деления на мир идей и мир вещей, связующим элементом которых является душа, Плотин предлагает трехчастное, или даже

²³ Так называется глава, посвященная Плотину, в книге Ю.А. Шичалина «История платонизма в институциональном аспекте». Лучшей формулировки нельзя придумать.

²⁴ О'Meara (2010) P. 301-302.

²⁵ Шичалин (2000). С. 265.

четырёхчастное деление: Единое-Ум-Душа и телесный мир. Единое мыслится Плотинем как трансцендентное начало, а ипостась Ума соединяет в себе мышление и умопостигаемые объекты, идеи.

Целью философии Плотин полагал освобождение от зла материального мира и возвращение к высшему Богу, Единому. Плотин, прежде всего, являет собой образец философа-платоника. Порфирий рассказывает о своем учителе, что ему удалось несколько раз взойти по ступеням прекрасного, описанным в «Пире», и пережить единство с Богом.

Он имел чистую душу и всегда стремился к божественному, которое любил всей душой, и что он сделал все, чтобы освободиться, «избежать злого шторма этой кровавой жизни». И этому демоническому человеку, часто возводившему себя мыслию и в соответствии с путями, объясненными в «Пире» у Платона, к первому и запредельному богу, явился этот бог, у которого нет ни формы, никакого бы то ни было вида, бог, стоящий над умом и всем умопостигаемым²⁶.

Как возможно такое возвращение души к Единому? Принципиальную возможность такого возвращения обеспечивает укорененность нашей души в умопостигаемом. Как и все платоники, Плотин разделял идею грехопадения души, которое обрекает душу на бесконечные перерождения (метемпсихоз). Для единичных душ пребывание в теле — это наказание за грехи, совершенные в прошлых жизнях, как это красочно описал Платон в видении Эра. Плотин же, со своей стороны, предложил новое для платонизма учение о том, что не вся наша душа пала, её высшая часть осталась в умопостигаемом. «И наша душа не вся целиком погружена в низшее, но есть и частица её сущности в умопостигаемом»²⁷. Эта доктрина была отвергнута поздними платониками: Ямвлихом, Проклом, Дамаскием и другими, — потому что она противоречила словам Платона в «Федре». В «Федре» ясно показано, что дурной конь, т.е. низшие душевные способности, которые присущи каждому человеку, увле-

²⁶ Порфирий. О жизни Плотина и о порядке его книг. Здесь и далее текст цитируется в переводе Д.В. Бугая.

²⁷ Плотин. О нисхождении душ в тела IV 8 8, 2–3 (Пер. М.А. Солоповой).

кает возничего, то есть высшую часть души, вниз. Плотин же полагает, что высшая часть души никогда не погружается в материальный мир. Правильнее, согласно Плотину, говорить о двух разных родах душ. Непадшая и падшая, невоплощённая и воплощённая, неподверженная и подверженной злу души одновременно присутствуют в нас. Плотин также описывает эту ситуацию иначе. Он говорит о «внутреннем» и «внешнем человеке» или о «высшем» и «низшем я». Поистине мы тот внутренний человек, который не знает ни смерти, ни греха, но иногда и даже часто на смену ему приходит внешний человек, «прилипший как одежда к телу», он заслоняет от нас нашу же подлинную природу. Уже из этих размышлений видно, что Плотин рассматривает человеческое «я» как подвижную точку фиксации внимания²⁸. Иногда он называет воплощённую душу просто душой, а высшую — чистым умом (*νοῦς καθαρός*). Таким образом, непадшая душа всегда принадлежит сфере умопостигаемого, а значит, для нее нет никакого препятствия вернуться к Единому.

Но как в действительности мы можем осуществить эту возможность? Как мы можем обнаружить манифестацию духовной реальности в телесном мире? Плотин говорит, что сначала мы ищем начало телесного мира, то есть принцип, дающий единство телу. Этим принципом единства является душа. Но душа не первое, потому что она не самодостаточна. Следовательно, у нее также есть начало, и, чтобы его найти, нужно искать принцип уже ее единства. Принципом единства души выступает ум. Но и ум — не первое, потому что есть причина ума, то, откуда всякое мыслящее и мыслимое берет свое начало. Это начало само уже не ум, а Единое. Для неоплатоников начало не может быть тождественно тому, началом чего оно является. Начало «раньше», или «выше», того, что оно начинает, поэтому «раньше» означает не временную, а онтологическую характеристику. То, что существует «раньше», является условием существования последующего. Начало тела не тело, оно бестелесно, начало тела — это душа. Начало души, дискурсивного мышления, не душа, а ум, интуитивное мышление, схватывающее все разом, а не переходящее от посылок к следствиям. Самое первое начало, на-

²⁸ О проблеме сознания в философии Плотина см.: *Warren* (1964), *O'Dally* (1973), *Hadot* (1963), *Gerson* (1994), *Месяц* (2013).

чало ума, уже не ум, оно «выше» и «раньше» ума, поэтому неоплатоники называют его просто Единым.

Путь к Единому

Согласно Плотину, Единое находится за пределами как телесного, так и умопостигаемого миров, то есть Единое трансцендентно миру, но в то же время оно является источником бытия всякого сущего. А раз оно источник бытия, то, как и платоновская идея Блага, является предметом всеобщего стремления. Поэтому душа стремится к Единому как к предмету любви. Тогда что означает для души стремиться к Единому? И может ли это стремление, с точки зрения Плотина, быть удовлетворено? Как и Платон, Плотин полагает, что всякое познание — это самопознание. Путь самопознания тождествен удалению от телесного мира. Для Плотина философская максима «познай себя» означает обнаружить Единое в качестве своего собственного начала и причины. Что для этого необходимо? Плотин утверждает, что для этого нужно сначала отвлечься от телесного мира и обратиться к духовному. Первое, что мы обнаружим, нашу собственную природу, природу души. После этого душа увидит в самой себе более высокое начало — ум. Первое, что необходимо сделать душе при переходе к чистому мышлению, — это отказаться от всех чувственных образов. Именно сфера представлений (*φαντασία*) выступает препятствием на пути познания первых начал и причин. Чистый ум мыслит себя, не пользуясь никакими образами. Уже возведя душу к уму, мы ищем начало ума. Начало ума, Единое, таково, что человек, желая созерцать Единое, как бы теряет всякую опору, даже опору в мысли.

Поскольку то, что мы ищем, едино, а ищем мы начало всего, то есть Благо и Первое, то нужно оказаться неподалеку от тех, что рядом с первыми²⁹, не падая до самых последних, а стремясь к первым, и возводить себя от чувственного, то есть последнего, сделаться свободным от всякого зла в силу этой устремленности к благу, подняться к началу в себе самом, и стать единым из многих в намерении стать созерцателем начала и Единого³⁰.

²⁹ С первыми сущими, то есть с идеями.

³⁰ VI 9 3, 14-22 (Пер. Ю.А. Шичалина).

Если Платон в «Пире» говорит о самораскрытии прекрасного самого-по-себе как о пределе восхождения от телесного к духовному, то Плотин — о созерцании Единого, которое представляет собой не что иное, как бытие вместе с Единым. О восхождении к Единому как акту самопознания прекрасно пишет С.В. Месяц: «Только став Умом, мы, наконец, обретаем возможность понять и непосредственно увидеть самих себя, а поняв, постигнуть и тот корень, из которого проистекает всякая самость вообще — Единое. В Едином уже нет ни сознания, ни самопознания, ни мысли. Оно — просто самость, равная себе, с которой наша самость, если ей удастся достичь Единого, отождествляется так, «как если бы два круга одинакового радиуса совпали в своих центрах»³¹. Такое отождествление не есть растворение частного в целом или меньшего в большем, но совпадение равных и окончательное обретение себя»³². Таков итог философского восхождения — простое тождество нашего подлинного я и трансцендентного Абсолюта.

Тот, кому удастся составлять одно целое с самим собой, не раздваиваясь, одновременно соединяется с Богом, которого обретает в молчании. Он с Богом, насколько может и желает. При обратном движении он возвращается к раздвоению достаточно очищенным, чтобы не удалиться от Бога, и таким образом сможет вновь обрести Божественное присутствие, как только вернется к Нему. При своем временном возврате к раздвоению он усовершенствуется: прежде всего, он сознает, что он отделен от Бога. Возвращаясь же внутрь себя, он обретает все, то есть сознание и единство с Богом; освобождаясь затем от сознания из страха несходства с Богом, он, наконец, остается там «один»³³.

Кружок римских неоплатоников

Что в реальности представлял собой кружок Плотина? Собрание римских неоплатоников было относительно немногочисленным и открытым для всех желающих слушать. О том, каким образом строилось обучение, и кто посещал занятия Плотина, мы узнаем из трактата выдающегося ученика Плотина Порфирия «О жизни Пло-

³¹ VI 9 (9), 10, 16-18 (Пер. С.В. Месяц).

³² Месяц (2013). С. 168.

³³ V 8, 11, 4-12 (Пер. Е. Штофф).

тина и порядке его сочинений»³⁴. Собрания Плотина посещало достаточно большое число слушателей, но тех, кто был ревностно предан философии, было не много. Вокруг Плотина собиралось немало влиятельных людей того времени. Друзьями и покровителями Плотина были император Галиен и его супруга Салонина, а его слушателями — сенаторы Орронтий Марцелл, Сабинилл и Рогациан. О большинстве же его учеников нам известно крайне мало, почти ничего помимо имен и профессий: врачи Павлин, Евстохий из Александрии и Зеф, поэт Зотик и другие. Только о некоторых известно чуть больше. Например, Амелий Гентилиан, второй выдающийся ученик Плотина, разработал доктрину Ума и написал большое число философских трактатов и комментариев, которые, однако, до нас не дошли. Среди слушателей Плотина были женщины: Гемина, в чьем доме в Риме он жил, и ее дочь Гемина, а также Амфиклея, что еще раз подчеркивает открытый характер собраний.

В отличие от более поздних школ неоплатонизма, круг чтения римских неоплатоников не был четко определен. Ясная структура преподавания платонизма будет создана Ямвлихом, учеником Порфирия. Во-первых, он отберет двенадцать диалогов Платона и предложит способ их комментирования. Плотин же никогда не обращался к комментированию текстов Платона, хотя считал всю свою философию не более, чем экзегезой учения древних. Во-вторых, Ямвлих прочно закрепил место текстов Аристотеля в системе преподавания платонизма, определив его как введение в учение Платона. Плотин же часто выступал критиком Аристотеля, хотя многие его доктрины имели аристотелевские корни. Известно, что на собраниях Плотина изучались труды средних платоников: Аттика, Крония и Севера, — а также неопифагорейца Нумения и перипатетика Александра Афродисийского. Однако, как рассказывает Порфирий, Плотин быстро насыщался чтением, отдавая предпочтение свободной дискуссии. «Когда же он говорил, ум был виден вплоть до лица, излучавшего свет. Он и так был приятной внешности, но в эти минуты его вид был необычайно красив. Тогда легкий пот выступал на нем, кротость его сияла, являл он радушность к вопроша-

³⁴ Пер. Д.В. Бугая.

нию и благозвучность тона»³⁵. Запись своих лекций Плотин начал достаточно поздно в возрасте 49 лет по просьбе учеников. Заглавий своим сочинениям он не давал, каждый называл их по-своему, часть этих названий закрепилась. Как и Сократ, Плотин предпочитал устные беседы с учениками³⁶. Большую часть времени и сил Плотин посвящал этим беседам, убеждая учеников и стараясь разрешить их сомнения. Например, Порфирий рассказывает о том, как Плотин на протяжении трех дней объяснял ему, каким образом душа связана с телом: «Ведь когда я, Порфирий, в течении трех дней вопрошал его о том, как душа соприкасается с телом, он не скупился на доказательства...»³⁷. Именно в личной беседе Плотин проявлял в наибольшей мере свои выдающиеся способности оратора и мыслителя.

Продолжение дела Плотина Порфирием

Все наследие Плотина сохранилось только благодаря его ученику и издателю Порфирию. Порфирий учился у Плотина в Риме в течение пяти лет, а затем, по совету учителя, чтобы излечиться от депрессии, отправился на Сицилию. Во время его отсутствия Плотин умер. После своего возвращения Порфирий продолжил дело учителя, возобновив преподавание неоплатонизма в Риме. Порфирий избегал говорить о четких границах между Душой и Умом и Умом и Единым. Как и Плотин, Порфирий полагал, что духовный мир во всей своей полноте присутствует повсеместно. Ведь то, что лишено материи, не находится в пространстве, а значит тело не может служить ему препятствием. В отличие от Плотина, Порфирий делает акцент на взаимной проницаемости бестелесных природ, думая таким образом облегчить душе путь возвращения к Единому. Как и все платоники, Порфирий полагал, что нужно освободиться от привязанности к телесному миру, но неверно думать, что тело удерживает душу наподобие клетки или темницы. Спасение души

³⁵ Порфирий. О жизни Плотина и о порядке его книг. Здесь и далее цитируется в переводе Д.В. Бугая.

³⁶ Возможно, благодаря практике долгих философских бесед Плотина привлек Аммоний Саккас. Как известно, после себя он вообще не оставил письменного наследия, а его ученики дали клятву хранить в тайне то, что было сказано на уроках.

³⁷ Порфирий. О жизни Плотина...

достижимо путем добродетели, которая есть не что иное, как уподобление богу. В «Подступах к умопостижаемому» Порфирий утверждает, что «ничему самому по себе бестелесному существование тела не препятствует быть там, где оно хочет и как пожелает»³⁸. Положение души в мироздании определяет ее способ мышления. Если душа всецело отдает себя созерцанию, то мыслит интуитивно, схватывая все смыслы разом, тогда она находится в Уме. Если она мыслит дискурсивно, то есть переходит от одной мысли к другой и третьей, тогда она опускается в собственную природу. Если же она мыслит при помощи чувственного восприятия, в этом случае говорят, что она находится в теле.

Итак, Плотин опирается на те же принципы философского образования, как их понимал Платон. Во-первых, что философии нельзя научить в том смысле, что философское знание нельзя сообщить так, как сообщают информацию, поскольку философское познание — это всегда самопознание и личные усилия. Во-вторых, основное дело философа — это философствовать вместе со своими учениками, отсюда вытекает преимущество устного характера образования. В-третьих, сохранение понимания единства целей философии, педагогики и религии, которые сводятся к одному — уподоблению богу, или единству с Единым. Дело Плотина было продолжено его верным учеником Порфирием.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Barrow* (1975). — *Barrow R.* Plato, utilitarianism and education. London: Routledge & Kegan Paul, 1975.
- Berg* (2010). — *Berg S.* Eros and the Intoxications of Enlightenment: on Plato's Symposium. NY: SUNY, 2010.
- Chambliss* (1971). — *Chambliss, J. J.* Nobility, tragedy and naturalism: Education in ancient Greek. Minneapolis: Burgess Publishing Company, 1971.
- Cherniss* (1980). — *Cherniss H.* The riddle of the early Academy. New York: Garland, 1980.

³⁸ Сентенция 27 (Пер. С.В. Месяц).

- Cooksey* (2010). — *Cooksey T.* Plato's Symposium. London, 2010.
- Cooney; Cross; Trunk* (1993). — *Cooney W.; Cross C.; Trunk B.* From Plato to Piaget: The greatest educational theorists from across the centuries and around the world. Lanham: University Press of America, 1993.
- Corrigan; Glazov-Corrigan* (2004). — *Corrigan K; Glazov-Corrigan E.* Plato's Dialectic at Play: Argument, Structure, and Myth in the *Symposium*. Pennsylvania: University press, 2004.
- Gerson* (1994). — *Gerson L.* Plotinus (Arguments of the Philosophers). Routledge, London and New York, 1994.
- Hadot* (1963). — *Hadot P.* Plotin ou la simplicité du regard. Paris, 1963.
- Jaeger* (1928). — *Jaeger W.* Paideia; die Formung des griechischen Menschen, 3 Bde., Berlin, 1934–1947.
- Marrou* (1948). — *Marrou H.* Histoire de l'éducation dans l'Antiquité. Paris: Le Seuil, 1948.
- O' Dally* (1973). — *O' Dally, G.J.P.* Plotinus' Philosophy of the Self. Shannon: Irish Univ. Press, 1973.
- O'Meara* (2010). — *O'Meara D.* Plotinus // The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity / Ed. by L. Gerson, Cambridge 2010.
- Warren* (1964). — *Warren E.* Consciousness in Plotinus // *Phronesis* 9, № 2. 1964. P. 83-97.
- Альберт* (2012). — *Альберт К.* О понятии философии у Платона. 2012.
- Бим-Бад* (2019). — *Бим-Бад Б.М.* Платон: педагогическое учение. — http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=210&binn_rubrik_pl_articles=104 (май, 2019).
- Йегер* (1997). — *Йегер В.* Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). Том 2. М.: ГЛК, 1997.
- Корнетов* (2015). — *Корнетов В.Г.* Педагогические идеи и учения в истории педагогики // Историко-педагогический журнал. Нижний Тагил, 2015. С. 44-68.
- Марру* (1998). — *Марру А.-И.* История воспитания в античности (Греция). М.: ГЛК, 1998.
- Месяц* (2013). — *Месяц С.В.* Сознание и личность в философии Плотина // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под ред. В.В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 147-160.

- Пичугина* (2014). – Пичугина В.К. Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике. М.: 2014.
- Платон*. — *Платон*. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1994.
- Шичалин* (2000). — *Шичалин Ю.А.* История античного платонизма в институциональном аспекте. М.: ГЛК, 2000.

Nadezhda P. VOLKOVA

PHILOSOPHICAL EDUCARION ACCORDING TO PLATO AND PLOTINUS

The purpose of the article is to show what were the basic principles of philosophical education that go back to Plato and how they were realized by Plotinus six centuries later. It was shown that the main questions of education in Platonism and the answers to them were suggested by Plato himself. Having created the Academy, he tried to put into practice his ideas about philosophical education. Well-founded information about arrangement of education in the Academy has not been preserved. But on the basis of Plato's dialogues "Symposium", "Republic", "Theaetetus" and others it is possible to show what the educational ideal of the philosopher was, how he correlated with the striving for "assimilation to God." It is noted that a platonic philosophical education had basically unsolvable aporia, which comes down to the fact that, on the one hand, it is impossible to teach philosophy, and on the other hand, it is impossible to philosophize without teaching. Thus, according to Plato, philosophy was inextricably linked with pedagogy. This aporia stimulated the necessary tension of thought that made platonic philosophical education so productive. In addition, platonic philosophical education was a unity of philosophical (true knowledge), pedagogical (soul education) and religious (salvation) goals, which gave this system unique stability. Plotinus, about whom St. Augustin said that in him Plato came to life again, revived both the platonic philosophy (interpreting it in a new way) and platonic philosophical education (gathering around himself listeners and students). The goal of such education was still "assimilation to God," or, in the words of Plotinus, unity with the One. In this article particular attention is paid to the comparison of the path of ascent from the sensual to the intelligible world according to Plato and Plotinus in the context of the issue of philosophical education. On the basis of a comparative analysis of the texts of Plato and Ploti-

nus, it is demonstrated that Plotinus reproduces almost all the structural components that, according to Plato, should have had a philosophical education.

REFERENCES

- Barrow* (1975). — *Barrow R.* Plato, utilitarianism and education. London: Routledge & Kegan Paul, 1975.
- Berg* (2010). — *Berg S.* Eros and the Intoxications of Enlightenment: on Plato's Symposium. New York: SUNY, 2010.
- Chambliss* (1971). — *Chambliss, J. J.* Nobility, tragedy and naturalism: Education in ancient Greek. Minneapolis: Burgess Publishing Company, 1971.
- Cherniss* (1980). — *Cherniss H.* The riddle of the early Academy. New York: Garland, 1980.
- Cooksey* (2010). — *Cooksey T.* Plato's Symposium. London, 2010.
- Cooney; Cross; Trunk* (1993). — *Cooney W.; Cross C.; Trunk B.* From Plato to Piaget: The greatest educational theorists from across the centuries and around the world. Lanham: University Press of America, 1993.
- Corrigan; Glazov-Corrigan* (2004). — *Corrigan K; Glazov-Corrigan E.* Plato's Dialectic at Play: Argument, Structure, and Myth in the *Symposium*. Pennsylvania: University press, 2004.
- Gerson* (1994). — *Gerson L.* Plotinus (Arguments of the Philosophers). Routledge, London and New York, 1994.
- Hadot* (1963). — *Hadot P.* Plotin ou la simplicité du regard. Paris, 1963.
- Jaeger* (1928). — *Jaeger W.* Paideia; die Formung des griechischen Menschen, 3 Bde., Berlin, 1934–1947.
- Marrou* (1948). — *Marrou H.* Histoire de l'éducation dans l'Antiquité. Paris: Le Seuil, 1948.
- O' Dally* (1973). — *O' Dally, G.J.P.* Plotinus' Philosophy of the Self. Shannon: Irish Univ. Press, 1973.
- O'Meara* (2010). — *O'Meara D.* Plotinus // The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity / Ed. by L. Gerson, Cambridge 2010.
- Warren* (1964). — *Warren E.* Consciousness in Plotinus // *Phronesis* 9, № 2. 1964. P. 83-97.
- Albert* (2012). — *Albert K.* O ponyatii filosofii u Platona. 2012.

- Bim-Bad* (2019). — *Bim-Bad B.M.* Platon: pedagogicheskoe uchenie. — http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=210&binn_rubrik_pl_articles=104 (may, 2019).
- Jaeger* (1997). — *Jaeger W.* Pajdejya. Vospitanie antichnogo greka (ehpoha velikih vospitatelej i vospitatel'nyh sistem). Tom 2. M.: GLK, 1997.
- Kornetov* (2015). — *Kornetov V.G.* Pedagogicheskie idei i ucheniya v istorii pedagogiki // Istoriko-pedagogicheskij zhurnal. Nizhnij Tagil, 2015. S. 44-68.
- Marrou* (1998). — *Marrou A.-I.* Istoriya vospitaniya v antichnosti (Greciya). M.: GLK, 1998.
- Mesyats* (2013). — *Mesyats S.V.* Soznanie i lichnost' v filosofii Plotina // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Issledovaniya po istorii platonizma / Pod red. V.V. Petrova. M.: Krug, 2013. S. 147-160.
- Platon*. — *Platon*. Sobranie sochinenij: v 4 t. M., 1994.
- Pichugina* (2014). — *Pichugina V.K.* Antropologicheskij diskurs «zaboty o sebe» v antichnoj pedagogike. M.: 2014.
- Shichalin* (2000). — *Shichalin Y.A.* Istoriya antichnogo platonizma v institucional'nom aspekte. M.: GLK, 2000.

ОТ БЕЛЫХ КЛАССНЫХ СТЕН ДО ВОСКА НА ТАБЛИЧКАХ

ОБРАЗ ШКОЛЫ
В ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ*

В.Г. БЕЗРОГОВ

Значительное число учителей, известных историкам образования от времен древней Греции и Рима, по сути, почти бездомны. Так происходит не только потому, что под образовательные практики приспособлялись случайные помещения, места на городских площадях, в портиках и рощах. Немногочисленные детальные описания происходившего в школе, почти полное археологическое безмолвие вносят серьезный вклад в эту проблему. Позднеантичные текстуальные источники и артефакты позволяют приоткрыть завесу, отделяющую нас от «мест образования», как они сложились к концу великой эпохи. В данной статье рассмотрен образ школы, рисуемый греко-римскими учебными разговорниками. Они вошли в состав *Hermeneumata pseudodositheana*, сформировавшихся в промежутке между II и VI веками н.э. На основе шести основных версий памятника продемонстрировано, как в целях социализации обучающегося презентировалось устройство школы и проходящий там учебный процесс. Разговорники касаются в

* Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 годы (№ 27.8089.2017/БЧ).

HYPOTHEKAI
2019. Вып. 3. С. 223-249
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2019. Issue 3. P. 223-249
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-223-249](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-223-249)

основном уровня обучения у грамматиста, грамматика и не отражают домашнее обучение. Школа показана как постоянное помещение с прихожей, где дети оставляют верхнюю одежду, и одной-двумя комнатами для учебы. Учительский ли это дом или предоставленный — не говорится. Работа школы определяется деятельностью магистра, его устным наставлением и корректировкой письменных упражнений. В редких случаях ему помогает ὑποδιδάσκαλος, subdoctor. Обучение идет через образцы, повторения, имитации, разборы, ведущие к постижению социальных ролей античного общества, овладению словарем понятий и фраз, приобретению навыков воспроизведения, общения и самопрезентации. Тексты на школьные темы из разговорников сопоставлены с другими сочинениями и с археологическими данными. Показано, что из двух основных линий, обозначенных псевдо-Плутархом («О свободном воспитании») и псевдо-Лукианом («Эроты»), сочинение псевдо-Досифея следует вторым путем (акцент на институциональное обучение). Из трех вариантов археологически изученных школьных зданий (философские школы в Афинах, аудитории в Александрии, школа в египетском оазисе Дахла) последний типологически наиболее близок представленному в разговорниках образу.

Введение. Цветы сентября

Победа псевдо-Лукиана над псевдо-Плутархом

Позднеантичные образовательные институты наличием учебных пособий и специальных зданий делают видимой школу как образовательное учреждение¹. Известна многозначность античных терминов, связанных со «школой» как досугом, школой как традицией знания, школой как местом научения. Все они не совпадают с современными значениями. Ищем ли мы то, что было? Важность школы для античной древности — это умный досуг свободного человека, преемственность культуры². Потому школа — где читают, учат запоминать и передавать. Важность античной школы для сегодняшнего исследователя — появление отдельного дома, куда ученики *ходят* регулярно, а педагоги несут за ними принадлежность для обучения.

¹ Cribiore (2007). P. 143.

² Kalimtzis (2017).

Среди сохранившихся от этой эпохи памятников один из наиболее интересных — двуязычный учебник *Hermeneumata pseudodositheana* («Толкования псевдо-Досифея»). Он сформировался в конце II–V вв. Впервые найден в списке, где автором указан грамматик Досифей (III–IV вв.). К VI–VII векам *Hermeneumata pseudodositheana* образовали пособие со многими разделами. Известно более 50 списков, которые можно распределить по 6 версиям. В каждой есть алфавитный и тематический словари, а также разговоры о повседневной жизни: от утреннего подъема школяра до наблюдения им различных сценок из жизни взрослых. Значительную часть разговоров составляет тема школы, сборов и пути в нее, выполнения упражнений и заданий. Домашние занятия с учителем никак не отражены, школа выступает единственным местом научения. Диалоги обучали одновременно и возможности поговорить, и возможности написать, и способности прочесть³.

Основой интереса к пособию в грекоязычных регионах империи было изучение латинского языка, в латиноязычных — греческого⁴. Составители ориентировались и на запрос по обучению латинской речи, дающей путь наверх, и на обучение латинян греческому языку ради понимания «гречишек» и их культуры⁵. Греку, знающему «язык Большого брата», открывалась хорошая карьера, и не только в армии. Среди, например, нотариев те, кто мог составить документ на латыни, стояли выше грекоязычных. Империя двуязычна как на Востоке, так и на Западе, где греческий был основой культуры. Образованный человек испытывал в нем потребность для чтения великих и для самопрезентации. Греки встречались на всех просторах империи, часто в статусе рабов или вольноотпущенников. Поэтому греческий был не только языком свитков, но и языком улицы. Римские дети осваивали элементарный греческий подчас до начала формализованного обучения. Простые фразы учебника шли сразу в дело — на улице, на рынке, в гостях, в бане и даже в суде. Греко-латинский учебник был нужен детям из хорошо образованного слоя, из среднего класса и да-

³ Ср.: *Ferri* (2008). P. 112-114.

⁴ *Rochette* (1997).

⁵ По А.Б. Черняку, Ш. Дюканж отмечал, что греко-латинское двуязычие было важнее для «простого народа», чем для «ученых людей». *Черняк* (2015). С. 129-130.

же из верхней части низких статусов. В нем их встречала как ориентир жизнь мальчика из семьи с положением, но не очень большим достатком, посещавшего школу, а не учившегося у домашних наставников. В позднеантичные времена число богатых, чьи дети ходили в регулярную школу, увеличилось по сравнению с классической эпохой. В VI веке на Востоке заканчивается доминанта латинского. Пособие сохраняется только на Западе для знатоков.

Диалоги о школьных темах возникли в западной части империи. В них показано штудирование греческого мальчиками, чей родной язык — латинский. Затем они распространились на восток, где грекоязычные ученики овладевали латынью. Для них добавлены диалоги из взрослой повседневности, в которую те готовились войти. Корпус школьных диалогов неизменен во всех редакциях. Они отличаются степенью подробности в описании школьной жизни.

Диалоги начинаются с одно- двусловных предложений, которые затем удлиняются. Описаны действия ученика, учителя, соучеников. Попутно помещены (не только в сопровождающем словаре, но и в самом диалоге) слова-синонимы, их парадигмы. Опираясь на варианты, ученик мог строить новые версии одного и того же диалога. Слова внутри диалога вставлялись по мере наращивания опыта применения пособия. Можно выстроить иерархию диалогов от нулевого присутствия дополнительных слов до ими насыщенных. Запасные слова показывают примеры морфологии, синтаксиса, замену местоимения, времени глагола и т.д. Пособие не содержит правил грамматики: они изучались параллельно. Диалоги оживляли обучение. Возможно, их воспроизводили по ролям.

Попробуем пройти по диалогам как по «классам» школы III–V веков, когда учебник уже сложился и пока еще оба языка актуальны. Сконцентрируемся на том образе школы, который становится виден из текстов.

Тема школы возникает в ряде версий уже по мере утренних в нее сборов только что проснувшегося мальчика. В *Colloquium Harleianum*⁶ отец с самого утра наставляет сына:

⁶ Шесть основных версий *Hermeneumata pseudodosithea* названы по манускрипту, месту хранения, коллекции, переписчику. См.: *Goetz* (1892); *Dionisotti* (1982); *Flammini* (2004); *Dickey* (2012b, 2012, 2015); *Баранникова* (2017).

Любимейший сын, восприми мои слова; величайшая польза слушать отца своего. Рано утром при светлеющем небе прежде всего в школу. Одевайся, обувайся, умывайся и ступай сначала на латынь (к писцу, грамматику, ритору⁷), чтобы стать человеком. И смотри, как избегать пустых разговоров, ибо нет ничего более важного, как обучение. Если кто другой надоедает тебе, скажи учителю. Пиши, читай, считай, чтобы вступить в полный возраст и наученным, и дельным в глазах других. Для этого, дитя, отвечай (1a-k).

Смоделирован и детский ответ, который ожидаем родителем:

Дражайший отец, восприми мои слова. Услышал я все и сложил в памяти. Пред богом выражаю величайшую благодарность⁸. Учит быть умным человеком, а ты платишь (2a-d).

Другая версия, *Colloquium Stephani*, сохранила текст о сборах в школу:

...спросил я грифель и пергамен; и вручил их моему мальчику-слуге. Готовый ко всему, пошел я при добрых знаках, сопровождаемый педагогом, прямо через портик, который вел к школе [σχολή, schola]. Где бы ни повстречались мне знакомые, приветствовал их и они меня. И подойдя к лестнице, я поднялся ступенька по ступеньке, не торопясь и пристойно. И в школьной прихожей [просхолии] снял плащ с капюшоном и пригладил волосы (7a-9b).

Ступени ко входу и вспомогательная комната в составе школы найдены в 2004–2008 годах при раскопках школы в римском Египте, о чем ниже.

Что происходит далее в самой школе? Об этом сообщают практически все версии. В *Colloquium Leidense-Stephani* читаем:

⁷ Вставленные составителями дополнительные слова помещены нами в круглые скобки.

⁸ Поскольку текст билингвальный, есть ряд смысловых нюансов в греческой и латинской версиях того или иного предложения. В данном случае греческий вариант ближе к благодарности именно богу (возможно, это единственное место с христианскими аллюзиями), латинский — отцу перед лицом бога. В цитатах для данной статьи мы даем средний вариант, релевантный и греческому, и латинскому оригиналу. Подробнее: Баранникова (2017). Разбивка на фразы дана по изданию Дики (2012b, 2015).

Прихожу в школу. Сначала приветствую учителя, который ответно приветствует меня. Здравствуй, учитель, здравствуйте соученики (ученики). Однокашники, дайте мне сесть! (скамья, скамеечка, кресло) Потеснитесь. Расступитесь, вот мое место, я его занимаю. (сел, сижу, учу, учитеесь, изучаю, изучаете) Я понимаю мои тексты. (мой, моя, мое, мне, наш, наша, наше, нам, твое, твоя, тебе, вы, мы, ваши) Говорю тебе. Теперь готов (был готов) излагать [заданное] (излагаю, излагал). Изменяй [слово] для меня, пиши. (пишу, пишешь, пишуший, буква, буквы, греческий, латынь) Он говорил на латыни. Греческие буквы. (слоги, имя существительное, имена существительные) Получаю [задание] и возвращаю обратно [сделанным]. Затем стихи начинаю читать. Не понимаю разметки, наметь мне дорогу, как ты ведаешь. Воск жесткий, ему следует быть мягким. (табличка, разглаживаю, пишу, ты мне, страница, много страниц, ремни, писало) Ныне научился тому, что получил. Попросил, чтобы меня отпустили домой к полуденной трапезе, и он отпустил меня. Попрощался с ним, он попрощался со мной в ответ. Вернувшись после еды, воспроизвел. Мальчик мой, дай мне табличку. И другие по порядку отчетливо воспроизводят. И я продвигаюсь в чтении, поскольку пора идти мыться в баню (2f-8c).

Еще более детальное описание сохранилось в Colloquium Harleianum⁹:

Вставай, мальчик, почему сидишь? Прихвати все латинские книги, пергамен для заметок, таблички, пенал, инструмент для линовки, чернила, тростниковые перья. Идемте, поприветствуем. Ave, господин учитель [διδάσκαλος, preceptor]¹⁰. Будь здоров и благополучен. [Начиная] с сегодня хочу усердно заниматься. Прошу тебя [обучить меня] говорить по-латыни. Обучу, ежели будешь мне внимать. Смотри, внимаю. Хорошо сказал, как и подобает твоему происхождению. Передай мне, открой на подставке учебник [ἀναλογεῖον, manuale]¹¹. Вот, бы-

⁹ Подробнее: Безрогов (2017).

¹⁰ В диалогах псевдо-Досифея чаще встречаем уравнивание διδάσκαλος / magister, καθηγητής / praceptor. Иногда используется пара καθηγητής / magister, еще реже встречается тот вариант, который представлен в данной версии, или ἐπιστάτης / magister.

¹¹ Manuale мог оказаться и подставкой для чтения. В таком случае речь, вероятно, идет о том, чтобы ученик развернул такую подставку к учителю и раскрыл на ней нужное место в кодексе либо свитке.

стро протяни книгу, раскрой ее снова, читай звучно, открывай рот, считай. Отметь хорошенько место, чтобы написать упреждение. ...Я готов, ибо жгу лампу и занимаюсь в ночи. Хорошо сделал, теперь хвалю тебя. Обеляю¹² табличку, сиди, пиши. Что остоленел? Ставь над буквами знак долготы. Твои чернила. Немного воды. Вот теперь хорошо. Перо, передай ножик для него. Какой желаешь? Желая острый (или тупой). Хочешь острый? Почему вчера бездельничал, а в полдень дома (играл) тебя не было? Я тебя разыскивал и услышал все о твоём поведении от воспитателя твоего. Лжет сказавший тебе, ибо повел меня мой отец с собой в преторий. Его приветствовали магистраты, и он получал письма от государей моих императоров. И он сразу поднялся в храм, принес жертву вечности и победе императоров, и спустился. Однако сегодня он с первого часа выслушивает судебные споры¹³. Ищешь [своим] действиям отговорок и не знаешь, что пропуски делают из детей невежд. Покажи, дай взглянуть, как ты написал. Очень хорошо. Ты заслуживаешь порки¹⁴. Ну вот, отпускаю тебя. Сегодня сходи пообедай и возвращайся с обеда побыстрее [чем в прошлый раз]. Хорошего дня! И тебе всего хорошего (3a-10g).

Учитель может зайти в дом к ученику, но ничего не говорится, что он там и учит.

Процессу повседневного общения и обучения уделил внимание Colloquium Stephani:

И приподняв занавес вошел и прежде всего приветствовал наставников, соучеников. И прошел оттуда уже с пользой. Написал я свое имя и так стоял, пока трудились предыдущие, и внимал речам учителя и соученика. И продвинулись с того

¹² Применялись таблички, покрытые не только воском, но и белой краской, чтобы на них лучше видеть. См.: *Cribiore* (1996). P.65-69; *García y García* (2005). P.41-44, 87-95.

¹³ Первый час — это самое начало светового дня. Судебные разбирательства редко начинались так рано. Данная деталь здесь — показатель гражданской доблести, ответственности и энергичности отца главного героя диалогов. Мальчик изображен играющим с наставником в полушантаж, апеллируя к статусу и образу отца: вроде все невинно, и в то же время со вполне серьезным намеком.

¹⁴ Прием размещения рядом фраз с противоположным значением. Возможно, это следы «сценарности» текста, разыгрываемого группой учеников.

места, внимая другим, их воодушевляя. Порождается от такого смелость и продвигает. Так что когда я достиг своего места и сел, [то] простер правую руку, а левую прижал к одежде. И так принялся трудиться над тем, что получил затвердить: стихотворные строки по рифме, по разделению и подразделениям, с придыханием там, где следовало бы, и пересказом. Пока я читал, исправлял меня учитель, чтобы [я] и в устной речи был лучше подготовлен. Следую образцу и накрыв рукой табличку являю по памяти перечень того, что я в ней сделал. Отпущенный после того сел на свое место. Беру книгу, написал повседневные [разговоры, фразы, диалоги]. Спросил и, поправленный, я прочел мой текст, каковой был мне тщательно растолкован [учителем], пока я не понял и персонажей¹⁵, и смысл авторских слов. Затем быстро глазами [пробегаю] неизвестное и редко читаемое. Делали это и один на один, и при всех, соответственно силам, продвижению, временам каждого и возрасту соучеников. Есть различные способности к обучению и различные рвения к постижению словесности, в котором [даже] с большим продвижением остается еще больше того, что следует достигнуть. Одни существительные, другие глаголы произносили таким образом, как были уже привычны писать. Они поднялись и встали к написанному [учителем образцу]¹⁶. Оставшиеся равным образом отвечали знающему [ученику]. В то время, как я делал свое задание, ими исполнялось все, что бы ни было им дано как начинающим, — базовые слова и числительные, по пальцам и фишкам. Но у других было время на объяснения и вопрошания, у двух групп: медленных и быстрых (10a-22b).

Автор говорит о нескольких учителях, о делении обучающихся, о начертании образцовых текстов — мы увидим далее, что обнаруженное здание школы имело два «класса» и что стены в них использовались как раз указанным здесь образом.

Цели обучения сформулированы в *Colloquium Montepessulanum*:

Аве, наставник! Поскольку я хочу и сильно желаю говорить на греческом и на латыни, прошу тебя, учитель, обучи меня. Сде-

¹⁵ Какая фраза в литературном произведении кем сказана. В свитках и табличках нет деления на слова / фразы и нет указаний, кем что сказано.

¹⁶ Приходилось вставать к написанному учителем образцу, чтобы хорошо его видеть и качественно переписать. *Cribiore* (1996). P. 121-128.

лаю, если мне внимаешь. Внимаю старательно. Поскольку я вижу тебя сильно желающим всего этого, то есть, той речи, что зовется латынью, я покажу тебе, сын, что не каждому человеку [ею] овладеть, но учение [μάθησις, doctrina] это образованных и толковых. Поэтому в самом деле объясню именно тебе, кто ничего не знает, как беседовать. Потому тебе нужно то, чему учу. Делает искусным слушание, память, постижение, повседневный опыт. Если ты в это вложишься, сможешь выучить. Итак, двое персон, которые беседуют, я и ты. Ты тот, кто спрашивает, я отвечаю. Вот, прежде всего прочти внятно, ясно (2a-i).

Сходную мотивацию к ученическому труду мы увидим на стенах, раскрытых при раскопках.

Объемы труда школьника и спектр возможных учителей мы видим в *Colloquium Celtis*:

Иду из дома в зал собраний счетовода [учителя арифметики], писца греческого, латинского нотариуса [стенографа], ритора. Вхожу в школу и говорю: Ave, учитель. И он приветствует меня в ответ. Он дает мне учебник [ἀναλογεῖον, manuale] и повелевает читать перед ним пять колонок, и я читаю аккуратно и превосходно. Затем отдаю другому. После этого я перехожу к младшему учителю, приветствую его и соучеников, а они отвечают на мое приветствие. Затем сажусь на свое место (место мое) поверх скамьи (или стула, или ступеньки, или цоколя [скамеечки], или кресла). Сидящему мне приносит мой отрок таблички с образцами, пенал со стилями, инструмент для линейки, табличку и [бобовые] фишки¹⁷ (18-22b).

Здесь обратим внимание на практики, связанные с применяемым для чтения текстом. И на объем чтения, равный тому, что начертан на стене обнаруженной археологически школы.

В одних версиях упор делается на действия, на переходы от одного навыка к другому. В других — на содержание материала. Перечень и содержание учебных действий подробно даны в *Colloquium Celtis*:

Вывожу, подсчитываю, вычисляю, считаю, буду считать, прибавляю, вычитаю, умножаю, делю, разделяю, рассмотрение, расспрос, спрашиваю, применение, опыт, вычисляю, пересчи-

¹⁷ Применялись для обучения счету и для игр.

тываю, читаю, строка, строки, существительное, существительные, секретарь, знаки, буква, итог, допущение, образец, поучающий пример, объяснение, разметка [строк], надиктованное, записывающий, декламация, зачитывание, чтение вслух, окончание, флексии, словоизменения, комментарий, поясняющие записки, авторы, дело, деяния, книга, книги, книжные ранцы, инструмент для линовки, разлиновывай! Расставляй точки внимательно! Учи, показывай, демонстрируй, продвигайся, применяй, фиксируй, поднимай, доводи, извини, извинение, стиль, повторяй, вручай, пиши, заглаживай. Заглаживаю, вычищаю и черчу [линии строк] по образцу, и пишу, и показываю моему учителю. И он хвалит меня, потому что я хорошо написал. Что написал — старательно читаю вслух с верными паузами. Произношу вслух. Прочел вслух до тебя. Врешь. Не вру. Если говоришь правду, — говорит мне мой педагог, — пойдем домой, чтобы мы могли быть готовы к греческому и к грамматике [греч.: латинскому]. Потом уходим в палестру [лат.: на борьбу]...¹⁸. Входим в школу [σχολή, schola] греческого и зал [ἄκροαστήριον, auditorium] грамматика [греч.: латинского языка]. Выучиваю написанное мною. Если готов, тут же произношу. Если нет, читаю опять. Читаю образцово, читаю с расстановкой, прочел громко, мы прочитали образцово, вы прочли образцово, мы прочли громко, вы прочли вслух, зачитываю вслух, зачитал, произвожу, произвел, делаю, делал, получаю, получил читать строки, глоссы. Объясняют мне неизвестную книгу или неизвестное чтение. Дано объяснение. Получаю отрывок, и другие со мной читают его без подготовки, а остальные аккуратно повторяют. Меньшие при младшем учителе упражняются в разъяснениях и слогах, словоизменениях, всех правилах речи. Падежи имен, роды имен, числительные, падежные формы, флексии, слова по алфавиту, буквы, гласные, полугласные, безгласные. Разделенные в паузах, снижениях и повышениях [голоса]. Затем, когда всё это проходят, также главы по именам, восемь частей речи. И наконец — молчание. К учителю идут хорошо подготовленные, читают тексты из Илиады и другие из Одиссеи. Получают фрагмент (речь для произнесения, прение, историю, рассказы, все риторические прилежания, причины Троянской войны, сюжет для

¹⁸ Вероятно, в этом месте «сшиты» два диалога о школе. Далее идет речь о школе, в которой есть и элементарное обучение, и обучение уже следующего этапа.

повествования, повторения, речи Туллия, Марона [Виргилия], Лукана, Стация, две войны, Теренция, Саллюстия, три комедии, Феокрита, Фукидида, Демосфена, Гиппократы, Ксенофонта и киников¹⁹). Затем каждый возвращается, садится на свое место, каждый читает то, что ему дано для чтения, кто пишет, кто подготавливает речь. Каждый по порядку читает вслух как может. Если кто хорошо произносит, того хвалят. Если кто плохо, того пресекают и порют. Наступает роспуск [по домам]. Нас отпускают около седьмого часа²⁰. Велит наставник подняться младшим, чтение по слогам, и мы прочитываем упражнения и строки младшему учителю. Производят слова и переводы, читают урок. Второй класс читает громко вслух. А я в первом, потому сели, прохожу насквозь (переходи! перешел) мой комментарий, и лексику, и грамматику. Вызванный, выхожу. Отпустил нас наставник, дал на завтра отдых. Каждый возвращается домой (23a-42b).

Данный диалог содержит выразительный перечень учебных действий вместе со списком так или иначе популярных авторов. Среди последних есть Гомер и нет Еврипида и Плутарха. Эти имена были хорошо известны школьникам позднеантичной ойкумены.

По содержанию изучаемого наиболее выразительный вариант содержит версия *Colloquium Stephani*. В ней речь о падежах, числах и лицах переходит в анализ сюжета:

Падежей пять: номинатив, генитив, датив, аккузатив, вокатив, аблятив²¹. Именам дано число: единственное, для одного, двойственное, множественное. Каков глагол? И сколько там лиц? Говоришь: второй. Говорит: третий. Кто скажет? Кто, чей? Сыном быть древних, читаем о ком у Гомера, и царей величайших, и греков вождей, и опытных разумом, юных и старцев, кто разбирая в суде проступок своего гражданина, единодушно определяли, убить или наказать Александра (кто от

¹⁹ Список не отражает реально изучавшееся. Либо это рекомендация, либо он составлен по принципу: назовем, кого знаем. В последнем случае возможна средневековая интерполяция. Найти позднеантичные или средневековые пояснения «двух войн» и «трех комедий» пока не удалось.

²⁰ Примерно в час дня.

²¹ Загадкой является наличие шести падежей при упоминании, что их пять. В числа помещено двойное число, характерное только для греческого.

Трои привел суда в Грецию и будучи гостем в царстве Менелая в Лакедемоне позабыл как варвар о добрых делах и о гостеприимстве и всю человечность [φιλανθρωπία, *humanitas*] и безумный похитил Елену, жену Менелая, и вывез в Троаду, страну троянцев, в которой правил отец его Приам, в град Илион), поспешно, с армией и кораблями, также обильными, кои включали народ отовсюду или жителей островов, царю Агамемнону подчиняясь, со многими вождями, чьей и доблестью восхищаемся и мудрость хвалим, приплыли в Троаду, где совершили многое и памяти заслуживающее, девять лет воюя с троянцами, на десятый, однако, разрушив их город, выдающихся всех поубивав, кроме Энея (кто убежав в Италию стал основателем власти римлян), и таким образом греки вернули Елену. От того многие, видные и доблестью, и рождением, пали в войне либо погибли, потом домой возвращаясь, в море от бурь иль от потери надежды в душе. Пока мы упражнялись в этом и разном другом и связанном [с ними], время пришло. Взяв табличку, записал из речи Демосфена под диктовку наставника достаточно и сколько позволило время. Расчленил как правильно, сначала произнося, и я произнес сам (23а-39а).

Изложение и обсуждение сюжета — вид деятельности, настолько хорошо знакомый школярам, что он остался зафиксированным на стенах сохранившейся от IV в. н.э. школы.

Школьный диалог как оживший глоссарий слов, понятий, отношений, ролей

Диалоги определяли один из первых пунктов базового образования. *Colloquia quotidiana* появлялись на горизонте ученика после изучения им алфавита, первых фраз (афоризмы, цитаты), во время освоения словаря и элементарной грамматики. Параллельно с ними он изучал сюжеты мифов, коротких басен, исторических рассказов, а далее читал речи и составлял декламации²². От диало-

²² Безрогов (2017). С. 8-9; Bloomer (2011). Р. 5-6. Мартин Блумер пишет, что в юридических случаях наставник сообщал подробности выбранного для учебы дела, делил его на несколько «тактов», показывал пример начальной речью, а затем ученики в определенном порядке (обычно начиная с лучшего из них) участвовали в «процессе» на разных ролях. Каждый выходил в центр и произносил речь, знаменующую тот или иной процессуальный момент. Аудитория превращалась в зал реального суда. На такое же «растворение» школьных стен направлены

га дорога вела и к библиотеке, и к беседам на улице. Знакомство с перечнем различных статусов административных лиц, представителями той или иной профессии, обучение ролям ученика, понимание ролей взрослых, научение языку этих ролей, их проигрывание в заученных диалогах, афоризмах и историях, излагающих поведенческие и общеэтические столкновения и проблемы (начиная с ученических), их достойное разрешение, обретение возможности самому выстраивать речь и строить свое поведение — составляли суть школьной работы, которую продвигали диалоги. Подобное назначение приводило к тому, что образ школы выступал приближенным к реальности. При тематических словарях школьные беседы выполняли роль оживающего театра. Через разговор слова из глоссариев попадали в жизнь.

Такое «попадание в жизнь» отразилось в «Эротах» псевдо-Лукиана, где изображен подросток, который

...смыв чистою водою с глаз остатки сна, закрепивши пряжкой на плече плащ, ...оставляет отчий очаг и, потупив взоры, идет по улице, не глядя в лицо никому из встречаемых. Пристойный хор служителей и дядек идет за ним, держа в руках высокие [вариант: скромные] орудья добродетели: не блестящие надрезы гребня, могущего разгладить прическу, не зеркала неписанные образы, что с точностью вторят чертам лица, — нет, многочисленные складни табличек письменных идут вслед ему или книги, хранящие деянья старинной доблести²³.

Мы как будто бы вновь читаем наши разговорники, провожая восхищенным взглядом того, кто им и за ними следует. Диалог от имени Лукиана написан во III–IV вв. как раз в период широкой распространенности учебных разговорников, начинающих с пробуждения и школы. Написанный по-гречески, но обращенный к широкой взрослой аудитории Восточной и Западной Римской империи (хотя место действия в нем — Греция и малоазийское побережье), он типологически соответствовал греко-римским разговорникам. Возможно, аноним опирался и на свой опыт, и на опыт слушателей, описывая утренний поход в школу.

Школа описана составителями диалогов как постоянное помещение с прихожей. Оно определено деятельностью наставника,

диалоги, рисуящие разные жизненные сценки.

²³ Пер. Н.П. Баранова. *Лукиан* (2001). С. 75. Ср.: *Лукиан* (1991).

обучающего через образцы и разборы. Педагогический процесс центрирован исключительно вокруг школы, внешней по отношению к οἶκος / domibus учеников. По «месту жительства» мальчик лишь только готовит домашние задания, жжет светильник ночью, так как не успевает. Вне школьных тем есть зарисовки форума, который отрок наблюдает, взятый туда с собой отцом-магистратом; рынка, бани, домашнего обеда или трапезы в другом месте, похода в гости, даже перепалки о долгах, но почему-то нет ни слова об обучении детей в домашних условиях, чему, например, почти полностью посвящено Περὶ παιδων ἀγωγῆς псевдо-Плутарха. Вероятно, законы жанра и рекламы препятствовали упоминаниям о домашних наставниках. Центрация вокруг внешней школы определила возможности источника для реконструкции ее образа, нарисованного жителями поздней империи. Из этой центрации происходит и значимость данного источника, оттеняющего псевдо-Плутарха с его акцентом на домашнее обучение. Ни сам Плутарх, ни Светоний, ни Авсоний не описывают конкретное место (лишь город), где работали прославленные учителя, не детализируют работу этих энниев и ливиев андроников. Даже упоминания и описания гимнасия и палестры у Аристофана, Витрувия, Галена Пергамского, Гигина, Дикеарха, Диона Хризостома, Либания, Лукиана Самосатского, Павсания, Элия Аристида, Эсхина и других авторов, а также их уставы и похвалы учеников наставникам дают нам лишь общие сведения о структуре архитектурных комплексов и осуществлявшихся в них образовательных практиках. Детального изображения педагогического процесса в школе стремятся достичь лишь позднеантичные школьные диалоги.

Материальные детали к образу

Это изображение имеет перекличку не только с псевдо-Лукианом, но и с результатами текущих археологических изысканий. Археологи все более и более обращают внимание на артефакты истории образования. Влияет и пространственный поворот, и междисциплинарность исследований. Внимание многих исследователей (историков образования, с одной стороны, социальных историков и историков культуры, с другой, археологов — с третьей) стало привлекать расположение и обустройство учебных заведений. Поиск мест нахождения античных школ, реконструкция их внешнего вида, вместимости, оснащения выявляет мало свиде-

тельств, большинство из которых спорны. Сохранившиеся учебные пособия могут помочь. Как они корреспондируются с материалом раскопок? Взглянем на школу IV–VII вв. со стороны археологии после того, как мы посмотрели на нее со стороны текстов. Для этого нам даже не понадобится выходить из «классной комнаты». В египетском оазисе Дахла, где в античные времена располагался город Тримиф (Trimithis, совр. Амхейда), обнаружен один из трех археологических кейсов, ныне связываемых с развитием античной образованности. Первый — особняки для философских школ в Афинах («дом Прокла» и другие). Второй — учебный комплекс из примерно двадцати аудиторий в Ком эль-Дикка (Египет).

В Амхейде помещение школы изучено во время раскопок 2004–2008 гг. Школа существовала как отдельное здание или часть более общего комплекса. Под занятия отводились, как минимум, три комнаты (№№ 15, 19, 23 на плане раскопок). Общие размеры школы составляли примерно 19 х 9,5 м. Школа работала около двух десятилетий примерно в 335–355 гг. в здании, построенном ранее этого периода на основе руин бани (срезанные стены которой использовались как сиденья для учеников), а потом перестала быть школой²⁴. Переход школьных в разряд нежилых помещений позволил сохраниться их внутреннему виду вплоть до надписей на стенах и сидений по периметру. «Препозит Тримифского пага» по имени Серен, человек образованный, владелец соседнего дома, возведенного одновременно со школой, присоединил к своему дому соседний, когда после смерти или отъезда учителя постройка начала разрушаться²⁵. Его семья с начала работы школы была как-то с ней связана. Возможно, в ней обучались изображенные на фресках двое детей хозяина дома. По-видимому, сохранности

²⁴ Davoli (2010).

²⁵ Вероятно, наставником был дидаскал, приехавший из одного из нильских городов. Остается только жалеть, что среди корпуса сохранившихся писем жителей римского Египта нет писем к учителю в Тримиф и обратно. У жителей Тримифа были на тот момент тесные связи с Долиной. В деревне Келлис неподалеку от Тримифа найдены папирусы, где упоминается учитель уровня, соответствующего школе в Амхейде (P. Kellis I 53, 69, см.: <http://papyri.info> [май, 2019]). Однако увязать его с Тримифом невозможно. О Серене см.: Bagnall (2012). Р. 42–48.

школьных обучающих надписей на стенах мы обязаны не только складскому использованию помещений, но и некоторому уважению Серена и его домочадцев в отношении греческой пайдейи: делая ремонт после приобретения помещений школы, они не стали покрывать новым слоем штукатурки места с нанесенными надписями, хотя срубили первые две строчки для закрепления деревянной полки²⁶. Стенная роспись комнат дома свидетельствует об уважении к образованию со стороны членов семьи²⁷. Весь жилой комплекс после ликвидации школы не просуществовал дольше IV в. н.э., что обусловило сохранность интерьера. История школы, функционировавшей не при храме, ни в пределах портика на агоре или форуме, создала для нее счастливый шанс сохраниться до наших дней.

В комнатах побеленные стены играли роль наших черных досок. На них красным писали учитель и ученики. Надписи затем забеливались и наносились новые. Беленая штукатурка использовалась в то же время и в других зданиях городского поселения; применение ее в педагогических целях стало естественным²⁸. Вдоль стен сохранились скамьи, на которых можно было сидеть, писать (стоя рядом на коленях) или стоять, нанося текст на стену. Одна из комнат сохранила столбик / кафедру / сиденье учителя в центре²⁹. Возможно, вокруг этого места учитель проверял выполненное, вносил поправки, задавал следующее, показывал, как его выполнять. В диалогах учитель не ходит по комнате, занимает по-

²⁶ Надпись могла быть закрыта новым слоем штукатурки, но он со временем отслоился и отпал. Однако отсутствие аналогичной ситуации с другими частями стен данной комнаты позволяет предположить все же намеренное сохранение надписей — в закрытом или незакрытом виде. Факт уничтожения первых двух строк более существенен. Ср.: *Cribiore* (2008). P. 176-178.

²⁷ *Schulz* (2015); *McFadden* (2014).

²⁸ Также учебные таблички, которые школьники приносили с собой, были не только восковые, но и беленые. В таком случае ненужный текст забеливался и наносился новый.

²⁹ Эта кафедра создает типологическую близость школы в Тримифе со школьным комплексом в Ком эль-Дикке, который датируется IV–VII веками. Каждая его аудитория для занятий или лекций снабжена подобной «кафедрой» в центре или ближе к одной из стен. См.: *Derda* (2007). Аналогия проведена: *Cribiore* (2015).

стоянное место. Тут же находилась подставка для листа, кодекса, таблички с заданием, чтение которого требовалось от ученика. Именно такое место, которое могло служить не только сидением (θρόνος), а также подлокотником или подставкой, выявлено в Амхейде и в аудиториях Ком эль-Дикки. Но если в «александрийских классах», которых было много, по одному на учителя, рядом с «пюпитром» излагали уже основы наук, то в Амхейде как школе базового уровня данное место служило постижению речи, грамматики общеизвестных текстов, элементов риторики, а могло, пожалуй, становится иногда и «лобным», рядом с которым секли нерадивых.

Быстрый переход большей части помещений школы под склад обусловил, как мы сказали, сохранность надписей на побеленных стенах, которые были начертаны учителем и учениками в течение одного из последних уроков. Из трех школьных комнат тексты на стенах лучше всего видны в комнате 15 (6,8 x 2,6 м). Сохранилось пять столбцов из восьми поэтических отрывков. Написанные в элегическом размере и гекзаметре, они демонстрируют навыки учителя в подаче дидактических эпиграмм³⁰. Повидимому, эта комната отводилась под старшую группу учеников. Тексты на стенах демонстрируют уже умеющих читать и писать παιδες / σχολαστικοί, знающих персонажей греческих мифов. Учитель полностью погружен в эллинскую культуру. Надписи не содержат прямых упоминаний египетского культурного наследия, римских реалий или христианских образов. Есть лишь некоторые косвенные свидетельства, специально полисемантические для разношерстной публики. Так, встречающиеся выражения μεύας θεός и θεός вне имени, вероятно, несли синтетический смысл, взывая одновременно к покровителю Тримифа Гермесу Трисмегисту, его египетскому аналогу Тоту, христианскому Богу или просто к «божеству», как у псевдо-Аристотеля в «Περὶ Κόσμου».

На данный момент Р. Крибиоре удалось реконструировать два отрывка из восьми³¹. Оба не атрибутированы какому-либо автору. Один повествует о водах Пиерийских, горного источника неподалеку от Олимпа, дающего знание и вдохновение. Способные мальчики, гласит текст, могут быть спасены водами этого источника, находившегося под покровительством пиерид. В таком случае они

³⁰ Cribiore (2008). P. 178, 189; Cameron (2004).

³¹ Cribiore (2015).

справятся с трудной учебой, которая делает человека мужественным. Образцом выносливости в другом отрывке, читаемом на уровне отдельных слов, дан Геракл, чьи сомнительные успехи в учебе, разумеется, не упомянуты. Наоборот, акцент делается на смелости, душе, силе и почете. Рядом поставлен образ Сизифа, но он, вероятно, относится к труду учителя.

Во втором распознанном тексте наставник выражает пожелание, чтобы все его ученики изучили «медовые труды (ἑρῦ) муз», то есть, искусства и науки, и достигли вершин риторического мастерства под покровительством харит и под присмотром Гермеса, сына Майи. Он подталкивает обучающихся быть в этом деле смелее. Смелым в обучении помимо священных лавровых венков даруется многообразие прекрасной ἀρετῇ — одновременно силы, доблести, добродетели, совершенства, процветания, возможности «жить полной жизнью», как мы перевели бы смысл этого термина для эллина на язык современности³². Одним из первых этапов в приобретении арете считалось знание, обучение знанию для воплощения в действие. На знание, соединенное с действием, направляют учеников надписи, нанесенные учителем в Амхейде. Такого рода тексты нередко встречаются на школьных остраках и папирусах, найденных в разных местах, но контексты находок не позволяют какой-либо из них прочесть как здание школы.

Реальными венками увенчивали не только атлетов, актеров, магистратов, но и учеников риторических школ. Комната 15, вероятно, была как раз посвящена переходу к риторике и освоению первых ее элементов. Р. Крибиоре подчеркнула, что надписи Амхейды показывают продолжение использования поэзии и на уровне обучения риторике, расширяя сложившееся представление о том, что ритор имел дело лишь с прозой³³. Надписи мотивируют учеников к обучению на повышенном уровне. Наставник использует по отношению к ним термин «σχολαστικόν», который часто относился именно к изучающим риторику.

Тексты другого помещения (№ 19) отражают степень обучения, предшествующую ученикам комнаты 15. Здесь школяры осваивали, в частности, сюжеты и тексты классиков, популярные в воспитательном каноне, накапливали знания и образы для сле-

³² *Cribiore* (2008, 2013); *Wolf* (2010).

³³ *Cribiore* (2008). P. 190.

дующего этапа. Из двух сохранившихся для прочтения надписей одна из «Одиссеи» (IV, 220) о траве забвения непенфе³⁴, которую для поддержания изможденного телесно и душевно Телемаха со спутниками подмешивает им в напиток Елена, принимая их в Спарте. Текст четкой рукой и мелким почерком начертан, вероятно, учителем для повторения учениками по памяти с опорой на подглядывание. Такой смысл явно следует из написанного после цитаты слова «повторите». Плутарх полагал, что тут у Гомера метафора и речь идет о повествовании о странствиях Одиссея, произнесение которого действует лечебным образом³⁵.

Вторая надпись — вариация сюжета, изложенного у Плутарха в «Моралиях», о необразованном скифском царе Антее, которому было более мило ржание коня, нежели игра на флейте³⁶. В отличие от слов Гомера, куда дидактичность вписана посредством метафоры (знание как тонизирующее лекарство), текст о флейте и коне дидактичен впрямую. Плутарх настаивал, что такому человеку даже не ржание лошадей, но рев ослов больше подходит слушать. Возможно, сюжет из Плутарха на стене начертан самим учеником, его пересказавшим. Воспроизведение историй выступало свидетельством присвоения образования.

Небольшие, этически окрашенные рассказы (басни, анекдоты и пр.) вместе с отрывками из Гомера преподавались грамматиком или берущимся за них учителем более низкого и широкого профиля: διδάσκαλος либо καθηγητής³⁷. Поэтому гипотетически комнату 19 можно считать классом, предшествующим комнате 15. В ней вполне могли изучаться сюжеты, перечисленные в греко-римских диалогах, рассмотренных выше. В целом, школа давала своим ученикам тот уровень образования, который был достаточен для типичного горожанина среднего класса в Тримифе.

³⁴ Снадобье бросила быстро в вино им, которое пили, // Тонут в нём горе и гнев и приходит забвение бедствий. // Если бы кто его выпил, с вином намешавши в кратере, // Целый день напролёт со щеки не сронил бы слезинки (пер. В.В. Вересаева).

³⁵ Συμπλοιακά 614C; *Cribiore* (2015). Гимерий (речь 16) говорит о словах ратора как о лекарстве. *Him. Or.* 16; *Himerius* (2007). P. 77.

³⁶ *Plut.* Περί τῆς Ἀλεξάνδρου τύχης ἡ ἀρετῆς, 334b; *ps.-Plut.* Βασιλέων ἀποφθέγματα καὶ στρατηγῶν, 174ef.

³⁷ *Cribiore* (2015); *Cribiore* (2001). P. 53.

Работы в оазисе Дахла позволили увидеть описанную в *Hermeneumata psedodositheana* школу, ощутить педагогический контекст предъявления «Одиссеи» и сохраненных Плутархом повествований, атмосферу их воспроизведения учениками. Раскопки «домов философских школ» в Афинах и школьных аудиторий в Александрии не дали ни надписей на стенах, ни школьных остраконов. Поэтому белые «черные доски» школы Тримифа представляют собой уникальную возможность соединить вместе а) слова псевдо-Лукиана, б) найденные школьные упражнения на папирусах, остраках, иногда на деревянных табличках, в) описания в греко-римских разговорниках школы и занятий в ней, г) школьные помещения для начального обучения грамотности, навыкам письма, грамматике, элементам риторики для повседневной жизни свободного человека среднего статуса в малом античном городе Тримифе, д) аудитории для получения более высокого уровня образования в Александрии (Ком эль-Дикка), но типологически близкие Амхейде³⁸. Аналогично надписям в Амхейде греко-римские диалоги не содержат точных отсылок к языческой или христианской религиям, что позволяло им быть широко применяемыми разными учениками в различных регионах империи. К этому комплексу добавлялся школьный контекст сохранения, использования и передачи античных текстов, которые при своем возникновении в самих себе не несли впрямую педагогических целей. Центральным элементом в этом соединении, «стягивании» различных видов источников выступают рассмотренные в этой статье учебные разговорники, рисующие функционирующую позднеантичную школу в конкретных подробностях. Конечно, эти подробности были понятны современникам, а сейчас нуждаются в тщательном прояснении на основе других текстов и археологических находок. Школа, обнаруженная в Амхейде, с помощью школьных диалогов становится лучше видна, и наоборот, школь-

³⁸ Одеон в Александрии рядом с группой школьных аудиторий, дома философских школ в Афинах, Антиохии, Берите и ряде других мест относятся к иному типу школы, школы повышенного типа, не отраженной в *Hermeneumata*, и потому в данной статье не рассмотрены. См.: *Εὐνάτιος. Βίοι Φιλοσόφων καὶ Σοφιστῶν*, 9.1,4-6,483 (*Loeb*. P. 469); *Болгова* (2016); *Afonasin* (2014); *Cribiore* (2007); *Frantz* (1988); *Karivieri* (1994); etc.

ные диалоги наполняются материально при рассмотрении комплекса в Амхейде. Равно как и на текст псевдо-Лукиана из «Эротов» можно теперь взглянуть с большим ощущением материализующей его реальности. Конечно, *Hermeneumata pseudodositheana* достойны стать предметом еще не одной научной работы. В данной статье мы только подчеркнули плодотворность их изучения в диалоге и с текстами, и с другими артефактами для дальнейшего изучения столь неуловимого облика античной школы. Ее образ начинает проступать именно на закате этой великой эпохи, когда полисы, наоборот, становятся невидимыми. К нам он приходит лишь отдельными чертами. Сложить их в улыбку школьного чеширского кота совместными усилиями многих исследователей — дело будущего, которое, очень надеюсь, все же наступит...

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Afonasin* (2014) — *Afonasin E., Afonasin A.* The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1 (2014). P. 9-23.
- Bagnall* (2012) — *Bagnall R.S. and Ruffini G.R.* Amheida I. Ostraka from Trimithis. Vol. 1: Texts from the 2004-2007 Seasons. New York: New York UP, 2012. 178 p.
- Bloomer* (2011) — *Bloomer W.M.* The School of Rome. Latin Studies and the Origins of the Liberal Education. Berkeley: Uni of California Press, 2011. 281 p.
- Cameron* (2004) — *Cameron A.* Poetry and Literary Culture in Late Antiquity // Swain S. and Edwards M.J. Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire. Oxford, 2004. P.327-354.
- Cribiore* (1996) — *Cribiore R.* Writing, teachers, and students in Graeco-Roman Egypt. Atlanta: Scholars Press, 1996. 316 p.
- Cribiore* (2007) — *Cribiore R.* Spaces for Teaching in Late Antiquity // Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education. Warsaw: National Museum, 2007. P. 143-150.
- Cribiore* (2008) — *Cribiore R., Davoli P., Ratzan D.M.* A teacher's dipinto from Trimithis // Journal of Roman Archaeology. 2008. Vol.21. P.170-191.
- Cribiore* (2013) — *Cribiore R., Davoli P.* New Literary Texts from Amheida, Ancient Trimithis // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Bd. 187 (2013). P. 1-14.

- Cribiore* (2015) — *Cribiore R.* Literary culture and education in the Dakhla Oasis // Bagnall R.S. et al. An Oasis City. N.Y.: NYU Press, 2015. P. 179-192.
- Davoli* (2010) — *Davoli P., Cribiore R.* Una scuola di greco del IV secolo d.C. a Trimithis // Leggere Greco e latino fuori dai confine nel mondo Antico. Lecce: Pensa multimedia, 2010. P.73-87.
- Derda* (2007) — *Derda T.* et al. (ed) Alexandria. Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education. Warsaw, 2007. 345 p.
- Dickey* (2010) — *Dickey E.* The creation of Latin teaching materials in antiquity: a re-interpretation of P.Sorb.inv.2069 // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Bd. 175. 2010. P. 188-208.
- Dickey* (2012a) — *Dickey E., Ferri R.* A new edition of the Colloquium Harleianum fragment in P.Prag.2.118 // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, 180. 2012. P.173-189.
- Dickey* (2012b) — *Dickey E.* The Colloquia of the Hermeneumata Pseudodositheana. Volume I. Cambridge, CUP, 2012. 276 p.
- Dickey* (2015a) — *Dickey E.* The Colloquia of the Hermeneumata Pseudodositheana. Volume II. Cambridge, CUP, 2015. 346 p.
- Dickey* (2015b) — *Dickey E.* Teaching Latin to Greek speakers in antiquity // Learning Latin and Greek from Antiquity to the Present. Ed. by E.P. Archibald et al. Cambridge: CUP, 2015. P. 30-51.
- Dionisotti* (1982) — *Dionisotti A.C.* From Ausonius' schooldays? A school-book and its relatives // Journal of Roman Studies. 1982. Vol.72. P.83-125.
- Ferri* (2008) — *Ferri R.* Il latino dei Colloquia scholica // Bellandi F., Ferri R., a cura di. Aspetti della scuola nel mondo romano. Amsterdam: Hakkert, 2008. P.111-177.
- Flammini* (2004) — *Hermeneumata Pseudodositheana Leidensia.* Ed. G.Flammini. München: Saur, 2004. 153 p.
- Frantz* (1988) — *Frantz A., Thompson H., Travlos J.* The Athenian Agora. Vol. XXIV: Late Antiquity, A.D. 267–700. Princeton: University Press, 1988. 249 p.
- García y García* (2005) — *García y García L.* Pupils, Teachers and Schools in Pompeii. Roma: Bardi, 2005. 173 p.
- Goetz* (1892) — *Goetz G.* (hrsg.) Corpus Glossariorum Latinorum. Vol. III. Hermeneumata pseudodositheana. Lipsius: Teubner, 1892. 712 p.
- Himerius* (2007) — *Man and His World. The Orations of Himerius.* Tr.by R.Penella. Berkeley: UP of California, 2007. 329 p.

- Kalimtzis* (2017) — *Kalimtzis K.* An inquiry into the philosophical concept of scholê: leisure as a political end. N.Y.: Bloomsbury, 2017. 227 p.
- Karivieri* (1994) — *Karivieri A.* The 'House of Proclus' on the Southern Slope of the Acropolis // *Post-Herulian Athens*, 267–529. Helsinki: Finn. Inst. at Athens, 1994. P. 115–140.
- McFadden* (2014) — *McFadden S.* Art on the edge: The late Roman wall painting of Amheida, Egypt // *Zimmermann N.* (hrsg.) *Antike Malerei zwischen Lokalstil und Zeitstil*. Wien: Verl. der Österr. Akad. der Wiss., 2014. P. 359–370.
- Rochette* (1997) — *Rochette B.* Le latin dans le monde grec: Recherches sur la diffusion de la langue et des lettres latines dans les provinces hellénophones de l'Empire romain. Brussels: Latomus, 1997. 420 p.
- Schulz* (2015) — *Schulz D.* Colors in the oasis: the Villa of Serenos // *Egyptian Archaeology*. 2015. Vol.46. P.23–26.
- Wolf* (2010) — *Wolf J.R.* Aretê and Physics: The Lesson of Platon's Timaeus. Diss. University of South Florida, 2010. 116 p.
- Баранникова* (2017) — *Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г.* Диалоги из учебника псевдо-Досифея // *Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье*. М.: Индрик, 2017. С.136–181.
- Безрогов* (2017) — *Безрогов В.Г.* Colloquium Harleianum как учебный текст // *Cursus mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Вып.9. Иваново: ИвГУ, 2017. С.6–21.
- Болгова* (2016) — *Болгова А.М.* К вопросу о зданиях для высших школ в ранней Византии // *Научные ведомости БелГУ*. №8(229). Вып.38 (2016). С.44–51.
- Лукиан* (1991) — *Лукиан*. Избранная проза. М.: Правда, 1991. 720 с.
- Лукиан* (2001) — *Лукиан*. Сочинения. Т.2. СПб.: Алетейя, 2001. 480 с.
- Черняк* (2015) — *Черняк А.Б.* Языковая ситуация в Римской империи. СПб.: Нестор, 2015. 171 с.

Vitaly G. BEZROGOV

FROM WHITE CLASS WALLS TO WAX ON TABLETS
IMAGE OF SCHOOL
IN LATE ANTIQUE EDUCATIONAL TEXTS

A considerable number of teachers known to historians of education from the times of ancient Greece and Rome were, in fact, al-

most homeless. This happened not only because random premises, places in town squares, porticoes and groves used to be adapted for educational practices. The few detailed descriptions of what was happening at schools and almost complete archaeological silence on this subject contribute to this problem. Late antique text sources and artifacts allow us to lift the veil that separates us from the “places of education” as they had been formed by the end of the great era. This article describes the image of the school, as drawn by the Greco-Roman educational phrasebooks that belonged to *Hermeneumata pseudodositheana*, a literary monument formed between the 2nd and 6th centuries AD. On the basis of its six main versions, it was demonstrated how, in order to socialize a student, the structure of the school and the educational process were presented. The phrasebooks refer mainly to the training at the grammarist’s and grammarian’s and do not reflect home schooling. The school is shown as permanent premises with a lobby, where children leave their outdoor clothes, and one or two rooms for study. Functioning of the school is determined by the activity of the mentor, who is occasionally assisted by *hypodidaskaloi*. The teaching process goes through patterns, repetitions, imitations, analyses, which lead to comprehending the social roles in the ancient society, mastering the vocabulary of concepts and phrases, acquiring skills of reproduction, communication and self-presentation. The texts from phrasebooks on school subjects are compared with other kinds of texts and archaeological data. It is shown that of the two main lines indicated by Pseudo-Plutarch (“De liberis educandis”) and Pseudo-Lucian (“Erotes”), the works of Pseudo-Dositheus follow the second line (with the emphasis on institutional training). Of the three variants of the archaeologically studied school buildings (the philosophical schools in Athens, the classrooms in Alexandria, the school in the Egyptian Dakhla Oasis), the latter is the closest one typologically to the image presented in the phrasebooks.

REFERENCES

- Afonasin* (2014) — *Afonasin E., Afonasina A.* The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1 (2014). P. 9-23.
- Bagnall* (2012) — *Bagnall R.S. and Ruffini G.R.* Amheida I. Ostraka from Trimithis. Vol. 1: Texts from the 2004-2007 Seasons. New York: New York UP, 2012. 178 p.

- Barannikova* (2017) — *Barannikova N., Bezrogov V.* Dialogi iz uchebnika psevdo-Dosifeya // *Vozlyublyu slovo kak blizhnego: Uchebnyj tekst v pozdnyuyu Antichnost i rannee Srednevekovje*. M.: Indrik, 2017. P.136-181.
- Bezrogov* (2017) — *Bezrogov V.* Colloquium Harleianum kak uchebnyj tekst // *Cursor mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekovja I Vozrozhdeniya*. T.9. Ivanovo: Ivanovskij universitet, 2017. P.6-21.
- Bloomer* (2011) — *Bloomer W.M.* The School of Rome. Latin Studies and the Origins of the Liberal Education. Berkeley: Uni of California Press, 2011. 281 p.
- Bolgova* (2016) — *Bolgova A.* K voprosu o zdaniyakh dlya vysshykh shkol v rannej Vizantii // *Nauchnye vedomosti BelGU*. №8(229). T.38 (2016). P.44-51.
- Cameron* (2004) — *Cameron A.* Poetry and Literary Culture in Late Antiquity // *Swain S. and Edwards M.J.* Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire. Oxford, 2004. P.327-354.
- Chernyak* (2015) — *Chernyak A.* Yazykovaya situatsiya v Rimskoj imperii. SPB.: Nestor, 2015. 171 p.
- Cribiore* (1996) — *Cribiore R.* Writing, teachers, and students in Graeco-Roman Egypt. Atlanta: Scholars Press, 1996. 316 p.
- Cribiore* (2007) — *Cribiore R.* Spaces for Teaching in Late Antiquity // *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw: National Museum, 2007. P. 143-150.
- Cribiore* (2008) — *Cribiore R., Davoli P., Ratzan D.M.* A teacher's dipinto from Trimithis // *Journal of Roman Archaeology*. 2008. Vol.21. P.170-191.
- Cribiore* (2013) — *Cribiore R., Davoli P.* New Literary Texts from Amheida, Ancient Trimithis // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 187 (2013). P. 1-14.
- Cribiore* (2015) — *Cribiore R.* Literary culture and education in the Dakhla Oasis // *Bagnall R.S. et al.* An Oasis City. N.Y.: NYU Press, 2015. P. 179-192.
- Davoli* (2010) — *Davoli P., Cribiore R.* Una scuola di greco del IV secolo d.C. a Trimithis // *Leggere Greco e latino fuori dai confine nel mondo Antico*. Lecce: Pensa multimedia, 2010. P.73-87.
- Derda* (2007) — *Derda T. et al. (ed)* Alexandria. Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education. Warsaw, 2007. 345 p.
- Dickey* (2010) — *Dickey E.* The creation of Latin teaching materials in antiquity: a re-interpretation of P.Sorb.inv.2069 // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 175. 2010. P. 188-208.

- Dickey* (2012a) — *Dickey E., Ferri R.* A new edition of the Colloquium Harleianum fragment in P.Prag.2.118 // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 180. 2012. P.173-189.
- Dickey* (2012b) — *Dickey E.* The Colloquia of the Hermeneumata Pseudodositheana. Volume I. Cambridge, CUP, 2012. 276 p.
- Dickey* (2015a) — *Dickey E.* The Colloquia of the Hermeneumata Pseudodositheana. Volume II. Cambridge, CUP, 2015. 346 p.
- Dickey* (2015b) — *Dickey E.* Teaching Latin to Greek speakers in antiquity // *Learning Latin and Greek from Antiquity to the Present*. Ed. by E.P. Archibald et al. Cambridge: CUP, 2015. P.30-51.
- Dionisotti* (1982) — *Dionisotti A.C.* From Ausonius' schooldays? A school-book and its relatives // *Journal of Roman Studies*. 1982. Vol.72. P. 83-125.
- Ferri* (2008) — *Ferri R.* Il latino dei Colloquia scholica // *Bellandi F., Ferri R., a cura di. Aspetti della scuola nel mondo romano*. Amsterdam: Hakkert, 2008. P.111-177.
- Flammini* (2004) — *Hermeneumata Pseudodositheana Leidensia*. Ed. G.Flammini. München: Saur, 2004. 153 p.
- Frantz* (1988) — *Frantz A., Tompson H., Travlos J.* The Athenian Agora. Vol. XXIV: Late Antiquity, A.D. 267–700. Princeton: University Press, 1988. 249 p.
- García y García* (2005) — *García y García L.* Pupils, Teachers and Schools in Pompeii. Roma: Bardi, 2005. 173 p.
- Goetz* (1892) — *Goetz G.* (hrsg.) *Corpus Glossariorum Latinorum*. Vol. III. *Hermeneumata pseudodositheana*. Lipsius: Teubner, 1892. 712 p.
- Himerius* (2007) — *Man and His World. The Orations of Himerius*. Tr. by R. Penella. Berkeley: UP of California, 2007. 329 p.
- Kalimtzis* (2017) — *Kalimtzis K.* An inquiry into the philosophical concept of scholê: leisure as a political end. N.Y.: Bloomsbury, 2017. 227 p.
- Karivieri* (1994) — *Karivieri A.* The 'House of Proclus' on the Southern Slope of the Acropolis // *Post-Herulian Athens, 267–529*. Helsinki: Finn. Inst. at Athens, 1994. P. 115–140.
- Lukian* (1991) — *Lukian*. Izbrannaya proza. M.: Pravda, 1991. 720 p.
- Lukian* (2001) — *Lukian*. Sochineniya. T.2. SPb.: Aletaya, 2001. 480 p.
- McFadden* (2014) — *McFadden S.* Art on the edge: The late Roman wall painting of Amheida, Egypt // *Zimmermann N.* (hrsg.) *Antike Malerei zwischen Lokalstil und Zeitstil*. Wien: Verl. der Österr. Akad. der Wiss., 2014. P. 359-370.

- Rochette* (1997) — *Rochette B.* Le latin dans le monde grec: Recherches sur la diffusion de la langue et des lettres latines dans les provinces hellénophones de l'Empire romain. Brussels: Latomus, 1997. 420 p.
- Schulz* (2015) — *Schulz D.* Colors in the oasis: the Villa of Serenos // *Egyptian Archaeology*. 2015. Vol.46. P.23-26.
- Wolf* (2010) — *Wolf J.R.* Aretē and Physics: The Lesson of Platon's Timaeus. Diss. University of South Florida, 2010. 116 p.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ОБРАЗОВАНИЯ БЕОТИЙСКИХ ФИВ РАННЕХРИСТИАНСКОГО ПЕРИОДА (IV–VI ВЕКОВ) В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ*

А.Ю. МОЖАЙСКИЙ

В статье рассмотрены особенности развития Фив IV–VI вв. как крупного регионального центра христианства. Помимо «промышленных» успехов, когда город успешно развивался как центр производства раннехристианских мозаик и шелка, Фивы являлись центром интеллектуальной и образовательной активности, которая осуществлялась, преимущественно, на территориях церквей. Каталог археологических раскопок С. Симеоноглу и археологические отчеты последних лет, которые отражают археологические исследования под руководством В. Аравантиноса и с участием автора настоящей статьи, позволяют предположить места возможного расположения церквей на акрополе Фив — Кадмеи. Свидетельством возможного нахождения одной из базилик (в местах 18 и 40 каталога Симеоноглу) является прямоугольная мозаика. Похожие мозаики были обнаружены в месте 88 каталога, где должно было располагаться крупное здание, которое могло быть церковью. Раннехристианские священные места могли располагаться также на позициях 218, 270, 32, 266 и 270 каталога. Однако на данный момент существует лишь одно наиболее точно локализованное место, где располагалась раннехристианская базилика — на месте центрального комплекса дворца микенского

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта (№ 19–013–00004) «Эволюция пространства образования и пространства знания в Поздней Античности».

НУРОТНЕКАИ
2019. Вып. 3. С. 255–277
УДК 37.01

НУРОТНЕКАИ
2019. Issue 3. P. 250–277
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-250-277](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-250-277)

времени на южной стороне улицы Антигоны (Antigonis 27-29). Здесь были найдены не только рассредоточенные каменные архитектурные части базилики, некоторые ее стены, а также участки пола, но и фонтан с мозаичным полом, который датируется IV веком н.э. Декоративные украшения пола связаны с морскими мотивами и включают изображения птиц, которые могли символизировать не только празднество, но и причастие. Мы предполагаем, что все это являлось резиденцией епископа Фив. Еще одна из найденных мозаик содержала надпись о том, что ее заказал учитель богословия, интеллектуал из клерикального сословия. Всего нами выявлено и охарактеризовано десять мест возможной образовательной и интеллектуальной активности в христианских Фивах, главными из которых являются вышеперечисленные остатки религиозных строений с сопутствующими мозаиками, на которых классические темы адаптировались под сферу христианской символики.

В статье в прошлом номере журнала *Hypothekai* мы рассмотрели, как память о микенских временах стала в классический период частью образовательной традиции и выразилась в материальной культуре и топографии Фив в Беотии, где фиванцы почитали свои монументы и культовые места, включая статусные погребения. Аттические трагедии распространяли эти знания на более широкую аудиторию, и сложившаяся образовательная традиция не потеряла актуальности даже в эллинистический период и римское время, превратившись в основу для становления интеллектуалов¹. В период Поздней Античности и в ранневизантийское время в материковой Греции произошли радикальные изменения как в литературном наследии, так и в материальной культуре, сильным образом затронув и образовательную сферу. Катализатором этих изменений, говоря в терминах процессуального подхода, явились изменения в символической или проекционной (как ее называл Колин Ренфрю) подсистеме культурной системы². К этой подсистеме, в первую очередь, относится религиозная составляющая жизни

¹ Можайский (2018а). С. 79-96.

² О процессуальном подходе в исследованиях древних обществ см.: Clarke (1968); Binford, Binford (1968); Renfrew, Bahn (1996). P. 455-457; Darvill (2003). P. 341; Добровольская, Можайский (2012). С. 71-73; Можайский (2018b) С. 53-56.

общества, которая в обозначенный период на данной территории регламентировалась, в основном, христианским учением. Образование также относилось к ведению христианской идеологии, которая нашла отражение в символике материальной культуры³.

Церковь доминировала над обществом в ранневизантийский период (ок. 650–843 гг.), в том числе, и в материальной культуре: например, заказывая и размещая произведения искусства, что помогало регламентировать повседневную общественную и частную жизнь. Византийский мир изображался как отражение неба на земле, где император и духовенство являлись представителями Бога.

Кормак⁴, а за ним Бинтлиф⁵ приводят прекрасный пример представления образа св. Димитрия в крупном храме города Фессалоники. Димитрий принял мученическую смерть в IV в. и его символическая роль покровителя города стала вскоре краеугольным камнем в сопротивлении вражеским нашествиям. В конце VI века авары и славяне осадили Фессалоники, однако угроза была отбита. В представлении сообщества Фессалоник это произошло с помощью самого святого, который явился на стены города, чтобы отразить захватчиков. На мозаике из Фессалоник, созданной ок. 620 г., изображен св. Димитрий, который одной рукой обнимает религиозного лидера города — епископа, а другой — местного военного и гражданского руководителя — эпарха (ἐπαρχος). Не-

³ Ренфрю обозначил так называемый «умножающий эффект», когда изменения, происходящие на одном поле человеческой активности (в одной подсистеме культуры) приводят к изменениям на других полях (в других подсистемах). Причем происходит так, что вызванные изменения в подсистемах сами усиливают первичные изменения в подсистеме их вызвавшей (Renfrew, Bahn (1996) Р. 458; Добровольская, Можайский (2012). С. 72-73; Можайский (2018b). С. 55). В нашем случае изменения в символической (проекционной подсистеме), куда относятся и образование, с принятием христианства привели к изменениям в социальной подсистеме и подсистеме материальной культуры (постройка христианских храмов, изменения в сюжетах мозаик, создание других предметов христианской символики). При этом все большее увеличение спроса на христианскую материальную культуру в свою очередь зеркально отразилось на росте религиозного сознания и на развитии образования в рамках христианской доктрины.

⁴ Cormack (1985).

⁵ Bintliff (2012). Р. 402.

смотря на то, что тело Димитрия не было представлено, был сооружен киворий (κιβώριον) с приношениями и произведениями искусства, которые посвятили ему простые верующие и местная элита. Сюда приходили для молитвы и исцеления, здесь, как верили, Димитрий чудесным образом являлся, чтобы помочь городу в трудное время (в периоды голода или гражданских волнений). Таким образом, церковь установила этот местный культ, с помощью которого влияла на население и порой воодушевляла его во время опасности.

Этот пример очень показателен для нашей темы, поскольку затрагивает образовательную парадигму для масс. Большинство паствы не могло читать христианские тексты и такие места культов местных «героев» выполняли образовательную функцию для населения, ведь здесь люди могли не только узнать историю святого и его связь с их родным городом, но узнать историю своего города и получить наставление. Таким образом, материальная культура выполняла педагогические функции, связанные с направленной передачей нужного знания. Заметим, что как было установлено в наших прошлых исследованиях, такая функция предметов материальной культуры существовала в Эгеиде задолго до принятия христианства⁶. Однако теперь, прежние языческие культы были заменены христианскими. Попытаемся определить, когда и как это произошло на примере беотийских Фив.

Следует отметить, что христианство в Фивах процветало уже в середине IV в. н.э., а епископ Юлий представлял Фивы на Сардийском соборе в Сардике (совр. София), что говорит о важности Фив как регионального центра того времени⁷. Город пострадал от

⁶ *Mozhajsky* (2018). Р. 46-48; *Можайский* (2018а). Помимо исследования фортификации, культовых мест и статусных погребений, в процессе анализа археологического материала из Фив и литературных источников была выявлена информационно-образовательная функция предметов из бронзы, как например, треножников, которые видел Геродот в Фивах, в святилище Аполлона Исмения. Статус посвящения бронзовых изделий в святилища и легендарная история шли рука об руку в пространстве образования античного периода, используя легендарное героическое микенское прошлое в качестве краеугольного камня самоопределения и самосознания греков.

⁷ Вообще, христианство в Фивах могло стать популярным очень рано, поскольку Руф — первый епископ Фив упоминается в послании апостола Павла к римлянам (16.13). Ср.: *Le Quien* (1740). Р. 207-210.

крупного землетрясения 375 г., однако смог выстоять во время вторжения готов под предводительством Алариха в 395 г.⁸. Город вполне успешно развивался в V веке и, вероятно, стал центром производства раннехристианских мозаик⁹. После вторжений гуннов и славян, Юстиниан снова укрепил Фивы, а также учредил здесь производство шелка¹⁰. Вторжения конца VI и VII веков должны были отразиться на жизни города, тем не менее в 716 году Фивы стали столицей провинции (θέμα) Центральной Греции и Евбеи¹¹.

После того, как мы дали краткую историческую справку о Фивах раннехристианского и ранневизантийского периодов, можно перейти к исследованию вопроса образовательной активности в этом беотийском центре. К сожалению, не многое известно о том, где в данный период находились образовательные центры. Поскольку многие учителя были лицами клерикального статуса, то весьма вероятно, что широко практиковались занятия на территории церквей¹². В связи с этим нам следует рассмотреть наличие церквей в Фивах, датированных в период с IV по VII вв. В этом нам поможет каталог мест археологических раскопок, который создал С. Симеоноглу, рассмотрев всю возможную литературу на 1985 г., включая археологические отчеты из *Archaiologikon Deltion*, а также другая специальная литература последних лет¹³.

Обозначим сначала места возможных церквей того времени, расположенных на акрополе Фив — Кадмеи. Известны следы возможной базилики в местах 18 и 40 каталога Симеоноглу. Из места 40 на улице Эпаминонда в соответствии с отчетами в некоторых ямах были обнаружены остатки мозаик, которые, вероятно, принадлежали тому же зданию, что было раскопано в месте 18 поблизости¹⁴. Поэтому подробнее коснемся места 18. Здесь, на улице Плутарха (сейчас это на углу улицы Демокрита и Луки Белы) был найден мозаичный пол, вероятно, раннехристианской базилики,

⁸ Symeonoglou (1985). P. 156.

⁹ Об этом будет сказано ниже.

¹⁰ Miller (1921). P. 33.

¹¹ Symeonoglou (1985). P. 156.

¹² Markopoulos (2008). P. 788.

¹³ Symeonoglou (1985).

¹⁴ Symeonoglou (1985). P. 254.

датированный V веком (*Deltion* 20B [1065], 237, 253-255, pls. 309-313). Если здесь присутствовал храм, то он мог продолжаться на восток от этого места, поскольку длинный хорошо сохранившийся прямоугольник мозаик лежал в направлении север-юг, обозначая поперечное помещение, возможно нартекс. Здание, похоже, просуществовало до VI в. н.э. поскольку над мозаиками располагалось кладбище. Многочисленные погребения черепичного типа были найдены без приношений и, вероятно, датируются с VII по IX в.¹⁵. Храм мог быть разрушен во время крупного землетрясения 551 г.¹⁶.

Мозаики были также найдены на улице Дирки в месте 88 каталога Симеоноглу, где должно было располагаться крупное здание, которое могло быть церковью или иметь связанный с ней общественный характер. Здесь была найдена массивная стена (4 м длиной), а также небольшая часть мозаики с геометрическим декором. Здесь же найдены два погребения: одно построенное из каменных плит, содержавшее оссуарий, другое — более простое погребение (*Deltion* 21B [1966], 191-192, fig. 12; *Deltion* 22B [1967], 230)¹⁷.

Раннехристианская церковь могла также располагаться на месте часовни святой Екатерины (Agia Aikaterini) — место 218 каталога Симеоноглу — где Керамопуллос¹⁸ до перестройки храма видел выбоины в породе, которые могли представлять собой катакомбы или раннехристианское место поклонения¹⁹. Кроме того, схожая ситуация могла быть на месте часовни святого Георгия (Agias Georgios) — место 221 каталога Симеоноглу²⁰. Симеоноглу предполагает возможность того, что церковь этого времени могла также располагаться под поздними (византийскими) останками, найденными на месте 270, месте 32, а также месте 266, поскольку мозаики были найдены во время постройки здания муниципалитета (место 270)²¹.

¹⁵ Symeonoglou (1985). P. 244-245.

¹⁶ Keramopoulos (1917). P. 309.

¹⁷ Symeonoglou (1985). P. 265-266.

¹⁸ Keramopoulos (1917). P. 207.

¹⁹ Symeonoglou (1985). P. 296-297.

²⁰ Keramopoulos (1917). P. 120; Symeonoglou (1985). P. 297.

²¹ Symeonoglou (1985). P. 160, 309.

Но все же, что касается действительных остатков раннехристианских базилик, то на сегодняшний день существует только одно точно локализованное место существования таковой, которое мы отметили на карте буквой А (Карта 1, с. 272). Так в 2012–2018 годах в Кадмее под руководством Вассилиса Аравантиноса велись раскопки на южной стороне улицы Антигоны (Antigonis 27-29) на месте центрального комплекса дворца микенского времени, в которых принимал участие и автор данной статьи. В 2016 году здесь были обнаружены новые части крупного здания раннехристианского времени, вероятнее всего — раннехристианской базилики (некоторые архитектурные фрагменты базилики были выявлены в предшествующие сезоны)²². В секциях Н и К, находившихся вдоль западной стороны участка раскопок, были обнаружены архитектурные остатки, которые и представили новые значимые свидетельства относительно существования раннехристианской базилики на этом месте, возможно, первой до сего времени надежно идентифицированной в Фивах (Рис. 1 и 2, с. 274). В определенных секторах, как и в других местах участка, были найдены рассредоточенные каменные архитектурные части базилики, некоторые из них мраморные, с рельефной декорацией, а на некоторых встречается изображение креста (Рис. 3, с. 275). Последние происходили из слоя разрушения, который прослежен в обеих секциях Н–К. Пространство этих секций образовано найденными параллельными стенами 16 и 17, из которых первая соприкасается на севере с удлиненной конструкцией с мозаичным полом, в то время как вторая стена более аккуратно составлена и разделяла два помещения, выявленные в секциях раскопа (Рис. 4, с. 275)²³.

Стена 17 (3.70 x 0.70 x 0.95 м) ориентирована по линии Восток-Запад и представляет собой по направлению на Запад продолжение стены 1 сектора I, с которой она схожа по конструкции. Поскольку обе стены используют крупные каменные блоки в качестве усиления и включают материал более раннего времени (*spolia*) в качестве вторичного использования. Таким образом, общая длина прослеженной в этих секторах стены достигает 14 м и соответствует ориентации Восток-Запад. Поскольку здание иден-

²² *Aravantinos* (2016). P. 228.

²³ *Aravantinos* (2016). P. 232-233.

тифицировано, вероятнее всего, как раннехристианская базилика, то ее апсида предположительно находится на востоке, по направлению к улице Пиндара и, вероятно, под этой самой улицей, в то время как конструкция фонтана с мозаичным полом, вероятно, располагалась в открытом дворе, который мог продолжаться западнее, по направлению к улице Эпаминонда, где вероятно и был главный вход в базилику²⁴.

Кладка стены 17 представляет собой крупные хорошо обработанные каменные блоки, которые покоятся на малых необработанных камнях. Восточный крупный каменный блок представляет собой выход по направлению на юг и имеет впадину для крепления двери (0,12 x 0,09 м), а также примыкающие к нему ступени. Следы на соседнем каменном блоке показывают, что на нем стояла квадратная база колонны (0,30 x 0,30 м), которая и была найдена упавшей в слое разрушения (Рис. 3, с. 275). С южной стороны к восточному блоку примыкала лестница (0,80 x 0,70 x 0,58 м), которая была идентифицирована, поскольку было обнаружено две ступени. Высота первой ступени 0,17 м, высота второй ступени — 0,25 м, высота основания дверного проема 0,16 м. Первая ступень сделана из двух каменных блоков среднего размера, в то время как вторая ступень — из четырех камней практически равного размера и фрагмента мраморной архитектурной детали схожего размера и вторично использованной (Рис. 5, с. 276)²⁵.

Стена 16. (3.10 x 0.70 x 1.00 / 0.60/0.20 м) найдена на расстоянии 3.50 м от стены 17 и параллельна ей. В западном конце стена 17 имеет усиление и соотнесенный с ней угловой овальный камень (0.70 x 0.70 м). Стена построена из необработанных камней среднего размера и грунта в качестве скрепляющего материала, а каменные блоки среднего размера добавлены по ее углам. Угловой овальный камень сильно отличается и выдается вперед от меньших каменных блоков и необработанных камней²⁶. Характер находок (большое количество фрагментов стеклянных сосудов, бисер, медные пластины, проволока и кольца, бронзовые монеты, фрагменты мраморных сосудов, глиняные пробки от амфор, глиняные и свинцовые ткацкие пряслица, костяные иглы, мраморные части

²⁴ Aravantinos (2016). P. 233.

²⁵ Aravantinos (2016). P. 233-234.

²⁶ Aravantinos (2016). P. 234-235.

статуэтки) в слое разрушения говорит о том, что данное пространство могло иметь функцию ризницы²⁷.

В секции К были идентифицированы полы, сохранившиеся в двух местах. Первое место больше и расположено в центре секции (3.50 x 1.50 м), второе место меньше (1.70 x 0.40 м) и находится вдоль южной стороны стены 17. В центральной части сохранились два преемственных пола. Верхний пол представлял собой тонкое покрытие (0,02 м) спрессованной штукатурки белого цвета поверх толстой подложки утрамбованной глинистой почвы без примесей (0,10 м). Нижний пол имел другую конструкцию и был исключительной плотности. Он состоял из толстого щебня и небольших галек вбитых в небольшое количество грунта, в то время как ниже была в равной степени прочная подложка (0,20 м) из гальки, маленьких необработанных камней, черепицы и грунта. Этот пол сохранился в средней части центрального места, в части прилегающей к стене 17 и у нижней ступени лестницы²⁸.

Что касается конструкции с мозаичным полом, которая примыкала с северной стороны к стене 16, то оно было открыто в 2013 г. и представляет собой фонтанное сооружение (*impluvium*) с искусно сделанным мозаичным полом, датируемым временем Поздней Античности, точнее IV веком н.э.²⁹ Продолговатое здание сохранилось в размерах 6.50 x 1.80 м. Оно ограничено низкими стенами, которые сохранились на высоту ок. 0.60 м. Сооружение включает в себе узкий и длинный мозаичный пол размерами 5.50 x 1.20 м, который оканчивается на севере и юге в двух полукруглых нишах. Вода поступала в этот бассейн через южную нишу³⁰. Слой разрушения, покрывавший весь фонтан, включал в себя множество фрагментов черепицы, штукатурки и прочего строительного материала, а также кости, угольки и керамику, которая доходит по времени датирования до VII в. н.э.

Декорация мозаичного пола содержит, по меньшей мере, три разных вида рыб, головоногих, угрей, мурену и одну раковину, в то время как по дугообразным концам мозаики изображены две птицы, одна из которых пьет из красивого бокала (Рис. 6–7, с. 276-

²⁷ *Aravantinos* (2016). P. 236.

²⁸ *Aravantinos* (2016). P. 236.

²⁹ *Aravantinos* (2013). P. 162.

³⁰ *Aravantinos* (2013). P. 163.

277). В 2013 г. Аравантинос отметил, что выбор темы мозаичного декора с морскими мотивами, а также центральное изображение текущего потока с головою льва согласуется с роскошным жилищем, и может быть резиденцией влиятельного местного правителя той эпохи (ἵσως τὴν κατοικίαν ἐνδὸς σημαντικοῦ τοπικοῦ ἀρχόντα τῆς ἐποχῆς)³¹. Учитывая, что после сезона 2016 года данное место стало ассоциироваться с двором крупной базилики в самом центре Фив, а мозаика датирована IV в. н.э., то мы предполагаем здесь резиденцию епископа Фив. Одна такая фигура IV века нам известна — это епископ Юлий (или Юлиан), который представлял Фивы на Сардикийском соборе 343 г. Он упоминается у Афанасия Великого (*Apol. c. Ar.* 50) и Илария Пиктавийского (*Fragm. ii.*)³². Имя Юлия (Julius) как епископа, представлявшего Фивы на соборе в Сердики, встречается также в собрании 1740 г. «Oriens Christianus»³³. Однако греческий историк Г. Цевас, работая в библиотеках частных собраний, называет другое имя фиванского епископа на Сардикийском соборе — Мосхос (однако датировка собора в епископском списке Цеваса неверная — 347 г.)³⁴. К сожалению, в своем каталоге Цевас не называет источника или источников, из которых он взял имя «ὁ Θηβῶν Μόσχος», которым, якобы, тот подписался на Соборе. При этом Цевас говорит, что большинство имен его каталога совпало с именами фиванских епископов из работы «Oriens Christianus». Вне всякого сомнения, фиванский епископ был интеллектуалом своего времени. Из собрания «Oriens Christianus» и из каталога Цеваса мы можем выделить и других фиванских епископов раннехристианского периода, которые должны были иметь резиденцию в районе открытой в 2016 году базилики. Так, на соборе 431 г. в Эфесе присутствовал фиванский епископ Анисий (Anysius; Ἀνύσιος)³⁵. В 457 году на Коринфском соборе присутствовал епископ Фив Архитим (Architimus; Ἀρχέτιμος)³⁶.

³¹ Aravantinos (2013). P. 164.

³² Подробнее об идентификации фиванского епископа у Афанасия и Илария с Юлием (Юлианом), включая разночтения см.: Athanasius. Op. omn. Vol. 1. 1777, XXXIII (Praef.).

³³ Le Quien (1740). P. 210.

³⁴ Tsevas (1937). P. 398.

³⁵ Le Quien (1740). P. 210; Tsevas (1937). P. 398.

³⁶ Le Quien (1740). P. 210; Tsevas (1937). P. 398.

Что касается церквей нашего периода вне Кадмеи, то их, на данный момент, не обнаружено, однако мозаики места 143 каталога Симеоноглу³⁷, возможно, принадлежали какому-либо церковному строению³⁸.

Следует отметить, что церквей искомого периода в Фивах могло быть еще больше, нежели возможных церквей в тех местах, которые мы обозначили, поскольку церкви могли располагаться у известных кладбищ того времени на холмах Кастеллиа (место 25) и Исмений (место 8), а также вокруг церкви святого Луки (Agios Loukas), где, согласно местному преданию, и был похоронен евангелист (место 54)³⁹. Существует также определенное количество отдельных погребений нашего периода, рассмотрение которых не отвечает нашей теме. Интересующийся читатель может найти основную их часть в списке, который содержится в работе Симеоноглу⁴⁰. Косвенным подтверждением существования других церквей искомого периода в Фивах служит также наличие в археологическом музее Фив камней и мраморных изображений, места происхождения которых неизвестны.

Однако вернемся к мозаикам, поскольку требуется проследить их смысловые мотивы, ведь это напрямую связано с интеллектуально-культурным пространством и символами, которые были понятны людям того времени. Наиболее ранняя мозаика, как мы показали, была найдена Аравантиносом и представлена мозаичным полом фонтанного строения, примыкавшего к базилике (А на карте 1 и 2, с. 272-273). Датировка IV в. н.э. Мы попытались проследить возможные аналогии этой мозаике, но поскольку раннехристианских мозаик найдено большое количество по всему бассейну Средиземного и Черного морей, то мы привели здесь параллели, которые нашли в недавней публикации с пространственным каталогом римских и раннехристианских мозаик с острова Крит. Проанализировав весь каталог (220 мозаик), можно выделить не-

³⁷ *Deltion* 28B (1968), 217-218, figs. 9-10; *Deltion* 24B (1969), 177.

³⁸ *Symeonoglou* (1985). P. 160, 279.

³⁹ Данных, подтверждающих эту традицию, не существует, однако само наличие традиции о погребении здесь Луки говорит о древности и значимости этого кладбища.

⁴⁰ *Symeonoglou* (1985). P. 160-161.

которые наиболее близкие мозаики по декору, и, особенно, по типу пограничного орнамента — гильош:

1. Мозаика в Херсонисосе (Chersonisos) на Крите, участки Перакиса и Пападакиса (Perakis and Papadakis Plots). Это мозаика № 39 каталога Свитман⁴¹, датированная третьей четвертью IV в. н.э. Пограничный орнамент (гильош) вокруг птиц в нишах на мозаике Аравантиноса хоть и ближе к типу R 70f⁴², поскольку представлен тремя линиями разного повторяющегося цвета, но весьма сходен с пограничным орнаментом мозаики №39 каталога Свитман (тип R 70j), где также представлены птицы. Кроме того, существует вероятность, что мозаика каталога №39 Свитман происходит из здания базилики. Однако в мозаике Аравантиноса основной морской сюжет обрамлен уникальным пограничным орнаментом — гильош из одной линии, между секциями которого присутствуют листья плюща.
2. Мозаики из Кносса на Крите в Санаториум Базилика (Knossos: Sanatorium Basilica). Это мозаики №88–90 каталога Свитман, датированные серединой V в. н.э.⁴³. Здесь также встречается декор пограничного орнамента и кругов внутри звезд, схожий с гильошем мозаики Аравантиноса.

Закключение, которое можно сделать при сравнении этих мозаик, следующее: мозаика из Фив — особый экземпляр, поскольку имеет редкий для раннехристианского времени трехцветный декор пограничного орнамента, окружающий птиц, а также совершенно уникальный, возможно, местный фиванский тип гильоша, обрамляющего основную морскую тему.

Рассмотрим символику мозаики из Фив. Начнем с изображения птиц. Мы идентифицируем пьющую из бокала птицу, вероятно, как утку, а птицу, которая находится в противоположной нише как гуся, с характерной длинной шеей. По сообщениям Афиней (Ath. 9.7,31,32,52,67;12,16,56,78;14,17,75,85) и Апиция (4,2;6,8)⁴⁴,

⁴¹ Sweetman (2013). P. 190-191.

⁴² Sweetman (2013). P. 275.

⁴³ Sweetman (2013). P. 210-212.

⁴⁴ См. также: Alcock (2006). P. 72,75; Wilkins, Hill (2006). P. 18, 26, 43-44, 151.

употребление в пищу уток и гусей было весьма распространено в Античности, включая позднюю, что вкупе с изображением различных видов рыб, головоногих и моллюска говорит о символике пира, гостеприимства и празднества. Именно так оценивают исследователи подобные сюжеты римских мозаик. Кроме того, утки часто изображаются вместе с морскими сценами⁴⁵. Соответственно, эта символика была довольно распространена, по крайней мере, в римских мозаиках. Заметим, что на фиванской раннехристианской мозаике, помимо утки и морских обитателей, изображен также и гусь. Соответствующая параллель существует и на Крите. Это мозаика № 38 каталога Свитман, относящаяся к римскому времени, вероятно ко II–III вв. н.э.⁴⁶. Это фонтанная мозаика из Херсонисоса (Chersonisos: The Fountain Mosaic). Здесь тот же сюжет, что и в Фивах, а утка и гусь находятся по разным сторонам от морской темы. Изображения на этой мозаике выполнены несколько иначе, да и композиционно отличаются от фиванской мозаики, что не удивительно, учитывая более раннюю датировку. Тем не менее, мозаика из Херсонисоса показывает, что раннехристианская мозаика в Фивах имела свои, более ранние римские прототипы. Но в раннехристианских мозаиках Поздней Античности, помимо указанной символики пира, гостеприимства и празднества, должна была добавиться другая символика — христианская, поскольку именно изображение рыбы было тогда символом Христа⁴⁷. Отметим еще один момент: в фиванском случае одна из птиц пьет из бокала. Плиний Старший (*Historia naturalis* 10. 117) отмечает, что птиц держали в римский период для развлечения и что для веселья птицу могли напоить, чтобы она была пьяной. Пьющие птицы были распространенной темой в декоре эллинистических и римских мозаик⁴⁸. Выскажем предположение, что в раннехристианский период пьющая из бокала птица могла восприниматься иначе — как символ причастия (евхаристии)⁴⁹. Таким образом, в случае с мо-

⁴⁵ Sweetman (2013). P. 60.

⁴⁶ Sweetman (2013). P. 188-190.

⁴⁷ Sweetman (2013). P. 60.

⁴⁸ Sweetman (2013). P. 60.

⁴⁹ О рыбе, как возможно сопутствующей пище, наряду с хлебом и вином во время евхаристии в раннехристианский период, а также о том,

заикой из Фив хорошо знакомый сюжет римских мозаик вполне органично вписался в христианское время.

Наши данные о фиванских интеллектуалах этого времени будут неполными, если мы подробнее не остановимся на мозаичном поле из места 18 каталога Симеоноглу, который мы вкратце упоминали. Эта прямоугольная мозаика имеет размеры 3.40 м шириной и примерно вдвое большей длиной, однако, с одной стороны ее часть не сохранилась. На мозаике представлены четыре месяца (Февраль, Апрель, Май и Июль), а также панель со сценой охоты, правый край которой не сохранился. Слева от сцены охоты содержится посвятельная надпись, которая упоминает Деметрия (работчика мозаики), Эпифана (мастера-изготовителя мозаики) и Павла (священника, который заказал мозаику). По аналогии с мозаиками из Дельф и Гипати (Нурати), мозаику датируют от конца V до начала VI в. Эта мозаика также имеет свой уникальный тип декора пограничного орнамента⁵⁰. Исходя из найденных в Фивах мозаик и особенностей декора, в том числе особенностей мозаики из места 18, исследователи предполагают, что Фивы были региональным центром производства раннехристианских мозаик⁵¹. Фиванская мозаика с месяцами находит сильное сходство с мозаикой из Дельф (№18 в каталоге Содини) и с мозаикой из Гипати (Нурати) (№32). Предполагается, что эти мозаики происходят из одной мастерской⁵². Поэтому, учитывая фиванскую надпись, логично предположить, что именно Фивы были центром производства мозаик в регионе центральной и северной Греции. Следует отметить, что в материковой части Греции раннехристианские мозаики с персонификацией месяцев известны также из Аргоса (ок. 500 г.) и Тегеи (ок. 350 г.). Во всех трех случаях месяцы представлены как мужские фигуры, держащие какие-либо атрибуты или животных. На мозаике из

как христиане в своем искусстве использовали прошлые классические символы и популярные мотивы, см. *Jensen* (2000). P. 32-63.

⁵⁰ *Sodini* (1970). Fig. 2.

⁵¹ Подробное описание этой мозаики см.: *Sodini* (1970). P. 713. Содини предполагает, что, судя по надписи на этой мозаике, она была расположена в здании религиозного характера, но необязательно именно в базилике.

⁵² *Sodini* (1970). P. 745.

Аргоса сохранились все месяцы (кроме декабря), которые представляют собой фигуры, стоящие в полный рост. На мозаике из Фив в четырех панелях изображены бегущие фигуры четырех месяцев (июль, февраль, май и апрель), в то время как на мозаике из Теги месяцы представлены в виде бюстов молодых мужчин⁵³. Особенно сближает мозаику Фив с мозаикой Аргоса наличие, наряду с изображением месяцев, сцены охоты. Мы разделяем точку зрения ряда исследователей о том, что в данных случаях демонстрируется связь ритма сельской жизни и сезонного изобилия каждого конкретного месяца с аристократическим досугом — охотой⁵⁴. Однако если к мозаике из Аргоса может быть применима трактовка того, что изображение на этой мозаике позволяло гостям оценить сезонное изобилие хозяина и восхвалять его возможность проводить досуг аристократично⁵⁵, то, на наш взгляд, мозаика из Фив, учитывая ее христианский религиозный контекст, не представляет такой трактовки. Мы считаем, что в этом случае эта мозаика, как и недавно найденная Аравантиносом мозаика с улицы Антигоны, инкорпорирует классические символы в христианскую доктрину. Такая мозаика должна была приходиться по душе знатной пастве Фив, несмотря на то, что хозяин здания (базилики?), в котором располагалась эта мозаика, скорее всего, был из клерикального сословия. По крайней мере, человек заказавший мозаику, был иереем (возможно, он и был хозяином здания). Для того чтобы осветить этот вопрос, необходимо привести надпись мозаики из Фив:

ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ ΕΠΙΦΑΝΗΣ ΤΕ ΤΟ ΜΟΥΣΙΟΝ ΠΟΕΙ /
ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ ΜΕΝ ΕΝΝΟΗΣΑΣ ΤΗΝ ΓΡΑΦΗΝ / ΤΑΥΤΗΣ Δ'
ΥΠΟΥΡΓΟΣ ΕΠΙΦΑΝΗΣ ΕΥΝΟΥΣΤΑΤ(ΟΣ) / ΠΑΥΛΟΣ ΔΕ
ΠΑΝΤΩΝ ΑΙΤΙΟΣ ΤΩΝ ΕΥΠΡΕΠ(ΩΝ) / ΙΕΡΕΥΣ ΤΕ ΚΑΙ
ΘΕΙΩΝ ΛΟΓΩΝ ΔΙΔΑΣΚΑΛ(ΟΣ)⁵⁶.

Из этой надписи, которая находится между изображением четырех месяцев и сценой охоты, следует, что над созданием мозаичного пола работала мастерская, состоявшая из мастера мозаичи-

⁵³ Åkerström-Hougen (1974). P. 120-123, nos. 1,2; figs. 75-77; Hachlili (2008). P. 194.

⁵⁴ Åkerström-Hougen (1974). P. 84-89; Caraher (2003). P. 181.

⁵⁵ Calaher (2003). P. 181.

⁵⁶ Spiro (1978). P. 216.

ста по имени Елифан и художника Деметрия⁵⁷. Однако для нас главное, что заказал данную мозаику даритель этого украшения — иерей Павел, который был учителем богословия — ΘΕΙΩΝ ΛΟΓΩΝ ΔΙΔΑΣΚΑΛ(ΟΣ). Таким образом, мы наблюдаем еще одно прямое свидетельство о фиванском интеллектуале, запечатленное в материальной культуре, который был не только священником и, в той или иной мере, отвечал за создание этой мозаики, но был педагогом! Причем, статус учителя богословия был весьма значим, поскольку Павел отметил это в надписи на мозаике, которую могли прочитать грамотные люди высокого статуса, приходившие в это здание.

В заключение подведем итоги нашего исследования. Материальная культура является не только богатым источником о развитии архитектуры, искусства и других аспектах жизнедеятельности людей в прошлом, но и предоставляет материал для исследования социальных процессов, религиозной, а также интеллектуальной жизни общества, включая сферу образования. Определив методологию исследования и показав на небольшом, но ярком примере мозаики св. Димитрия из Фессалоник и становлении его культа в VI–VII вв. как с помощью материальной культуры трансформируется образовательная традиция, мы перешли к детальному рассмотрению христианских мест, отражающих интеллектуальную и образовательную активность в Фивах. Нами было выявлено десять мест возможной образовательной активности в Фивах (нанесены на карты 1 и 2, с. 272-273), главными из которых являются остатки базилики с сопутствующей мозаикой IV в. в самом центре акрополя Фив (Кадмеи) на южной стороне улицы Антигоны, которую открыл Вассилис Аравантинос во время раскопок 2012–2018 годов (Рис. 1–7, с. 274-277), а также место 18 каталога Симеоноглу, где ранее был найден мозаичный пол с надписями конца V – начала VI вв., принадлежавший зданию религиозного назначения (возможно также базилики). Первая (более ранняя базилика), с сопутствующим фонтаном с мозаичным полом является первым кандидатом на место резиденции епископа Юлия — интеллектуала, который представлял Фивы на Сардикийском соборе 343 г., а также, вероятно, местом резиденции епископов Анисия, присутство-

⁵⁷ Подробнее об этой мозаике и надписи, а также о второй надписи на этой мозаике см.: *Evangelidou* (2017). Р. 33-36.

вавшего на соборе в Эфесе в 431 г., и епископа Архитима, известного как участник собора в Коринфе в 457 г. Значительный интерес представляет сопутствующий этой базилике фонтан с мозаичным полом, который, вероятно, располагался во дворе базилики. Изображения этой мозаики показывают адаптацию классических тем (морской пейзаж и птицы) под сферу христианской символики. Соответственно, понятные для паствы сюжеты вводили людей в мир христианских понятий. Мозаика из места 18 каталога Симеоноглу еще более интересна для нашей темы, поскольку помимо адаптации классического сюжета с месяцами и аристократической сцены охоты, она имеет надпись, в которой упоминается священник Павел, также учитель богословия⁵⁸. Таким образом, Фивы были значимым интеллектуальным и образовательным христианским центром в IV–VII вв.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Åkerström-Hougen* (1974). — *Åkerström-Hougen G.* The Calendar and Hunting Mosaics of the Villa of the Falconer in Argos (Acta Institutis Atheniensis Regni Sueciae, Series 4, 23). Stockholm: Paul Aströms Vörlag, 1974. 167 p.
- Alcock* (2006). — *Alcock J.P.* Food in the Ancient World. Westport: Greenwood Press, 2006. 277 p.
- Aravantinos* (2010). — *Aravantinos V.* The Archaeological Museum of Thebes. Athens: John S. Latsis Public Benefit Foundation, 2010. 399 p.
- Aravantinos* (2013). — *Aravantinos V.* Ανασκαφή Μυκηναϊκοῦ ἀνακτόρου Θηβῶν // *Praktika AE* (2013). P. 149-169.
- Aravantinos* (2016). — *Aravantinos V.* Ανασκαφή Μυκηναϊκοῦ ἀνακτόρου Θηβῶν // *Praktika AE* (2016). P. 227-263.
- Athanasius*. Op. omn. (1777) — Sancti patris nostri Athanasii archiepiscopi Alexandrini Opera omnia quæ extant vel quæ ejus nomine circumferuntur, nova latina interpretatione donata: multis aucta: præfationibus, & notis illustrata: nova sancti doctoris vita, &

⁵⁸ Высококачественная фотография части этой мозаики с надписью содержится в работе *Aravantinos* (2010). P. 372-373. — <http://www.latsis-foundation.org/eng/electronic-library/the-museum-cycle/> (май, 2019).

- copiosissimis indicibus locupletata. Opera & studio monachorum ordinis S. Benedicti e Congregatione Sancti Mauri... Vol. 1. 1777.
- Binford, Binfors* (1968). — *Binford S., Binford L.* (Eds.). *New Perspectives in Archaeology*. Chicago: Aldine Press, 1968. 373 p.
- Bintliff* (2012). — *Bintliff J.L.* *The Complete Archaeology of Greece: From Hunter-Gatherers to the 20th Century AD*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 518 p.
- Caraher* (2003). — *Caraher W.R.* *Church, Society, and the Sacred in Early Christian Greece*. PhD thesis, The Ohio State University, 2003. 532 p.
- Clarke* (1968). — *Clarke D.* *Analytical archaeology*. London: Methuen, 1968. 684 p.
- Cormack* (1985) — *Cormack R.* *Writing in Gold: Byzantine Society and Its Icons*. London: George Philip, 1985. 270 p.
- Darvill* (2003). — *Darvill T.* *The Concise Oxford Dictionary of Archaeology*. New York: Oxford University Press, 2003. 506 p.
- Evangelidou* (2017). — *Evangelidou S.* *Η εικαστική απόδοση των προσωποποιήσεων στην πρωτοβυζαντινή τέχνη*. PhD thesis. Thessaloniki, 2017. 184 p.
- Hachlili* (2008). — *Hachlili R.* *Ancient Mosaic Pavements: Themes, Issues and Trends*. Leiden/Boston: Brill, 2008. 308 p.
- Jensen* (2000). — *Jensen R.M.* *Understanding Early Christian Art*. London: Routledge, 2000. 240 p.
- Keramopoulos* (1917) — *Keramopoulos A.* *Θηβαϊκά (Archaeologikon Deltion 3)*. Athens. 503 p.
- Le Quien* (1740). — *Le Quien M.* *Oriens Christianus*. Vol.2. Parisiis, 1740. 1606 p.
- Markopoulos* (2008). — *Markopoulos A.* *Education // The Oxford Handbook of Byzantine Studies / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack R.* Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 785-791.
- Miller* (1921). — *Miller W.* *Essays on the Latin Orient*. Cambridge: Cambridge University Press, 1921. 582 p.
- Mozhaysky* (2018). — *Mozhaysky A.Yu.* *Bronze in Aegean of the Late Bronze Age: significance of metallurgy, delivering and consumption // Non-ferrous Metals*. 2018. No. 1. P. 43-48.
- Renfrew, Bahn* (1996). — *Renfrew C., Bahn P.* *Archaeology: Theories, Methods, and Practice*. London: Thames and Hudson, 1996. 608 p.
- Sodini* (1970). — *Sodini J-P.* *Mosaïques paléochrétiennes de Grèce // Bulletin de correspondance hellénique* 94 (1970). P. 699-753.

- Spiro* (1978). — *Spiro M.* Critical Corpus of the Mosaic Pavements on the Greek Mainland, Fourth/Sixth Centuries, With Architectural Surveys. Vol. 1. New York: Garland Pub, 1978. 684 p.
- Symeonoglou* (1985). — *Symeonoglou S.* The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times. Princeton: Princeton University Press, 1985. 334 p.
- Sweetman* (2013). — *Sweetman R.J.* The Mosaics of Roman Crete: Art, Archaeology and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press. 378 p.
- Tsevas* (1937). — *Tsevas G.* Επισκοπικός κατάλογος Θηβών. — <http://ir.lib.uth.gr/bitstream/handle/11615/19775/article.pdf?sequence=1> (март, 2019).
- Wilkins, Hill* (2006). — *Wilkins J.M., Hill S.* Food in the Ancient World. Padstow: Blackwell Publishing. 300 p.
- Добровольская, Можайский* (2012). — *Добровольская М. В., Можайский А.Ю.* Археология. Учебное пособие. Москва: МПГУ, 2012. 116 с.
- Можайский* (2018a). — *Можайский А.Ю.* Реки и ворота Фив в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида как часть образовательного пространства города // *Нуротекαι*. Журнал по истории античной педагогической культуры. — Москва: Издательство «Буки Веди», 2018. С. 79-96.
- Можайский* (2018b). — *Можайский А.* Процессуальная, постпроцессуальная и современная западная археологическая теория применительно к Эгейскому региону: от рождения цивилизации в бронзовом веке к греческому полису // *Списание Эпохи*. Том XXVI (2018), Книжка 1. С. 53-62.

Andrej Yu. MOZHAJSKY

REFLECTION OF THE EDUCATIONAL SPACE OF EARLY CHRISTIAN BOIOTIAN THEBES (4–6 AD) IN THE MATERIAL CULTURE

The article describes Thebes as a major regional center of Christianity in 4th – 6th centuries. In addition to “industrial” success, when the city successfully developed as a center for the production of early Christian mosaics and silk, Thebes was a center of intellectual and educational activity which was carried out mainly inside church territories. S. Symeonoglou’s catalogue of archaeological excavations and recent archaeological reports, which reflect archaeological research under the guidance of V. Aravantinos and

with the participation of the author of this article, suggest the possible locations of the churches on the Kadmeia, the acropolis of Thebes. The evidence for the possible locations of one of the basilicas (sites 18 and 40 in Symeonoglou's catalogue) is a rectangular mosaic. Similar mosaics were found in site 88 of the catalogue, where a large building, which could have been a church, was supposedly located. The early Christian sacred places could also have been located in sites 218, 270, 32, 266 and 270 of the catalogue. However, at the moment there is only one most precisely localized place where the early Christian basilica was located — on the site of the central Mycenaean palace complex on the south side of Antigone street (Antigonis 27-29). Not only scattered architectural stone fragments of the basilica, a few of its walls as well as sections of the floor, but also a fountain with a mosaic floor dating back to the 4th century AD, were found here. The floor decorations are associated with marine motives and include bird images which could symbolize not only the feast, but also the communion. We assume that all this was the residence of the Bishop of Thebes. Another discovered mosaic contained an inscription saying that a teacher of theology, an intellectual from the clerical order, ordered it. In total, we have identified and described ten sites for possible educational and intellectual activity in Christian Thebes. The main ones are the above-mentioned remains of religious buildings with the mosaics on which classical themes adapted to Christian symbolism.

REFERENCES

- Åkerström-Hougen* (1974). — *Åkerström-Hougen G.* The Calendar and Hunting Mosaics of the Villa of the Falconer in Argos (Acta Institutis Atheniensis Regni Sueciae, Series 4, 23). Stockholm: Paul Aströms Vörlag, 1974. 167 p.
- Alcock* (2006). — *Alcock J.P.* Food in the Ancient World. Westport: Greenwood Press, 2006. 277 p.
- Aravantinos* (2010). — *Aravantinos V.* The Archaeological Museum of Thebes. Athens: John S. Latsis Public Benefit Foundation, 2010. 399 p.
- Aravantinos* (2013). — *Aravantinos V.* Ανασκαφή Μυκηναϊκού ἀνακτόρου Θηβῶν // *Praktika AE* (2013). P. 149-169.
- Aravantinos* (2016). — *Aravantinos V.* Ανασκαφή Μυκηναϊκού ἀνακτόρου Θηβῶν // *Praktika AE* (2016). P. 227-263.

- Athanasius*. Op. omn. (1777) — Sancti patris nostri Athanasii archiepiscopi Alexandrini Opera omnia quæ extant vel quæ ejus nomine circumferuntur, nova latina interpretatione donata: multis aucta: præfationibus, & notis illustrata: nova sancti doctoris vita, & copiosissimis indicibus locupletata. Opera & studio monachorum ordinis S. Benedicti e Congregatione Sancti Mauri... Vol. 1. 1777.
- Binford, Binfors* (1968). — *Binford S., Binford L.* (Eds.). New Perspectives in Archaeology. Chicago: Aldine Press, 1968. 373 p.
- Bintliff* (2012). — *Bintliff J.L.* The Complete Archaeology of Greece: From Hunter-Gatherers to the 20th Century AD. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 518 p.
- Caraher* (2003). — *Caraher W.R.* Church, Society, and the Sacred in Early Christian Greece. PhD thesis, The Ohio State University, 2003. 532 p.
- Clarke* (1968). — *Clarke D.* Analytical archaeology. London: Methuen, 1968. 684 p.
- Cormack* (1985) — *Cormack R.* Writing in Gold: Byzantine Society and Its Icons. London: George Philip, 1985. 270 p.
- Darvill* (2003). — *Darvill T.* The Concise Oxford Dictionary of Archaeology. New York: Oxford University Press, 2003. 506 p.
- Evangelidou* (2017). — *Evangelidou S.* Η εικαστική απόδοση των προσωποποιήσεων στην πρωτοβυζαντινή τέχνη. PhD thesis. Thessaloniki, 2017. 184 p.
- Hachlili* (2008). — *Hachlili R.* Ancient Mosaic Pavements: Themes, Issues and Trends. Leiden – Boston: Brill, 2008. 308 p.
- Jensen* (2000). — *Jensen R.M.* Understanding Early Christian Art. London: Routledge, 2000. 240 p.
- Keramopoulos* (1917) — *Keramopoulos A.* Θηβαϊκά (*Archaeologikon Deltion* 3). Athens. 503 p.
- Le Quien* (1740). — *Le Quien M.* Oriens Christianus. Vol.2. Parisiis, 1740. 1606 p.
- Markopoulos* (2008). — *Markopoulos A.* Education // The Oxford Handbook of Byzantine Studies / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack R. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 785-791.
- Miller* (1921). — *Miller W.* Essays on the Latin Orient. Cambridge: Cambridge University Press, 1921. 582 p.
- Mozhajsky* (2018). — *Mozhajsky A.Yu.* Bronze in Aegean of the Late Bronze Age: significance of metallurgy, delivering and consumption // Non-ferrous Metals. 2018. No. 1. P. 43-48.

- Renfrew, Bahn* (1996). — *Renfrew C., Bahn P.* Archaeology: Theories, Methods, and Practice. London: Thames and Hudson, 1996. 608 p.
- Sodini* (1970). — *Sodini J.-P.* Mosaïques paléochrétiennes de Grèce // *Bulletin de correspondance hellénique* 94 (1970). P. 699-753.
- Spiro* (1978). — *Spiro M.* Critical Corpus of the Mosaic Pavements on the Greek Mainland, Fourth / Sixth Centuries, With Architectural Surveys. Vol. 1. New York: Garland Pub, 1978. 684 p.
- Symeonoglou* (1985). — *Symeonoglou S.* The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times. Princeton: Princeton University Press, 1985. 334 p.
- Sweetman* (2013). — *Sweetman R.J.* The Mosaics of Roman Crete: Art, Archaeology and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press. 378 p.
- Tsevas* (1937). — *Tsevas G.* Επισκοπικός κατάλογος Θηβών. — <http://ir.lib.uth.gr/bitstream/handle/11615/19775/article.pdf?sequence=1> (mart, 2019).
- Wilkins, Hill* (2006). — *Wilkins J.M., Hill S.* Food in the Ancient World. Padstow: Blackwell Publishing. 300 p.
- Dobrovol'skaya, Mozhayskij* (2012). — *Dobrovol'skaya M.V., Mozhayskij A. Yu.* Arheologiya. Uchebnoe posobie. Moskva: MPGU, 2012. 116 s.
- Mozhayskij* (2018a). — *Mozhayskij A. Yu.* Reki i vorota Fiv v tragediyah EHskhila, Sofokla i Evripida kak chast' obrazovatel'nogo prostranstva goroda // *Hypothekai. Zhurnal po istorii antichnoj pedagogicheskoy kul'tury*. — Moskva: Izdatel'stvo «Buki Vedi», 2018. S. 79-96.
- Mozhayskij* (2018b). — *Mozhayskij A.* Processual'naya, postprocessual'naya i sovremennaya zapadnaya arheologicheskaya teoriya primenitel'no k EHgejskomu regionu: ot rozhdeniya civilizatsii v bronzovom veke k grecheskomu polisu // *Spisanie Epohi. Tom XXVI* (2018), Knizhka 1. S. 53-62.

Реконструкция местоположения возможных центров интеллектуальной и образовательной активности Фив IV–VI вв. относительно современной карты (Map data ©2019 Google).

Карта 2.

Реконструкция местоположения возможных центров
интеллектуальной и образовательной активности
Фив IV–VI вв. относительно современного ландшафта
(Map data: Google, DigitalGlobe).

Рис. 1.

Общий вид раскопа на южной стороне улицы Антигоны
(*Aravantinos* [2016], 256. Еік. 1).

Рис. 2.

Раскоп на южной стороне улицы Антигоны, секции Д, Н и К.
(*Aravantinos* [2016], 256. Еік. 2).

Рис. 3.
Архитектурные детали раннехристианской базилики
из раскопа на южной стороне улицы Антигоны
(*Aravantinos* [2016], 257. Еік. 3).

Рис. 4.
Раскоп на южной стороне улицы Антигоны, секция Н.
(*Aravantinos* [2016], 257. Еік. 4).

Рис. 5.
Раскоп на южной стороне улицы Антигоны, секция К.
(*Aravantinos* [2016], 258. Еικ. 6).

Рис. 6.
Мозаичный пол фонтана из Фив (раскоп на южной стороне
улицы Антигоны). Вид с северо-запада (фото автора).

Рис. 7.
Мозаичный пол фонтана из Фив
(раскоп на южной стороне улицы Антигоны).
Вид с юго-востока (фото автора).

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ФЕОДОСИЯ II И СУДЬБА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО АУДИТОРИУМА

Т.Л. АЛЕКСАНДРОВА

В настоящей статье история Аудиториума (V–VI вв.), называемого Константинопольским университетом, рассматривается через призму основных направлений политики Феодосия II. Среди таковых сравнительно мягкая христианизация, сочетающая и новое мировоззрение, и элементы прежней, языческой, культуры; проект воссоединения двух частей империи на основе общей законодательной базы (для чего было предпринято составление Кодекса Феодосия). Учитываются действия императрицы Евдокии, вероятно, использовавшей свое положение и связи в тогдашнем ученом мире с целью реформирования образовательной деятельности. Обсуждается возможное отношение к Аудиториуму как христианской антитезе афинской Академии. Рассматривается потребность обращения к языческому наследию в образовательных целях; выдвигается необходимость его переосмысления в христианском ключе в творчестве как самой Евдокии, так и других авторов, среди которых Нонн Панополитанский, пс.-Дионисий Ареопагит. Анализируется преподавательский состав Аудиториума, набор изучаемых дисциплин (в числе которых риторика, греческая и латинская грамматика, предметы правовой и философской направленности). Делается вывод, что основы, заложенные образовательной политикой Феодосия II, имели огромное значение для дальнейшего развития европейской культуры.

Свидетельства об учебном заведении, возникшем или реорганизованном в 425 г. и часто называемом «Константинопольским университетом», весьма немногочисленны. Мы ограничены лишь

НУРОТНЕКАІ
2019. Вып. 3. С. 278-300
УДК 37.01

НУРОТНЕКАІ
2019. Issue 3. P. 278-300
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-278-300](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-278-300)

несколькими конституциями Феодосия II (CTh. XIV.9.3; XV.1.53; VI.21.1), посвященными реформе, затрагивавшей преподавательскую деятельность и дающими основные установки по организации преподавания в столичном «Аудиториуме» — именно так это учебное заведение называется в тексте императорских постановлений (CTh. XIV.9.3; VI.21.1). В итоге мы знаем, где находился Аудиториум; какие дисциплины в нем преподавались; имена некоторых преподавателей, а также, что император был очень заинтересован в его процветании. Дальнейшая история первого христианского университета теряется в тумане неизвестности, и более ничего определенного сказать нельзя. Вместе с тем отрывочные свидетельства источников дают нам возможность реконструировать ее и вписать их в общий контекст эпохи.

CTh XIV.9.3. Pr.

Наиболее важная конституция Феодосия II (CTh. XIV.9.3), посвященная вопросам образования, датирована 27 февраля 425 г. В своей вводной части она регламентирует преподавательскую деятельность в столице и, судя по тону, вызвана какими-то нарушениями:

Тех, кто, присвоив себе имена учителей публичных училищ, занимается с набранными учениками и в публичных училищах, и частным образом, мы считаем необходимым отстранить от публичного преподавания. Таким образом, те из них, кто после установления божественных¹ санкций попытается делать то, что мы запрещаем и осуждаем, пусть знают, что не только подвергнутся бесчестию, но и будут изгнаны из города, где незаконно обретаются. К тем, кто занимается подобным преподаванием частным образом, если они ограничиваются занятиями с теми учениками, которые собираются в стенах их собственных домов, никакие запретительные меры такого рода не относятся. Если же в их числе окажутся те, кто принят в качестве учителя в размещающийся в Капитолии Аудиториум, то они должны знать, что им запрещено частное преподавание и если они будут замечены в том, что действуют вопреки небесным постановлениям, то не имеют права пользоваться приви-

¹ То есть императорских.

легиями, которые по заслугам даются тем, кто удостоен преподавания в Капитолии².

Несмотря на то, что эта конституция посвящена частному вопросу, она проливает свет на образовательную политику Феодосия II в целом. Из этого фрагмента следует, что в Константинополе сосуществовали частные учителя и общественные училища, лучшим из которых на тот период считался Аудиториум, размещавшийся в Капитолии. Учителя общественных училищ получали жалованье от государства и пользовались привилегиями наравне с врачами³. Как следует из рассматриваемого текста, некоторые из учителей совмещали общественное преподавание с частным, что, видимо, существенно увеличивало их доход. Указ Феодосия II разграничивает эти две сферы: теперь совмещение невозможно и учителя общественных училищ не могут заниматься частной практикой, а учителя, преподающие у себя дома, не могут использовать для повышения своего авторитета государственный статус.

Политика Феодосия II и мягкая христианизация империи

Чего же добивалось государство, регламентируя образовательную деятельность таким образом? По всей видимости, его вторжение в эту сферу означало попытку установить контроль. Алан Кэмерон вполне справедливо увязывает реорганизацию образования с общим направлением имперской политики и курсом на последовательную христианизацию во всех областях жизни. «После 425 г.

² Mommsen (1905). Vol. I. Pt. 2. P. 787. Здесь и далее перевод с латинского мой. — Т. А.

³ Указ о привилегиях учителям был издан 30 ноября 414 г. (CTh. XIII.3.16–17): «...чтобы они не облагались никакими муниципальными, никакими куриальными налогами, чтобы не попадали ни в сенаторские, ни в земельные списки. Если они получили административное распоряжение или свидетельство об освобождении, то пусть будут свободны от всех обязанностей и всех общественных повинностей, и также их дома, где бы они ни располагались, пусть будут свободны от необходимости принимать на постой солдат или судей. Все это мы повелеваем сохранять в силе также для их детей и жен, так, чтобы детей против воли не забирали на военную службу». См.: Mommsen (1905). Vol. I. Pt. 2. P. 744.

образование в Константинополе было фактически монополией христианского правительства»⁴.

Однако здесь следует учитывать специфику политики Феодосия II, который, в отличие от своего тезоименитого деда, избрал путь не агрессивной, а мягкой христианизации. Законы, изданные им в 420-е гг., свидетельствуют о стремлении к установлению мира между приверженцами разных религий и даже ограничивают наступательную активность христиан:

Мы особо подчеркиваем, что те, кто является или называется христианами, не дерзали под предлогом благочестия причинять никакой обиды иудеям и язычникам, живущим мирно и не делающим ничего противозаконного. И если кто совершит насилие против мирных жителей или разграбит их имущество, то должен будет возместить не только то, что взял, но втрое и вчетверо. И управляющие провинциями и должностные лица пусть знают, что если они такое беззаконие допустят, то будут наказаны. Издано в 6-й день до июньских ид в Константинополе в консульство Асклепиодота и Мариниана (8 июня 423 г.)⁵.

Подобные меры одобрялись далеко не всеми христианами. Нелучайно сирийское житие Симеона Столпника (V. Sym. 130–131) повествует о вмешательстве святого, который убедил императора отменить закон, вынуждающий христиан возмещать ущерб, несправедливо нанесенный иудеям⁶. Вина за его принятие возлагается на адресата указа, Асклепиодота (в житии он назван «Асклепиадом»), который якобы благоволил язычникам и иудеям, а христиан ненавидел. Согласно житию, Асклепиодот после этого был разжалован. Тот же рассказ, правда, без имени Асклепиодота, приводится у Евагрия Схоластика (*Evagr.* I.13). Однако судя по тому, что закон был включен в Кодекс Феодосия, отменен он не был, а Асклепиодот и после того, как сложил с себя обязанности консула, по-прежнему занимал высокий пост префекта претория Востока; последние сведения об этом относятся как раз к февралю 425 г.⁷.

⁴ Cameron (1982). P. 287.

⁵ CTh. XVI.10. 24. Pr. См.: Mommsen (1905). Vol. I. Pt. 2. P. 904.

⁶ Имеется в виду CTh. XVI.8.25. Pr.

⁷ CTh. XV.5.5; Martindale (1980). P. 160.

***Императрица Евдокия и ее роль
в образовательной политике Феодосия II***

Известно, что Асклепидот приходился дядей (или мужем тетки) супруге Феодосия II, императрице Евдокии. Именно с Евдокией традиционно связываются начинания в сфере образования⁸. Дочь афинского софиста, при рождении получившая имя Афинаида, выросла в «профессорской» языческой среде и сама прошла выучку, равную софистической⁹. Происхождение и личные склонности императрицы к различным видам искусств и поэзии позволяют предположить ее интерес и к вопросам образования.

Свадьба Феодосия II и Афинаиды, принявшей при крещении имя Евдокии, состоялась 7 июня 421 г., т.е. за четыре года до принятия закона об образовании. Выбор невесты императором сам по себе примечателен. Феодосий II, по-видимому, стремился отмежеваться от придворных кланов, а особенно от той партии, которая главенствовала при его деде, Феодосии I и которая выдвинула на первый план его сестру Пульхерию. Сам император делал ставку на группировку «традиционалистов», сложившуюся во время правления отца Феодосия Аркадия. Помимо Асклепидота ее сторонниками были софист Троил, префект претория Анфемийю. Еще одним приверженцем этой партии был знаменитый ученик Гипатии — Синезий Киренский. Вероисповедание этих людей, вероятно, не было единым: среди них могли быть и христиане, и язычники, — точнее, крещенные и некрещенные, но и у тех, и у других мировоззрение было синкретично, что вызывало отторжение у более ригористичных христиан, которые могли видеть в них язычников и своих врагов¹⁰ (именно такое отношение сквозит в житийной характеристике Асклепидота). Однако эти люди не шли на конфронтацию с правительством, декларируя преданность старой отеческой вере¹¹, и напротив, были готовы к сотрудничеству и компромиссам. При этом они, несомненно, оставались приверженцами языческой культуры и

⁸ Лемерль (2012). С. 88.

⁹ Александрова (2018). С. 28-29.

¹⁰ Cameron (2011). P. 27-35.

¹¹ Особенно убежденные приверженцы язычества уезжали за пределы империи (как, например, Евнапий).

образования, построенного на прежних традициях. Именно они и стали движущей силой всех начинаний эпохи Феодосия II.

Имя Евдокия («благоволение»), полученное при крещении невестой императора, было знаковым. Ранее оно нигде не зафиксировано и, вероятно, было изобретено к случаю. Слова «Ангельского славословия» (Лк 2:14): «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение», — стали своего рода девизом правления Феодосия II¹². Таким образом, тот контроль над образованием, к которому стремился император, не предполагал жестких репрессивных мер против инакомыслящих, хотя, несомненно, был связан с его планами на будущее царствование, которые в те годы были особенно широки и радужны. С этими же планами связано и внимание императора к константинопольскому Аудиториуму — независимо от того, был ли он основан самим Феодосием, или в каком-то виде существовал и ранее.

Насколько самостоятельной фигурой в то время была Евдокия, сказать сложно, поскольку она была еще совсем молода, а кроме того, в какой-то степени поглощена материнскими обязанностями¹³. Более независимо Евдокия начинает выступать во второй половине 430-х гг., во время своего первого паломничества в Иерусалим. Однако уже в самом начале царствования она проявила себя как лицо публичное, что было редкостью для императрицы: Сократ сообщает, что в 422 г. она выступала с чтением своей гекзаметрической поэмы на торжествах, посвященных заключению мира с Персией после непродолжительной войны (Soc. VII.21.7–8). В дальнейшем Евдокия всегда писала гекзаметром и всегда на христианские темы. Эта особенность представляется столь же значимой, как и имя, избранное для новой императрицы, и в определенной мере проливает свет на установки самого Феодосия II. По-видимому, желательным для него представлялся синтез языческой образованности с христианским мировоззрением, пример которого подавала в своем творчестве его супруга. Действительно, современные исследователи счи-

¹² Александрова (2018). С. 63.

¹³ Старшая ее дочь, Евдокия, родилась в 422 г. Время рождения младшей, умершей в детстве, Флакциллы, неизвестно, однако можно предположить, что в 425 г. она еще была жива.

тают, что общий микроклимат этой эпохи был благоприятен для диалога между христианами и язычниками¹⁴.

У отца Евдокии, софиста Леонтия, судя по всему, были непростые отношения с другими афинскими профессорами — во всяком случае, по разрозненным сведениям, полученным от Олимпиодора и Дамаския, можно предположить, что он не очень хотел занимать кафедру в Афинах (*Olymp. Fr. 28*), а афинские неоплатоники впоследствии вспоминали его как отступника (*Dam. V. Isid. 40A-B*)¹⁵. Некую полемичность по отношению к афинским школам можно усмотреть и у самой Евдокии. Так, в ее поэме «О св. Киприане» Афины изображены как город магов и колдунов, в котором сам Киприан начал свое обучение темным искусствам. Однако после восшествия Евдокии на трон никаких репрессий против города и его учебных заведений не предпринималось — и это мирное состояние сохранялось, по крайней мере, до конца правления Феодосия II, т.е. до середины V в.¹⁶ Хотя возможно, что константинопольский Аудиториум задумывался как некая антитеза афинской Академии.

Предание, донесенное в сборнике *Patria Constantinopolitana*, гласит, что вместе с Евдокией из Афин пришли семь языческих философов (*Patr. Const. II.82*). А. Кэмерон предполагает здесь интерполяцию: возможно, имеются в виду события юстиниановского времени, когда изгнанные философы покидали Афины¹⁷. Но не исключено, что предание все же относится к Евдокии и имеет под собой почву. Императрица поддерживала связи с теми представителями языческого ученого мира, которые были лояльны к христианству. Иоанн Цец в XII в. на основании неких, не сохранившихся источников утверждает, что ее учителями были грамматики Иперехий¹⁸ и Орион¹⁹. Правда, с Константинополем Орион никак не

¹⁴ Kelly (2013). P. 218.

¹⁵ Впрочем, нельзя исключать, что Дамаский говорил не об афинском риторе, а о жившем в конце V в. правоведе из Беритской школы. См. Ведешкин (2019). С. 357. (Прим. ред.).

¹⁶ Александрова (2018). С. 24-25; 92.

¹⁷ Cameron (1982) P. 273.

¹⁸ PLRE-2 (Martindale [1980]). P. 581.

¹⁹ Возможно, этот Орион был учителем Прокла Диадоха во время пребывания того в Александрии (*Marin. V. Procl. 8*).

связан и, возможно, его знакомство с Евдокией состоялось уже после удаления ее в Иерусалим. Что же касается Иперехия, то он жил в Константинополе и мог общаться с Евдокией во время ее царствования. Во всяком случае, императрица явно использовала собственные связи в ученом мире в интересах политики своего мужа. Вероятно, именно Евдокия пригласила ко двору поэта и историка Олимпиодора Фиванского, который знал ее отца, и даже помогала ему занять кафедру в Афинах. Примерно ок. 425 г. Олимпиодор пишет историю Западной Римской империи последних десятилетий, которую подводит к воссоединению двух частей империи, что было в то время весьма актуально²⁰.

А. Кэмерон, критически оценивающий деятельность Евдокии, склонен минимизировать ее влияние, т.к. Феодосий сам проявлял достаточный интерес к наукам²¹. Действительно, интеллектуальные интересы императора отмечают все историки, начиная с Сократа:

Он знал на память священное Писание. А когда встречался с епископами, рассуждал, на основании Писания, точно давно поставленный священник. И священных книг, а также написанных к ним толкований собрал больше, чем прежде Птолемей Филадельф²².

Ему вторит Созомен, который, обращаясь непосредственно к Феодосию во вступлении к своей истории, пишет:

Конечно, от большой учености ты, как я слышал, познал и природу камней, и силу корней, и действие лекарств, — не хуже, чем мудрейший Соломон, сын Давида²³.

Во многих начинаниях Феодосия II прослеживается как бы один и тот же почерк: стремление к систематизации, каталогизации, упорядочению²⁴. Очевидно, в этом запечатлелись и свойства его характера, и его устремления. Что касается Евдокии, то она была единомышленницей Феодосия и проводницей его идей.

²⁰ Александрова (2018). С. 29.

²¹ Cameron (1982). P. 286.

²² Soc. VII.22.5. См.: Hansen (1995). S. 369.

²³ Soz. Pr. 1.10. См.: Bidez (1995). S. 3.

²⁴ Kelly (2013) P. 29.

***Константинопольский Аудиториум и
основные направления политики Феодосия II***

При рассмотрении образовательной политики Феодосия II, нельзя упускать из виду и внешнеполитического контекста, который в тот период времени подчинял себе все интересы императора. Именно тогда возникает масштабный проект укрепления единства Востока и Запада. Формально империя оставалась единой: законы подписывались именами двух императоров, восточного и западного. Это единство имело, прежде всего, богословский смысл: империя представляла собой неразделенный христианский мир. В 425 г. в Риме был коронован малолетний император Валентиниан III, власть которого поддерживалась покровительством Феодосия II. Незадолго до того Валентиниан был помолвлен с дочерью Феодосия II, тогда еще младенцем. В долгосрочной перспективе этот союз мог дать империи наследника, который возглавил бы обе части.

В перспективе грядущего воссоединения обеих частей империи, возможно, рассматривалась и работа над составлением Кодекса Феодосия, начатая спустя три года (428 г.).

В 438 г., когда Кодекс был завершен, император во вступлении описал то печальное положение дел, связанное с изучением права, которое имело место во время его правления:

Часто наша милость задавалась вопросом, по какой причине, притом, что выделены были столь значительные средства для поощрения наук и искусств, так малочисленны и редки те, кто в полноте приобрел знание гражданского права, и притом, сколько исчахли в ночных бдениях, основательную ученость приобрели единицы²⁵.

Предполагалось, что новый Кодекс положит конец путанице с законами. В связи с этим остро вставал вопрос о подготовке правоведов, способных навести порядок в этой сфере общественной жизни. Константинопольский Аудиториум, очевидно, должен был решить и эту проблему.

Кафедры и учебные программы Аудиториума

Как уже было отмечено, по тексту конституции CTh. XIV.9.3.1 нет возможности понять, идет ли речь об организации нового учеб-

²⁵ CTh. 1.1. *Mommsen* (1905). Vol. II. P. 3.

ного заведения или о реорганизации существующего. Однако, если Аудиториум уже и существовал, в его жизни начинался новый этап: для него определялся преподавательский состав и выделялось новое здание. Возможно, ранее училища помещались в библиотеке, расположенной в «районе базилик», между императорским дворцом, Милием и форумом Константина²⁶. Какова была дальнейшая судьба этих училищ, неизвестно.

Непосредственной организации преподавания в Аудиториуме посвящена конституция CTh. XIV.9.3.1:

Итак, пусть в нашем Аудиториуме, среди тех, кто занимается преподаванием римского красноречия, будет трое ораторов, десять грамматиков, а среди тех, кто занимается греческим красноречием, пусть также будет трое софистов, и десять грамматиков. И поскольку мы желаем, чтобы достославное юношество обучалось не только этим наукам, то также добавляем к упомянутым учителям наставников для углубленного изучения науки. Поэтому мы желаем добавить одного учителя, сведущего в тайнах философии²⁷, а также двоих, кто владеет формулировками права и закона²⁷.

Как следует из текста, большую часть преподавательского состава представляли грамматик, т.е. преподаватели «среднего звена»²⁸, занимавшиеся чтением и комментированием сочинений ранних авторов. Занятия с грамматиком предполагали: чтение стихов с правильной просодией, объяснение литературных приемов, фразеологии, этимологии слов, уяснение правил и общее изучение литературы²⁹. Грамматик должен был интерпретировать и разъяснять сочинения школьных авторов: Гомера, Еврипида, Менандра и др.³⁰. Высшую ступень преподавания греческой словесности представляли софисты, обучавшие не только теории, но и практике красноречия, помогая учащимся совершенствоваться в собственном искусстве³¹. Очевидно, латинский язык в программе Аудиториума занимал

²⁶ Лемерль (2012). С. 93-94.

²⁷ Mommsen (1905). Vol. I. Pt. 2. P. 787.

²⁸ Cribiore (2001). P. 53, 55.

²⁹ Ibid. P. 185.

³⁰ Ibid. P. 194.

³¹ Ibid. P. 57.

то же положение, что и греческий — число учителей-грамматиков и того, и другого языка было одинаковым. Греческим софистам, как представляется, соответствуют латинские «ораторы». Таким образом, в Аудиториуме давали и обычное «среднее», и «высшее» образование, основу которого составляла риторика. Главной же компетенцией было умение красиво, складно и убедительно говорить.

Созомен в обращении к Феодосию II вступлении к своей «Церковной истории» упоминает о литературных состязаниях, на которых император играл роль высшего арбитра:

И став законоположителем и судьей словесных сочинений, ты не обольщаешься звучностью и обманчивой внешностью, но судишь верно, обращая внимание и на предмет, и на вид речи, и на части ее, и на построение, и на гармонию, и на слог, и на связность, и на умозаключения, и на смысл, и на повествование. А награждаешь ораторов и своим суждением, и рукоплесканиями, и золотыми изображениями, и воздвижением статуй, и дарами, и всевозможными почестями³².

При рассмотрении этого текста возникает вопрос, не были ли эти состязания связаны с Аудиториумом, и кем были те ораторы, выступления которых оценивал Феодосий II. Вполне возможно, что речь здесь идет о студентах или выпускниках Аудиториума. Конечно, из-за недостатка сведений доказать, что это было именно так, нельзя. Тем не менее, факт проведения подобных состязаний лишний раз свидетельствует о внимании императора к делу просвещения.

Учитывая достаточно «либеральные» взгляды Феодосия II и его супруги, можно предположить, что в христианском Аудиториуме состав обязательных для изучения авторов не изменился, хотя, возможно, был дополнен за счет трудов таких писателей, как Григорий Богослов, поэт и государственный деятель эпохи Феодосия II Кир из Панополя, или земляк последнего, Нонн, творчество которого было известно и Киру, и Евдокии³³.

Не исключено, что и сочинения самой императрицы также изучались в константинопольской школе: так, прозаические аналоги ее поэмы «О св. Киприане» могут быть парафразами, выполненными

³² *Soz. Pr.* 1.4–5. См.: (Bidez [1995]).

³³ *Александрова* (2018a).

ми с учебными целями. Интерпретация языческого материала, на котором строилось обучение, представляла определенную мировоззренческую проблему. Именно эту проблему решает в своем творчестве Евдокия, которая ищет у ранних греческих авторов предвестий христианства³⁴. В этом же ключе можно воспринимать творчество Нонна, который создает «Деяния Диониса» — грандиозную поэму на языческий сюжет, однако его Дионис уже является предвестником Христа. В другой поэме, озаглавленной «Парафраз Евангелия от Иоанна», эта аналогия поддерживается. Наконец, та же идея синтеза достижений языческой философии и христианства пронизывает еще одно великое произведение чуть более позднего времени — «Ареопагитики». В качестве одного из возможных кандидатов в авторы этого сочинения называли воспитанника Феодосия и Евдокии, грузинского царевича Мурвана, впоследствии прославившегося под своим монашеским именем в сочетании с прозвищем — Петр Ивер. Вполне вероятно, что Петр получил образование в Аудиториуме. Для того чтобы назвать его автором «Ареопагитик», аргументов все же недостаточно, однако можно утверждать, что автор «Ареопагитик» принадлежал к тому же кругу просвещенных христиан, живо воспринимающих и переосмысляющих языческое наследие в христианском ключе³⁵.

В связи с этим остается вопрос, в каком объеме и как преподавалась философия, учитывая христианскую направленность Аудиториума. К сожалению, ответ на него получить невозможно из-за отсутствия более подробных сведений. Однако по общему количеству преподавателей Аудиториум был довольно крупным учебным заведением, по-видимому, вполне сопоставимым с афинскими школами.

Местоположение Аудиториума

Отметим, что установление CTh. XIV.9.3.1 заканчивается таким повелением:

³⁴ Александрова (2018). С. 372-376.

³⁵ Эту особенность эпохи подметил С. Джонсон: «Можно ли не видеть, если смотреть с историко-литературных позиций, того, что в V в. традиционные методы риторической выучки и библейской экзегезы нисколько не сдают позиций, а также, что происходит последовательная “христианизация” этих методов?» (Johnson [2006]. P. 100).

...чтобы твоя милость каждому выделила свое особое место, чтобы ни ученики не мешали друг другу, ни учителя, и чтобы не было смещения языков, и чтобы звуки голоса не отвлекали ум от изучения наук³⁶.

В качестве места для «государственного университета» было определено здание, называемое Капитолием. О том, что университет размещался именно в Капитолии, упомянуто в СTh. XIV.9.3. Pr. (...intra Capitoli Auditorium — см. *выше*). Другие сведения о нем собираются по крупницам по другим источникам. Так, Исихий Милетский в своей части сборника Patria сообщает, что построил его Константин:

Царь не только построил в Константинополе великолепные здания в подражание Риму и воздвиг Капитолий, но также богато украсил и божественные священные храмы³⁷.

Р. Жанен не сомневается в истинности этих сведений:

Этот факт можно считать достоверным, поскольку император приносил в новую столицу сущностные элементы римского характера³⁸.

Поскольку в начале своего правления Константин был вполне лоялен к язычеству³⁹, вероятно, в новой столице построили аналог храма Юпитера Капитолийского, но по понятным причинам по назначению он не использовался.

Описание Капитолия известно из установления Феодосия II, датированного тем же числом, что и распоряжения относительно учебных заведений, и, несомненно, связанного с ними по смыслу. Здесь император отдает распоряжение об обустройстве здания:

Тот же август <Феодосий II> и цезарь Валентиниан — Констанцию, префекту города. Экседры, которые примыкают к северному портику и которые столь высоки и прекрасны, что могут служить для общественных надобностей, вызывая восхищение

³⁶ Mommsen (1905). Vol. I. Pt. 2. P. 787.

³⁷ Preger (1901). Fr. 41 bis.

³⁸ Janin (1950). P. 171.

³⁹ Ср. СTh. 16.10.1. Pr.: «...если молния ударит во дворец, гаруспики должны собрать все сведения и доложить императору».

вместительностью и красотой, пусть твоя милость определит для собраний вышеназванных лиц⁴⁰. Те же, которые находятся как с восточной, так и с западной стороны, и к которым с площади нет никакого подхода, пусть отдаст под старые лавки. А к тем, которые ниже и уже, следует частично присоединить пространства соседних комнаток с обеих сторон, чтобы не было недостатка в слугах и людях. Конечно, если окажется, что упомянутые комнатки кому-то принадлежат и получены либо по императорской щедрости, либо в дар, либо куплены, пусть твоя милость, зная об этом, прикажет возместить их стоимость из казны. Издано в третий день до мартовских календ, в Константинополе, в одиннадцатое консульство господина нашего Феодосия и в первое консульство цезаря Валентиниана⁴¹.

«Долгое время считалось, — пишет Жанен, — что на месте Капитолия находится Стамбульский университет (древний Сераскерат) на вершине третьего холма. <...> Однако в “Книге церемоний” содержится информация, которая противоречит этому. Когда императоры проходили через Золотые ворота во время триумфов, они следовали через Ексакионион и Ксиролоф и оттуда через Бычий форум, Капитолий и Филадельфий, и достигали форума Тавра <...>. Капитолий, таким образом, следует поместить между Бычим форумом и Филадельфием. Он должен был находиться на возвышенности, слева от Филадельфия, который, вероятно, располагался в квартале Шахзаде. Согласно указу от 27 февраля 425 г., с севера находилась общественная территория. Главный фасад и обширные экседры, где читались публичные лекции, помещались к югу. Поскольку он соотносится с Бычим форумом и Филадельфием, то есть с кварталами Аксарай и Шахзаде, подниматься надо было по южным склонам третьего холма; на него восходили точно как на Капитолий. Все как в Риме»⁴².

Там же Жанен отмечает, что кровля Капитолия была покрыта бронзовой золоченой черепицей и все здание было увенчано крестом, который сгорел в 407 г., но, видимо, вскоре был восстановлен. Увенчивающий здание крест свидетельствует о христианской направлен-

⁴⁰ То есть, надо понимать, что как раз для занятий в Аудиториуме.

⁴¹ СTh. XV.1. 53. См.: *Mommsen* (1905). Vol. I. Pt. 2. P. 814.

⁴² *Janin* (1950). P. 172.

ности размещенного в нем учебного заведения, а величественный вид Капитолия свидетельствует о высоком престиже Аудиториума.

Преподаватели Аудиториума

О престиже этого учебного заведения говорят и награды, пожалованные императором первым его профессорам. Не прошло и трех недель, как Феодосий издал новый указ (CTh. VI.21.1), связанный с университетом, согласно которому шесть его профессоров были возведены в ранг комитов:

Императоры Феодосий август и Валентиниан цезарь — Феофилу, префекту города. Греческих грамматиков Элладия⁴³ и Сириана⁴⁴, латинского [грамматика] Феофила⁴⁵, софистов Мартина⁴⁶ и Максима⁴⁷ и профессора права Леонтия⁴⁸ наше величество решило уже сейчас почтить удостоверениями комитов первого разряда, которые они уже получили от нашего величества, так что они будут числиться в ранге экс-викариев⁴⁹. Поэтому, если будет доложено, что и другие преподаватели наук представлены к этой награде, поскольку они являют похвальный образец добронравной жизни, показывают искусство в преподавании и в выступлениях красноречие, в истолковании тонкость, свободу в речи и сочтены достойными на усмотрение высочайшего собрания⁵⁰, как исполняющие обязанности профессоров в вышеупомянутом Аудиториуме, а также те, кто в постоянном и усердном труде преподавания провел двадцать лет, то пусть они удостоятся тех же почестей, что и вышеназванные мужи. Издано в мартовские иды в Константинополе в 16-е консульство августа Феодосия и в консульство цезаря Валентиниана (15 марта 425 г.)⁵¹.

К сожалению, громких имен среди перечисленных профессоров Аудиториума нет и приведенный выше перечень — единствен-

⁴³ *Martindale* (1980). P. 534 (PLRE II: Helladius 4).

⁴⁴ *Martindale* (1980). P. 1050 (PLRE II: Syrianus 2).

⁴⁵ *Martindale* (1980). P. 1109 (PLRE II: Theophilus 4).

⁴⁶ *Martindale* (1980). P. 730 (PLRE II: Martinus 1).

⁴⁷ *Martindale* (1980). P. 745–746 (PLRE II: Maximus 8).

⁴⁸ *Martindale* (1980). P. 669 (PLRE II: Leontius 7).

⁴⁹ Викарий — высокая должность гражданского ведомства (по рангу близкая к префекту), обязанности которого определены нечетко. См.: *Kazhdan* (1991). Vol. III. P. 1264.

⁵⁰ *Pharr* (2012). P. 133.

⁵¹ *Mommsen* (1905). Vol. 1. Pt. 2. P. 268.

ное, что можно о них узнать. Исключение составляет Элладий, которого, скорее всего, можно отождествить с Элладием Александрийским, учителем историка Сократа. В словаре «Суды» о нем сообщается следующее:

Элладий Александрийский, грамматик, родился⁵² при царе Феодосии Младшем. Он составил алфавитный словарь об употреблении каждого слова, экфрасис честолюбия, о Дионисе и Музах, экфрасис Константиновских бань, похвалу царю Феодосию (Suid. E 732, s.v. Ἐλλάδιος).

Словарь Элладия также назван среди источников «Суды». Однако круг лиц, так или иначе тяготеющих к «Аудиториуму», как мы видели, не ограничивается его профессорами, упомянутыми в «Кодексе Феодосия». Незримые нити связывают Константинопольский университет с лучшими умами эпохи.

***История Аудиториума
во второй половине V– начале VI вв.***

После 425 г. об Аудиториуме нет упоминаний ни в Кодексе Феодосия, ни в сочинениях историков. Однако отсутствие дальнейших сведений об Аудиториуме не означает, что этот проект был неуспешен. Сведения об эпохе Феодосия II в целом отличается фрагментарностью. Его загадочная гибель, сомнительная законность воцарения его сестры Пульхерии и последующий резкий поворот церковной политики привели к общему обесцениванию итогов правления Феодосия II. Между тем Аудиториум продолжал функционировать, по крайней мере, еще в течение полутора веков. Важно учитывать и то, что название «Аудиториум», употребленное в Кодексе Феодосия II, по-видимому, не было официальным названием этого учебного заведения. Само же слово *auditorium* чаще обозначает чью-либо аудиенцию (ср., например, CJ. VII.62.31 Pr.). Поэтому университет мог называться просто «училищем» или «школой».

⁵² По тексту установления Феодосия II скорее получается, что Элладий был уже немолодым человеком, как и другие награжденные (если они попадают под категорию прослуживших 20 лет). Но, возможно, слово *γεγονώς* не предполагает точной даты рождения, а лишь приблизительно указывает на время жизни. А. Кэмерон несколько скептически относится к этому отождествлению. См.: *Cameron* (1982). P. 286.

Немногие сведения о нем могут быть получены из фрагментарно сохранившегося сочинения Малха, использованного в Словаре Суды. Малх сообщает, что Лев I, пришедший к власти через 7 лет после Феодосия II, изгнал грамматика Иперехия (того самого, ученицей которого Цец называет Евдокию). Он же сообщает о проблемах с выплатой денег философу Евлогию:

...некогда он пообещал заплатить жалованье философу Евлогию, но кто-то из евнухов сказал, что их лучше потратить на солдат. И он сказал: «Пусть в мое время случится так, что деньги солдат будут потрачены на учителей»⁵³.

Вполне вероятно, что Евлогий занимал должность преподавателя философии в Аудиториуме и именно поэтому должен был получать жалование из царской казны.

Кодификация Юстиниана и константинопольские школы

Первоначальный план Феодосия II по составлению правового Кодекса был выполнен лишь частично⁵⁴ и, вероятно, это связано именно с тем, что на большее не хватило компетентных исполнителей. Как было показано выше, согласно постановлению Феодосия II (CTh XIV.9.3.1), в Аудиториуме изначально было два профессора права. С этого, вероятно, и началась константинопольская юридическая школа, которая за последующий век сложилась и окрепла, так что, по-видимому, не уступала знаменитой школе в Берите (Бейруте).

Столичная школа стала главной цитаделью юридической науки в империи, она контролировала и направляла деятельность местных школ. Очевидно, именно на этой школе <...> красовалась надпись, сохраненная антологией греческих эпиграмм⁵⁵.

⁵³ Suid. Α2 67, s.v. Λέων.

⁵⁴ Согласно первоначальной программе, изложенной в конституции CTh. I.1.5, предполагалось создание двух кодексов: первого, содержащего все императорские установления, в том числе и те, которые утратили силу закона; и второго, «кодекса жизненного руководства» (codex magisterium vitae), в который должны были войти только действующие императорские установления, сопровождаемые толкованиями, составленными из фрагментов авторитетных правовых сочинений. См.: Сильвестрова (2009). С. 8.

⁵⁵ Медведев (2017). С. 111.

Я — правосудия место свободное: рядом источник
Плещет и щедрой струей льет авзонийский закон.
Вечно течет здесь вода и для всех, но лишь собранным вместе
Юношам весь свой поток этот источник дарит⁵⁶ (AG. IX.660).

Дальнейшая судьба этой правовой школы проясняется в свете деятельности Юстиниана. Тот факт, что Юстиниану удалось провести более масштабную кодификацию права по сравнению с Феодосием II, говорит о том, что в его эпоху было уже достаточно много людей, способных осуществить подобные начинания.

В предисловии к «Институциям» Юстиниан обращается к «юношеству, жаждущему изучать законы» (*cupidae legum iuventuti*⁵⁷), т.е., по-видимому, как раз к студентам правовой школы. Известно, что программа школы была рассчитана на пять лет. В первый год в ней изучались Институции, со второго по четвертый — Дигесты и на последнем курсе — Кодекс Юстиниана⁵⁸.

Изучение юриспруденции обусловило необходимость сохранять и преподавание латинского языка, хотя знание его в восточной части Римской империи в этот период идет на убыль. Так, Агафий Миринейский сообщает о Германе⁵⁹, которому покровительствовал Юстиниан. Он говорит, что этот мальчик в возрасте 8 лет был привезен в Константинополь из родного города Юстиниана, Ведерианы (уже носившего название Юстиниана Прима) и обучался в столичных училищах у грамматиков, в частности, латинскому языку (*Agath.* 5, 21). Здесь возникает вопрос и об образовании, которое получил сам Юстиниан. Не был ли и он сам в начале своего пути студентом Аудиториума? Это вполне возможно, хотя никаких сведений, которые могли бы подтвердить или опровергнуть это предположение, нет.

Принято считать, что Юстиниан закрыл афинские школы, однако справедливости ради следует отметить, что он уже мог противопоставить им довольно крупное христианское учебное заведение.

Последующая судьба константинопольской высшей школы вплоть до IX в. неизвестна; и здесь уже давно существуют различ-

⁵⁶ Paton (1897). Vol. 3. P. 366.

⁵⁷ Krueger (1889). Vol. I. P. XXII.

⁵⁸ Медведев (2017). С. 112-113.

⁵⁹ Martindale (1992). P. 528.

ные точки зрения. Например, Скабалланович⁶⁰ придерживался мнения, что эта традиция была непрерывной. По мнению Фукса⁶¹, цезарь Варда в IX в. открыл университет заново. Шнайдер⁶² полагал, что университет был закрыт в VII в. при Фоке и возобновлен при Ираклии как «Патриаршая Академия»⁶³.

Роль Константинопольского университета в истории Византии традиционно оценивается высоко:

Высшая школа Константинополя, или, как чаще ее называют, университет, сыграла огромную роль в создании и сложении официальной элиты империи. Сотни византийских администраторов, правоведов и дипломатов прошли эту школу, где освоение римского права сочеталось с изучением языков и риторики, философии и литературы, и где языческая традиция соседствовала с христианской идеологией. Константинопольский университет, как и интенсифицировавшаяся культурная жизнь Константинополя, прочнее связали его со всеми византийскими очагами культуры, превратив его в центр постоянной их связи, выработки новой, специфически византийской идеологии и культуры⁶⁴.

Однако, видя те плоды, которые принесло это начинание, нельзя забывать и о заслугах его первых покровителей, императора Феодосия II и императрицы Евдокии, предваривших многие инициативы Юстиниана и на многие века предопределивших развитие европейской культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Александрова* (2018). — *Александрова Т.Л.* Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450). СПб.: Алетейя, 2018.
- Александрова* (2018а). — *Александрова Т.Л.* Императрица Евдокия — читательница Нонна Панополитанского? // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 3: 3:55. 2018. С. 9–20.

⁶⁰ Скабалланович (1884). № 5–6. С. 730–770.

⁶¹ Fuchs (1926).

⁶² Schneider (1936). P. 25.

⁶³ Kazhdan (1991). Vol. III. P. 2143.

⁶⁴ Чекалова (2010). С. 38.

- Ведешкин (2019). — Ведешкин М.А. «Учителя-душегубы»: образование и апостасия в поздней Римской империи // Диалог со временем. 66.1. 2019. С. 348-363.
- Лемерль (2012). — Лемерль П. Первый византийский гуманизм / пер. Т.А. Сениной. СПб.: Свое издательство. 2012.
- Медведев (2017). — Медведев И.П. Правовая культура Византии. СПб.: Алетейя, 2017.
- Сильвестрова (2009). — Сильвестрова Е.В. Первый титул Шестнадцатой книги Кодекса Феодосия // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 1: 2/ 26. 2009. С. 7-20.
- Скабалланович (1884). — Скабалланович Н. Византийская наука и школы в XI веке // Христианское чтение. № 5–6. 1884. С. 730-770.
- Чекалова (2010). — Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII в. М.: Наука. 2010.
- Adler (1928–1935). — Adler A., ed. Suidae lexicon / Vol. 1–4. Leipzig: Teubner, 1928–1935 (repr. Stuttgart: 1967–1971).
- Bidez, Hansen (1995). — Bidez J., Hansen G.Ch. / Ed. Sozomenus. Kirchengeschichte: Akademie Verlag. 1995.
- Cameron (1982). — Cameron A. The empress and the poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II // Yale Classical Studies. 27. 1982. P. 217-289.
- Cameron (2011). — Cameron A. The Last Pagans of Rome. Oxford. 2011.
- Cribiore (2001). — Cribiore R. Gymnastics of the mind. Greek education in Hellenistic and Roman Egypt. Princeton Oxford: Princeton University Press. 2001.
- Fuchs (1926). — Fuchs F. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. (Byzantinisches Archiv, Heft 8.) Leipzig: B.G. Teubner. 1926.
- Hansen (1995). — Hansen G.Ch., ed. Socrates Scholasticus. Kirchengeschichte. Berlin: Akademie Verlag. 1995.
- Janin (1950). — Janin R. Constantinople byzantine. — Paris: Institut français d'études byzantines. 1950.
- Johnson (2006). — Johnson S.F. The life and miracles of Thecla // Hellenic Studies, 13. Washington. 2006.
- Kazhdan (1991). — Kazhdan A.P. The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1–3. Oxford: Oxford University Press. 1991.
- Kelly (2013). — Kelly C., ed. Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press. 2013.

- Krueger, Mommsen* (1889). — *Krueger P., Mommsen T.*, ed. *Corpus juris civilis*. Vol. 1. *Institutiones. Digesta*. Berlin: Akademie Verlag. 1889.
- Martindale* (1980). — *Martindale J.R.* *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 2: A.D. 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Martindale* (1992). — *Martindale J.R.* *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 3: A.D. 527–641. P. A – B. Cambridge: Cambridge University Press. 1992.
- Mommsen, Meyer* (1905). — *Mommsen Th., Meyer P.* *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmonidianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes*. Vol. 1–2. Berlin. 1905.
- Pharr* (2012). — *Pharr C.* trans. *The Theodosian code and novels and the Sirmonidian constitutions* / New Jersey: The Lawbook exchange, LTD . 2012.
- Preger* (1901). — *Preger T.* *Scriptores originum Constantinopolitanarum*, pt. I, Leipzig: Teubner, 1901.
- Schneider* (1936). — *Schneider A. M.* *Byzanz: Vorarbeiten zur Topographie und Archäologie der Stadt*. Beitrag von W. Karnapp. Berlin (Abteilung Istanbul des Archäologischen Institutes des Deutschen Reiches, Istanbul Forschungen, Band 8). 1936.
- The Greek Anthology with an English translation by W.R. Paton. Vol. 1–5. London: William Heinemann – G.M. Putnam's sons. 1897.

Tatiana L. ALEXandrova

EDUCATIONAL POLICY OF THEODOSIUS II AND THE FATE OF THE AUDITORIUM IN CONSTANTINOPLE

The article considers the history of the Auditorium (5th – 6th centuries), often referred to as the University of Constantinople, from the perspective of the main policies of Theodosius II. Among them are comparatively gentle Christianisation, which combined a new creed with the elements of the old, pagan culture, and the project for the reunification of the two parts of the Empire on the basis of a general legislative framework (for which the Theodosian Code was compiled). The activity of Empress Eudocia, who probably used her position and connections in the then academic world in order to implement education reforms, is taken into account. A possible treatment of the Auditorium as the Christian antithesis of the

Athenian Academy is discussed. The need to appeal to the pagan heritage for educational purposes is considered; the necessity to re-think it in Christian terms is put forward in the works of both Eudocia and other authors, such as Nonnus of Panopolis, Pseudo-Dionysius the Areopagite. The teaching staff of the Auditorium and its curriculum (which included rhetoric, Greek and Latin grammar, legal and philosophical subjects) are analyzed. It is concluded that the foundations laid by the educational policy of Theodosius II were of great importance for the further development of European culture.

REFERENCES

- Aleksandrova* (2018). — *Aleksandrova T.L.* Vizantijskaya imperatrica Afinaida-Evdokiya: zhizn' i tvorchestvo v kontekste ehpoi pravleniya imperatora Feodosiya II (401–450). SPb.: Aletejya, 2018.
- Aleksandrova* (2018a). — *Aleksandrova T.L.* Imperatrica Evdokiya — chitatel'nica Nonna Panopolitanskogo? // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo Gumanitarnogo universiteta*. 3: 3:55. 2018. S. 9-20.
- Vedeshkin* (2019). — *Vedeshkin M.A.* «Uchitelya–dusheguby»: obrazovanie i apostasiya v pozdnej Rimskoj imperii // *Dialog so vremenem*. 66.1. 2019. S. 348-363.
- Lemerl'* (2012). — *Lemerl' P.* Pervyj vizantijskij gumanizm / per. T.A. Seninoy. SPb.: Svoe izdatel'stvo. 2012.
- Medvedev* (2017). — *Medvedev I.P.* Pravovaya kul'tura Vizantii. SPb., 2017.
- Sil'vestrova* (2009). — *Sil'vestrova E.V.* Pervyj titul Shestnadcatoj knigi Kodeksa Feodosiya // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo Gumanitarnogo universiteta*. 1: 2/ 26. 2009. C. 7-20.
- Skaballanovich* (1884). — *Skaballanovich N.* Vizantijskaya nauka i shkoly v XI veke // *Hristianskoe chtenie*. № 5–6. 1884. S. 730-770.
- Chekalova* (2010). — *Chekalova A.A.* Senat i senatorskaya aristokratiya Konstantinopolya. IV — pervaya polovina VII v. M.: Nauka. 2010.
- Adler* (1928–1935). — *Adler A.*, ed. *Suidae lexicon* / Vol. 1–4. Leipzig: Teubner, 1928–1935 (repr. Stuttgart: 1967–1971).
- Bidez, Hansen* (1995). — *Bidez J. Hansen G.Ch.* ed. *Sozomenus. Kirchengeschichte*: Akademie Verlag. 1995.
- Cameron* (1982). — *Cameron A.* The empress and the poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II // *Yale Classical Studies*. 27. 1982. P. 217-289.

- Cameron* (2011). — *Cameron A.* The Last Pagans of Rome. Oxford. 2011.
- Cribiore* (2001). — *Cribiore R.* Gymnastics of the mind. Greek education in Hellenistic and Roman Egypt. Princeton Oxford: Princeton University Press. 2001.
- Fuchs* (1926). — *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. (Byzantinisches Archiv, Heft 8.) Leipzig: B. G. Teubner. 1926.
- Hansen* (1995). — *Hansen G.Ch.*, ed. Socrates Scholasticus. Kirschengeschichte. Berlin: Akademie Verlag. 1995.
- Janin* (1950). — *Janin R.* Constantinople byzantine. — Paris: Institut français d'études byzantines. 1950.
- Johnson* (2006). — *Johnson S.F.* The life and miracles of Thecla // Hellenic Studies, 13. Washington. 2006.
- Kazhdan* (1991). — *Kazhdan A. P.* The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1–3. Oxford: Oxford University Press. 1991.
- Kelly* (2013). — *Kelly C.*, ed. Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press. 2013.
- Krueger, Mommsen* (1889). — *Krueger P.*, *Mommsen T.*, ed. Corpus juris civilis. Vol. 1. Institutiones. Digesta. Berlin: Akademie Verlag. 1889.
- Martindale* (1980). — *Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2: A.D. 395–527. Cambridge, 1980.
- Martindale* (1992). — *Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 3: A.D. 527–641. P. A – B. Cambridge: Cambridge University Press. 1992.
- Mommsen, Meyer* (1905). — *Mommsen Th.*, *Meyer P.* Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmonidianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes. Vol. 1–2. Berlin. 1905.
- Pharr* (2012). — *Pharr C.* trans. The Theodosian code and novels and the Sirmonidian constitutions / New Jersey: The Lawbook exchange, LTD. 2012.
- Preger* (1901). — *Preger T.* Scriptorum originum Constantinopolitanarum, pt. I, Leipzig: Teubner, 1901.
- Schneider* (1936). — *Schneider A.M.* Byzanz: Vorarbeiten zur Topographie und Archäologie der Stadt. Beitrag von W. Karnapp. Berlin (Abteilung Istanbul des Archäologischen Institutes des Deutschen Reiches, Istanbul Forschungen, Band 8). 1936.
- The Greek Anthology with an English translation by W.R. Paton. Vol. 1–5. London: William Heinemann – G.M. Putnam's sons. 1897.

ЭДВАРД УОТТС И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

М.А. ВЕДЕШКИН

В статье рассматриваются этапы научной биографии Эдварда Дж. Уоттса — одного из выдающихся современных исследователей Поздней Античности. Представлен критический обзор четырех монографий автора, дана характеристика его научных трудов.

Имя Эдварда Уоттса хорошо известно всем исследователям, изучающим образование и культуру Поздней Античности. Начало его научной карьеры связано с одним из самых престижных частных учебных заведений США — Брауновским университетом (г. Провиденс штата Род-Айленд). В 1997 г. он получил диплом бакалавра по классической филологии и культуре Античности и Средних веков magna cum laude и поступил в аспирантуру Йельского университета, обучение в которой завершилось успешной защитой диссертации в 2002 г. В том же году Э. Уоттс был принят в штат Университета Индианы. С 2012 г. ученый работает в Калифорнийском университете в Сан-Диего, где возглавляет Центр эллинистических исследований.

Первая монография Э. Уоттса «City and School in Late Antique Athens and Alexandria», представлявшая собой значительно расши-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта (№ 19-013-00004) «Эволюция пространства образования и пространства знания в Поздней Античности».

Гипотеза
2019. Вып. 3. С. 301-305
УДК 37.01

Гипотеза
2019. Issue 3. P. 301-305
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-301-305](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-301-305)

ренную и переработанную диссертацию, увидела свет в 2006 г.¹. В этом труде историк изучил развитие позднеантичных риторических и философских школ в контексте социально-политической и религиозной Римской империи III–VI вв. Объектом исследования Э. Уоттс избрал школы двух крупнейших образовательных центров этого периода — Афин и Александрии. Особо пристальное внимание автор обратил на разрешение вопроса о причинах, определивших кардинальные различия в судьбах училищ столицы Египта и «города богини философов». В то время как Афинская академия была закрыта в 529 г. при самых драматичных обстоятельствах, александрийская школа Аммония и Олимпиодора Младшего сравнительно благополучно просуществовала вплоть до начала VII в. Как убедительно показал Э. Уоттс, причины несчастий афинской и успехов александрийской школы происходят из противоположного отношения их преподавателей к происходившим в окружающем мире изменениям. По мнению исследователя, пожертвовав религиозной составляющей своего куррикулума, александрийские неоплатоники сумели к концу V в. выработать принципы мирного сосуществования с местными христианами и тем самым сохранить свое учение. Преподаватели афинской Академии, напротив, продолжали свысока смотреть на христианскую общину своего города и упорно игнорировать уже давно свершившийся факт обращения империи в христианство. В итоге интеллектуальная заносчивость и религиозный консерватизм нескольких поколений схоластов подписали смертный приговор школе. В своем исследовании Э. Уоттс не только представил скрупулезный анализ социальной, религиозной и интеллектуальной атмосферы двух важнейших городов академического мира Римской империи, но и подробно осветил множество аспектов академического мира Поздней Античности. Исследование молодого ученого было по достоинству оценено научным сообществом² и заслужило высокие оценки таких авторитетных ученых, как К. Крибиор и Й. Дийкстра³.

¹ *Watts* (2006).

² В 2007 г. «Ассоциация филологов-классиков Среднего Запада и Юга» присудила монографии почетную и престижную награду в категории «Выдающаяся публикация».

³ *Cribiore* (2007). P. 408-412; *Dijkstra* (2010). P. 212-214.

Через четыре года, в 2010 г. исследователь выпустил новую книгу — «*Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities*»⁴. В определенном смысле вторая монография являлась продолжением и развитием идей предыдущей работы — объектом изучения вновь стала система позднеантичного образования. Вместе с тем кардинально изменилась методологическая основа исследования — если первая книга была аналитическим нарративом, охватывавшим четыре столетия, то в новой монографии Э. Уоттс обратился к микроистории, а именно к конфликту учившегося у александрийского философа Гореполлона юноши Паралия со своими однокашниками в 485 г. Как было показано автором, это, казалось бы, малозначительное происшествие, повлекло за собой цепь событий, оказавших огромное влияние на дальнейшую судьбу философских школ Афин и Александрии, Александрийского патриархата и позднеантичной литературы (инцидент стал отправной точкой для написания двух важнейших тестов: «Жития Севера» Захарии Митиленского и «Жизни Исидора» Дамаския Схоларха). Новая книга Э. Уоттса также была отмечена наградами⁵ и благожелательными рецензиями специалистов, в том числе одного из признанных патриархов современного антиковедения — Т.Д. Барнса⁶.

Третья монография Э. Уоттса — «*The Final Pagan Generation*»⁷ вышла в 2015 г. В ней речь идет о последнем поколении элиты империи, рожденном до религиозного переворота Константина, в лице четырех ее ярчайших представителей: бурдигальского поэта Авзония, антиохийского ритора Либания, римского аристократа Веттия Агория Претекстата и константинопольского философа Фемистия. Прослеживая жизненный путь каждого из них (образование, карьерный рост, личную жизнь, отношение с окружением и власть имущими), историк делает обобщающие выводы о характере политических и религиозных преобразований, которое римское общество переживало в IV в. Несмотря на то, что книга была хорошо принята

⁴ Watts E.J. (2010).

⁵ В год своего издания монография получила награду «2010 PROSE Award Honorable Mention in Classics and Ancient History».

⁶ Nuffelen (2010); Cribiore (2011). P. 1178-1178; Barnes (2012). P. 86-87.

⁷ Watts (2015).

критикой⁸, некоторые рецензенты поднимали вопрос о том, насколько герои повествования Э. Уоттса могут представлять весь правящий класс империи⁹. В частности, отмечалось, что в монографии были рассмотрены лишь представители сильного пола¹⁰.

Критика была услышана. Уже в 2017 г. доктор Уоттс опубликовал новую книгу, посвященную, пожалуй, самой известной женщине эпохи Поздней Античности — Гипатии Александрийской¹¹. Малочисленность, фрагментарность и тенденциозность источников, освещающих жизнь этой женщины-философа, делают любую попытку составить ее биографию трудной задачей. Э. Уоттс с ней, несомненно, справился. В своей работе он не только осветил жизнь, учение и трагическую гибель Гипатии, но и с большим исследовательским мастерством воссоздал ту противоречивую атмосферу идейных исканий и религиозного противостояния, которая царила в столице Египта на рубеже IV и V столетий.

Помимо упомянутых выше работ, доктор Уоттс написал несколько десятков статей, посвященных самым разным аспектам позднеантичной культуры, науки и образования. В настоящем выпуске журнала публикуется перевод главы, которую он написал для одного из наиболее авторитетных справочных изданий по Поздней Античности — «The Oxford Handbook of Late Antiquity».

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Banchich* (2010). — *Banchich T.M.* Edward J. Watts, The Final Pagan Generation. Transformation of the Classical Heritage, 53 // Bryn Mawr Classical Review. 31.05.2010. — <http://bmcr.brynmawr.edu/2015/2015-05-31.html> (2019).
- Barnes* (2012). — *Barnes T.D.* Review of Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities. [The Transformation of the Classical Heritage, 46.] // The Catholic Historical Review. 98. 2012. P. 86-87.

⁸ *Francis* (2015). P. 638-639.

⁹ *Banchich* (2015).

¹⁰ *Harries* (2016). P. 304.

¹¹ *Watts* (2017).

- Cribiore* (2007). — *Cribiore R.* Review of City and School in Late Antique Athens and Alexandria, by Edward Watts // *Classical Philology*. 102. 2007. P. 408-412.
- Cribiore* (2011). — *Cribiore R.* Review of Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities // *The American Historical Review*. 116. 2011. P. 1178-1178.
- Dijkstra* (2010). — *Dijkstra J.H.F.* Review of City and School in Late Antique Athens and Alexandria. // *Phoenix*. 64. 2010. P. 212-214.
- Francis* (2015). — *Francis J.A.* The Final Pagan Generation by Edward J. Watts // *Journal of Early Christian Studies*. 23. 2015. P. 638-639.
- Harries* (2016). — *Harries J.* Edward J. Watts. The Final Pagan Generation // *The American Historical Review*. 121. 2016. P. 303-304.
- Nuffelen* (2010). — *Nuffelen P.V.* Review of: Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities. The Transformation of the Classical Heritage 46 // *Bryn Mawr Classical Review*. 13.10.2010. — <http://bmcr.brynmawr.edu/2010/2010-10-13.html> (2019).
- Watts* (2006). — *Watts E.* City and school in late antique Athens and Alexandria. Berkeley: University of California Press, 2006.
- Watts* (2017). — *Watts E.J.* Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher. New York, NY: Oxford University Press, 2017.
- Watts* (2010). — *Watts E.J.* Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities. Berkeley: University of California Press, 2010.
- Watts* (2015). — *Watts E.J.* The Final Pagan Generation. Oakland, California: University of California Press, 2015.

Michael A. VEDESHKIN

EDWARD WATTS AND MODERN RESEARCH IN LATE ANTIQUITY EDUCATION

The article discusses the stages of the scientific biography of Edward J. Watts — one of the outstanding modern researchers of Late Antiquity. We also present a critical review of his first four books as well as an overall description of his scientific works.

ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

ОБЩЕНИЕ, МЫСЛЬ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ*

Э. УОТТС

В статье Э. Дж. Уоттса, впервые опубликованной на английском языке в коллективном труде *The Oxford Handbook of Late Antiquity*, приводятся обобщенные выводы многолетних научных изысканий автора, посвященных образованию в Поздней Античности. Исследователь акцентирует внимание на ценности образования для саморепрезентации и мировоззрения высших слоев позднеримского общества, характеризует влияние школ на формирование социальных связей в среде имперской элиты, дает общую характеристику образовательной системы от ее низших ступеней (элементарной буквенной школы) до высших учебных заведений империи (философских, законоведческих и медицинских). Особое внимание в статье уделено повседневной жизни школяров, отношениям студентов со своими товарищами и учителями, значению религии в образовательной практике. В статье также рассматриваются особенности позднеантичного образовательного пространства и особенности государственной политики в области образования.

* Оригинальное издание: *Watts E. Education: Speaking, Thinking, and Socializing // The Oxford Handbook of Late Antiquity*. Oxford University Press, 2012. P. 467-486. Перевод текста публикуется с разрешения его автора, проф. Эдварда Уоттса, и Издательства Оксфордского университета («Oxford University Press»). Автор перевода и Издательство «Аквилон» (Москва) выражают искренние слова благодарности проф. Уоттсу и «Oxford University Press» за любезное разрешение на перевод и публикацию настоящей работы.

ГИПОТЕКАИ
2019. Вып. 3. С. 306-338
УДК 37.01

ГИПОТЕКАИ
2019. Issue 3. P. 306-338
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-306-338](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-306-338)

«День подходил к третьему часу, а я был погружен в свою работу, когда превосходнейший и благороднейший Квадрат... пришел ко мне и вложил в мою руку письмо, говоря, что оно пришло от тебя. И тотчас исчезли все мои заботы... Как только я нашел переводчика, я осознал, что было бы ужасно обделить город таким подарком Судьбы. Посему я передал письмо троим моим друзьям и наказал им пройти по городу и показать его всем... нас обоих [город] называл благословенными: меня, за оказанной мне честь [получить твое письма], а тебя как благодетеля, ибо перед тобой в долгу и сами боги красноречия, так ты возбудил в учениках [жажду знаний]».

Либаний.

Письмо Симмаху (Ер. 1004 F = 177 N)

Антиохийский ритор Либаний и префект Рима Симмах оставили нам два самых крупных сборника писем (на греческом и на латинском языках, соответственно) из всех сохранившихся от эпохи Поздней Античности. Прочитанное выше письмо, являющееся единственным свидетельством переписки между этими титанами эпистолярного жанра, является идеальным текстом для начала обсуждения позднеантичной образовательной системы. Либаний и Симмах никогда не встречались, а если бы и встретились, то не смогли бы поддерживать беседу — ни один из них не знал языка другого. Тем не менее, получение письма от Симмаха настолько взбудоражило Либания, что он немедленно заказал перевод, который в дальнейшем распространил среди своих друзей. Восторг Либания от получения письма был вызван не статусом и политическими заслугами его корреспондента, не содержанием самого послания (которое, судя по всему, было довольно будничным), а тем, насколько виртуозно, с точки зрения норм риторики, был составлен текст, изящество которого могли оценить не только Либаний и Симмах, но и читавшие их корреспонденцию антиохийцы. Все они принадлежали к единой культурной традиции, служившей универсальным маркером, отличавшим образованного человека от неуча —

пайдейе¹. Приобщение к ней проходило через длительный и дорогостоящий процесс обучения, в ходе которого в молодого человека вбивались нормы правильной речи и социально-одобряемого поведения². Именно утверждаемое римской образовательной системой представление о самоценности пайдейи позволяло представителям городских элит, живших за тысячи миль друг от друга (например, Либанию и Симмаху), существовать в рамках единого культурного поля и обмениваться любезностями. Почти все население империи искренне верило в то, что любой образованный человек во всех отношениях лучше своего малограмотного соотечественника. Считалось, что образование приводит душу «к совершенству и состоянию присущему человеческой природе», в то время как души неучей были обречены томиться в состоянии примитивной грубости³. В целом, многие образованные люди полагали, что принадлежность человека к элите определяется исключительно его приобщенностью к пайдейе, и постоянно постулировали эту мысль в своих письмах⁴, эпитафиях⁵, а также эпитафике⁶.

Подобное предубеждение возникло не на пустом месте. Гуманитарная по своей сути система римского образования не только знакомила с классической литературной традицией, но и выполняла важную функцию социализации молодых людей. Через чтение и комментирование классиков ученикам прививалась модель поведения, принятая в приличном обществе⁷. Наставники самоотверженно вбивали в головы юношей правила хорошего тона и приучали их к

¹ Об этом, см., прежде всего, *Matthews* (1992). P. 35.

² Об образовании как процессе социализации, см. *Bloomer* (1997). P. 57-78.

³ IPriene 112.73; см. также *Marrou* (1937). P. 209; *Kaster* (1988). P. 15-16.

⁴ Один из лучших примеров подобного восприятия эпистолярных связей, см. в *Lib.* Ep. 1036. (Все имена античных авторов и их трудов приводятся в стандартном сокращении. — Примеч. пер.).

⁵ См., напр., эпитафию Дидия Таксиарха (CIL VI.16843).

⁶ См., напр., надпись эпикурейского содержания, высеченную Диогеном в его родном городе Ойноанде (публ. и пер. на англ.: *Smith* [1996]).

⁷ Об этом, см. *Brown* (1992). P. 122. Значение *fictio personae* для развития у ученика представления о должной манере поведения рассматривается в работе Блумера. См. *Bloomer* (1997). P. 57-78.

той высокой роли, которую закончившие полный курс ученики, должны были играть в родных городах⁸. Их также учили владеть собой и всегда выказывать должное уважение представителям «своего круга» — то есть образованного слоя⁹. Таким образом, пайдейя формировала и транслировала кодекс поведения и социальные нормы, необходимые для функционирования традиционной элиты римского мира.

В этой статье будет рассматриваться культурный и социальный аспект позднеантичной образовательной системы. Мы начнем с характеристики самых общих принципов образования. Далее будут вкратце описаны начальное образование и базовые правила обучения чтению и письму. Основная часть текста посвящена обсуждению широкого круга вопросов, так или иначе связанных с высшим гуманитарным образованием элиты, которое почиталось наиболее значимым (и, кроме того, освещено в источниках не в пример лучше других ступеней образования). Повествование пойдет о школьном куррикулуме и образовательном пространстве, а также об особом школьном мире, отличавшемся уникальными социальными нормами и иерархией. Не будет обойден вниманием и религиозный аспект образовательной системы, в частности, мы остановимся на восприятии христианами классического образования, которое, сохраняя явный отпечаток языческой древности, продолжало, в значительной степени, формировать взгляды молодых людей на окружавший их мир.

Уровни образования

На наиболее доступных для широких масс нижних ступенях образования учителя вовсе не ставили своей целью приобщение учеников к пайдейе¹⁰. Подавляющее большинство жителей римского мира было практически неграмотно, а большинство молодых людей ходивших в школу, судя по всему, получали лишь самые базовые

⁸ *Plut. Moral.* 7E.

⁹ *Plut. Moral.* 10C, f; 37C; *Philost. Vit. Soph.* 561. О развитии взглядов на допустимость проявления гнева в Античности, см. *Harris* (2001). P. 112-127; *Brown* (1992). P. 48-52.

¹⁰ Подробнее об образовании в Поздней Античности, см. *Marrou* (1956); *Morgan* (1998); *Cribiore* (2005).

вые знания (если вообще получали)¹¹. Основная масса когда-либо учившихся римлян посещала только начальную «буквенную» школу¹², где преподавались простейшие навыки чтения и письма. Те немногие, кто завершал этот нехитрый курс, вероятно, могли читать и писать, однако не обладали сколь-либо основательными представлениями о классической литературе или литературных стилях знаменитых писателей древности. Более того, можно предположить, что многие из римлян, в детстве получивших базовое образование, с течением времени забывали грамоту — без практики навыки чтения и письма могли вскоре за ненадобностью атрофироваться.

С представителями высших слоев общества, которые в большинстве своем проходили весьма продолжительный и дорогостоящий курс элитного образования, нечто подобное едва ли могло случиться. Помимо изучения правил грамматики эти счастливчики обучались нормам изящной словесности и зубрили произведения классиков. Несмотря на то, что получить эти совершенно необходимые любому мало-мальски образованному человеку знания можно было несколькими путями, для большинства юношей из высшего общества путь к ним лежал через ученическую скамью грамматической школы¹³, в которой дети обычно проводили несколько лет. На этом этапе учебный курс был довольно гибким и подстраивался под индивидуальные потребности школьника¹⁴. Граматики учили поч-

¹¹ Наиболее достоверными представляются мнения, согласно которым в период расцвета империи от одной десятой до одной третьей части всего населения империи были грамотны (то есть могли писать и читать несложные тексты). Аргументы в пользу более низкого уровня грамотности, см. в *Harris* (1989). P. 256-283. В защиту более оптимистичной оценки, см. *Hopkins* (1991). P. 133-158; *Hanson* (1991). P. 159-198. О грамотности в Римской империи см. также важные работы *Youtie* (1971a). P. 161-176; *Youtie* (1971b). P. 239-261.

¹² Так называемая *grammatodidaskaleia*.

¹³ Далее в тексте мы будем говорить о том, как, в идеале, должно было проходить обучение молодого человека. На деле, никакого жесткого разграничения учебных курсов по уровням образования не существовало. Так, в грамматической школе могли преподаваться как основы письма и чтения, так и риторика. См., напр., *Dionisotti* (1982). P. 98-101.

¹⁴ Несмотря на это, обучение в грамматической школе теоретически могло начинаться даже с семи-восьмилетнего возраста (см. *Kaster* [1988]).

ти всему — от базовых навыков чтения и письма, правильного произношения и функций частей речи до основ ораторского мастерства и правил композиции речей¹⁵. Поначалу уроки в основном представляли собой комментированное чтение специально подобранных текстов (обычно исторического или морально-этического содержания), на примере которых можно было понять грамматическую структуру изучаемого языка¹⁶. Когда этот материал был освоен, ученики начинали разбирать специальные упражнения — прогимназмы, на примере которых можно было научиться применять полученные ранее навыки при составлении речей и рассказов на заданные темы¹⁷.

Достигнув тринадцати-четырнадцатилетнего возраста, мальчики обычно переходили в риторическую школу¹⁸. Многие из них тогда расставались с грамматиком, другие же продолжали заниматься со своим старым учителем, постепенно приспосабливаясь к новому окружению (к примеру, Либаний на четырнадцатом году жизни совмещал учебу у грамматика и ритора)¹⁹. Первые месяцы своего обучения на новом месте ученики (даже те из них, кто был специально нацелен на изучение риторики) зачастую тратили на то, чтобы разбирать прогимназмы вместе с одним из ассистентов ритора²⁰. Затем

Р. 11), на практике мальчики поступали туда несколько позднее. Либаний, к примеру, закончил курс грамматики только в 13 лет (*Cribiore* [2007]. Р. 31).

¹⁵ См., напр., *Cribiore* (1996), примеч. 160; примеч. 379.

¹⁶ О круге обязанностей грамматика, см. *Kaster* (1988). Р. 12-14; *Bonner* (1977); *Marrou* (1956). Р. 243.

¹⁷ Отличный анализ прогимназм, см. в: *Cribiore* (2001). Р. 221-230. О том как прогимназмы задавали образцы поведения для представителей образованного общества, см. *Webb* (2001). Р. 289-316.

¹⁸ Впрочем, некий Евфемий начал заниматься у ритора Либания в одиннадцатилетнем возрасте (*Lib.* Ер. 634 = *Cribiore* 16; о возможном начале занятий с семилетнего возраста, см. *Cribiore* [2007a]. Р. 240). Согласно знаменитому свидетельству Евнапия, он начал заниматься с ритором Прозересием в шестнадцатилетнем возрасте (*Eunap.* V. Soph. 485), возможно, будучи немного старше большей части своих однокашников.

¹⁹ См. *Cribiore* (2007a). Р. 31., со ссылками на *Booth* (1983). Р. 157-163.

²⁰ Судя по всему, эту роль в школе Либания исполняли Евсевий и Талассий. Об их обязанностях, см. *Lib.* Ер. 905 – 909; 922 – 926; *Or.*

начиналась постепенная шлифовка ораторских навыков. Живший во II столетии софист Лукиан сравнивал учебу у ритора с подъемом на высокую гору. Учителя красноречия он описывал как «проводника», задачей которого было провести воспитанника по узкой тропе красноречия (описание этих проводников — «крепких мужчин, жилистых, с твердою поступью, с сильным загаром от солнца на теле» мы оставим на совести Лукиана). Идя по «следам Демосфена, Платона и еще кое-кого», ученик должен был в итоге достичь «счастья», заключавшегося в «законном браке с Риторикой»²¹. Нелегкий путь к «счастью» начинался с выполнения нехитрых упражнений, нацеленных на тренировку памяти — студенты должны были привыкнуть к заучиванию и толкованию многочисленных изречения древних. Шаг за шагом молодые люди постепенно развивали свои навыки и получали все более обширные знания о произведениях и стилистике особо почитаемых авторов. Занятия обычно проходили в чтении и комментировании трудов великих ораторов и историков, составлении учебных речей на литературные или мифологические сюжеты, а также антологий известнейших изречений любимых авторов²². Постепенно у учеников риторической школы накапливался достаточный багаж знаний и навыков для написания, заучивания и публичного исполнения собственных произведений. В итоге они становились наследниками литературных и ораторских традиций, заложенных лучшими греческими и латинскими авторами.

Стандартный курс в риторической школе занимал три года. Несмотря на то, что некоторые задерживались у учителя красноречия и на больший срок²³, к 20 годам основная масса молодых людей уже заканчивали обучение²⁴. Те из них, кто хотел продолжить образование, могли выбрать один из трех путей: изучение юриспруден-

XXXI. См. подробнее *Norman* (1992). P. 454-461, а также *Cribiore* (2007a). P. 33-37.

²¹ *Lucian. Rhet.* 9.

²² *Cribiore* (2001). P. 226-230.

²³ Например, знаменитый ритор Проэресий. О нем см. *Watts* (2006). P. 49-54.

²⁴ Законом от 370 г. было установлено, что ученики риторов не должны быть старше двадцатилетнего возраста (CTh. XIV.9.1).

ции, медицины и философии. Несмотря на то, что выбравшие эти специализации готовились к различным карьерам, учебные курсы имели много общего, особенно на начальных этапах. Более всего, их объединял курс философии. В значительной степени благодаря влиянию Галена, на протяжении всего позднеантичного и средневекового периодов изучение философии, прежде всего, первой половины аристотелевского «Органона», играло важную роль в медицинском куррикулуме²⁵. В законоведческих школах «любомудрие», судя по всему, не изучалось настолько подробно, однако многие штудировавшие право студенты предпочитали сначала получить хотя бы базовые представления в философии²⁶. К примеру, в 80-г гг. V в. на лекции александрийских философов-неоплатоников ходил не только в будущем знаменитый врач Гессий, но и будущий законовед Захария Схоластик²⁷.

Восприятие тесной связи классической философской традиции с язычеством сделало преподавание и преподавателей этой дисциплины объектом особо пристального изучения современных исследователей. Однако, несмотря на то, что позднеантичные философы иногда оказывались в гуще политических и религиозных баталий, обучение философии само по себе было довольно банальным. В основном ученики философских школ занимались чтением и комментированием философских текстов и раскрытия заложенных в них смыслов²⁸. Впрочем, несмотря на то, что почти все исследуемые тексты были хорошо известны, их обсуждение зачастую велось на очень высоком критическом уровне и нередко приводило к совсем нетривиальным выводам²⁹. Сохранившиеся конспекты занятий, которые вел последний глава Академии Дамаский Схоларх, к примеру, показывают, что на его семинарах студенты, пытавшиеся

²⁵ Roueché (1999). P. 153-169.

²⁶ Это следует из вступления к «Аммонии» Захарии Схоластика.

²⁷ Zach. Amm. In. 360-368.

²⁸ По крайней мере, в теории. На деле образовательные практики могли сильно различаться от школы к школе. См. Lamberton (2001). P. 442-445; 455.

²⁹ О позднеантичной комментаторской традиции, см. Baltussen (2007). P. 247-281.

проникнуть в глубинные смыслы текстов Платона, критически анализировали сложнейшие комментарии Прокла Диадокха³⁰. В ходе семинара Дамаский представлял отрывок из Платона, далее обращался к прокловскому комментарию, а затем представлял свое собственное понимание оригинального текста и комментариев³¹. Подобные обсуждения позволяли студентам не только понять идеи классических философов, но и постичь принципы неоплатонической традиции³².

Преподаватели философии в еще большей степени, чем грамматики или риторы пытались влиять на образ мыслей и поведение своих воспитанников. В ходе теоретических дискуссий со студентами они часто представляли идеалы поведения философа и приводили примеры, иллюстрировавшие практическое применение философских знаний³³. Этот тезис можно проиллюстрировать текстом самого известного из позднеантичных введений в курс философии — трактата «Прологомены к платоновской философии». В нем примеры идеального поведения представлены в разделе, посвященном этическим и гражданским добродетелям, с постижения которых, с точки зрения автора, следует начинать изучение философии³⁴. Судя

³⁰ Westerink (1977). P. 10-14.

³¹ Westerink (1977). P. 11. В пример можно привести In Phaedonem. I.100.

³² В значительной степени, подобная практика стала возможной благодаря многочисленным пролегоменам, которые позволяли ученикам в общих чертах познакомиться с системой того или иного философа до перехода к разбору оригинальных текстов. Ученикам, получившим общее представление о философской школе, было легче понять, как соотносятся различные тексты, и какое место они занимают в общей системе. См. Mansfeld (1994); Mansfeld (1998).

³³ Во время первоначального ознакомления с философией студенты узнавали о том, что «Один аспект практической философии — воспитание характера, другой — домоправительство, третий — государство и его благо» (Alcin. Didask. 3).

³⁴ Prolégomènes à la philosophie de Platon (ed. and trans. Westerink 1990). P. 26.30-33. К примеру, Аристотелевская «Этика» использовалась для объяснения норм морали, а его «Политика» при наставлениях в гражданских добродетелях.

по всему, рассуждения философов о важности правильного поведения, были не пустыми словами. Известны случаи, когда преподаватели философии отказывались учить молодых людей, чьи пороки казались неисправимыми³⁵.

Пространство образования в Поздней Античности

Позднеантичным преподавателям приходилось трудиться в самом разном окружении. Иногда занятия проводились в специально оборудованных аудиториях, однако чаще преподаватели вели уроки в менее формализованной обстановке: на свежем воздухе, в храмах или даже гробницах³⁶. Так, на протяжении более чем полувековой своей педагогической карьеры, Либанию довелось преподавать и в собственном доме, и в термах, и неподалеку от храма, и в лектории, расположенном в здании антиохийской курии³⁷. Его Либаний описал довольно подробно: «крытый театр, четыре галереи, образующие в середине между собою двор, обращенный искусственно в сад, с виноградом, фигами, другими деревьями»³⁸. К сожалению, археологам так и не удалось идентифицировать те места, где проходили уроки Либания. Впрочем, немало специально оборудованных под преподавание учебных помещений удалось обнаружить в других городах Восточного Средиземноморья. Например, мы знаем, что в Афинах преподаватели традиционно учили прямо у себя дома. В своем произведении «Жизнь философов и софистов» Евнапий Сардский сохранил описание одного из подобных частных училищ, расположенных в особняке преподававшего в начале IV в. софиста Юлиана. Согласно сообщению историка, здание школы было украшено статуями ее выдающихся выпускников. В нем также находился небольшой отделанный мрамором амфитеатр, где готовились к

³⁵ Так, например, Прокл отказался учить антиохийца Илария. См. *Dam. V. Isid.* 91B.

³⁶ *Cribiore* (2001). P. 21-34.

³⁷ О помещениях, где преподавал Либаний, см. *Cribiore* (2007b). P. 145-146; *Cribiore* (2007a). P. 30. Упоминание Либания о его занятиях в банях, см. в *Lib. Or.* I.55, о здании курии *Lib. Or.* XXII.31; V.45-52. О преподавании в храме и дома, см. *Lib. Or.* I.101-104.

³⁸ *Lib. Or.* XXII.31. Пер. С.П. Шестакова.

публичным выступлениям³⁹. В ходе проводившихся в XX в. раскопок в Афинах было найдено немало позднеантичных помещений, подходивших под описание Евнапия. В одном случае, в преподавательском доме обнаружился не только амфитеатр, но и довольно большая коллекция изваяний⁴⁰. Еще одно здание, найденное археологами, довольно точно соответствует местоположению школы Прокла, обозначенному его учеником Марином⁴¹.

Не менее интересное здание археологи нашли в ходе раскопок в александрийском районе Ком эль-Дикка. В конце V – начале VI вв. училище, включавшее в себя не менее двадцати пяти лекториев, было пристроено к комплексу позднеримских терм⁴². Судя по всему, сооружение являлось частью крупного учебного кампуса, в который также входили общественный театр, значительная открытая территория, очевидно предназначенная для собраний студентов, и украшенный колоннами портик, который вел в аудитории. В каждой из них было по два-три ряда каменных скамей, построенных по периметру стен, а также возвышение по центру — по всей видимости, именно оттуда преподаватель вел занятия⁴³. Несмотря на то, что лектории этого «университета» имели разную площадь, в среднем в них могло уместиться от двадцати до тридцати человек (един-

³⁹ *Eunap.* V. *Soph.* 483.

⁴⁰ См. *Frantz, Thompson, Travlos* (1988). P. 88-89, а также, подробнее *Shear* (1973). P. 156-164. Предположительно, о том, что эти строения были связаны с философской школой Дамаския, было выдвинуто Франц. См. *Frantz* (1975). P. 36; *Frantz, Thompson, Travlos* (1988). P. 44-47. Недавно П. Афанассиади предположила, что со школой Дамаския был связан самый крупный из найденных на Ареопаге домов — Дом С. Впрочем, сама исследовательница признавалась, что ее гипотеза носит «спекулятивный характер». См. *Athanassiadi* (1999). P. 343-347.

⁴¹ *Marin.* V. *Procl.* 29; *Karivieri* (1994). P. 115-139.

⁴² Подробное обсуждение археологического материала представлено в работе *Majcherek* (2007). P. 11-150, а само местоположение университета проанализировано в: *McKenzie* (2007). P. 53-83. Ср. *MacCoull* (2007). P. 67-82.

⁴³ *Majcherek* (2007). P. 23-25. Это помещение почти полностью совпадает с сохранившимся в труде Захарии Схоластика описанием аудитории философской школы Александрии. См. *Zach. Amm.* 92-99.

ственным помещением, размеры которого существенно превышают остальные, является расположенный в южной части комплекса театр)⁴⁴. Данные нарративных источников свидетельствуют, что подобные учебные заведения существовали также в Берите⁴⁵ и Константинополе⁴⁶. Согласно сохранившимся сообщениям, в таких училищах преподавали только самые выдающиеся учителя. Так, судя по всему, в Ком эль-Дикка давал лекции неоплатоник Аммоний, занимавший пост штатного философа столицы Египта, а также его коллега *vir clarissimus* Гораполлон⁴⁷.

Внешне скромное жилище учителя буквенной школы, лекторий Либания в здании александрийской курии, афинский дом Прокла и «университетский кампус» в Александрии разительно отличались. Однако все они выполняли одну и ту же роль. Стены любого позднеантичного училища отделяли «пространство образования» от остального мира. Этой цели служили стенные росписи, украшения комнат статуями учеников (как в доме Юлиана) или же тондо с изображениями греческих философов (как было сделано в комнате с апсидами афродизийского «Дома с атриумом»), или же просто особая рассадка учеников вокруг учителя, помогавшая им сосредоточиться на словах своего наставника⁴⁸. Подобная организация пространства (помимо очевидного педагогического значения) помогала устанавливать неоспоримую и непоколебимую академическую иерархию. Непреложность иерархии учитель-ученик проявлялась и в установке возвышавшихся над землей кафедр (как, например, в александрийском «университете»), и в изображавшимся на памятниках античного искусства учителя, сидящем на массивном кресле

⁴⁴ *Majcherek* (2007). P. 25.

⁴⁵ *Exp. tot. mundi*. 25. Ср. *Hall* (2004). P. 66-67.

⁴⁶ CTh. XIV.9.3. Ср. CTh.VI.21.1. О законодательном регулировании деятельности образовательных учреждений в этих городах, см. *Cribiore* (2007b). P. 148-149.

⁴⁷ О должности Аммония, см. *Watts* (2006). P. 209-210. О Гораполлоне, см. *Maspéro* (1914). P. 166.

⁴⁸ Об афродизийских портретах философов, см. *Smith* (1990). P. 151-153. О возможной идентификации Дома с атриумом как школы, см. *Welch* (2007). P. 130.

перед учениками (или учеником)⁴⁹. Судя по всему, даже едва сводившие концы с концами преподаватели буквенных школ, которых обычно называли *chamaididaskaloi* («учителя, сидящие на земле»), сидели на камне, в то время как их ученики сидели на земле — скромный, но неоспоримый знак педагогического авторитета⁵⁰.

Школа и мировоззрение

Существование общего интеллектуального пространства и академической иерархии в позднеантичных школах весьма благотворно влияло на педагогический процесс и способствовало установлению неформальных социальных связей учеников и учителей. Ранее мы уже обращали внимание на то, как элементы грамматического, риторического и философского куррикулума стимулировали учеников следовать определенным социальным нормам. Не меньшее влияние оказывала на поведение студентов атмосфера внутри самих школ и за их пределами. Попадая в число учеников одного из позднеантичных училищ, молодой человек принимал на себя новую социальную роль. Несмотря на то, что большинство позднеантичных школяров получали образование в своем родном городе, путешествие в крупный образовательный центр с целью обучения у одного из светил риторики или философии было довольно распространено. Множество молодых людей покидали отчий дом и отправлялись в Афины, Александрию, Рим или Антиохию с целью завершения образования. Каким бы ни было физическое расстояние между школой и родным домом ученика, учителя пытались сделать школьное сообщество «второй семьей» своего воспитанника, а саму школу его «вторым домом». И это были не пустые слова. Даже через много лет после окончания обучения, выпускники именовали своих учителей «отцом» или «матерью», а своих однокашников «братьями». Сами преподаватели нередко видели в воспитанниках своих «детей» и

⁴⁹ См. в основном восходящие в предшествующей эпохе свидетельства, отобранные и прокомментированные Крибиор (*Cribiore* [2001]. Р. 29-32).

⁵⁰ Впрочем, о «сидящих на камнях» мы почти ничего не знаем. В IV в. до н.э. одного учителя высмеивали за то, что он «восседал на камне, уча детей Гаргары алфавиту» (*Anth. Pal.* 11.437). Обсуждение этого отрывка, см. в *Cribiore* (2001). Р. 27.

относились к ним соответственно⁵¹. Подобные проявления взаимных чувств между учителями и учениками не являлись простыми риторическими формулами — позднеантичные источники сохранили немало примеров того, как учителя оказывали поддержку и протекцию выпускникам своих школ⁵². Студенты отвечали своим воспитателям взаимностью. Когда их учитель выступал публично, они устраивали шумные овации⁵³, избегали лекций конкурирующих преподавателей⁵⁴ и даже устраивали потасовки с учениками других школ⁵⁵. Считалось, что за годы обучения молодые люди становились частью одной школьной семьи.

Большинство юношей с нетерпением ждали начала студенческой жизни и готовились к ней. Либаний, к примеру, вспоминал, что его сверстники постоянно рассказывали ему о том, «что слышали от людей старшего поколения об Афинах и тамошней деятельности»⁵⁶. Часто это были истории о великих ораторах и учителях, еще чаще байки о «битвах групп учащихся среди Афин... о том, как юноши на все пускаются, дабы поднять дела у своих руководителей»⁵⁷. Позднее, Либаний с одобрением говорил об отцах, гордившихся тем, что на «телах их сыновей есть признаки войны за своих учителей, рубцы на головах, рубцы на лице, рубцы на ногах, рубцы всюду»⁵⁸. Среди прочих элементов школярской жизни, завораживавших

⁵¹ См., напр., *Lib.* Ep. 931; 1009; 1070; 1257; *Syn.* Ep. 16. Подробнее об отношениях между учениками и учителями, см. *Petit* (1957). P. 35-36; *Cribiore* (2007a). P. 138-143.

⁵² Так, ученики могли прибегнуть к поддержке своих учителей в случае ареста (см., напр., *Eunap.* V. Soph. 483), а также в случае, если помощь была нужна их семьям (*Lib.* Ep. 359), или даже в попытках получить большее жалование (*Lib.* Ep. 428).

⁵³ См., напр., *Eunap.* V. Soph. 483.

⁵⁴ По данным Либания, Юлиану даже официально запретили посещать лекции Либания (*Lib.* Or. XVIII. 13-14).

⁵⁵ Либаний вспоминал, что в школьных баталиях активно участвовали его одноклассники (*Lib.* Or. I.21).

⁵⁶ *Lib.* Or. I.11.

⁵⁷ *Lib.* Or. I.19.

⁵⁸ *Lib.* Or. III.22. Некоторые студенты и вовсе устраивали беспорядки, чтобы прославить своего учителя. См., напр., *Eunap.* V. Soph. 483;

юного Либания, была традиция «захвата юношей, сошедших с грузового судна», и связанная с нею поездка в Коринф, «чтоб подвергнуться там суду из-за захвата людей», и постоянные пиры, и наконец, поиски ссуды «после быстрой растраты состояния»⁵⁹.

Слова Либания наглядно демонстрируют, что учителя, ученики и даже надзиравшие над ними представители власти понимали, что правила школьной жизни разительно отличались от социальных норм, по которым жил остальной римский мир. При этом, совершенно нормальным явлением считалось, что привязавшиеся к своим новым «школьным семьям» студенты проявляли свои симпатии, по сути, противозаконными действиями (например, похищением людей или организацией потасовок). В своей «Исповеди» Августин упоминал, что школяры «наносят тысячу обид, за которые следовало бы по закону наказывать; но обычай берет их под свое покровительство»⁶⁰. Таким образом, студенческий статус легитимировал поведение, которое в ином случае считалось бы недозволённым. Более того, значительная часть образованного общества даже почитала подобные форма студенческого самовыражения чем-то естественным и даже необходимым для формирования школьного сообщества.

Граница между «нормальным» и «школьным» миром устанавливалась посредством ритуалов посвящения в студенты. Лучше всего в источниках освещена традиция, существовавшая в афинских риторических школах в середине — второй половине IV в. Ритуал начинался с того, что прибывшие в школу ученики давали торжественную клятву верности своему наставнику⁶¹, после чего старшие товарищи вели их из школы в баню. Их путь пролегал через наполненную студентами Агору и был сопряжен с определенной опасно-

Himer. Or. 67; а также *Lib. Or. I.21* об одной из особенно масштабных потасовок.

⁵⁹ *Lib. Or. I.19*.

⁶⁰ *Aug. Conf. V.8*.

⁶¹ Эта клятва могла быть как принесена по собственной воле (как в случае с Евнапием), так и вынужденно (как, например, это было с Либанием, которого похитили и удерживали взаперти, пока он не принес присягу одному учителю [*Lib. Or. I.16*]). Нечто подобное описывал и Гимерий (См. *Himer. Or. 48.37*). Об опыте Евнапия, см. *Eunap. V. Soph. 458-487*.

стью⁶² — по дороге новичков не только осыпали насмешками и угрозами, но и поколачивали⁶³. Добравшись до терм, они должны были с боем войти в парную. Отмывшись, они, наконец, «получали право носить трибон»⁶⁴, в котором выходили в город. Лишь после этого другие студенты, согласно воспоминаниям Григория Назианзина, начинали воспринимать новичка как одного из «своих»⁶⁵.

Церемония инициации являлась первым шагом молодого человека в студенческую жизнь. После нее он становился частью школьного коллектива, и, в случае если он поступал в риторическую школу, облачался в особую «форму» — трибон, которая отличала его от всех остальных жителей империи⁶⁶. Он переставал быть рядовым подданным императора и становился школяром, занимавшим самую нижнюю ступень в иерархии академического мира. С этого момента его взаимоотношения с одноклассниками и учителем регулировались сложными правилами школьной жизни. На вершине социальной пирамиды любой школы, конечно же, стоял сам учитель, выступавший в роли отца этой «семьи». Ниже находились его ассистенты и старшие воспитанники школ⁶⁷, которые в крупных учебных заведениях

⁶² См. *Greg. Naz. Or.* 43.16; об этом ритуале также сообщали Евнапий (*Eunap. V. Soph.* 486) и Олимпиодор Фиванский (*Olymp. Fr.* 28 = *Phot. Bib. Cod.* 80.177f).

⁶³ Григорий Назианзин вспоминал, что церемония «тому, кто не знает, кажется очень страшным и немилосердным, а тому, кто знает наперед, оно весьма приятно и снисходительно, потому что представляющееся грозным делается большей частью для вида, а не действительно таково» (*Greg. Naz. Or.* 43.16). Евнапий тем не менее вспоминал, что процедура была очень выматывающей (*Eunap. V. Soph.* 486). С другой стороны, историк прибыл в Афины в разгар тяжелой болезни.

⁶⁴ *Olymp. Fr.* 28.

⁶⁵ *Greg. Naz. Or.* 43.16.

⁶⁶ Из сообщения Евнапия следует, что ношение трибона для слушателей риторических школ было обязательным (*Eunap. V. Soph.* 487), и, судя по всему, эта традиция была распространена не только в Афинах. Согласно данным Евсевия Кесарийского, учитель Иракла Александрийского заставил его носить трибон, причем ученик настолько свыкся с этой одеждой, что приобрел привычку надевать ее в моменты интеллектуальных занятий (*Euseb. HE. VI.19.12-14*).

⁶⁷ Об ассистентах преподавателей, см. *Watts* (2006). P. 49-53; *Cribiore* (2001). P. 28.

выступали в роли связующего звена между наставником и массой возглавляемых старостой⁶⁸ учеников, составлявших основу пирамиды школьного социума. Положение школяра в учебной иерархии, прежде всего, зависело от времени, проведенного в школе. Вся эта система способствовала «дедовщине» — самые молодые и неопытные школяры регулярно подвергались нападкам и издевательствам⁶⁹.

Многие из учеников завязывали в школе крепкие дружеские связи, подчас сохранявшиеся на всю оставшуюся жизнь. Пожалуй, самым ярким и известным описанием взаимной привязанности одноклассников является начавшаяся в Афинах дружба Василия Кесарийского и Григория Назианзина. Впрочем, другие авторы той эпохи оставили не менее подробные и подчас даже более реалистичные описания студенческого товарищества. Например, Евнапий рассказывал, что, прибыв в Афины, его учитель Проересий (тогда еще совсем юный школяр) настолько поиздержался, что вынужден был делить со своим другом Гефесионом не только комнату, но и трибон⁷⁰. О тесной связи одноклассников вспоминал и Синезий Киренский (впрочем, в отличие от молодого Проересия, он был богат и мог позволить себе индивидуальный трибон)⁷¹. В целом выпускники позднеантичных школ вспоминали о годах своего студенчества с той же теплотой, с которой о них вспоминают наши современники. Многие из них всю жизнь оставались верными своему школьному братству, сохраняли контакты с друзьями молодости и даже устраивали античные аналоги наших встреч выпускников⁷².

⁶⁸ В источниках старосты называются по-разному. Их роль в школьной жизни не совсем понятна, однако они, по-видимому, имели какие-то отличные от старших учеников функции. Олимпиодор упоминал, что новички по традиции платили старостам после зачисления в школу (*Olymp. Fr.* 28). О школьной иерархии, а также привилегиях старших учеников, см. *Cribiore* (2007a). P. 201; *Lib. Ep.* 886.

⁶⁹ В Афинах IV в. ученикам-первогодкам часто приходилось держать словесную баталию с целой группой старших учеников (*Greg. Naz. Or.* 43.17). Нечто похожее в V в. было распространено и в юридических школах Берита (*Zach. V. Sev.* 47).

⁷⁰ *Eunap. V. Soph.* 487.

⁷¹ См., напр., письмо Синезия к Геркулиану (*Syn. Ep.* 139).

⁷² *Lib. Or.* LVIII.33; ср. *Cribiore* (2007a). P. 104.

Влияние образования

В реальности жизнь студентов зачастую была не так привлекательна, как вспоминали ностальгирующие по годам беспечной юности писатели IV–V вв. Пропагандируемый учебным kurikulumом шаблон поведения и интеллектуальное взаимодействие школяров и преподавателей действительно способствовали формированию дружеских связей внутри школы. При этом превратности жизни (а также высокая плата, взимавшаяся за обучение) могли помешать многим ученикам завязать по-настоящему крепкие связи со своими учителями и одноклассниками. Несмотря на то, что подобное поведение не поощрялось, немало учеников переходили от одного наставника к другому, что естественно мешало им впоследствии аффилировать себя с какой-то конкретной школой. Иные школяры по финансовым или личным мотивам оставляли учебу еще до формирования привязанности к «школьной семье» — судя по данным источников, полный трехгодичный курс риторических школ оканчивала меньшая часть учеников⁷³. Впрочем, даже те из них, у кого было достаточно средств для оплаты всего курса, могли стать изгоями в компании одноклассников. Так, к примеру, едва не случилось с Либанием, который за свою заносчивость был подвергнут остракизму товарищами⁷⁴. В 80-е гг. V в. ученики одной из александрийских школ жестоко избили своего одноклассника Паралия за недостаточно почтительное, по их мнению, отношение к религиозным убеждениям его учителя и товарищей⁷⁵. Впрочем, несмотря на это, и Либаний и Паралий впоследствии сохраняли вполне теплые отношения с некоторыми из своих школьных друзей⁷⁶.

Несмотря на подобные эпизоды, влияние, которое образование оказывало на образ действия, мировоззрение и социальные связи позднеримской элиты, невозможно переоценить. Письма той эпохи,

⁷³ Kaster (1988). P. 26-27 на основе выводов Petit (1957). P. 62-65. О студенте, который прервал курс занятий с Либанием, см. Lib. Ep. 379. Ср. Cribiore (2007a). P. 177.

⁷⁴ Свою реакцию на это Либаний приводил в Or. I.17.

⁷⁵ См. Zach. V. Sev. 20-24.

⁷⁶ О Либании, см. Cribiore (2007a). P. 48; о Паралии, см. Zach. V. Sev. 40-43.

являвшиеся основным средством коммуникации представителей образованного слоя, демонстрируют чрезвычайно замысловатый кодекс поведения. Он был порожден начитанностью в классических текстах и взаимным стремлением корреспондентов соответствовать нормам пайдеи. Типичные примеры этого кодекса можно найти в относящейся к рубежу V и VI столетий переписке между газским ритором Прокопием и его другом — александрийским врачом Гессием, незадолго до того потерявшим жену и детей. В письме содержатся самые искренние соболезнования по поводу «ужасной трагедии», которая «по прихоти Судьбы» обрушилась на Гессия⁷⁷. При этом Прокопий посчитал необходимым указать своему другу, что его супруга умерла от тоски по погибшим детям, которая обуяла женщину оттого, что она «была фригийкой, варваркой, не подготовившей свою душу целительной силой философии к принятию решения Судьбы»⁷⁸. В попытке подбодрить друга, Прокопий напоминал ему о философе Анаксагоре, который, признав свою изначально смертную природу, не предался скорби, узнав о том, что вскоре погибнет⁷⁹. Ритор призывал Гессия брать пример с этого философа и демонстрировать приличествующую человеку его круга сдержанность и невозмутимость в несчастье. Интересно, что, когда первое письмо Прокопия не возымело ожидаемого эффекта, газский ритор написал Гессию еще одно послание, в котором, напоминая врачу историю Пифагора, убеждал его отвлечься от скорбных мыслей и «обратить свое внимание на вещи более существенные»⁸⁰. В этих письмах Прокопия запечатлены замечательные примеры «книжной» образованности эпохи. Они написаны отточенным стилем и демонстрируют виртуозное владение техникой литературной аллюзии, при помощи которой ритор побуждал корреспондента не отчаиваться и поступать рационально, с приличествующей познавшему пайдею человеку эмоциональной отрешенностью. Такие послания напоминали представителям образованной элиты империи об

⁷⁷ *Procop.* Ep. 125.1-2.

⁷⁸ *Procop.* Ep. 125.8-9.

⁷⁹ *Procop.* Ep. 125.9-13.

⁸⁰ *Procop.* Ep. 164.29-30.

объединявшей их традиции, а также культурных ценностях и манере поведения, которой им следовало придерживаться.

Свойственная классической пайдейе тенденция обращаться к прошлому в поисках примеров для подражания, показательных ситуаций и остроумных высказываний плохо сочеталась с изменявшейся религиозной атмосферой. Пайдейя была продуктом уходящего в прошлое мира, и отражала идеи и систему ценностей своих создателей — язычников. Классическая мифология и языческая теология являлись неотъемлемой частью породившей ее культурной традиции⁸¹ — в трудах по воспитанию всерьез разбирались такие вопросы, как молодому человеку следует строить отношения с богами⁸². Несмотря на то, что вплоть до VI в. некоторые учителя-язычники продолжали давать подобные наставления избранному кругу своих воспитанников⁸³, уже в конце IV в. большая часть преподавателей начала благоразумно опускать религиозные элементы классического куррикулума⁸⁴. Тем не менее, на протяжении всего позднеантичного периода классическая мифология и языческая теология продолжали зримо или незримо присутствовать в учебных аудиториях⁸⁵.

Зачастую значение языческого элемента искусственно преувеличивали социальные факторы, игравшие роль в жизни позднеантичных школ. Нередко влияние учителей и академического окружения приводило учеников к религиозному перевороту. Так, немало христианских проповедников отмечало, что обучение может способствовать возвращению в язычество. К примеру, в IV в. Григорий Назианзин заявлял: «...душепагубны Афины, потому что изобилуют

⁸¹ В особенности классическая традиция была важна для изучавших философию. О мифологии и ее роли в преподавании, см. *Hermog. Progymnasm.*

⁸² *Plut. Moral.* 7E.

⁸³ Например, судя по свидетельству Дамаския, этим занимался схолярх афинской Академии Гегий (*Dam. V. Isid.* 145B).

⁸⁴ В качестве примера можно привести философа Антонина, который преподавал в Канопе в конце IV в. Об Антонине, см. *Eunap. V. Soph.* 472, а также *Frankfurter* (2000). P. 184-189.

⁸⁵ Так, еще в 20-е гг. VI столетия язычество защищал в своих лекциях Олимпиодор Младший. См. *Olymp. In Gorg.* 47.2.

худым богатством — идолами, которых там больше, нежели в целой Элладе, так что трудно не увлечься за другими, которые их защищают и хвалят»⁸⁶. Два источника конца V века подробно описывают примеры подобного «увлечения». Первый из них — принадлежащее перу Захарии Схоластика «Житие Севера», в котором представлено подробное описание религиозного аспекта жизни восточноримских студентов конца V века. В главе, посвященной школам Александрии, Захария рассказывал историю молодого язычника, ученика грамматической школы Паралии, который был обращен в христианство стараниями своих праведных однокашников⁸⁷. В другой части этого труда агиограф сообщал о том, как христианин Иоанн, учившийся на законоведа в Берите в 90-е годы V столетия, сблизился с группой студентов-язычников и вместе с ними участвовал в языческих ритуалах⁸⁸. На подобное богохульство Иоанна сподвигла несчастная любовь — отвергнутый девушкой юноша решил добиться благоволения объекта своей страсти при помощи колдовства и начал участвовать в магических ритуалах своих друзей-идолопоклонников. Конец этим экспериментам положила группа христианских студентов, которые обнаружили кружок тайных язычников и вернули пристыженного и раскаявшегося Иоанна в лоно Церкви. Этот молодой человек был далеко не единственным последователем новой веры, увлекшимся языческими ритуалами во время обучения в Берите. В одной из своих проповедей крупнейший богослов VI века епископ Север Антиохийский признавал, что, когда он учился в этом городе, он примкнул к компании юношей, «ум которых был развращен эллинскими мифами» и участвовал в языческих ритуалах⁸⁹.

Иногда в школах происходили и настоящие обращения. В текстах, вышедших из-под пера языческих авторов, неоднократно упоминаются христиане, обратившиеся в язычество в школе. Самым известным примером подобного отступничества, конечно же,

⁸⁶ *Greg. Naz. Or.* 43.21. О религиозной и интеллектуальной жизни Афин в IV в., см. *Watts* (2006). P. 48-47.

⁸⁷ Об этом подробно рассказывает Захария. См. *Zach. V. Sev.* 14-40.

⁸⁸ *Zach. V. Sev.* 57-63.

⁸⁹ *Garitte* (1966). P. 335-386.

является император Юлиан. Помимо августа, к числу новообращенных язычников можно отнести жившего в III в. неоплатоника Аммония Саккаса⁹⁰, а также Епифания и Евпрепия — александрийских интеллектуалов V в.⁹¹ Впрочем, из христианских источников известно и о случаях обращения студентов-язычников в новую веру под влиянием своих наставников и однокашников⁹². Но подобные обращения были скорее исключением. Судя по всему, большинство примеров подобных религиозных исканий были лишь мимолетными увлечениями — большая часть «обращенных» в итоге возвращалась к той вере, которую они исповедовали до прихода в школу. Должно быть, позднеримские студенты воспринимали подобные религиозные эксперименты как дозволенную школярам поведенческую девиацию, не сильно отличавшуюся от драки с учеником из конкурирующей школы.

В целом подобное восприятие языческого элемента позднеантичного школьного куррикулума позволяет нам понять причины, по которым большинство христиан вполне терпимо относились к явному доминированию последователей древних культов в системе образования, а также к постоянным отсылкам к классической мифологии в школьном курсе. Впрочем, некоторых, особенно ревностных к вере христиан, эта часть учебного процесса отвращала от образования в целом. Так, согласно «Житию Цезария Арльского», будущий святой, заснув над книгой, увидел, как она превращается в ужасного змея⁹³. Несмотря на то, что это далеко не единственное упоминание о неприятии христианами классической культуры и образованности, подобным образом к ним относилось лишь сравнительно немногочисленное меньшинство последователей новой веры. По сути, христианизация империи и возникновения новой, хри-

⁹⁰ Порфирий Малх писал о том, что «Аммоний был христианином и воспитан был родителями-христианами, но войдя в разум и познав философию, он перешел к образу жизни, согласному с законами» (*Euseb. HE. VI.19.6-7*).

⁹¹ *Dam. V. Isid. 41*.

⁹² Об этом, например, писал Григорий Чудотворец в послании к Оригену. См. *Trigg (2001). P. 27-52*.

⁹³ *V. Caes. 1.8-9*.

стианской культурной традиции слабо повлияли на сформированные пайдейей литературные вкусы и поведенческие шаблоны представителей элиты римского общества. Многие христианские мыслители той эпохи были широкообразованными людьми, выражавшими свои мысли и поддерживавшими социальные контакты согласно заданным пайдейей нормам — посредством риторически выверенных трактатов и посланий. Эти христианские интеллектуалы следовали духу, а подчас даже и букве, наставлений Василия Кесарийского, увещевавшего своих единоверцев «во всем уподобляясь пчелам, изучать сии [языческие] сочинения» и исследовать «деяния или изречения мужей добрых», чтобы и «из внешних уроков очертить как бы некоторый оттенок добродетели»⁹⁴. Просвещенные последователи нового учения в полной степени осознавали значение школьного образования для личного развития и социального роста и охотно приобщались к достижениям античной культурной традиции, не забывая при этом «посмеиваться над мифами»⁹⁵.

Императоры и их чиновники, в целом, также спокойно смотрели на религиозный элемент позднеимперской педагогической традиции. Было лишь два исключения. Первым из них был Юлиан Отступник, издавший в начале 360-х гг. несколько законов, призванных сделать образовательную систему инструментом религиозной политики⁹⁶. Начало этим попыткам было положено внешне весьма безобидным эдиктом, который был издан весной 362 г. Он предписывал чиновникам из местной и центральной администрации удостоверяться в добронравии кандидатов на пост муниципального грамматика или ритора⁹⁷. Смысл первого закона был пояснен новым постановлением, опубликованным летом того же года. Вторым эдикт пояснял, что добронравным может считаться лишь тот преподаватель, который учит тому, во что сам верит⁹⁸. Христиане учили

⁹⁴ *Bas. Ad adulesc.* 5.1; 4.1; 10.1.

⁹⁵ *Chor. Laud. Marc.* 1.4. См. также *Kaster* (1988). P. 80-81. Впрочем, автором подобной рекомендации был епископ.

⁹⁶ Подробнее, см. *Watts* (2006). P. 67-71; *Matthews* (2000). P. 274-277; *Banchich* (1993). P. 5-14.

⁹⁷ *CTh.* XIII.3.5.

⁹⁸ Об этой идее, см. *Cameron* (1994). P. 138.

на примере трудов авторов-язычников, но не верили в их богов, и, следовательно, не были «добронравными». Император требовал от преподавателей-христиан сделать простой выбор: «или не учить тому, что они не считают хорошим, или, если они хотят учить, то учить, прежде всего, делом и убеждать учеников в том, что ни Гомер, ни Гесиод, и никто из тех, кого они толкуют, и чье мнимое невежество и заблуждение по отношению к богам они ранее порицали, на самом деле не таковы»⁹⁹. Фактически, учителям было прямо запрещено критиковать древние верования и как-либо замалчивать этот элемент куррикулума. По сути, император хотел, чтобы преподаватели империи убеждали своих учеников в истинности языческого благочестия¹⁰⁰. Под давлением Юлиана школа начала стремительно превращаться в инструмент его культурно-религиозной политики. Впрочем, вскоре после того, как император был убит, эти постановления были отменены его преемниками¹⁰¹.

Вмешательство в школьную жизнь императора Юстиниана было менее драматично, но имело куда более далекоидущие последствия. В 529 г. в Афинах был оглашен эдикт, воспрещавший кому бы то ни было «преподавать философию и заниматься толкованием небесных знамений»¹⁰². Зачастую исследователи рассматривают этот эдикт как прямой запрет на преподавание философии, имевший силу на всей территории империи. Однако подобная интерпретация не находит подтверждения в наших источниках. Судя по всему, этот эдикт был направлен только против афинских школ¹⁰³. Так или иначе, в 531 г. император опубликовал еще два постановления, которые, хотя и не были специально нацелены на регулирование образовательного процесса, резко ухудшили правовое

⁹⁹ *Jul. Ep.* 61 (Ed. Bidez-Cumont).

¹⁰⁰ Сам император следующим образом охарактеризовал цель своей политики: «Но никому из юношей не запрещается посещать занятия. Ибо, нужно, я думаю, учить, а не наказывать этих безумцев» (*Jul. Ep.* 62 [Ed. Bidez-Cumont]).

¹⁰¹ СTh. XIII.3.6. В Кодексе Феодосия этот закон атрибутируется Валентиниану и Валенту, но дата его издания указывает на то, что он был издан еще при Иовиане.

¹⁰² *Malal. Chron.* 18.47.

¹⁰³ *Watts* (2004). P. 168-182.

положение учителей-язычников¹⁰⁴. Эти эдикты явно издавались с целью подорвать социальные и политические позиции образовательных учреждений, в которых продолжалось отправление языческого культа, а также отдельных, особо влиятельных учителей-язычников. Последователям древней веры было прямо запрещено преподавать и получать муниципальное содержание¹⁰⁵. Императорские чиновники рьяно взялись за исполнение воли своего повелителя. Раскопки, проведенные в Афинах и Афродизии, показывают, что в начале VI в. здания, в которых располагались языческие школы, были заброшены едва ли не в одночасье¹⁰⁶. Впрочем, отдельные язычники продолжили преподавать в других городах империи – вплоть до 60-х гг. VI в. Например, в Александрии философию продолжал преподавать язычник Олимпиодор Младший¹⁰⁷.

Заключение

И язычники, и христиане, в целом, негативно отнеслись к вмешательствам Юлиана и Юстиниана в образовательный процесс. Так, после смерти Отступника Григорий Назианзин яростно критиковал попытку покойного отстранить христиан от преподавания, а также представления императора о том, что «эллинская» образованность и словесность являются достоянием исключительно язычников¹⁰⁸. Некоторые христианские авторы даже назвали образовательную политику Юлиана «новым гонением»¹⁰⁹. Примечательно, что эти акции Юлиана не одобряли и отдельные сторонники императора из числа приверженцев традиционных культов. Так, Аммиан Марцеллин признавал, что, несмотря на то, что «изданные Юлианом

¹⁰⁴ CJ. I.11.9-10.

¹⁰⁵ Судя по всему, именно это подразумевалось под «*demosia sitesis*».

¹⁰⁶ Об Афинских свидетельствах, см. *Frantz, Thompson, Travlos* (1988). P. 88-89; *Shear* (1973). P. 156-164. О данных Афродизии, см. *Welch* (2007). P. 130.

¹⁰⁷ Лекции Олимпиодора по Аристотелевской «Метеорологике» могут быть точно датированы мартом или апрелем 565 г. О дате, см. *Neugebauer* (2004). P. 1043-1045.

¹⁰⁸ *Greg. Naz. Or.* IV.4-5; 104-112.

¹⁰⁹ О восприятие политики Юлиана, как гонения, см. *Soc.* HE.III.12, а также *Soz.* V.18; *Ruf.* HE.I.32; *Theod.* III.8.

указы... были вообще хороши» запрет на преподавательскую деятельность «исповедовавшим христианскую религию риторам и грамматикам», был мерой жестокой и несправедливой, а Евнапий и Либаний и вовсе предпочли умолчать об этом аспекте политики своего кумира¹¹⁰. Свидетельства о недовольстве действиями Юстиниана также сохранились в языческих и христианских источниках. В комментариях на «Энхиридион» Эпиктета неоплатоник Симпликий приводил долгое рассуждение о должном политическом поведении философа¹¹¹. Будучи верным последователем платонического учения, он отмечает, что философ является «отцом и учителем для всех, общим исправителем, советником и хранителем»¹¹². С точки зрения Симпликия, если политика не позволяет философу исполнять свой долг, «ему следует покинуть край, который нельзя излечить, и отправиться в изгнание, чтобы, если это возможно, найти другую, лучшую землю»¹¹³. Эти рассуждения можно было бы признать оторванными от реальности, если бы Симпликий и шесть его коллег не приняли их за руководство к действию: после закрытия Юстинианом афинской Академии они иммигрировали в Персию. Примечательно, что христианский историк Агафий полностью оправдывал действия укрывшихся в пределах враждебного Риму государства неоплатоников, которых он называл «цветом и вершиной всех занимающихся философией в наше время... ведь законами, как не принявшим установленных верований им было запрещено оставаться в безопасности дома»¹¹⁴.

Неприятие, с которым языческие и христианские авторы упоминали о попытках императорской власти регулировать деятельность учителей, показывает, что многие жители Римской империи считали необходимым отделять образовательный процесс от политики и религии. По сути, традиционная культура продолжала высо-

¹¹⁰ *Amm.* XXV.4.20.

¹¹¹ Подробный анализ свидетельств, см. в: *O'Meara* (2004). P. 89-98.

¹¹² *Simp.* In. Ench, 65.3.

¹¹³ *Simp.* In. Ench, 65.35.

¹¹⁴ *Agath.* II.30.3-4. Сообщение Агафия об эмиграции философов-неоплатоников из Римской империи возможно основывалось на рассказе одного из них. См. *Cameron* (1970). P. 101-102.

ко цениться на протяжении всего позднеантичного периода, несмотря на драматические изменения в религиозной и социально-политической жизни римского общества. Более того, именно в эту эпоху классический образовательный куррикулум перестает быть исключительным достоянием сферы распространения греческого и латинского языков. Так, на территории Персии действовала сироязычная Нисибисская школа, ученики которой знакомились с начатками неоплатонической философии¹¹⁵. К концу VI столетия академическая атмосфера этого училища переняла многие элементы, характерные для риторических и философских школ Римской империи. В ней утвердилась практика жесткой приписки учеников к одному наставнику; был введен кодекс поведения школяров, которые отличались от остальных жителей Персидской державы даже внешним видом и платьем¹¹⁶. Схожая школьная культура сложилась и в монастыре Кен-Нешре, который стал центром сирийской учености по римскую сторону границы. Из его стен в VII–VIII вв. вышло несколько видных сирийских комментаторов Аристотеля¹¹⁷. Влияние римских философских и в особенности медицинских школ на сироязычных мыслителей из Нисибиса и Кен-Нешре впоследствии способствовало сохранению античного знания и его рецепции в мире средневекового ислама¹¹⁸.

В целом период Поздней Античности был необычайно благополучной эпохой для школ. В значительной степени расцвет образовательной традиции был связан с тем, что именно в училищах юнцы из благородных фамилий получали доступ к идеям, языку и опыту, которые в прямом смысле слова превращали их в представи-

¹¹⁵ О Нисибинской школе, см. *Becker* (2006).

¹¹⁶ Специфика структуры этой школы подробно освещается в «Правилах святой школы города Нисибина». Об этом источнике, см. *Becker* (2008). Нормы поведения студентов Сирийского училища, описанные в «Правилах», предоставляли школярам гораздо меньшую свободу в сравнение со школами Римской империи. Оно и не удивительно, в отличие от выпускников афинских и александрийских школ, студенты, окончившие Нисибинское училище обычно вступали в ряды клира.

¹¹⁷ О Кен-Нешре, см. *Watt* (1999). P. 155-169; *Brock* (1999). P. 3-18.

¹¹⁸ Дискуссию о характерных особенностях этого процесса и его репрезентации в литературе, см. *Gutas* (1999). P. 155-194.

телей элиты Римской империи. Школьное обучение зиждилось на трех столпах: изучении грамматики, овладении риторическими навыками и знакомстве с литературным каноном. Приобщение к этой традиции проходило в особом академическом мире. В нем была своя иерархия, свои правила, законы и манера поведения, которые давали студентам возможность едва ли не беспрепятственно переходить почти все границы дозволенного и предпринимать опасные в иных условиях религиозные эксперименты. Освобожденные от необходимости соблюдать привычные общественные нормы, молодые люди получали самые широкие возможности для взаимодействия друг с другом, проявления своих симпатий и антипатий. В ходе подобной социализации юноши часто завязывали дружеские отношения, которые затем поддерживались при помощи полученных в ходе учебы литературных навыков. В совокупности все это позволяло традициям классического образования процветать на протяжении Поздней Античности и сохраниться даже после завершения этого периода.

*Перевод с английского языка и примечания
М.А. ВЕДЕШКИНА*

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ (REFERENCES)

- Athanassiadi* (1999). — *Athanassiadi P.* Damascius: The Philosophical History. Athens, Greece: Oakville, CT: Apamea, 1999.
- Baltussen* (2007). — *Baltussen H.* From Polemic to Exegesis: The Ancient Philosophical Commentary // *Poetics Today*. 28. 2007. P. 247-281.
- Banchich* (1993). — *Banchich T.M.* Julian's School Laws. Cod. Theod. 13.5.5 and Ep. 42 // *The Ancient world*. 24. 1993. P. 5-14.
- Bloomer* (1997). — *Bloomer W.M.* Schooling in Persona: Imagination and Subordination in Roman Education // *Classical Antiquity*. 16. 1997. P. 57-78.
- Bonner* (1977). — *Bonner S.F.* Education in ancient Rome: from the elder Cato to the younger Pliny. Routledge, 1977.
- Booth* (1983). — *Booth A.D.* À quel age Libanius est-il entré à l'école du rhéteur? // *Byzantion*. 53. 1983. P. 157-163.

- Brock* (1999). — *Brock S.P.* The Syriac Commentary Tradition // Glosses and commentaries on Aristotelian logical texts: the Syriac, Arabic and medieval Latin traditions / Ed. by C.S.F. Burnett. London: Warburg Institute, University of London, 1999. P. 3-18.
- Brown* (1992). — *Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 1992.
- Cameron* (1970). — *Cameron A.* Agathias. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Cameron* (1994). — *Cameron A.* Christianity and the Rhetoric of Empire. Berkeley: University of California Press, 1994.
- Cribiore* (2001). — *Cribiore R.* Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt. Princeton Oxford: Princeton University Press, 2005.
- Cribiore* (2007a). — *Cribiore R.* Spaces for Teaching in Late Antiquity // Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education / Ed. by T. Markiewicz, E. Wipszycka, T. Derda. Warsaw: Journal of Juristic Papyrology, 2007. P. 143-150.
- Cribiore* (2007b). — *Cribiore R.* The school of Libanius in late antique Antioch. Princeton: Princeton University Press, 2007.
- Cribiore* (1996). — *Cribiore R.* Writing, Teachers, and Students in Graeco-Roman Egypt. Atlanta: Scholars Press, 1996.
- Dionisotti* (1982). — *Dionisotti A.C.* From Ausonius' Schooldays? A Schoolbook and its Relatives // The Journal of Roman Studies. 72. 1982. P. 83-125.
- Frankfurter* (2000). — *Frankfurter D.* Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance. Princeton, N.J: Princeton University Press, 2000.
- Frantz* (1975). — *Frantz A.* Pagan Philosophers in Christian Athens // Proceedings of the American Philosophical Society. 119. 1975. P. 29-38.
- Frantz., Thompson, Travlos* (1988). — *Frantz A., Thompson H.A., Travlos J.* Late Antiquity: A.D. 267–700 // The Athenian Agora. 24. 1988. P. iii-156.
- Garitte* (1966). — *Garitte G.* Textes hagiographiques orientaux relatifs à S. Leonce de Tripoli: II. L'homélie copte de Severe d'Antioche // Museon. 79. 1966. P. 335-386.
- Gutas* (1999). — *Gutas D.* The 'Alexandria to Baghdad' Complex of Narratives; A Contribution to the Study of Philosophical and Medical Historiography among the Arabs // Documenti e Studi sulla Tradizione Filosofica Medievale. 10.1999. P. 155-194.
- Hall* (2004). — *Hall L.* Roman Berytus: Beirut in late antiquity. London: Routledge, 2004.

- Hanson* (1991). — *Hanson A.* Ancient Illiteracy // Literacy in the Roman World / J.L. Humphries. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. P. 159-198.
- Harris* (1989). — *Harris W.V.* Ancient literacy. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1989.
- Harris* (2001). — *Harris W.V.* Restraining rage: the ideology of anger control in classical antiquity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001.
- Hopkins* (1991). — *Hopkins K.* Conquest by Book // Literacy in the Roman World / J.L. Humphries. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. P. 133-158.
- Karivieri* (1994). — *Karivieri A.* The House of Proclus; on the Southern Slope of the Acropolis: A Contribution // Post-Herulian Athens: Papers and Monographs of the Finnish Institute at Athens, / Ed. by P. Castrén. Helsinki: Suomen Ateenan-instituutin säätiö, 1994. P. 115-139.
- Kaster* (1988). — *Kaster R.A.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Lamberton* (2001). — *Lamberton R.* The Schools of Platonic Philosophy of the Roman Empire: The Evidence of the Biographies. // Education in Greek and Roman antiquity / Ed. by Y.L. Too. Leiden; Boston: Brill, 2001. P. 433-458.
- MacCoull* (2007). — *MacCoull L.S.B.* Philosophy in its Social Context // Egypt in the Byzantine world, 300–700 / Ed. by Roger S. Bagnall. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2007. P. 67-82.
- Majcherek* (2007). — *Majcherek G.* The Late Roman Auditoria // Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education / Tomasz Markiewicz, Ewa Wipszycka, Tomasz Derda. Warsaw: Journal of Juristic Papyrology, 2007. P. 11-150.
- Mansfeld* (1998). — *Mansfeld J.* Prolegomena Mathematica: From Apollonius of Perga to the Late Neoplatonism. Leiden; Boston: Brill, 1998.
- Mansfeld* (1994). — *Mansfeld J.* Prolegomena: Questions to Be Settled Before the Study of an Author, or a Text. Leiden The Netherlands; New York: Brill, 1994.
- Marrou* (1956). — *Marrou H.-I.* Histoire de l'éducation dans l'Antiquité. Paris: Éditions du Seuil, 1956.
- Marrou* (1937). — *Marrou H.-I.* ΜΟΥΣΙΚΟΣ ΑΝΗΡ: étude sur les scènes de la vie intellectuelle figurant sur les monuments funéraires romains. France: Université de Paris (1896–1968). Faculté des lettres, 1937.

- Maspéro* (1914). — *Maspéro J.* Horapollon et la fin du paganisme égyptien // BIFAO. 11. 1914. P. 163-195.
- Matthews* (2000). — *Matthews J.* Laying down the law: a study of the Theodosian code. New Haven: Yale University Press, 2000.
- Matthews* (1989). — *Matthews J.* Roman Empire of Ammianus. London: Duckworth Publishing, 1989.
- McKenzie* (2007). — *McKenzie J.* The Place in Late Antique Alexandria 'Where the Alchemists and Scholars Sit... Was Like Stairs.' // Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education / Ed. by T. Markiewicz, E. Wipszycka, T. Derda. Warsaw: Journal of Juristic Papyrology, 2007. P. 53-83.
- Morgan* (1998). — *Morgan T.* Literate Education in the Hellenistic and Roman Worlds. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Neugebauer* (2004). — *Neugebauer O.* A History of Ancient Mathematical Astronomy. New York: Springer – Verlag, 2004.
- Norman* (1992). — *Norman A.F.* Libanius: Autobiography and Selected Letters, Volume II, Letters 51–193. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1992.
- O'Meara* (2004). — *O'Meara D.J.* Simplicius on the Place of the Philosopher in the City (in Epictetum Chap. 32) // Mélanges de l'Université Saint-Joseph. 57. 2004. P. 89-98.
- Petit P.* (1957). — *Petit P.* Les étudiants de Libanius. Paris: Nouvelles éditions latines, 1957.
- Roueché* (1999). — *Roueché M.* Did Medical Students Study Philosophy in Alexandria? // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 43. 1999. P. 153-169.
- Shear* (1973). — *Shear T.L.* The Athenian Agora; Excavations of 1971 // Hesperia. 42. 1973. P. 156-164.
- Smith* (1996). — *Smith M.F.* The philosophical inscription of Diogenes of Oinoanda. Ergänzungsbände zu den tituli Asiae Minoris; Nr. 20. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996.
- Smith* (1990). — *Smith R.R.R.* Late Roman Philosopher Portraits from Aphrodisias // The Journal of Roman Studies. 80. 1990. P. 127-155.
- Becker* (2006). — *Becker A.H.* Fear of God and the beginning of wisdom: the School of Nisibis and Christian scholastic culture in late antique Mesopotamia. Divinations. Philadelphia, Pa: University of Pennsylvania Press, 2006.

- Becker* (2008). — *Becker A.H.* Sources for the history of the School of Nisibis / Adam H. Becker. Translated texts for historians, 50. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2008.
- Trigg* (2001). — *Trigg J.W.* God's Marvelous Oikonomia: Reflections on Origen's Understanding of Divine and Human Pedagogy in the Address Ascribed to Gregory Thaumaturgus // *Journal of Early Christian Studies*. 9. 2001. P. 27-52.
- Watt* (1999). — *Watt J.W.* A Portrait of John bar Aphthonia, Founder of the Monastery of Qenneshre // *Portraits of Spiritual Authority* / J.W. Watt, J.W. Drijvers. , 1999. P. 155-169.
- Watts* (2006). — *Watts E.* City and school in late antique Athens and Alexandria. Berkeley: University of California Press, 2006.
- Watts* (2004). — *Watts E.* Justinian, Malalas, and the End of Athenian Philosophical Teaching in A.D. 529 // *The Journal of Roman Studies*. 94. 2004. P. 168-182.
- Webb* (2001). — *Webb R.* The Progymnasmata as Practice // *Education in Greek and Roman Antiquity* / Ed. by Y.L. Too. Leiden: Brill, 2001. P. 289-316.
- Welch* (2007). — *Welch K.* Some architectural prototypes for the auditoria at Kom el-Dikka and three late antique (fifth century AD) comparanda from Aphrodisias in Caria // *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education* / Ed. by T. Markiewicz, E. Wipszycka, T. Derda. Warsaw: *Journal of Juristic Papyrology*, 2007. P. 115-134.
- Westerink* (1977). — *Westerink L.G.* The Greek commentaries on Plato's *Phaedo*. *Verhandelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, Afd. Letterkunde; nieuwe reeks, deel 92-93*. Amsterdam; New York: North-Holland Pub. Co, 1977. Vol. 2.
- Youtie* (1971a). — *Youtie H.C.* Agrammatos: An Aspect of Greek Society in Egypt // *HSCP*. 75. 1971. P. 161-176.
- Youtie* (1971b). — *Youtie H.C.* Bradeosgraphon: Between Literacy and Illiteracy // *GRBS*. 12. 1971. P. 239-261.

Edward WATTS

SPEAKING, THINKING, AND SOCIALIZING EDUCATION IN LATE ANTIQUITY

The article by E.J. Watts, first published in English in *The Oxford Handbook of Late Antiquity*, summarizes the author's research on

education in Late Antiquity. The historian focuses on the value of education for self-representation and worldview of the higher stratas of the late Roman society, characterizes the influence of schools on the formation of social ties among the imperial elite, gives a general description of the educational system from its lower levels (elementary letter schools) to higher education institutions of the empire (philosophical, law and medical schools). Particular attention is paid to the daily life of students, their relations with colleagues and teachers, and the importance of religion in educational practice. In addition, the article discusses the features of the Late Antique educational space and the state educational policy.

ОБ АВТОРАХ / CONTRIBUTORS

АЛЕКСАНДРОВА Татьяна Львовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы Российской Академии наук им. А.М. Горького, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Область научных интересов: история позднеантичной и раннехристианской литературы, история Византии. Автор более 40 статей по позднеантичной литературе и византийской истории, переводов с древнегреческого и латинского языков, монографии «Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте правления императора Феодосия II» (2018).

Tatyana L. ALEKSANDROVA is Doctor of Philology, Senior Research Fellow at the Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities. Research interests: history of late antique and early Christian literature, history of Byzantium; author of over forty articles on the literature of late antiquity and Byzantine history, translations from the ancient Greek and Latin languages, the monograph "Byzantine Empress Athenais-Eudocia: her Life and Work under the reign of Emperor Theodosius II" (2018).

БЕЗРОГОВ Виталий Григорьевич — член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования»; автор научных работ по методологии истории педагогики, проблемам истории образования и педагогики в древних и средневековых цивилизациях, истории учебного книгоиздания для начального обучения; автор монографий «Учитель и его ученики в текстах Нового Завета» (2002 г.), «Сравнительная педагогика: неинституализированные формы обучения в образовательных традициях стран Африки, Азии, Европы» (2006 г.), «Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях» (2008 г.), а также ряда пособий, антологий и хрестоматий.

Vitaly G. BEZROGOV is Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Researcher of the Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education. He is the author of scientific works on the methodology of education history, the history of education and pedagogy in ancient and medieval civilizations, the history of educational book publishing for primary school; the mono-

graphs “Teacher and His Disciples in the New Testament Texts” (2002), “Comparative Pedagogy: Non-Institutionalized Forms of Education in the Educational Traditions in Africa, Asia, Europe” (2006), “Traditions of Discipleship and the Institution of School in Ancient Civilizations” (2008), as well as a number of manuals, anthologies and textbooks.

БОЛГОВ Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории НИУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». Автор более двухсот пятидесяти работ по истории Поздней Античности, в том числе восьми монографий, среди которых «Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии» (2002), «Культурный континуитет в Северном Причерноморье (IV–VI вв.)» (2002), «Частная жизнь женщины в Ранней Византии» (2009), «Зосим. Новая история (перевод, комментарии)» (2010), «Марцеллин Комит. Хроника (перевод, комментарии)» (2010), «Художественная литература по истории древнего мира» (2018).

Nikolay N. BOLGOV is Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History at the National Research University “Belgorod State National Research University”. He is the author of more than two hundred and fifty works on the history of late Antiquity, including eight monographs, among which are “The Northern Black Sea Region of Late Antiquity: Issues of History and Archeology” (2002), “Cultural Continuity in the Northern Black Sea Region (4th – 6th centuries)” (2002), “The Private Life of a Woman in Early Byzantium” (2009), “Zosimus. Historia Nova (Translation and Comments)” (2010), “Marcellinus Comes. The Chronicle (Translation and Comments)” (2010), “Fiction on the History of the Ancient World” (2018).

БОЛГОВА Анна Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории НИУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». Автор более ста научных работ по истории педагогики и истории Поздней Античности, в том числе монографии «Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы» (2018).

Anna M. BOLGOVA is Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of General History at the National Research University “Belgorod State National Research University”. She is the author of over one hundred scientific works on the history of pedagogy and late Antiquity, including the monograph “Early Byzantine Portraits: Rhetoricians, Sophists, Philosophers” (2018).

ВЕДЕШКИН Михаил Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, доцент Института общественных наук РАНХиГС. Область научных интересов: социально-экономическая, политическая и религиозная история Поздней Античности, интеллектуальная история, история религии. Автор более чем двадцати статей по истории межрелигиозных взаимоотношений в IV–VI вв. и монографии «Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.)» (2018).

Michael A. VEDESHKIN is Candidate of Historical Sciences, Research Fellow at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Institute for Social Sciences RANEPА. The fields of his scientific interests are socio-economic, political and religious history of Late Antiquity, intellectual history, history of religion. He is the author of more than twenty articles on the history of interreligious relations in the 4th – 6th centuries AD and the monograph “The Pagan Opposition to Christianization of the Roman Empire (4th – 6th centuries)” (2018).

ВОЛКОВА Надежда Павловна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора античной и средневековой философии и науки. Институт философии Российской академии наук. Сфера научных интересов: Античная философия, платонизм и неоплатонизм. Платон, Аристотель, Плутарх, Плотин. Проблема зла и теодицеи, проблема индивидуации, проблема категорий. Автор статей по истории платонизма и перипатетической традиции, а также монографии «Плотин о материи и зле» (2017).

Nadezhda P. VOLKOVA is Candidate of Philosophy, Research Fellow at the Sector of Ancient and Medieval Philosophy and Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Research interests: ancient philoso-

phy, Platonism, and Neo-Platonism. Plato, Aristotle, Plutarch, Plotinus; the problems of evil and theodicy, individuation, categories. She is the author of articles on the history of Platonism and peripatetic tradition, as well as the monograph "Plotinus on Matter and Evil" (2017).

ЗАЙЦЕВА Евгения Сергеевна — аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского Федерального университета им. Б.Н. Ельцина. Область научных интересов: социально-экономическая, политическая и религиозная история Поздней Античности; просопография и генеалогия позднеримских сенаторских gentes. Автор четырех статей по истории социальных и религиозных взаимоотношений внутри сенаторского сословия кон. III – сер. VI вв.

Evgenia S. ZAITSEVA is a Postgraduate Student at the Department of Ancient History and Middle Ages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Research interests: socio-economic, political and religious history of Late Antiquity; prosopography and genealogy of late Roman senatorial gentes. The author of four articles on the history of social and religious relations within the senatorial order from the end of the 3^d century to the middle of the 6th.

КАРГАЛЬЦЕВ Алексей Витальевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Истории религии и теологии, РГПУ им. А.И. Герцена. Автор серии работ по истории раннего христианства, ответственный редактор научного альманаха «Религия. Церковь. Общество».

Alexey V. KARGALTSEV is Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of the History of Religion and Theology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. He is the author of a series of works on the history of early Christianity, executive editor of the interdisciplinary scientific almanac "Religion. Church. Society".

МИРОЛЮБОВ Иван Андреевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-

заповедника. Область научных интересов: политическая история поздней Римской империи, идеология имперской власти в Древнем Риме, эпоха Константина Великого, нарративная традиция Поздней Античности. Автор серии работ, посвященных различным аспектам истории эпохи Константина Великого.

Ivan A. MIROLYUBOV is Candidate of Historical Sciences, Research Fellow at the Moscow State Integrated Museum-Reserve. Research interests: political history of the late Roman Empire, ideology of the imperial power in Ancient Rome, the age of Constantine the Great, narrative tradition of Late Antiquity. He is the author of more than ten articles, devoted to the different episodes of the age of Constantine the Great.

МОЖАЙСКИЙ Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории древнего мира и средних веков Института истории и политики Московского педагогического государственного университета. Автор научных работ по истории и археологии Беотии, в том числе статей по исторической топографии (Mozhajsky A. Reconsidering the movement of Pausanias' army before the Battle of Plataiai in 479 BC. // *Revue internationale d'Histoire Militaire Ancienne*. №5/2017. — P. 33-50; Mozhajsky A. The Archaic Wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems // *Graeco-Latina Brunensia* 19/2, 2014. — P. 71-79.) и учебного пособия по археологии (Добровольская М.В., Можайский А.Ю. Археология: учебное пособие. — М.: МПГУ, 2012).

Andrej Yu. MOZHAJSKY is Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Ancient and Medieval History at the Institute of History and Politics of Moscow State Pedagogical University. He is the author of scientific works on history and archaeology of Boiotia, including articles on historical topography (Mozhajsky A. Reconsidering the Movement of Pausanias' Army before the Battle of Plataiai in 479 BC. // *Revue internationale d'Histoire Militaire Ancienne*. №5/2017. — P. 33-50; Mozhajsky A. The Archaic Wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems // *Graeco-Latina Brunensia* 19/2, 2014. — P. 71-79), and the textbook on archaeology (Dobrovol'skaya M.V., Mozhajskij A.YU. *Arheologiya: Uchebnoe posobie*. — M.: MPGU, 2012.).

ПЕТРОВА Майя Станиславовна — доктор исторических наук, доцент по специальности «Всеобщая история», главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. Область научных интересов — интеллектуальная история Античности и Средних веков (IV–IX вв.), история ментальности, идей и понятий, гендерная и социальная история, специальные исторические дисциплины (просопография), историография, источниковедение. Автор монографий «Просопография как специальная историческая дисциплина: Макробий Феодосий и Марциан Капелла» (2004), «Эйнхард. Жизнь Карла Великого» (2005), «Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности» (2007), «Макробий Феодосий. Сатурналии» (в соавторстве с В.Т. Звиревичем, 2013).

Maya S. PETROVA is Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor in the General History, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Science. The fields of her scientific interests are the intellectual history of Antiquity and Middle Ages (4th – 9th centuries), the history of mentality, ideas and concepts, gender and social history, special historical disciplines (prosopography), historiography, source studies. She is the author of the monographs “Prosopography as a special historical discipline: Macrobius Theodosius and Marcianus Capella” (2004), “Einhard. The Life of Charlemagne” (2005), “Macrobius Theodosius and the notions of the soul and the universe in Late Antiquity” (2007), “Macrobius Theodosius. Saturnalia” (co-authored with V.T. Zvirevich) (2013).

ПИЧУГИНА Виктория Константиновна — доктор педагогических наук, профессор РАО, ведущий научный сотрудник центра истории педагогики и образования «Институт стратегии развития образования Российской академии образования»; автор научных публикаций об античных образовательных практиках «заботы о себе» и практиках воспитания в античном театре; автор монографий «Антропологический дискурс в педагогике: исторические и теоретические аспекты» (2013 г.), «Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике» (2014 г.), «Марк Туллий Цицерон и современное ему образование: краснеет ли бумага у гуманитария?» (2018 г.); один из составителей антологий «Марк Туллий Цицерон. Антология гуманной педагогики» (2017 г.) и «Антология педагогического наследия Древней Греции и Древнего Рима» (2019 г.).

Viktoria K. PICHUGINA is Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Russian Academy of Education, Leading Researcher of the Center for Educational Comparative Studies at the Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education. She is the author of scientific publications about the ancient educational practices “care of the self” and practices of upbringing by the ancient theater, as well as the monographs “Anthropological Discourse in Pedagogy: Historical and Theoretical Aspects” (2013), “Anthropological Discourse of “Caring of the Self” in Ancient Pedagogy” (2014), “Mark Tullius Cicero and his Contemporary Education: Does the Humanities Paper Blush?” (2018), and one of the compilers of the anthologies “Marcus Tullius Cicero. Anthology of Humane Pedagogy” (2017) and “Anthology of the Pedagogical Heritage of Ancient Greece and Ancient Rome” (2019).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Образование в Поздней Античности (<i>Предисловие редактора</i>).....	7
Education in Late Antiquity (<i>Preface</i>).....	8
Bildung in der Spätantike (<i>Vorwort der Chefredakteurin</i>).....	10
Educazione nella Tarda Antichità (<i>Introduzione del Redattore</i>).....	11

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Потерянное звено «золотой цепи»: Эдесий и Пергамская школа неоплатонизма (<i>М.А. ВЕДЕШКИН</i>).....	13
Ars Grammatica Доната и образовательные практики Поздней Античности: Сергей — Кледоний — Помпей (<i>М.С. ПЕТРОВА</i>).....	60
Homo Ineptus или Homo Sapiens: Иоанн Стобей и его универсальное знание в образовательном пространстве Поздней Античности (<i>В.К. ПИЧУГИНА</i>).....	87
Присциан Грамматик и его наследие (<i>Н.Н. БОЛГОВ, А.М. БОЛГОВА</i>).....	104
ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРИСЦИАН. Фрагменты (Перевод с латинского языка и примечания <i>Н.Н. БОЛГОВА, А.М. БОЛГОВОЙ</i>).....	121

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Об образовании сыновей Константина Великого (<i>И.А. МИРОЛЮБОВ</i>).....	146
Африканская агиография середины III века как педагогический текст (<i>А.В. КАРГАЛЬЦЕВ</i>).....	161

Воспитание в позднеримской сенаторской семье: классический канон и христианский идеал (<i>Е.С. Зайцева</i>).....	173
Философское образование согласно Платону и Плотину (<i>Н.П. Волкова</i>).....	200

ШКОЛЫ НАСТАВНИКОВ И НАСТАВНИКИ В ШКОЛАХ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АРХЕОЛОГИИ, ФИЛОЛОГИИ И ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

От белых классных стен до воска на табличках: образ школы в позднеантичных учебных текстах (<i>В.Г. Безрогов</i>).....	223
Отражение пространства образования беотийских Фив раннехристианского периода (IV–VI вв.) в материальной культуре (<i>А.Ю. Можайский</i>).....	250
Образовательная политика Феодосия II и судьба константинопольского Аудиториума (<i>Т.Л. Александрова</i>).....	278

ПЕРЕВОДЫ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КОММЕНТАРИИ К НИМ

Эдвард Уоттс и современные исследования позднеантичного образования (<i>М.А. Ведешкин</i>).....	301
<i>Эдвард. УОТТС. Образование в Поздней Античности:</i> общение, мысль и социализация (Перевод с английского языка и примечания <i>М.А. ВЕДЕШКИНА</i>)	306
ОБ АВТОРАХ / CONTRIBUTORS.....	339
CONTENTS.....	348

CONTENTS

Education in Late Antiquity (<i>Preface in Russian</i>).....	7
Education in Late Antiquity (<i>Preface</i>).....	8
Bildung in der Spätantike (<i>Vorwort der Chefredakteurin</i>).....	10
Educazione nella Tarda Antichità (<i>Introduzione del Redattore</i>).....	11

EDUCATIONAL PRACTICES OF LATE ANTIQUITY

The missing link of the «Golden Chain»: Aedesius and the neoplatonic school of Pergamon (<i>Michael A. VEDESHKIN</i>).....	13
Donatus' <i>Ars grammatica</i> and educational practices of Late Antiquity: Sergius — Cledonius — Pompeius (<i>Maya S. PETROVA</i>).....	60
Homo Ineptus or Homo Sapiens: Joannes Stobaeus and his “universal knowledge” in the educational space of Late Antiquity (<i>Viktoria K. PICHUGINA</i>).....	87
Priscian grammarian and his heritage (<i>Nikolay N. BOLGOV, Anna M. BOLGOVA</i>).....	104
ATTACHMENT. <i>PRISCIAN</i> . Fragments (Trans. from Latin into Russian and notes by <i>Nikolay N. BOLGOV</i> and <i>Anna M. BOLGOVA</i>).....	121

TIME AND SPACE OF EDUCATION IN LATE ANTIQUITY

On the education of the sons of Constantine the Great (<i>Ivan A. MIROLYUBOV</i>).....	146
African hagiography in the mid-3d century as pedagogical text (<i>Alexey V. KARGALTSEV</i>).....	161

Education in a late roman senatorial family: classical canon and christian ideal (<i>Evgenia S. ZAITSEVA</i>).....	173
Philosophical education according to Plato and Plotinus (<i>Nadezhda P. VOLKOVA</i>).....	200

MENTOR SCHOOLS AND SCHOOL MENTORS IN LATE ANTIQUITY FROM THE PERSPECTIVE OF ARCHAEOLOGY, PHILOLOGY AND HISTORY OF PEDAGOGY

From white class walls to wax on tablets: image of school in Late Antique educational texts (<i>Vitaly G. BEZROGOV</i>).....	223
Reflection of the educational space of Early Christian Boiotian Thebes (4–6 AD) in the material culture (<i>Andrej Yu. MOZHAJSKY</i>).....	250
Educational policy of Theodosius II and the fate of Auditorium of Constantinople (<i>Tatyana L. ALEKSANDROVA</i>).....	278

TRANSLATIONS OF CONTEMPORARY RESEARCH PAPERS

Edward Watts and modern research in Late Antiquity education (<i>Michael A. VEDESHKIN</i>).....	301
<i>Edward WATTS</i> . Speaking, Thinking, and Socializing: Education in Late Antiquity (Trans. from English into Russian and notes by <i>Michael A. VEDESHKIN</i>).....	306
CONTRIBUTORS.....	339
CONTENTS.....	348

HYPOTHEKAI

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 3

Главный редактор
Виктория Константиновна ПИЧУГИНА

Научное издание

<http://www.hypothekai.ru/index.php/ru/arkhivy-nomerov>

Корректор *П.М. Булле*

Подписано к печати 17. 06. 2019
Формат 60х90/16

Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл. печ. л. 25. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

В оформлении обложки использован фрагмент краснофигурной вазы V–IV в. до н.э., где сова превращается в Афины (Париж), и итальянская фарфоровая статуэтка XVIII в., где Ахиллес воспитывается кентавром Хироном (Неаполь).

In the design of the cover, a fragment of a red-figured V–IV BC vase, where the owl turns into Athena (Paris), and an Italian porcelain statuette of the XVIII century, where Achilles is educated by the centaur Chiron (Naples), were used.

ISSN 2587–7127